

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

На правах рукописи

Лосеева Ирина Владимировна

**ИСТОРИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКОГО
ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА
БАШКОРТОСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX в.
ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА**

Специальность – 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор Н.А. Томилов

ОМСК-2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. История образования и заселения русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкортостана	53
1. История организации заводских предприятий на Южном Урале и образование русских сел.....	53
2. История возникновения и развития горнозаводских поселений в устных рассказах с топонимическим мотивом.....	79
Глава 2. Специфика хозяйственно-трудовой деятельности горнозаводского населения во второй половине XIX - середине XX в. по данным фольклора.....	98
1. Особенности хозяйственно-трудовой деятельности населения в период активного функционирования заводских предприятий.....	98
2. Хозяйственная деятельность населения в период остановки горнозаводского производства.....	121
3. Ремесла и промыслы в середине XX в.....	132
Глава 3. Духовная жизнь и межэтнические отношения горнозаводского населения во второй половине XIX - середине XX в. по материалам фольклора.....	144
1. Духовная жизнь в поселениях Южного Урала.....	144
2. Особенности межэтнических отношений в русских селах Башкортостана.....	184
Заключение.....	194
Список источников и литература.....	201
Список сокращений.....	235
Приложение 1. Список информантов.....	237
Приложение 2. Полевые материалы и архивные документы.....	246
Приложение 3. Иллюстрации.....	343

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время проблема сохранения самобытности каждого этноса, проживающего в России, заявила о себе достаточно четко. Активизация процессов урбанизации, индустриализации ведет к усилению роли городской культуры, а также ускоряет процесс унификации фольклорных традиций села и города. Однако рост этнического самосознания, культурной самоидентификации значительно обострил и повысил интерес к традиционной народной культуре, истории, особенностям быта того или иного этноса, потому изучение областей регионального и национального народного творчества, региональной истории и этнографии является одним из важных и перспективных направлений. Сегодня растет стремление людей осмыслить настоящее через обращение к своим корням, к истории, традициям прошлого.

История и культура народов многоэтничного уральского региона привлекает все большее внимание исследователей, специалистов в областях фольклора, этнографии, истории. Собор русских Башкортостана, проведенный по инициативе башкирского правительства в 1998 г., обратил внимание на пробелы в изучении данной проблемы. Здесь было отмечено, что русское население данного полигэтничного региона требует целенаправленного научного изучения, исследования его истории, культуры в контексте современных социокультурных процессов: «В течение XX в. не вышло ни одного фундаментального научного труда по этнологии и культурологии русских Башкортостана, хотя сами русские ученые остались весьма заметный след в башкироведении»¹.

Выбор русских горнозаводских поселений Южного Урала, образованных во второй половине XVIII в., не явился случайным для исследования: он обоснован историей края. Южный Урал несет общерусские традиции, сохранившиеся в изучаемом регионе в инокультурном окружении.

¹ Правительственная речь на открытии Конгресса Собора русских Башкортостана (1998) заместителя Председателя Законодательной Палаты Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан В. Пчелинцева. // доступ через: http://www.hronos.km.ru/text/2006/ayu04_06.html_/.

Согласно результатам всероссийской переписи населения 2002 г., славянское и тюркское население Башкортостана «находится в устойчивом демографическом равновесии»²: русские составляют 36,4 % всего населения республики, башкиры и татары – 54%.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью описания и осмыслиения специфических этноисторических процессов, происходящих в социуме в его конкретных географических границах.

Русское горнозаводское население Белорецкого района не являлось предметом специального этнографического исследования – изучалась в основном история образования заводов на обозначенной территории, описывалась их техническая характеристика. Немалое внимание исследователи уделяли характеристике данных предприятий и их владельцев, а конкретно горнозаводское население региона, история его формирования, занятия, быт, особенности культурной жизни этносоциальной группы русских в подобных работах не рассматривались.

Русские переселенцы на Урал принесли со своей родины накопленные навыки и собственные культурные традиции, в том числе и фольклор, которые здесь подверглись влиянию различных факторов: локальных природно-климатических и экономических условий, контактов с автохтонным населением региона. Подобные изменения коснулись всех сторон жизни людей. Процессы взаимодействия, как и другие процессы, проникшие в быт и духовную культуру переселенцев, отмечены определенным разнообразием: во-первых, в силу небольшого периода совместного существования, во-вторых, из-за пестроты состава этих традиций и их неравнозначности. Со временем происходило языковое и культурное сближение разных групп переселенцев; на основе этого формировался этнокультурный облик русского населения южноуральского региона.

² Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в многоэтничном регионе): Автореф. дис... д-ра фил. наук. – Уфа, 2007. – С. 5.

Фонды центральных и местных архивов (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, Государственный архив Оренбургской области, Городской архив Магнитогорска Челябинской области) содержат неисчерпаемые материалы, однако до сих пор они остаются недостаточно изученными. Хранение архивных фондов по региону оставляют желать лучшего - часть материалов бесследно уничтожена по причине пожаров, часть фондов затерялась в процессе работы с ними. Работа автора диссертации с архивными документами показала, что в них практически отсутствует этнокультурная информация – здесь, как правило, содержатся материалы исторического, статистико-демографического характера, дающие информацию о численном и половозрастном составе жителей обозначенных селений.

В процессе многолетних фольклорно-этнографических экспедиций в русские селения Белорецкого района Башкортостана был собран богатый традиционный фольклорный, историко-этнографический материал, до настоящего времени активно бытующий в памяти местного населения. К сожалению, неисследованным остается огромный пласт традиционной культуры и социальной действительности, а из реальной жизни и памяти людей старшего поколения бесследно исчезают многие явления культуры и быта, необходимые для элементарного знания, понимания и дальнейшего осмысливания исторического прошлого русских исследуемого региона.

Устные свидетельства, воспоминания, предания прочно живут в народной памяти и существуют в процессе передачи межпоколенного опыта. В воспоминаниях широко освещается этнокультурная информация, которая разносторонне отражает эмпирический жизненный опыт.

В настоящем исследовании впервые ставится задача комплексного изучения на региональном уровне фольклорно-этнографических материалов, а также письменных опубликованных и архивных источников. Подобный подход позволил на основе фольклора исследовать историю русских горнозаводских поселений Южного Урала, выявить динамику и факторы

культурных изменений, а также определить особенности взаимодействия и взаимовлияния культурных, социальных и этнических процессов. Изучение истории образования и заселения сел, а также рассмотрение социокультурных явлений и этнических процессов в среде переселенцев ведет к пониманию современных процессов в уральском регионе и российском обществе в целом.

Несмотря на важность рассмотрения и разрешения обозначенных вопросов, до настоящего времени ощущается недостаток исследований в рамках отдельных регионов России, в частности, Южного Урала. Заявленная тема не являлась предметом отдельного научного исследования, что определяет актуальность диссертационной работы. В связи со сказанным необходимо введение в научный оборот новых материалов и исследований по данной проблеме.

Объектом исследования является русское заводское население Белорецкого района Башкортостана южноуральского региона (Верхний Авзян, Инзер, Кага, Ломовка, Нижний Авзян, Тирлян, Узян).

Предметом исследования являются процессы образования заводских сел, формирования населения в данном регионе в его специфике, основные направления культурных изменений и межэтнические отношения.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX - середины XX в. Вторая половина XIX в. - время становления заводского производства на территории Белорецкого района, период активного функционирования заводских предприятий, формирования здесь этносоциальной группы русских, горнозаводских рабочих, на основе крестьян-переселенцев из разных областей России. К середине XX в. большинство заводов сворачивают производство и закрываются. Вокруг бывших предприятий образуются поселки, давшие начало современным русским селениям.

Территориальные рамки работы определены в естественных географических границах Южного Урала и охватывают современный

Белорецкий район Республики Башкортостан (территория Тамьяно-Катайского кантона). С 1744 г. - это Верхнеуральского уезд Оренбургской губернии, в период с 1775 по 1797 гг. – Оренбургский уезд Уфимского наместничества, с 1865 г. – Уфимская губерния. С 1991 г. Башкирская Советская Социалистическая Республика получила наименование «Республика Башкортостан», хотя хороним «Башкирия», общепринятый до начала XX в., сохраняется в литературе наряду с новым «Башкортостан».

Степень изученности темы. Образование горнозаводского населения как этносоциальной группы русских было связано в первую очередь со становлением Урала как крупнейшего промышленного центра России, ведущей базы горно-металлургического производства. Данная группа складывалась на основе крестьянской среды при непосредственном влиянии системы горных заводов. Однако русскому горнозаводскому населению Южного Урала не посвящено ни одного крупного этнографического исследования. Этот факт является серьезным основанием для более внимательного отношения к феномену горнозаводского населения.

В процессе исследовательской работы возникла необходимость обращения к научной литературе по трем основным направлениям: история уральской, в частности, южноуральской горно-металлургической промышленности (проблема освоения Башкирии, Урала русскими); история изучения фольклора русского заводского населения Урала; а также исследования по этнографии населения горнозаводского Урала. С определенной долей осторожности мы отнеслись к тем региональным исследованиям, которые не имеют ссылок и четких указаний на архивные данные и материалы, полученные в ходе экспедиционных исследований.

Вопрос о заселении Южного Урала подвергался обсуждению в русской дореволюционной и частично советской исторической литературе. Основные исследования по истории переселений на Южный Урал описывают правительенную и дворянскую колонизацию, потому главная роль в заселении Южного Урала в этих работах отводилась высшим чиновникам,

власти, дворянству, частично казачеству, но не русскому крестьянству. В этом духе написаны работы В.Н. Витевского³, П.И. Рычкова⁴. Крестьянская колонизация Урала как одна из форм переселенческого процесса в работах этих авторов не рассматривалась.

Проблему освоения и дальнейшего заселения Башкирии и Урала русские исследователи связывали со становлением уральской горной промышленности. С момента начала строительства горных заводов появляются первые труды об уральской промышленности. Авторами работ были организаторы промышленности, государственные чиновники, члены академических экспедиций 60-70-х гг. XVIII в., местные краеведы и представители дворянства (В.И. Геннин⁵, И. Герман⁶, П.И. Рычков⁷ и др.). Работы этих авторов содержат визуальное описание заводов Оренбургской губернии середины XVIII в., а также дают подробную характеристику климатических и географических особенностей края.

В ходе академических экспедиций 60-70-х гг. XVIII в. на территории Башкортостана с участием И.И. Лепехина⁸, П.С. Палласа⁹, П.И. Рычкова¹⁰, И.П. Фалька¹¹ и др. были собраны этнографические сведения о башкирах и припущенниках на их землях. Однако в работах организаторов и участников обозначенных экспедиций отсутствует какая-либо информация о заводском населении, об их трудовой, бытовой и культурной жизни.

³ Витевский В.Н. И.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань, 1891. – Вып. 3. – 371 с.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 312 с.; Он же. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. – 295 с.

⁵ Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов (1735 г.). – М., 1937. – 612 с.

⁶ Герман И. Продолжение описания заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих // Технологический журнал. – СПб., 1807. – Т. 4. Ч. 4. – С. 22-26.

⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии; Он же. История Оренбургская...

⁸ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1795. – Ч. 1. – 532 с.; Он же. Путешествия от Санкт-Петербурга до Симбирска // Полное собрание ученых путешественников, издаваемое Академией Наук. – СПб., 1823. – Т. 3. – 298 с.

⁹ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук. – СПб., 1786. – Кн. 1-2. – 241 с.

¹⁰ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии; Он же. История Оренбургская...

¹¹ Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб. – 1824. – Т. 6. Ч 3. – 446 с.

Основу в изучении истории и колонизации Южного Урала в 30-50-е гг. XVIII в. заложил П.И. Рычков. Его работы - «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии»¹² - это своеобразная энциклопедия по истории заселения русскими крестьянами территорий Южного Урала. «Топография Оренбургской губернии» состоит из двух частей. В первой части подробно описана история образования города Оренбурга и одноименной губернии в 1744 г., показано административно-территориальное деление Оренбургской губернии, дана подробная характеристика народов, проживающих на Южном Урале. В обозначенной работе П.И. Рычкова представлены сведения о деятельности Оренбургской («Славной») комиссии, первых русских укреплениях на Оренбургской линии, местных башкирах и их восстаниях, жизни первых поселенцев, торговли и промышленности, а также политических и экономических связях с народами Южного Урала, Средней Азии и Казахстана.

Большой вклад в изучение проблемы освоения заселения Урала внесли историки-краеведы Казани, Москвы, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Уфы, занимающиеся вопросами истории народов Южного Урала и Поволжья (И. Жуковский¹³, В.А. Новиков¹⁴, Д.Н. Соколов¹⁵, Я.В. Ханыков¹⁶, В.М. Черемшанский¹⁷ и др.). В первой половине XIX в. появились труды по истории края, в которых впервые были опубликованы статистические данные и архивные материалы. Такие труды носили преимущественно исторический, топографический, географический и статистический характер. В них содержалось довольно мало информации о местных заводах, однако был размещен разнообразный фактический материал о численности, этническом

¹² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии; Он же. История Оренбургская...

¹³ Жуковский И.П. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных с 1246 по 1832 год чиновником, состоящим при оренбургском военном губернаторе по особым поручениям. – СПб., 1832. – С. 5-28; Он же. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. – Уфа, 1880. – 103 с.

¹⁴ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. – Уфа, 1879. – С. 30-35.

¹⁵ Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. – М., 1916. – 100 с.

¹⁶ Ханыков Я.В. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. - Т. 5. Ч. 2. Отд. 2. – 412 с.

¹⁷ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Изд-во иждевен. Учен. ком. мин-ва гос. имуществ 1859. - 472 с.

составе населения и природных ресурсах края. Несомненным достоинством таких работ явилось введение в научный оборот материалов из фондов местных архивов и устного народного творчества.

Так, И.П. Жуковский первым из историков попытался хронологически показать историю Оренбургского края с 1246 по 1832 гг. В 1832 г. в Санкт-Петербурге вышла его работа «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246-1832 гг.»¹⁸, в которой особое внимание этот автор уделил правительственной колонизации края, указал на строительство отдельных городов и крепостей на Южном Урале. В 1880 г. этот труд был переиздан в Уфе с некоторыми поправками и дополнениями под названием «Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии»¹⁹. В данной работе содержатся подробные исторические сведения о горных заводах Южного Урала, расположенных на территории современного Белорецкого района Республики Башкортостан.

В 1837 г. Иосиф Дебу²⁰ составил топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии по разделам: география края, промышленность, сельское хозяйство, крепости и города и так далее. В работе он рассмотрел вопрос о характере переселений и переселенцах в Оренбургский край, а также численном составе оренбургских казаков. Труд И.Л. Дебу носит описательный характер, однако события изложены довольно кратко и фрагментарно.

В 1848 г. вышли «Статистические очерки России» К.И. Арсеньева²¹, где представлены ценные сведения по статистике, топографии, географии, сельскому хозяйству, животноводству Южного Урала. Кроме того, в работе приведены данные о народонаселении Оренбургской губернии в 1745, 1766,

¹⁸ Жуковский И.П. Краткое обозрение... – С. 5-28.

¹⁹ Жуковский И.П. Краткое географическое и статистическое описание....

²⁰ Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии: Сочинения тайного советника Иосифа Дебу. – М.: Изд-е И. Дебу, 1837. – 234 с.; Он же. Нижнетагильские заводы во второй половине XIX в. // Нижнетагильский край в панораме веков. – Нижний Тагил, 2001. – С. 145-150.

²¹ Арсеньев К.И. Статистические очерки России. – М., 1848. – 629 с.

1782, 1846 гг. Белорецкий горный округ довольно кратко освещен в ряде работ в 90-е гг. XIX в.²²

Обобщающий труд В.М. Черемшанского²³ был написан на основе работ Я.В. Ханыкова²⁴, И.Ф. Штуценберга²⁵. В нем использован более широкий круг источников и статистических материалов первой половины XIX в.²⁶ Путем подробного логического изложения материала В.М. Черемшанский попытался проследить историю Оренбургского края в хозяйственном, промышленном и этнографическом отношениях. В данной работе был опубликован интересный и разнообразный материал по сельскому хозяйству, промышленности и торговле Оренбургской губернии в середине XIX в., дана информация о применении наемного труда, способах пользования землей, крестьянских повинностях, а также представлены подробные сведения о народонаселении губернии (русские, башкиры, татары, чуваши, мордва и др.).

Интерес ученых к проблеме освоения и заселения Южного Урала активизировался в 60-70-е гг. XIX в. На данном этапе следует отметить исследования В.П. Безобразова²⁷, В.Д. Белова²⁸, А.А. Волскова²⁹, а также «Очерк колонизации Башкирского края» В.А. Новикова³⁰ и его более поздние работы³¹. Ценность и значимость очерка В.А. Новикова состоит в том, что он был составлен на основе архивных материалов. В работе автор указывает на притеснения башкир со стороны царского правительства, результатом которых явились башкирские восстания XVII – начала XVIII в. История

²² Краткий очерк Белорецкого горного округа Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. – М., 1896. - С. 24-26.

²³ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии...

²⁴ Ханыков Я.В. Географическое обозрение...

²⁵ Штуценберг И.Ф. Статистическое описание Оренбургской губернии с Уральской Оренбургской линией. – Сине: Изд. А. Штуценберга, 1857. – 70 с.

²⁶ О картографических и географических трудах Я.В. Ханыкова // Географические известия, 1850. – Вып. 2. – С. 302-303.

²⁷ Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. – СПб., 1869. – 373 с.

²⁸ Белов В.Д. Об уральских казенных горных заводах. – СПб., 1894. – 82 с.

²⁹ Волсков А.А. Описание заводов Южного Урала – важнейший исторический документ // Из истории заводов и фабрик Урала: Сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. - 122 с.

³⁰ Новиков В.А. Очерк колонизации Башкирского края. – Уфа, 1870. – 388 с.

³¹ Новиков В.А. Сборник материалов... – С. 30-35.

русской колонизации с древнейших времен до XX в. представлена в работе М.К. Любавского³².

В 1889-1897 гг. в Казани вышла монография В.Н. Витевского «И.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года»³³. В ней даны наиболее полные сведения по истории правительственной колонизации Оренбургской губернии до XIX в., особое внимание уделено деятельности самого И.Н. Неплюева. Монография состоит из четырех томов по десять глав в каждом, а также отдельного тома приложений и дополнений к тексту (копии указов, грамоты, библиография письменных и печатных источников, включая статьи и книги, используемые автором).

Экономист, статистик А.А. Кауфман в 1905 г. опубликовал труд «К вопросу о заселении государственных земель в Оренбургской губернии»³⁴. Эта работа явилась результатом посещения им Оренбургской губернии в начале XX в., потому она насыщена очень ценными статистическими данными. В труде А.А. Кауфман рассматривал ряд важных проблем по истории крестьянской колонизации и решению аграрного вопроса: старожильчество и арендаторство, возникновение сельскохозяйственного пролетариата и кулачества, роль башкирских казенных в процессе колонизации. Исследуя вопросы переселенческого движения, ученый заметно расширил источниковую базу, применил аналитические методы разработки массовых статистических сведений.

Таким образом, история уральской металлургии получила освещение в трудах отечественных и зарубежных ученых. В ряде работ рассматривались отдельные аспекты истории горной промышленности Южного Урала, изучались в основном технические и социально-экономические проблемы горнозаводского хозяйства Урала. В многочисленных трудах по истории горнозаводской промышленности России и Урала разбросаны сведения о

³² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. – М.: Изд-во Московского Университета, 1996. – 682 с.

³³ Витевский В.Н. И.Н. Неплюев и Оренбургский край...

³⁴ Кауфман А.А. К вопросу о заселении государственных земель в Оренбургской губернии. – СПб., 1905. – 318 с.

строительстве горных заводов на башкирских землях и их дальнейшей судьбе. Однако до настоящего времени специалисты не обращали должного внимания на историю формирования заводской промышленности на территории отдельных ареалов Урала. Все обозначенные выше исследователи работали над вопросами истории крестьянской колонизации Южного Урала до XIX в. Исключение составляет лишь работа В.М. Черемшанского³⁵, которая касается географии, экономического развития и населения Оренбургской губернии в первой половине XIX в.

Ряд монографических работ по истории металлургии в России и на Урале вышел в 30-е гг. XX в., когда в различных сборниках были опубликованы материалы архивов Москвы и Ленинграда. Особый интерес в этом отношении представляют работы Н.Б. Бакланова³⁶, Д.А. Кашинцева³⁷, П.Г. Любомирова³⁸, Л.К. Хоцянова³⁹. Так, в середине 30-х гг. XX в. вышла монография Н.Б. Бакланова «Техника металлургического производства XVIII в. на Урале»⁴⁰, в которой автор показал, что техническая сторона металлургического производства на Урале напрямую зависела и определялась спецификой природно-географической среды. В исследовании Д.А. Кашинцева «История металлургии Урала»⁴¹ рассматривается история уральской металлургии до конца XVIII в. Основная часть работы автора посвящена периоду второй половины XVIII в., на который пришлось время бурного развития горнозаводского строительства на Урале. Используя в основном опубликованные источники, Д.А. Кашинцев привел подробные данные по техническому состоянию, рабочим кадрам, организации заводских

³⁵ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии....

³⁶ Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. – М.; Л., 1937. – 320 с.

³⁷ Кашинцев Д.А. Горнозаводская история и современное состояние Белорецкого района // За индустриализацию Советского Востока. – М., 1932. - № 3. – С. 9-17; Он же. История металлургии Урала. – М.; Л., 1939. – Т 1. – 193 с.

³⁸ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности в XVII - начале XIX вв.: организационная структура промышленных предприятий. - Л., 1930. – 199 с.

³⁹ Хоцянов Л.К. Санитарно-бытовой очерк Белорецкого района БАССР // За индустриализацию Советского Востока. – М., 1932. - № 3. – С. 65.

⁴⁰ Бакланов Н. Техника металлургического производства...

⁴¹ Кашинцев Д.А. История металлургии Урала.

работ, транспортировке и сбыту продукции на отдельных уральских предприятиях.

Существенную работу по изучению истории горных заводов, построенных на башкирских землях, проделали историки и краеведы Башкортостана. Новое направление в изучении темы освоения и дальнейшего заселения Южного Урала возникло в 50-60-е гг. XX в., когда оформился научный подход к данной проблеме, что в дальнейшем дало толчок к более широкой и детальной разработке вопроса. Так, например, «Очерки по истории Башкирской АССР»⁴² в научном подходе к изучению русской крестьянской колонизации Южного Урала заметно отличаются от работ 20-30-х гг. того же века. На основе известных материалов в работе показаны процессы горнозаводского строительства в крае и колонизации башкирских земель под заводские предприятия. Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР» говорили о взаимосвязи и взаимодополнении двух направлений колонизационного процесса: правительственного и крестьянского, хотя ведущее значение отводили второму.

Последователями данного направления в изучении темы стали историки И.В. Дегтярев⁴³, А.А. Кондрашенков⁴⁴, Ю.М. Тарасов⁴⁵, Г.А. Турбин⁴⁶. Так, А.А. Кондрашенков в работе «Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв.»⁴⁷ подробно изучил причины переселенческой активности и процессы формирования пришлого русского крестьянства. Он говорил о значимости земледелия для переселенных на Урал крестьян и большой роли промысловых занятий и ремесел в крестьянских семьях.

⁴² Очерки по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А.П. Смирнова. – Уфа: Башкнигаиздат, 1956. - Т. 1. Ч 1. – 689 с.

⁴³ Дегтярев И.В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс: Начальный период // Краеведческие записки. – Челябинск, 1969. – Вып. II. – 186 с.

⁴⁴ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. – Челябинск: Южноуральское книж. изд-во, 1969. – С. 22-41.

⁴⁵ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

⁴⁶ Турбин Г.А. К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII – первой половине XVIII в. // Сб. ст. по краеведению истории географии. – Челябинск, 1963. – С. 29-35.

⁴⁷ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья...

В послевоенные годы возобновился интерес к изучению истории уральской металлургии: были изданы труды уральского историка В.Я. Кривоногова⁴⁸, С.Г. Струмилина⁴⁹ и др. Известный экономист, академик С.Г.Струмилин внёс значительный вклад в исследование истории горной металлургии. Его монография представляет собой труд, основанный на привлечении обширного фактического материала. В монографии Б.Б. Кафенгауза⁵⁰ на материалах архивных документов подробно описаны демидовские заводы.

Не менее значимый вклад в изучение вопроса внесли П.А. Вагина⁵¹, исследовавшая процесс формирования рабочих кадров на заводах региона, Н.И. Павленко⁵², занимавшийся историей горнозаводской промышленности Южного Урала. Многочисленные работы по вопросам социально-экономического и правового положения, а также по классовой борьбе заводских крестьян Урала в XVIII в. выходят в 50-90-е гг. прошлого века (В.И. Калюжный⁵³, А.С. Орлов⁵⁴, А.А. Преображенский⁵⁵, А.С. Черкасова⁵⁶ и др.⁵⁷).

⁴⁸ Кривоногов В.Я. Наёмный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. – Свердловск, 1959. – 176 с.

⁴⁹ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. – М.: Изд-во АН СССР. – Т 1. – 535 с.

⁵⁰ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 524 с.

⁵¹ Вагина П.А. Заводы Южного Урала в 50-60 гг. XVIII в.: Дис.... канд. ист. наук / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1950. - С. 107-121.; Она же. Волнения на Урале в середине XVIII века. – М., 1979. – 253 с.

⁵² Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. – М.: Наука, 1962. – С. 14-82.

⁵³ Калюжный В.И. Состав и положение горнозаводских рабочих Урала в третьей четверти XVIII в. // Из истории заводов и фабрик Урала: Сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. - Вып. 2. – 247 с.

⁵⁴ Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. – М.: Изд-во Московского Университета, 1979. – 235 с.

⁵⁵ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. – М., 1972. – 392 с.

⁵⁶ Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке / Отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1985. – 247 с.; Она же. Записка Никиты Акинфиевича Демидова о правительственные мерах, необходимых для улучшения заводского дела (1763 г.) // Организация производства и труда в металлургической промышленности Урала XVIII – XX в. – Свердловск, 1990. – С. 3-18.

⁵⁷ Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII– VIII вв.). - Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1987. - 272 с.; Он же. Социально-экономическое развитие Южного Урала в XVIII в.: методические указания. – Челябинск: ЧелГУ, 1987. - 33 с.; Урал в Гражданской войне / Отв. ред. О.А. Васьковский. – Свердловск: Свердловское изд-во Уральского университета, 1939. – 336 с.; Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921-1926 гг.). – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 156 с.

Особый вклад в изучение данного вопроса внесли уральские историки (серия «Вопросы истории Урала»⁵⁸, « Из истории заводов и фабрик Урала»⁵⁹, второй том «История Урала с древнейших времен до 1861 г.»⁶⁰, «Уральский археографический ежегодник»⁶¹ и др.⁶².).

В 90-е гг. ХХ в. возобновился интерес исследователей к архивным материалам, краеведению. Очень заметный вклад в изучение вопроса внесли местные краеведы, исследования и опубликованные работы которых позволили сохранить очень ценную информацию по истории горнозаводских предприятий уральского региона. Подобные публикации несомненно заслуживают особого внимания, поскольку имеют ссылки на архивные источники и реальные исторические документы. Так, например, Г.Ф. Гудков, З.И. Гудкова⁶³ систематизировали и обобщили известные факты из истории горных заводов, построенных на территории Оренбургской губернии. Привлекая широкий круг архивных материалов, авторы основательно описали судьбу заводов, расположенных на территории Белорецкого района Башкортостана.

Следует также отметить работы А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана»⁶⁴, в которых описана история нерусских деревень Башкирии, а также русских поселений Белорецкого района. Труды написаны

⁵⁸ Вопросы истории Урала: Сб. ст. по истории промышленности и аграрных отношений на Урале. – Свердловск, 1965. – Вып 6. – 159 с.

⁵⁹ Из истории заводов и фабрик Урала: Сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. - Вып. 2. – 247 с.

⁶⁰ История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 608 с

⁶¹ Уральский археографический ежегодник. – Пермь, 1974. – 143 с.

⁶² Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. - Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1981. - 78 с.; Он же. Башкирия в составе российского государства в XVII – первой половине XVIII в.– Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. - 156 с.; Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: Ур ОАН СССР, 1990. – 148 с.; Загребин С.С. Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929-1941 гг. – Челябинск, 1994. – 285 с.; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с.; История Урала с древнейших времен до конца XIX в. / Под. ред. Б.В. Личмана. – Екатеринбург: Св-96, 1998. – 448 с.; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. – Свердловск: Свердловское обл. изд-во, 1936. – 292 с.; Социально-экономическое развитие Южного Урала в XVIII в.: методические указания. – Челябинск: ЧелГУ, 1987. - 33 с.; Шашков А. Т. История Урала с древнейших времен до конца XVIII века: Учеб. пособ. / Сост.: А.Т. Шашков, Д.А. Редин. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 128 с.

⁶³ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX вв. Историко-краеведческие очерки. – Уфа: Китап, 1985. - Ч. 1. – 424 с.; Уфа: Китап, 1993. - Ч. 2. – 480 с.

⁶⁴ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР. Справочная книга: В 3 кн. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. - Кн. 1. - 208 с.; Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. - Кн. 2. - 192 с.; Уфа: Китап, 1993.- Кн. 3. - 208 с.

на основе опубликованных работ Г.Ф. Гудкова, З.И. Гудковой⁶⁵, «Материалов по истории Башкирской АССР»⁶⁶ и др.

История формирования горнозаводской промышленности в пределах исторической территории Башкортостана на основе неопубликованных и опубликованных источников впервые более подробно была рассмотрена в монографии Н.М. Кулбахтина⁶⁷.

История изучения фольклора горнозаводских рабочих Урала своими истоками восходит к середине XVIII в. Еще с 60-х гг. XIX в. поэзия и творчество рабочих привлекали внимание отдельных исследователей, однако в особый раздел фольклористики на данном этапе не выносились. Художественная значимость рабочего фольклора отрицалась официальной дореволюционной наукой (В.О. Михневич⁶⁸, Д.И. Успенский⁶⁹ и др.), потому он оказался вне круга интересов науки. Лишь в конце 20-х гг. XX в. рабочий фольклор начал изучаться в качестве проблемы, имеющей особое научное значение. Изучалось в основном песенное творчество русских рабочих дореформенной и послереформенной поры⁷⁰. Однако уже с этого времени началась научная разработка данной проблемы, наметились перспективы создания специальных трудов о локальной специфике бытующих до наших дней традиционных жанров устной прозы горнозаводских рабочих различных географических регионов России (сборники В.П. Бирюкова⁷¹, Е.М. Блиновой⁷², А.В. Гуревича⁷³, А.А. Мисюрева⁷⁴ и др.⁷⁵).

⁶⁵ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч.

⁶⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания XVIII – первой половины XIX вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - Т. 1. – 631 с.; Материалы по истории Башкирской АССР. – М.; Л., 1949. – Т. 3. - 580 с.; Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1956. - Т. 4. Ч. 2. – 612 с.; Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1958. – Т. 5. - 720 с.

⁶⁷ Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность Башкортостана в XVIII в. – Уфа: Китап, 2000. – 280 с.

⁶⁸ Михневич В.О. Извращение народного песнетворчества // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – СПб., 1880. – Т. 3. – С. 749-780.

⁶⁹ Успенский Д.И. Фабричная поэзия // Книжки недели: Ежемесячный литературный журнал. – СПб., 1895, сентябрь. – С. 5-16.

⁷⁰ Алексеева О.Б. Устная поэзия русских рабочих. – Л.: Наука, 1971. – 182 с.

⁷¹ Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале. – Свердловск, 1936. – 365 с.; Он же. Уральская копилка. – Свердловск: Свердловское книж. изд-во, 1969. – 299 с.

⁷² Сказы, песни, частушки / Под ред. Е.М. Блиновой. – Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1937. – 289 с.; Тайные сказы рабочих Урала / Сост. Е.М. Блинова. – М.: Сов. писатель, 1941. – 221 с.

⁷³ Гуревич А.В. Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. – Иркутск, 1940. – 132 с.

⁷⁴ Мисюрев А.А. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. – Новосибирск, 1940. – 232 с.

Работа по сбору и изучению жанра устного рассказа начала проводиться с 20-30-х гг. XX в. На данном этапе анализировалась в основном тематика устной прозы. В 30-е гг. запись устных рассказов на Урале постепенно приобрела систематический характер. Так, Ю.М. Соколов⁷⁶ говорил о важности собирания устных рассказов, поскольку они представляют собой важный «документ эпохи, который раскрывает изменения в психологии и мировоззрении народа»⁷⁷. Разрабатывались теоретические вопросы, касающиеся методики записи текстов, причем исследователи выступали против их литературной обработки⁷⁸. В 30-40-е гг. XX в. активную собирательскую деятельность вели В.П. Бирюков, Е.М. Блинова, опубликовавшие на основе этого ряда сборников⁷⁹.

Одна из первых к изучению русского фольклора на территории Башкирии обратилась Н.П. Колпакова. В 1938 г. объединенная экспедиция Ленинградского государственного университета и Башкирского филиала АН СССР под ее руководством исследовала песенный и прозаический фольклор Белорецкого и Баймакского районов Башкортостана. В конце 1940-х гг. под руководством Э.В. Померанцевой была организована еще одна экспедиция в Башкирию, в ходе которой были обследованы Караидельский, Покровский, Благовещенский, Кигинский, Салаватский, Дуванский районы. Кафедра фольклора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы им. М. Гафури под руководством Э.В. Померанцевой в 1947, 1949 гг. организовали фольклорные экспедиции на территорию Башкирии, результатом которых явилась запись нескольких тысяч текстов

⁷⁵ Башкирское народное творчество: предания и легенды. – Уфа, 1987. - Т. 2. – 572 с.

⁷⁶ Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Гос. уч. пед. изд-е, 1941. – 512 с.

⁷⁷ Ярневский И.З. Устный рассказ как жанр фольклора. – Улан-Удэ: Бурятское книж. изд-во, 1969. - С.48.

⁷⁸ Гуревич А.В. Указ. соч.

⁷⁹ Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале; Сказы, песни, частушки; Тайные сказы рабочих Урала.

песен русских, башкир, татар, а также появление ряда работ теоретического характера⁸⁰.

Заметно возобновилась работа по собиранию русского фольклора вообще и устной прозы в частности в 60-70-е гг. XX в. Проведенная работа – заслуга сотрудников Института истории, языка и литературы, а также Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, преподавателей и студентов Башкирского государственного университета под руководством Л.И. Брянцевой, Б.Г. Ахметшина, Л.Г. Барага, Челябинского государственного университета под руководством А.И. Лазарева, Стерлитамакского государственного педагогического университета под руководством И.Е. Карпухина и др. В результате проведенной собирательной работы ученые выпустили ряд периодических сборников материалов⁸¹ и теоретических работ по вопросам систематизации и изучения фольклорных произведений несказочной прозы.

По мнению большинства обозначенных выше ученых, исследуемые поселения Башкирии обнаруживают заметные отличия в особенностях традиционной культуры, что связано, в первую очередь, со спецификой и временем их заселения. Так, согласно историко-этнографической классификации уфимского исследователя Л.И. Брянцевой, селения Белорецкого района представляют собой особый тип крестьянских сел, возникших в 60-90-е гг. XVIII в. на основе медеплавильных и железоделательных заводов⁸². Она отмечает высокую степень сохранности и устойчивости «фольклорной традиции и песенных жанров»⁸³ в селах Белорецкого района по сравнению с селами других типов. В исследованиях

⁸⁰ Колпакова Н.П. У золотых рудников. Записки фольклориста. – Л.: Наука, 1975. – 200 с.; Померанцева Э.В. Русское народное творчество в Башкирии. - Уфа: Башкнигоиздат, 1957. – 225 с.; Она же. О русском фольклоре. – М.: Наука, 1977. – 120 с.

⁸¹ Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. – Уфа: Китап, 2001. - 288 с; Бараг Л.Г. Пугачевские предания, записанные в горнозаводских районах Башкирии // Устная поэзия рабочих России. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 231-252.; Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост. В.П. Кругляшова – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1991. – 287 с.; Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1972. – 310 с.

⁸² Брянцева Л.И. Русская песенная традиция в современном Башкортостане // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник – Уфа: БашГУ, 1995. – С. 35.

⁸³ Там же. - С. 36.

по русской свадьбе в Башкортостане И.Е. Карпухин говорит об оазисном «расположении русского населения в горных и лесных районах» республики, где «наблюдается процесс консервации своей культуры и определенного невосприятия иноязычного фольклора»⁸⁴.

Уфимский исследователь Б.Г. Ахметшин в работе «Горнозаводской фольклор Урала и Башкортостана»⁸⁵ отмечает: «Фольклор как особая сфера духовной жизни и специфическая форма отражения действительности обладает огромными возможностями, служит источником познания художественных, философских, социальных и исторических воззрений народа, несет отголоски его миросозерцания с самых отдаленных времен до наших дней». Он дает подробную характеристику истории изучения фольклора горнозаводского Урала, анализирует жанровые особенности несказочной прозы, предлагает собственную тематическую классификацию устных рассказов, собранных на территории Башкортостана. Исследование написано на основе неопубликованного материала, зафиксированного на территории Южного Урала, в частности Башкирии и Челябинской области. Основную часть монографии автора составила реалистическая несказочная проза (в основном, предания и устные рассказы), «превосходно сохранившаяся и не утратившая своей поэтичности»⁸⁶. Б.Г. Ахметшин указал на малоизученные особенности взаимодействия несказочной прозы русских и башкирских горных рабочих Урала. Рассматривая современное состояние традиций несказочной прозы горнозаводского Башкортостана и Южного Урала, ученый говорил о недостаточности этнографического изучения рабочего фольклора Урала, в связи с чем «становится очевидной задача интенсивного накопления фактических текстов на местах»⁸⁷.

⁸⁴ Карпухин И.Е. Русская свадьба в Башкортостане в ее этнических взаимосвязях // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник – Уфа: БашГУ, 1995. – С. 92.

⁸⁵ Ахметшин Б.Г. Указ. соч. - С. 8.

⁸⁶ Там же. - С. 30.

⁸⁷ Там же. - С. 17.

Исследователь из Челябинска А.И. Лазарев в работе «Поэтическая летопись заводов Урала»⁸⁸ рассматривал вопросы образования горных заводов, заселения уральских земель и дальнейшей судьбы различных групп переселенцев. В ней в хронологическом порядке описаны основные миграционные волны на Урал, обозначены их направления, а также дана подробная характеристика горнозаводской системы и состава рабочих кадров. Автор отмечал: «горнозаводские округа заселялись пришлым населением, главным образом в XVIII – первой половине XIX веков..., что способствовало выработке здесь устойчивых культурно-бытовых традиций, восходящих к указанному времени»⁸⁹. В обозначенном исследовании описаны бытовая (повседневная, праздничная) и хозяйственно-трудовая стороны жизни горнозаводского населения Урала, а также представлена характеристика фольклорного репертуара рабочих горных заводов.

В 60-70-е гг. XX в. направленная экспедиционная работа в русских селах Белорецкого района проводилась под руководством преподавателя Магнитогорского педагогического института В.А. Сенкевича. Богатейший фольклорный материал, записанный на магнитофонную ленту⁹⁰, его обработка, словарь диалектных слов⁹¹, а также рукописи научных трудов этого автора⁹², исследовательские работы студентов⁹³, преподавателя переданы в Городской архив Магнитогорска Челябинской области⁹⁴, где они хранятся на сегодняшний день. Аудиозаписи фонда дают подробную информацию о старых заводских селениях Южного Урала (Верхний Авзян, Инзер, Кага, Лапышта, Нижний Авзян, Узян), специфике заводских работ, сплавах заводской продукции и леса по местным рекам, ремеслах и промыслах. Особое место в личном архиве В.А. Сенкевича занимают

⁸⁸ Лазарев А.И. Поэтическая летопись...

⁸⁹ Там же. - С. 10-11.

⁹⁰ ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 15-20.

⁹¹ Там же. Ф. 463. Оп. 1. Д. 10, 14, 33.

⁹² Там же. Ф. 463. Оп. 1. Д. 8, 28, 39.

⁹³ ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 2.

⁹⁴ Там же. Ф. 463. Оп. 1-2. - Личный фонд к.ф.н. Сенкевича Всеволода Антоновича (1909-1983).

фольклорные записи, которые характеризуют социокультурные процессы в селениях Белорецкого района в конце XIX – начале XX в.

С 1993 г. собирательская и исследовательская работа на территории Башкирии ведется сотрудниками Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (ЛНК МаГУ) под руководством доктора филологических наук, профессора Т.И. Рожковой. Архив ЛНК составили рукописные фонды экспедиционных записей, а также видео-, аудиозаписи, фонд фотоматериалов, фольклорно-этнографическая коллекция, а также полевые записи автора диссертации, полученные в процессе самостоятельных долгосрочных и краткосрочных командировок. Собранный и систематизированный материал на сегодняшний день нашел отражение в трех научных публикациях⁹⁵. На региональном материале написана и защищена диссертация по теме «Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии»⁹⁶.

Невелик объем работ **этнографического** характера по Южному Уралу. Начиная с 40-х гг. XIX в. исследование и описание «русского характера» и «русской души» становится одной из самых актуальных проблем. В этот период в рамках общероссийского проекта Русского Географического Общества начинается исследование быта, нравов, обычаяев, психологии рабочих горнозаводского Урала. Несомненный интерес для современных исследователей представляют собранные уральскими корреспондентами, писателями⁹⁷ этнографические данные, касающиеся самых разных сторон жизни и быта горнозаводского населения.

⁹⁵ Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: Сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: ПМП «Мини-Тип», 2000. – 140 с.; Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сб. материалов фольклорных экспедиций ЛНК / Сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. – Магнитогорск: МАГУ, 2003. – 307 с.; Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: Сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МАГУ, 2008. – Вып. 3. – 191 с.

⁹⁶ Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: Автореф. дис... канд. фил. наук. – Челябинск, 2006. – 19 с.

⁹⁷ Бажов П.П. Уральские были. Собрание сочинений: В 3 т. – М., 1986. – Т. 3. – С. 3-74.; Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. – Казань, 1967. – Вып. 2. - С. 108-127; Даль В.И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя / Сост. А.Г. Прокофьева и др. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002. – 479 с.

Со второй половины XIX в. краеведческая работа ведется вокруг Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В его записях публикуются материал по рабочему фольклору и практически не встречаются описания быта уральских рабочих и их психологические характеристики.

В XX в. выходит ряд работ монографического характера, в которых рассматривается горнозаводское население как особое этносоциальное образование⁹⁸. Так, в монографии историка из Магнитогорска Ю.Д. Коробкова «Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX в.)»⁹⁹ дан подробный социodemографический портрет уральского рабочего на рубеже XIX – XX вв., показаны особенности его повседневной жизни и психологии. В процессе исследования автор привлек различные источники: этнографические описания из архива Географического общества, материалы уральских корреспондентов, фольклорные произведения и т.д. В работах А.Г. Томилова¹⁰⁰ рассматривается социально-профессиональный состав различных категорий горнозаводского населения уральских заводов по материалам штатных записей XVIII в., характеризуется специфика металлургических промыслов крестьянского населения Урала.

Ученый из Челябинска Н.Н. Алеврас¹⁰¹ рассматривает горнозаводских рабочих как составную часть горнозаводского населения – особой группы, созданной государством для обслуживания уральской металлургии. Как справедливо отмечает исследователь, психология этносоциальной группы

⁹⁸ Кучумов И.В. Русское горнозаводское население Южного Урала XIX – начала XX вв.: историко-этнографическое исследование: Автореф. дис ... канд. ист. наук. – Уфа, 1997. – 21 с.

⁹⁹ Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. – М.: Слово, 2003. – 310 с.

¹⁰⁰ Томилов А.Г. Социально-профессиональный состав мастерских и работных людей на первых уральских заводах по штатным спискам 1723 г. // Уральские археографические чтения: Тез. докл. науч. конф. – Свердловск, 1989. – С. 11-13; Он же. К истории формирования приписной деревни Урала в нач. XVIII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. – Екатеринбург, 1992. – С. 31-39; Он же. Металлургические промыслы уральского крестьянства в горнозаводской промышленности в начале XVIII в. // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. – Екатеринбург, 1992. – С. 144-149.

¹⁰¹ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. – Челябинск, 1996. – 212 с.

определялась, с одной стороны, традициями крестьянской среды, с другой стороны, порядками горноокружной системы.

В связи с повышением интереса исследователей к региональной истории, культуре, этнографии со второй половины XX в. начинается этнографическое изучение рабочего фольклора. В работах С.В. Голиковой, Н.А. Миненко, И.В. Побережникова и др.¹⁰² рассматриваются такие проявления рабочей повседневности, как быт, обычаи, одежда, пища, дом, утварь. В фундаментальном труде В.Ю. Крупнянской, Н.С. Полищук «Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в.»¹⁰³ предпринят опыт цельно-системного и обобщенно-комплексного анализа фольклорного репертуара рабочих Урала в связи с их производственным и семейным бытом, материальной и духовной культурой.

Интерес к истории, этнографии и фольклору русского горнозаводского населения Урала активизировался в настоящее время. Появился ряд работ историко-этнографического характера, в которых описываются славянские, тюркские, финно-угорские языковые группы народов, проживающие на территории Башкортостана¹⁰⁴. Потребность к изучению архивных материалов, к собирательской работе появляется не только у историков, фольклористов и этнографов, но и у школьных учителей, краеведов. Результатом этого стало ежегодное проведение научно-практических семинаров, круглых столов, конференций в стенах южноуральских вузов,

¹⁰² Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII-XIX вв.: демографические процессы и традиции. – Екатеринбург, 2001 – 196 с.; Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречия XVIII – первая половина XIX в.– М.: Наука, 2000. – 258 с.; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVII – начале XX в. / Ред. Е.Ю. Апкаимова Н.А. Минаенко, И.В. Побережников. – М.: Наука, 2003. - 381 с.

¹⁰³ Крупнянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1971. – 288 с.

¹⁰⁴ Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: История и культура. – Магнитогорск: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», 2000. – 500 с.; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 342 с.; Культура народов Южного Урала: Традиции, быт, образ жизни / Ред.: И.Ф. Галигузов, Л.В. Неретина. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. - 116 с.: ил.; Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки – второе изд., доп. и перераб. – Уфа: Гилем, 2002. – 504 с.; Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: Учеб. пособ. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002. – 296 с.; Он же. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: Историко-этнографический атлас. – Екатеринбург: ИД «Сократ» , 2003. – 128 с.

школ, библиотек, а также публикации и исследования регионального характера по различным направлениям и темам¹⁰⁵.

Преподаватель, журналист, краевед А. Иванов¹⁰⁶ в результате компиляции широко известных фактов дал подробную характеристику системы горных заводов на Урале, обозначил сеть образованных предприятий как «горнозаводская цивилизация»: «Горнозаводскую цивилизацию» по заслугам отделяют от общероссийского контекста, потому что здесь были свои владыки и свои законы, свои деньги и своя стража, свои категории населения и свой смысл жизни¹⁰⁷. Автор работы обоснованно назвал десять основных признаков такой «цивилизации»: многоукладность землевладения, тотальная милитаризация, масштабная протекция государства, крепостная зависимость основной массы работников, высокая степень капитализации в отношениях с профессионалами, пригородный тип сельского хозяйства, включенность в природные циклы, прудовая вода и древесный уголь как главные энергоносители, внеэкономическая взаимозависимость заводов, «железные караваны» как главный способ транспортировки продукции.

В целом, анализ литературы позволил заметить, что общероссийские научные работы и теоретические разработки не имеют достойной надежной базы в виде региональных исследований. Конкретный географический ареал, в который входят изучаемые русские горнозаводские селения, остается

¹⁰⁵ Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. – Уфа, 1999. – 480 с.; Загребин С.С. Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929-1941 гг. – Челябинск, 1994. – 285 с.; Коробков Ю.Д. Проблема жизни и смерти в представлениях рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX века) // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. О.В. Геффнер, М.А. Жигунова, Н.А. Томилов. – Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2006. – С. 314-316; Крупнянская В.Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в. // Советская этнография. – 1953. - № 1. – С. 64-87; Культура и быт дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. - 172 с.; Непеин И.Г. Ясное зрелище уральских заводов: Исторические этюды к 300-летию отечественной металлургии. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. - 247 с.; Потерпеева А.И., Четин В.Е. Революция и трудовая летопись южно-уральского края: Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала 1682-1918 гг. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1980. – 413 с.; Сборник материалов и архивных документов по истории края за период с 1744 по 1924 год. – Миасс, 2006. - 345 с.; Человек пришел на Урал: Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях / Редкол.: Т.К Гуськова и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации; Сократ, 1998. – 158 с.;

¹⁰⁶ Иванов А. Messag: Чусовая. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 480 с.

¹⁰⁷ Там же. - С. 233.

малоизученным. Заметным пробелом в истории отечественной науки является фактическое отсутствие работ по этнографии русского заводского населения южноуральского округа, богатого своими историко-культурными традициями. Требующий исторического изучения, фольклор является для нас важнейшим историко-этнографическим источником. Отсюда необходимость постановки и исследования заявленной темы.

Из вышесказанного определяется **цель** нашей работы – анализ процессов образования русских заводских селений Белорецкого района, формирования населения в данном регионе в его специфике, основных направлений культурных изменений, а также межэтнических отношений русских со второй половины XIX до середины XX в. по данным фольклора.

Основная цель определяет постановку и решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть вопрос истории образования заводских поселений по данным опубликованных источников и архивных материалов, выявить и обозначить региональные особенности в процессах освоения территории и формирования населения на материале устных рассказов с топонимическим мотивом;
- 2) проанализировать хозяйственно-трудовую жизнь горнозаводского населения в период функционирования заводов, обозначить динамику основных изменений в хозяйственной деятельности русских на период остановки заводского производства, описать ремесла и промыслы в середине XX в.;
- 3) рассмотреть особенности духовной жизни, выявить специфику межэтнических отношений русских в обозначенных селениях.

Источником для написания диссертации послужил комплекс неопубликованных и опубликованных документов. Основным и наиболее информативным источником являются полевые записи, собранные в процессе экспедиционных фольклорно-этнографических исследований, а также письменные архивные документы и ряд опубликованных материалов.

Поскольку историографический анализ позволяет говорить о неизученности многих вопросов этнографии горнозаводского населения Белорецкого района, основным источником для работы послужил «живой» **материал экспедиционных исследований** Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Полевые материалы экспедиционных выездов, предпринятых в регион с 1991 г., дополнены собственными исследованиями автора диссертации (1999, 2001, 2002, 2004-2008 гг.) и хранятся в архиве ЛНК МаГУ. Фонд включает блок текстовых полевых записей, их обработку, блок аудио и видеозаписей, а также фотографии, ксерокопии с подробными комментариями к ним.

Материал собирался по разработанным автором программам и вопросникам. Методика полевых исследований базировалась на наблюдении и тематическом опросе, которые проводились как в сезон экспедиционных выездов в летний и зимний периоды (15-20 дней), так и во время краткосрочных выездов (1-3 дня) в течение года. В каждом населенном пункте были проведены повторные экспедиции с временными интервалами в 3-5 лет, что дало возможность уточнить и дополнить программы и вопросы, а также проследить динамику происходящих процессов внутри отдельных селений и между ними в частности. Погруженность в повседневную хозяйственную и бытовую сферу деятельности местных жителей позволили автору диссертации «изнутри» взглянуть на многие процессы. Большая часть необходимой информации была получена в процессе общения с рядовыми жителями русских сел Белорецкого района, а также с представителями местной интеллигенции: учителями и директорами сельских школ, руководителями домов культуры, сотрудниками музеев.

Записанный материал уточнялся, проверялся путем многократных сравнений и повторов, что также дало возможность включить в опросные листы ряд дополнительных вопросов, проследить и зафиксировать характер изменений. В ходе работы обязательно записывалась «паспортные данные» - подробная информация о каждом информанте, включающая год рождения,

место жительства, место рождения родителей, дедушек, бабушек, причина и год переезда (для категории неместных), образование (Приложение 1).

Основная категория опрошенных – жители старшего поколения (1905, 1908, 1920 гг. рождения), давшие в процессе вспоминания разнообразные сведения из жизни родителей и поселений (вторая половина XIX в.). Старожилы сел обладают особым «взглядом изнутри»; воспоминания о событиях прошлого из семейной и коллективной сельской жизни оформляются ими в традициях устных жанров. Материалы экспедиций содержат значительный объем устных рассказов об историческом прошлом края, достаточное количество преданий и единичное число легенд, помогающих восполнить отсутствующую архивную и документальную информацию по истории и этнографии региона (Приложение 2).

Ценность и значимость для исследования представляют полевые материалы профессора Магнитогорского государственного педагогического института Всеволода Антоновича Сенкевича, личный фонд которого хранится в Городском архиве Магнитогорска Челябинской области. Начиная с 60-х гг. XX в., в течение двадцати лет В.А. Сенкевич занимался исследованием и изучением говоров Южного Урала на территории Белорецкого района Башкортостана. В процессе диалектологических экспедиций в регион сбор информации проводился с целью дальнейшего изучения диалектных особенностей речи местных жителей, потому профессором В.А. Сенкевичем был зафиксирован материал широкого тематического блока. Из опрошенных информантов исследователя – жители 60-70-х гг. XX в. (старейшие из них: урожденные Нижнего Авзяна - Лампейя Степановна Зайцева, 1868 года рождения, Яков Андрианович Миронов, 1888 года рождения; урожденные Верхнего Авзяна - Иван Кузьмич Ермилов, 1881 года рождения, Анна Гавриловна Куропаткина, 1883 года рождения; урожденные Каги - Илларион Андреевич Уральский, 1883 года рождения, Ульяна Арсентьевна Быкова, 1894 года рождения, Иван Васильевич Чернаткин, 1898 года рождения, и др.).

Интерес представляет альбом В.А. Сенкевича, в который вошли рисунки и изображения бытовых предметов жителей села Нижний Авзян¹⁰⁸. Зарисовки выполнены автором и группой его студентов во время экспедиции 1960 г. Здесь представлены различные материальные объекты: от мельчайших предметов и подробностей народного быта (мялка, стан, плетенка, бук и др.) до наиболее крупных – наглядные изображения общего вида дома, плана дома, русской печи, общего вида двора, ворот (Приложение 3, рис. 1). При сборе материала автор обращает особое внимание на форму и назначение предмета, материал, из которого он изготовлен, а также другие характеристики и параметры, учитывает местную терминологию. Каждый рисунок имеет подробный комментарий (названия всех составляющих реалий, цель и место использования предмета), причем представлен он в оригинальном виде – непосредственно так, как был записан от информанта. Сохранены особенности устной речи, для чего сам текст комментария дан в транскрипции.

Богатейший материал по этнографии, истории и фольклору русских сел региона, записанный В.А. Сенкевичем, подтверждают экспедиции более поздних лет (90-е гг. XX – начало XXI в.), проведенные Лабораторией народной культуры Магнитогорского государственного университета.

В научный оборот также вводятся неопубликованные **архивные** материалы по истории русских заводских поселений Южного Урала.

В административном отношении территория Южного Урала представляет единое целое с 1744 г., со времени образования Оренбургской губернии. С 1706 г. обозначенные территории входили в состав образованной Уфимской провинции и находились под управлением уфимских воевод. С 1775 по 1797 гг., в связи с упразднением провинций, территория Белорецкого района находилась в составе Уфимского наместничества. Таким образом, в процессе исследования возникла необходимость изучения фондов нескольких архивов (ГАОО, ЦГИА РБ и местных областных архивов).

¹⁰⁸ ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 46.

В процессе работы в архивах был получен материал по истории образования заводских предприятий на территории Белорецкого района, их функционированию с подробными техническими характеристиками, а также очень ценный блок информации, касающийся бытовой и культурной жизни местного населения. Значимыми для автора диссертации стали документы, давшие сведения о храмах, церквях и молельных домах в русских селениях региона, управляющих местными заводами и их взаимоотношениях с заводскими рабочими, а также характере отношений русских с другими этносами (Источники и литература).

Другая группа источников представлена различными **публикациями** в краеведческих изданиях, периодической печати. Информативный материал был получен при изучении автобиографических дневниковых записей. Из них отметим оригинальный «Дневник» М.С. Ребелинского (1792-1801 гг.)¹⁰⁹ и публикации дневников под редакцией П. Юдина (1802-1812 гг.)¹¹⁰, где помещена переписка автора с Иваном Евдокимовичем Демидовым, управляющим Кагинским и Авзяно-Петровскими заводами. В дневнике размещен интереснейший материал о культурной жизни местных жителей, их быте, праздниках, верованиях. Воспоминания известного уфимского врача Дмитрия Ивановича Татаринова¹¹¹ (1877-1956 гг.) (Приложение 3, фото 1), детство которого прошло на Кагинском заводе Оренбургской губернии, содержат этнографические сведения о быте и культурной жизни заводского населения, старообрядцах на заводе, а также не менее ценные для исследования яркие зарисовки быта не только русского, но и башкирского крестьянства.

Интересный, полезный материал был получен благодаря появлению в районе юбилейных изданий, выпуску газетных статей и прочих печатных

¹⁰⁹ Михаил Семенович Ребелинский – с 1768 г. секретарь Оренбургского гражданского суда в Уфе. В течение двадцати лет (1792-1812) вел дневниковые записи, в которых сохранилась бурная дружеская переписка автора с управляющим Кагинскими заводами Иваном Евдокимовичем Демидовым (1792-1793 гг.).

¹¹⁰ Ребелинский М.С. Дневник. – Уфа, 1792-1801. – Ч. I. – 212 с.; Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского // Русский архив. - 1897. - Кн. 3. - С. 464-482; 1898. - Кн. 9. - С. 52-72.

¹¹¹ Татаринов Д.И. Воспоминания // Башкирский край: Сб. ст. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея, 1992. – Вып. 2. – С. 4-39; Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1993. - Вып. 3. – С. 3-14.

публикаций по истории края. Богатый газетный фонд был изучен автором исследования в процессе работы в архивах, а также в ходе экспедиционных выездов при работе в местных библиотеках (Источники и литература). Печатные издания дали интересный материал по местным праздникам и другим значимым датам, истории церквей, жизни и деятельности старожилов региона.

Внимания заслуживает сборник опубликованных документальных материалов «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII – XIX в.»¹¹². В него вошли два оригинальных документа: «Генеральное описание I о монетных дворах, литейных и всех горных заводах», составленное Бергколлегией в 1797 г., и «Описание II заводов хребта Уральского», выполненное пермским Берг-инспектором П.Е. Томиловым в 1807-1809 гг. Объехав горнозаводские округа Урала, он составил подробное описание уральских заводов (в том числе Верхне-Авзянопетровского, Кагинского, Нижне-Авзянопетровского, Узянского), уделив внимание их истории, рассмотрел природные условия районов расположения горных заводов, показал хозяйственную деятельность местного населения. Помимо этого, в документе дана характеристика состава заводских рабочих кадров по степени их квалификации, приведены некоторые сведения о наличии на предприятиях наемных рабочих. Сведения о горных заводах включают также подробную информацию о размещении обозначенных предприятий, местожительстве приписных крестьян.

В опубликованных «Материалах по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале»¹¹³, ревизор землеустройства М.Б. Струве подробно характеризует заводы Верхнеуральского уезда с точки зрения прав местного населения на пользование сенокосами и пашенными угодьями. Он дает информацию о количестве дворов и приписных к заводам работников. В документе показан

¹¹² Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: Сб. док. материалов. / Вед. ред. А.Г. Козлов. – Свердловск, 1956. – 298 с.

¹¹³ Материалы по землепользованию горнозаводского населения горных частных заводов на Урале. Отчет по командировке Ревизора Землеустройства М.Б. Струве. – СПб., 1908. – 230 с.

характер земельных отношений в частных горных округах, а также рассматриваются возможные варианты земельного обеспечения населения в случае сокращения или закрытия заводских работ.

В диссертационной работе характер и специфика социокультурных процессов горнозаводского населения Южного Урала прослеживается на основе устных рассказов-воспоминаний как одного из наиболее информативных и частотных по степени бытования жанров фольклора. С целью обоснования специфики привлечения фольклорных материалов в исследовании возникла необходимость обращения к работам, посвященным теоретическим вопросам в области несказочной прозы. Дефиниции выбранных жанров предания, легенды, устного рассказа даны в трудах отечественных фольклористов (В.П. Аникин¹¹⁴, А.Н. Афанасьев¹¹⁵, Н.А. Криничная¹¹⁶, В.П. Кругляшова¹¹⁷, В.Я. Пропп¹¹⁸, В.К. Соколова¹¹⁹, К.В. Чистов¹²⁰ и др.). Особо следует отметить периодические сборники материалов и работы региональных исследователей Б.Г. Ахметшина¹²¹, Л.Г. Барага¹²², В.П. Кругляшовой¹²³, А.И. Лазарева¹²⁴.

Живая память о событиях и лицах прошлого содержится в таких жанрах устной прозы, как предание, легенда, бывальщина, устный рассказ,

¹¹⁴ Аникин В.П. Русское устное народное творчество: Учеб. – М.: Высш. шк, 2001. – 726 с.

¹¹⁵ Афанасьев А.Н. Русские народные легенды / Предисл. сост. и comment. В.С. Кузнецовой. – Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние АН СССР, 1990. – 266 с.

¹¹⁶ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. - Л.: Наука; Ленингр. отд-ние АН СССР, 1987. – 325 с.

¹¹⁷ Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора: учебное пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1964. – 168 с.; Она же. Топонимические предания Среднего Урала // Материалы и исследования по фольклору Башкортостана и Урала. – Уфа: БашГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 225.; Она же. Фольклорная традиция и ее судьбы в современном русском фольклоре Уральского промышленного региона // Современный русский фольклор промышленного региона: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 104 с.

¹¹⁸ Пропп В.Я. Поэтика фольклора; Он же. Фольклор. Литература. История.

¹¹⁹ Соколова В.К. Русские исторические предания. – М., 1970. – 245 с.; Она же. К специфике рабочих преданий // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 108 с.

¹²⁰ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. – М.: Наука, 1967. – 128 с.; О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.: Наука, 1968. – С. 318-335.

¹²¹ Ахметшин Б.Г. Указ. соч.

¹²² Бараг Л.Г. Пугачевские предания...

¹²³ Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы...

¹²⁴ Лазарев А.И. Поэтическая летопись...; Он же. Творческие процессы в современном фольклоре // Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 29-35.

представляющие собой «память поколений, усвоенную у предков»¹²⁵. По утверждению многих исследователей, однозначно отнести фольклорные рассказы к какому-либо известному жанру устной несказочной прозы представляется довольно сложным. Как отмечает Б.Г. Ахметшин, распространенные и бытующие до настоящего времени в народной среде устные рассказы «отчасти относятся к художественному фольклору, отчасти являются «полуфольклорными» или вовсе лишены элементов художественности»¹²⁶.

На сегодняшний день отсутствуют теоретически обоснованные определения жанров предания, легенды и устного рассказа, что связано, очевидно, с отсутствием четких критериев границ несказочной прозы¹²⁷. Основной причиной этому является «сложность их дифференциации, обусловленная общностью целевой установки и социально-бытового назначения, близость способов отражения действительности и сходство в манере повествования и стиле изложения»¹²⁸. Ученые предлагают рассматривать некоторые устно-поэтические образования как своеобразные «жанровые единства, совмещающие в себе черты граничащих, но все же различных видов фольклорной прозы: предание – устный рассказ, предание – легенда, сказ – сказка, предание – сказ»¹²⁹. Омский исследователь И.К. Феоктистова предлагает «всю область народной прозы, противопоставленную сказкам, обоснованно называть народной мифологической прозой, поэтому жанровую дифференциацию... следует проводить, учитывая различия в функциях, системе персонажей и по ряду других признаков»¹³⁰.

¹²⁵ Аникин В.П. Русское устное народное творчество. - С. 271.

¹²⁶ Ахметшин Б.Г. Указ. соч. – С.17.

¹²⁷ Вопросы жанров русского фольклора: Сб. ст. / Под ред. проф. Н.И. Кравцова. – М.: МГУ, 1972. – 111 с.

¹²⁸ Аникин В.П. Русское устное народное творчество.

¹²⁹ Голованов И.А. Предания и легенды Южного Урала: историко-типологический анализ // Третьи Лазаревские чтения. Традиционная культура сегодня: теория и практика / Гл. ред. проф. В.А. Михнюкевич. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. – Ч. 1. – С. 39; Грибанова О.Д. Время в структурной организации преданий // Та же. – С. 45-50.

¹³⁰ Феоктистова И.К. К вопросу о жанровой дифференциации русских преданий и легенд // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 173.

Особое внимание привлекает устный рассказ, сказ, народный рассказ как произведение несказочной фольклорной прозы. Среди ученых нет единства и четкости в определении данного жанра: одна группа исследователей выделяет устный рассказ в отдельный жанр несказочной прозы¹³¹, другая группа утверждает необходимость употребления термина «сказ»¹³², третья группа рассматривает идентичные термины «сказ» и «устный рассказ»¹³³.

Под устным рассказом будем понимать «повествование о конкретных лицах и о реальных исторических событиях с установкой на общеинтересность, познавательность и эстетическую ценность»¹³⁴. Это «очень слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель их»¹³⁵. В отличие от других жанров несказочной прозы, устные рассказы оперативны, довольно быстро откликаются на те или иные события. Они обладают простым сюжетом, повествование начинается с предельно конкретного описания событий, потому в таких текстах часто отсутствуют экспозиция и эпилог. Поскольку рассказчик не только информирует слушателя, но и заинтересовывает его (чаще посредством интриги), мы вправе говорить о наличии художественного элемента в рассказе. Однако, как отмечает В.К. Соколова, «важнее было что передать, а не как рассказать. Нужно было довести самый факт и его смысл»¹³⁶.

¹³¹ Азбелев С.Н. Современные устные рассказы // Русский фольклор. Т. 9. - М.; Л., 1964.; С. 67-74; Гусев В.Е. Эстетика фольклора. - Л., 1967. – 319 с.; Уральский фольклор / Под ред. М.Г. Китайник. – Свердловск, 1949. – 236 с.; Ярневский И.З. Указ. соч.

¹³² Акимова Т.М. Сказы и песни о Чапаеве. – Саратов: Саратовское книжное издательство, 1957. – 148 с.; Она же. Семинарий по народному поэтическому творчеству. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1959. – Т. 1. – 193 с.; Чичеров В.И. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890-1907) // Русское поэтическое творчество. – М., 1953. – С. 151-195; Он же. Русское народное творчество. Курс лекций. – М.: Просвещение, 1969. – 298 с.

¹³³ Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале; Соколов Ю.М. Указ. соч.; Чистов К.В. О сюжетном состав...; Он же. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М.: Наука, 1967. – 128 с.

¹³⁴ Ярневский И.З. Указ. соч. - С. 135.

¹³⁵ Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. Учеб. пособ. для филолог. специальностей ун-тов. – М.: Высш. школа, 1977. – 236 с.

¹³⁶ Соколова В.К. Русские исторические предания. - С. 200.

М.Р. Соловьева отмечает, что публицистический рассказ как наиболее оперативный жанр образно воплощает социальный механизм воспроизведения традиционной материальной и духовной культуры этноса, отражает «болевые» точки современности. «Художественное познание современности осуществляется в жанре устного рассказа с позиций традиционных нравственных ценностей»¹³⁷.

По мнению К.В. Чистова, сказами или устными рассказами-воспоминаниями можно назвать рассказы о недавнем прошлом и том, что продолжает свое существование без участия каких-либо сверхъестественных сил и персонажей. В системе устных рассказов он предлагает разграничивать мемораты – рассказы от первого лица, фабулаты – все другие рассказы¹³⁸.

В.Н. Морохин говорит об «устности бытования и коллективности процесса создания» фольклорного произведения как о его важных признаках, которые подтверждают, что устный рассказ – «полноценный фольклорный жанр, а не промежуточное явление, находящееся за пределами устнопоэтического творчества»¹³⁹. Пользуясь терминологией классификации К.В. Сидова, ученый утверждает, что обширную группу устных рассказов составляют «мемораты и хроникальные сообщения» людей о событиях из собственной жизни, а также разнообразные «припоминания, изложенные в форме утверждения», которые не используют художественных средств, создающих своеобразную фабулу¹⁴⁰. Исследователь В.Е. Гусев говорит об устном рассказе как автономном жанре устной художественной прозы. По его мнению, фольклорные произведения представляют собой фабульные и сюжетные повествования, «которые преломились и оформились в воображении рассказчика, приобретя элементы художественного вымысла и

¹³⁷ Соловьева М.Р. Образное воплощение соционормативной культуры традиционной общности в современных устных рассказах русских старожилов Восточной Сибири // Народная культура Сибири: Материалы X научно-практического семинара сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 288.

¹³⁸ Морохин В.Н. Указ. соч. - С 22.

¹³⁹ Там же. - С. 234.

¹⁴⁰ Там же. - С 235-236.

образное выражение»¹⁴¹. Рассказы-воспоминания и повествования-хроники нефабульного типа он называет устной народной публицистикой или мемуаристикой.

Т.К. Щеглова отмечает, что «наиболее полным источником, адекватно отображающим историю «изнутри» на ее нижних этажах, является устный рассказ ее участников»¹⁴². При наличии обширной терминологии ученый относит устные исторические источники к группе «источников личного происхождения», обосновывая это тем, что источником информации в них является память рассказчика. Такие источники зачастую соотносят с разновидностями мемуаристики. Устные воспоминания - «особая категория источников, которые существуют до тех пор, пока жив человек – носитель памяти об исторических событиях»¹⁴³.

Рассматривая проблему жанрового пространства фольклора, Т.Б. Дианова называет в качестве основных специфических свойств фольклорного текста «устную природу и хранение в коллективной памяти», а также способность к «свертыванию до уровня одного языкового элемента и расширению»¹⁴⁴. Нarrативы, которые классифицируют как «устный рассказ», она называет текстами, которые звучат в ответ на просьбу интервьюера вспомнить и рассказать о каких-либо событиях из личной жизни¹⁴⁵.

В наше время, в связи с распространением звукозаписывающей техники, на основе устных свидетельств появляется другой вид источников – записи воспоминаний-интервью. Такие тексты представляют собой письменный вариант бытования устной традиции. По мнению О.В. Матвеева, «перевод устных текстов в письменную форму является «действенным

¹⁴¹ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. - С. 129-130.

¹⁴² Щеглова Т.К. Указ. соч. - С. 77.

¹⁴³ Там же. - С. 17.

¹⁴⁴ Дианова Т.Б. Жанровое пространство фольклора: изменение научной парадигмы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докл. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С.380.

¹⁴⁵ Там же. – С. 381.

механизмом реализации исторической картины мира»¹⁴⁶, это позволяет повысить статус текста и способствует более быстрому его распространению.

Устные рассказы обнаруживают близость с другими жанрами несказочной прозы фольклора. В предании, как и в фольклорном рассказе, повествование строится на достоверном материале, однако первому свойственны незначительные черты фантастики и гиперболизации. В отличие от устного рассказа, в преданиях описываются события давно минувших лет, потому оно не имеет живых свидетелей¹⁴⁷.

Под преданием понимается «распространенный в народе устный рассказ, направленный на объяснение прошлой истории, особенности быта, названия местности и т. д.»¹⁴⁸. Оно судит о прошлом с позиции настоящего, однако достоверность сказанного не подвергается сомнению, поскольку поддерживается высоким авторитетом старины, традицией. Передаваясь из поколения в поколение, предание принимает более «устойчивую сюжетную и художественную форму»¹⁴⁹.

В преданиях повествуется о реальных исторических событиях, достоверных исторических лицах, а также объясняется происхождение названий городов, сел, гор, рек и т.д. По тематическому принципу условно принято выделять две основные группы преданий: исторические и географические¹⁵⁰. Исторические предания рассказывают об исторических событиях и лицах прошлого; географические включают в себя топонимические предания и содержат информацию о происхождении различных географических объектов (название жилых пунктов, природных уголков местности и пр.). Часто встречаются предания, которые совмещают в себе сразу две тематические группы.

¹⁴⁶ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. – С. 4.

¹⁴⁷ Ярневский И.З. Указ. соч. - С. 106.

¹⁴⁸ Аникин В.П. Русское устное народное творчество.

¹⁴⁹ Ярневский И.З. Указ. соч. - С. 106-107.

¹⁵⁰ Аникин В.П. Русское устное народное творчество.

Ссылаясь на работы бельгийского антрополога Яна Вансина, Т.К. Щеглова относит к «устным сообщениям» сведения об удаленных во времени событиях: они представляют собой «результат функционирования устной традиции и существуют в виде преданий»¹⁵¹. Ученый говорит об изменчивости устных сообщений при очередном пересказе в процессе передачи информации из уст в уста в течение какого-либо времени. Она видит в преданиях некоторую долю вымысла, основанного на вполне конкретных и реальных событиях. «Устные предания... не зафиксированы, их письменная история не отложилась в государственных архивах, но еще живет в народной памяти. Единственным способом спасти это культурное наследие является фиксация устных рассказов»¹⁵².

Устный рассказ обнаруживает заметные отличия и от легенды. Вслед за В.Я. Проппом, легендой будем называть рассказы, содержание которых прямо или косвенно связано с христианской религией¹⁵³. Это рассказ фантастического характера, потому события и персонажи наделяются сверхъестественной силой.

Внешне близки к жанру рассказа были, былички, бывальщины, однако они «выходят далеко за пределы объяснения или пояснения реального факта. Бывальщина – это рассказ, истинность которого удостоверяется либо рассказчиком, либо свидетельством кого-либо из его современников»¹⁵⁴. Как правило, бывальщина содержит какое-либо личное воспоминание (меморат), со временем подвергнутое изменениям или поправкам другими рассказчиками, и известное только в определенной местности. По мнению исследователей, обозначенный вид повествовательной прозы был популярен в прошлом, а тексты быличек, бывальщин, досюльщин исходили в основном из уст суеверных людей. В основе таких текстов лежат анимистические представления народа – вера в чудесное, сверхъестественное¹⁵⁵.

¹⁵¹ Щеглова Т.К. Указ. соч. - С. 33.

¹⁵² Там же. - С. 218.

¹⁵³ Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История. - С. 378.

¹⁵⁴ Аникин В.П. Русское устное народное творчество - С. 283.

¹⁵⁵ Ярневский И.З. Указ. соч. - С. 102-103.

В диссертационном исследовании устные рассказы рассматриваются как отдельный жанр фольклора, что подтверждает слова Б.Г. Ахметшина, который писал, что горнозаводской фольклор Башкортостана и Южного Урала «отличается гораздо лучшей сохранностью и записывается в относительно законченных и цельных формах и в значительном количестве сюжетов и их вариантов до наших дней»¹⁵⁶.

В региональных исследованиях было отмечено, что традиционная культура русских переселенцев Южного Урала под воздействием различных факторов приобрела локальные, местные особенности, которые представляют собой «проявления местного характера, порожденные спецификой тех историко-бытовых условий, в которых существовал и развивался фольклор»¹⁵⁷. Основываясь на данных положениях, в настоящей работе локальные явления фольклора рассматриваются как конкретные вариации общерусского, а не как следствие разделения первоначального единого целого.

Удаленность русских сел Белорецкого района от крупных промышленных центров страны, а также иное этническое окружение оказали влияние на тот факт, что традиционная культура русских Башкортостана при наличии общерусских особенностей устойчиво сохранила и региональные, самобытные черты. По словам уфимского исследователя Л.И. Брянцевой¹⁵⁸, «оторванность горнозаводского населения от основной русской этнической территории способствовала консервации фольклорных традиций, их особенной стойкости и наличию архаических черт, во многом утраченных в фольклоре центральных областей».

А.И. Лазарев¹⁵⁹ отмечает, что процесс «нивелировки» бытовых, культурных и устно-поэтических традиций на Урале был неизбежен, так как районы «гнездования» заводов на данной территории представляли собой в

¹⁵⁶ Ахметшин Б.Г. Указ. соч. – С. 19.

¹⁵⁷ Аникин В.П. Общерусское и локальное творчество в фольклоре (к общей постановке проблемы) // Фольклорные традиции современного села: Сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 11.

¹⁵⁸ Брянцева Л.И. Русская песенная традиция в современном Башкортостане. – С. 35-36.

¹⁵⁹ Лазарев А.И. Указ. соч.

эпохи феодализма слаженный нераздельный организм»¹⁶⁰. В рамках сравнительно замкнутой местности на Урале оказывались выходцы из самых разных уголков страны. Ценным является замечание автора о «полукрестьянском состоянии» уральских рабочих даже в пореформенный период, что отразилось на экономике края, а также определило «материальный и бытовой уклад населения заводских поселков»¹⁶¹. Специфика местного промышленного производства в свою очередь оказала влияние и на духовную культуру местного населения.

Д.А. Кашинцев в статье «Горнозаводская история и современное состояние современного Белорецкого района»¹⁶² рассматривает группу горнозаводских поселков Белорецкого района Башкортостана с точки зрения «двустороннего промыслово-крестьянского хозяйственного строя жизни»¹⁶³. После закрытия большинства заводов, «целый район рабочих поселков превращается в кустарно-сельскохозяйственный район»¹⁶⁴. Он отмечает, что уже в первой половине XX в. основными занятиями бывшего горнозаводского населения становятся лесозаготовки, дровозаготовки, углежжение.

Методологическую основу работы составили труды Б.Г. Ахметшина¹⁶⁵, И.С. Вдовина¹⁶⁶, А. Ван Геннепа¹⁶⁷, К. Гирца¹⁶⁸, Д.А. Кашинцева¹⁶⁹, А.И. Лазарева¹⁷⁰, В.Я. Проппа¹⁷¹, Б.Н. Путилова¹⁷², А.Г.

¹⁶⁰ Там же. - С. 10.

¹⁶¹ Там же. - С. 13.

¹⁶² Кашинцев Д.А. Горнозаводская история... - С. 9-17.

¹⁶³ Там же. - С. 17.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Ахметшин Б.Г. Указ. соч.

¹⁶⁶ Вдовин И.С. Фольклор как историко-этнографический источник // Духовная культура народов Сибири / Ред. В.Б. Богомолов, Р.Ф. Итс и др. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 3-17.

¹⁶⁷ Геннеп А., ван. Обряды перехода. – М.: Восточная литература РАН, 1993. – 198 с.

¹⁶⁸ Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. О.В. Барсуковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

¹⁶⁹ Кашинцев Д.А. Горнозаводская история...

¹⁷⁰ Лазарев А.И. Поэтическая летопись...; Он же. Творческие процессы в современном фольклоре // Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 29-35.

¹⁷¹ Пропп В.Я. Поэтика фольклора / Составление, предисловие и комментарии А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.; Он же. Фольклор. Литература. История / Составление, научная редакция, комментарии, библиографический указатель В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 464 с. – (Серия «Собрание трудов В.Я. Проппа»).

¹⁷² Путилов Б.Н. Основные аспекты связей фольклора с традиционно-бытовой культурой // Советская этнография. – 1975. - № 2. - С. 3-4; Он же. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. –

Селезнева¹⁷³, Н.А. Томилова¹⁷⁴. Характер диссертации определил предложенные авторами этих работ принципы и методы, на которые была сделана опора при раскрытии обозначенной темы.

Основным источником диссертационного исследования является фольклор. По мнению специалистов в области культуры, этнографии, фольклора, именно в фольклоре находится разгадка многих явлений культуры. Необходимость широкого привлечения фольклора для изучения исторического и культурного развития народа обосновывают многие этнографы, историки, фольклористы (И.С. Вдовин¹⁷⁵, К. Гирц¹⁷⁶, В.Я. Пропп¹⁷⁷, Б.Н. Путилов¹⁷⁸ и др.¹⁷⁹). Единство этнографии и фольклора подтверждают исследования Э.Б. Тайлора¹⁸⁰, Дж. Дж. Фрезера¹⁸¹, Б. Малиновского¹⁸² и др.

В.Я. Пропп¹⁸³ отмечает, что без привлечения фольклорных материалов не может обходиться ни одна гуманитарная наука, потому проблема использования фольклора в качестве историко-этнографического источника не является дискуссионной. Исследователь замечает, что «фольклору чужд

Л.: Наука, 1976. – 243 с.; Он же. Фольклор и народная культура. – СПб.: РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2003. – 457 с.

¹⁷³ Селезнев А.Г. Или-или: проблема соотношения традиционной и этнической культуры // История и культура Сибири: Материалы юбилейной научной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН / Под. ред. А.Г. Селезнева, Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 140-153; Он же. Культурология традиционных сообществ: к выделению научной субдисциплины // Культурологические исследования Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО «Издательский дом «Наука». - 2004. – № 1 (12). – С. 123-134.

¹⁷⁴ Томилов Н.А. Народная культура: к проблеме дифференциации и интеграции традиционных и бытовых сфер // Народная культура Сибири: Материалы IX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 12-15; Он же. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.) / Отв. ред. Ф.Ф. Болонев. – Омск: Издательство Омского педагогического университета, 2001. – 198 с.

¹⁷⁵ Вдовин И.С. Фольклор как историко-этнографический источник.

¹⁷⁶ Гирц К. Указ. соч.

¹⁷⁷ Пропп В.Я. Поэтика фольклора; Он же. Фольклор. Литература. История.

¹⁷⁸ Путилов Б.Н. Основные аспекты связей фольклора...; Он же. Методология сравнительно-исторического изучения...; Он же. Фольклор и народная культура; Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор: Сб. ст. / Под ред. Б.Н. Путилова. – Л.: Наука, 1974. – 275 с.

¹⁷⁹ Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений. – Л., Наука, 1987. - Т 24. – 222 с.; Фольклор и историческая этнография / Отв. ред. Р.С. Липец – М.: Наука, 1983. – 261 с.

¹⁸⁰ Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. Д.А. Коропчевского. Предисл. и прим. А.И. Першица. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

¹⁸¹ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Пер. с англ. – М: Изд-во «АСТ», 1998. – 784 с.

¹⁸² Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.

¹⁸³ Пропп В.Я. Поэтика фольклора.

описательный, иллюстративный подход к этнографическому материалу»¹⁸⁴. Необходимость повторяемости фольклорных текстов с целью подтверждения информации и убежденности в высокой степени ее достоверности В.Я Пропп обосновывает тем, что «фольклорное произведение живет в постоянном движении и изменении. Поэтому, оно не может быть изучено полностью, если записано только один раз. Оно должно быть записано максимальное количество раз»¹⁸⁵. Он отмечает, что «фольклор не бытописание, ... это явление исторического порядка»¹⁸⁶, потому очень важно учитывать специфику и динамику всех изменений фольклора, который «меняется и развивается с развитием исторической жизни народа»¹⁸⁷.

По мнению Б.Н. Путилова, «всякое искусство, в том числе фольклор, восходит к исторической действительности и отражает ее и ... одна из задач исследователей состоит в том, чтобы показать это на том материале, который они изучают»¹⁸⁸. Ценным стало замечание Б.Н. Путилова об инклузивности фольклора – включенности всей фольклорной культуры в систему жизнедеятельности этноса¹⁸⁹. Б.Н. Путилов говорит об «этнографичности фольклора, пронизанности его этнографическими связями»¹⁹⁰, однако отрицает прямолинейное чтение и понимание фольклорных текстов без учета специфики и обстоятельств их исполнения.

Вслед за основателем структурного функционализма Б. Малиновским, Б.Н. Путилов обосновывает функциональный подход к явлениям культуры, утверждая, что «инклузивность фольклора получает свое наиболее широкое и многоголосое выражение в функциональных его свойствах. Функциональность – то, что делает словесный фольклор органической принадлежностью фольклорной действительности»¹⁹¹. Значимым стал

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – С. 163.

¹⁸⁶ Там же. - С. 167.

¹⁸⁷ Там же. - С. 314.

¹⁸⁸ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – С. 116, 134.

¹⁸⁹ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения... – С. 203.

¹⁹⁰ Там же. - С. 217.

¹⁹¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – С. 74.

подход исследователя, согласно которому всякий текст – это прежде всего средоточие информации¹⁹².

Не менее ценным стал подход А. ван Геннепа, который утверждает, что «этнография и фольклор – понятия неразделимые, это одна область знаний, которая призвана изучать жизнь коллектива, выявляя пережиточное состояние традиций, но не отрицая и включение в них новых форм»¹⁹³.

И.С. Вдовин отмечает, что без привлечения данных фольклора невозможно исследование культуры, истории того или иного народа: «в фольклоре имеется определенная этническая принадлежность содержащихся в нем фактов. В сочетании с данными фольклора важные в своей специфике факты других дисциплин приобретают большую историческую конкретность и определенность»¹⁹⁴. Однако необходима тщательная разработка методики отбора полевых материалов, «утверждения их убедительности, исторической достоверности»¹⁹⁵. Очень часто в качестве «контрольного» источника, который подтверждает, дополняет и уточняет фольклорные материалы, выступают письменные документальные источники.

Культура этнической общности представляет собой сложную целостную структуру взаимосвязанных, взаимозависимых систем и элементов. Культура существует и в практическо-действенной форме, в форме процессов, событий, в которых отражаются и проявляются установки и ориентации различных групп населения.

Американский антрополог К. Гирц в исследовании «Интерпретация культур»¹⁹⁶ излагает семиотическую концепцию культуры, смысл которой «состоит в том, чтобы помочь нам получить доступ к концептуальному миру, в котором живут изучаемые нами люди, с тем чтобы мы могли (в широком смысле слова) вести с ними диалог»¹⁹⁷. К. Гирц предлагает рассматривать культуру не как совокупность моделей поведения, а как систему конкретных

¹⁹² Там же. - С. 83.

¹⁹³ Геннеп А., ван. Указ. соч. - С. 181.

¹⁹⁴ Вдовин И.С. Фольклор как историко-этнографический источник. – С. 4.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Гирц К. Указ. соч.

¹⁹⁷ Там же. - С. 330.

механизмов, управляющих поведением: «культура (как система взаимодействующих систем символов) – контекст, внутри которого явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы могут быть адекватно, то есть «насыщенно», описаны»¹⁹⁸. Автор полагает, что для того чтобы приблизиться к пониманию другого народа в чужой стране с иными традициями, исследователю необходимо начинать с интерпретации «того, во что вовлечены наши информанты (или интерпретации их собственных представлений о том, во что они вовлечены)»¹⁹⁹. К Гирц предлагает базировать полевое исследование на понимании культуры «изнутри», а вместо теоретических обобщений – прибегнуть к интерпретации («понимающее прочтение»)²⁰⁰. О необходимости использования интерактивного метода в устроисторической практике, предполагающего «вживление» интервьюера в изучаемую среду, говорит также исследователь Т.К. Щеглова²⁰¹.

Ученый Н.А. Томилов²⁰² отмечает, что культура – явление социальное; «она входит в социокультурную область деятельности людей, которая охватывается и практикой управления»²⁰³. Примечателен подход исследователя, который понимает под культурой не только ценности, созданные человеком, но и способы его жизнедеятельности. В связи с этим ученый предлагает пятисферный вариант структуры, предполагающий деление культуры на природно-средовую, культуру жизнеобеспечения, материальную, соционормативную и духовную сферы.

Омский исследователь А.Г. Селезнев²⁰⁴ говорит о сосуществовании двух типов культур – традиционной (народной) культуры, которая рассматривается вне связи с признаками и свойствами этничности и этнической идентификации, и этнической, «национальной» культуры,

¹⁹⁸ Там же. - С. 21.

¹⁹⁹ Там же. - С. 21-22.

²⁰⁰ Там же. - С. 29.

²⁰¹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – С. 211.

²⁰² Томилов Н.А. Народная культура...

²⁰³ Там же. - С. 12.

²⁰⁴ Селезнев А.Г. Культурология традиционных сообществ...

способом существования которой являются этносы. В качестве основных свойств традиционной культуры ученый называет территориальную и социальную замкнутость, локальность, самодостаточность, диалектность. Ценным стало замечание автора, согласно которому «уровень сохранности традиционной культуры обратно пропорционален уровню развития этнического самосознания»²⁰⁵.

Социологический подход к сущности культуры позволил проследить динамику и факторы культурных изменений, а также увидеть влияние культуры на социальные процессы и различные стороны жизни общества. Культура в данном случае представляется как система значимых символов, ценностей, идей, верований, традиций, норм и правил поведения, которые передаются из поколения в поколение и с помощью которых люди организуют свою жизнедеятельность. Вслед за К.М. Хоруженко²⁰⁶, под социокультурной ситуацией будем понимать «совокупность тенденций и контртенденций, определяющих состояние культуры данного общества на определенном этапе развития»²⁰⁷, включая факторы внутреннего развития, исторические, социальные факторы развития культуры и их динамику.

Таким образом, методология работы сложилась из совокупности методик, предложенных отечественными и зарубежными исследователями истории, культуры, этнографии, локальных фольклорных традиций (А. ван Геннеп²⁰⁸, И.С. Вдовин²⁰⁹, К. Гирц²¹⁰, Б. Малиновский²¹¹, В.Я. Пропп²¹², Б.Н. Путилов²¹³).

Основным методологическим принципом диссертации является принцип историзма, определивший рассмотрение всех социальных групп русского населения горнозаводских сел в динамике, а также позволивший

²⁰⁵ Там же. - С. 132.

²⁰⁶ Хоруженко К.М. Культурология: Структурно-логические схемы. – М.: Изд-во Владос-Пресс, 2003. - С. 336.

²⁰⁷ Там же. - С. 205.

²⁰⁸ Геннеп А., ван. Указ. соч.

²⁰⁹ Вдовин И.С. Фольклор как историко-этнографический источник.

²¹⁰ Гирц К. Указ. соч.

²¹¹ Малиновский Б. Указ. соч.

²¹² Пропп В.Я. Поэтика фольклора; Он же. Фольклор. Литература. История.

²¹³ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения...; Фольклор и народная культура.

проанализировать специфику социокультурных процессов, выявить причины и динамику изменений, произошедших в регионе со второй половины XIX до середины XX в.

Другим методологическим принципом работы является системный принцип. Согласно ему, в структуре рассматриваются все обозначенные поселения, связанные, в первую очередь, стадиями обработки металла, а также родственными и хозяйственными отношениями. Все группы населения горнозаводских сел изучаются в единой системе, описывается характер их отношений друг с другом, прослеживаются специфика социальных и культурных процессов, межэтнических отношений.

Исследование опирается на функциональный метод, разработанный Б. Малиновским, который предполагает рассмотрение культуры как целостного образования, состоящего из взаимосвязанных элементов, где каждый выполняет определенную задачу, несет свою функцию в социокультурной общности. Социальная система рассматривается как структура, состоящая из устойчивых моделей, посредством которых индивиды выстраивают отношения между собой и с окружающей средой, и действий, с помощью которых решаются социально значимые задачи. Явления культуры представляют собой своего рода текст со значимой социальной информацией, которая постоянно находится в процессе обновления. Длительность пребывания автора работы в изучаемых селах, присутствие и участие в помочах, семейных праздниках и других мероприятиях дали возможность погрузиться в праздничную, повседневную хозяйственную сферу деятельности местных жителей, проследить характер их поведения, общения, уловить специфику взаимоотношений и межэтнических взаимодействий.

Метод «насыщенного описания» К. Гирца, который предлагает рассматривать культуру как систему взаимодействующих систем символов, как «контекст, внутри которого явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы могут быть адекватно, то есть

«насыщенно» описаны»²¹⁴, также нашел применение в диссертационном исследовании. Автор говорит о необходимости установления диалога с информантами в широком смысле слова, а также способности исследователя «обнаружить «сказанное» в социальном дискурсе»²¹⁵; только в этом случае можно «получить доступ к концептуальному миру, в котором живут изучаемые нами люди»²¹⁶.

Основываясь на данных положениях, в ходе полевых исследований фольклорно-этнографический материал фиксировался очень подробно. Особое внимание в процессе общения обращалось на то, как информант реагирует на вопросы (охотно отвечает или намеренно уходит от ответа), какие эмоции выражает, что при этом делает и т.д. Учет специфики и обстоятельств диалога дали возможность взглянуть на обсуждаемую проблему с иной стороны, глазами собеседника. Принцип повторяемости фольклорных текстов подтвердил необходимую информацию, указал на ее достоверность.

Историко-этнографический характер предлагаемого исследования и системный принцип предопределили особенности привлечения разнообразных источников, основным из которых являются материалы полевых фольклорно-этнографических экспедиций. При сборе информации в качестве ведущего применялся метод беседы, биографического интервью с повторной фиксацией аудио и видеоматериалов от одних и тех же информантов, а также методы непосредственного, вызываемого наблюдения и фиксации материальных объектов, явлений соционормативной и духовной культуры. Результатом этого стало формирование богатого фонда фото, видеозаписей и аудиоматериалов.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в работе впервые осуществляется комплексное изучение локального крестьянского социума на региональном уровне. На основе устных рассказов-воспоминаний

²¹⁴ Гирц К. Указ. соч. - С. 21.

²¹⁵ Там же. - С. 37.

²¹⁶ Там же. - С. 33.

рассмотрены процессы заселения русскими территорий конкретного района Башкирии, образования металлургических предприятий и их дальнейшая судьба. В исследовании показан процесс двойной трансформации социального статуса (крестьяне - горнозаводские рабочие - крестьяне) в условиях горнозаводского производства. В научный оборот введен неопубликованный фольклорно-этнографический материал, в результате анализа которого были выявлены ведущие исторические, социальные, культурные процессы, произошедшие в изучаемом регионе в указанный исторический период.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования ее положений и выводов при составлении учебных пособий по этнографии и фольклористике, а также при разработке вузовских основных и специальных курсов. В научный оборот введен обширный оригинальный фольклорно-этнографический материал, благодаря которому получено более точное представление о культурно-исторической жизни изучаемой этнолокальной зоны. Основные положения диссертации дают ценный материал для написания монографии на соответствующую тему, а также для обобщающих трудов по этнографии горнозаводского населения Башкирии и России. Фольклорно-этнографический материал, вошедший в исследование, найдет применение при создании общеисторических и специальных работ по региональной истории и этнографии Южного Урала, истории и традиционной культуре восточнославянского населения края, а также в социокультурной практике.

Апробация полученных результатов. Основные положения диссертации были представлены в форме докладов и сообщений на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях: «Народная культура Сибири» (Омск, 2004, 2007), «Лазаревские чтения» (Челябинск, 2006), «Проблемы изучения традиционной культуры Южного Урала» (Магнитогорск, 2004, 2006, 2007), «Культура провинции» (Курган, 2005), «Катаанаевские чтения» (Омск, 2006),

«Этнические взаимодействия на Южном Урале» (Челябинск, 2006, 2008), «Россия и Башкортостан: общая история, общее будущее» (Магнитогорск, 2007), «Русский вопрос: история и современность» (Омск, 2007), «Современные проблемы науки и образования» (Магнитогорск, 2007, 2008).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Формирование населения изучаемых поселений Южного Урала происходило из разных уголков России со второй половины XVIII в., потому культура местных жителей складывалась на основе базового слоя крестьянской культуры переселенцев под непосредственным влиянием горнозаводского строительства.

2. С первой половины XX в. металлургические заводы стали прекращать свою деятельность и приток населения на Южный Урал почти иссяк. В связи с этими изменениями, население снова возвращалось к занятию крестьянским хозяйством, шел активный процесс развития ремесел и промыслов.

3. Высокая степень устойчивости и сохранности русской традиционной культуры в полигетничном регионе обусловлена следующими факторами. Характер природно-климатических и географических особенностей местности: на единой территории с суровыми климатическими условиями (очень короткое лето, суровая, продолжительная зима) были расселены представители различных этнолокальных зон. Регион находился в отдалении от городов и других крупных промышленных центров страны, от коренной восточнославянской этнической территории. Специфика экономических и этносоциальных процессов: в условиях развития металлургической промышленности носителями русских традиций являлись рабочие местных горных заводов. Значительную роль сыграл конфессиональный фактор: как показывают полевые источники, старообрядческая культура ряда селений отразилась на обособленности православных крестьян и крестьян-староверов, что наложило отпечаток на их повседневную жизнь, быт, культуру. Особенности межэтнических отношений (русские - башкиры) до сих пор

определяются, в первую очередь, желанием сохранить собственную культуру и традиции при взаимодействии с иными этносами.

Основные моменты диссертации нашли отражение в 14 научных публикациях автора²¹⁷.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленной цели и задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, которые включают список опрошенных информантов, оригинальные фольклорные тексты, архивные документы и фотоматериалы.

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определен объект и предмет исследования, обозначены его цели и задачи, охарактеризована источниковая и методологическая базы, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования и апробация научных результатов.

²¹⁷ Осипова И.В. Красная горка в системе весенних календарных праздников (на материале фольклорно-этнографических экспедиций в русские горнозаводские поселения Южного Урала) // Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2004. – С. 162-166; Она же. Из истории образования и заселения горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археолог. студ. конф. – Челябинск, 2005. – С. 152; Она же. Устные рассказы горнозаводских сел Белорецкого района Башкирии как историко-этнографический источник // Культура провинции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Курган, 2005. – С. 59-60; Она же. К истории организации и развития русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской науч.-практ. конф. – Омск, 2006. – С. 311-314; Она же. Устные рассказы о старообрядческом населении русских сел Белорецкого района Башкирии // Третья Лазаревские чтения: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием: В 3 ч. – Челябинск, 2006. – Ч 1. – С. 83-89; Она же. Топонимический мотив в преданиях горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: Сб. науч. тр. – Омск, 2005. – 294-298; Она же. Социокультурные процессы в русских горнозаводских селах Белорецкого района Башкирии // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2007. – С. 368-369; Она же. К вопросу об этнических взаимодействиях на Южном Урале (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета) // Региональная науч.-практ. конф. «Россия и Башкортостан: общая история - общее будущее», посвященная 450-летию присоединения Башкирии к России. - Магнитогорск, 2007. – С. 53-55; Она же. История становления металлургических заводов на Южном Урале во второй половине XVIII в. и формирование горнозаводских рабочих // Наука - Вуз - Школа: Сб. науч. тр. молодых исследователей. – Магнитогорск, 2007. – Вып. 12. – С. 188-193; Она же. Ремесла и промыслы в русских горнозаводских селениях Белорецкого района Башкортостана // Народная культура Сибири: Материалы XVI научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2007. – С. 158-163; Она же. Горнозаводское население русских сел Белорецкого района как социально-этническое образование // Современные проблемы науки и образования: Материалы XLV науч. конф. преподавателей Магнитогорского государственного педагогического университета. – Магнитогорск: МГПУ, 2007. – С. 101-102; Она же. Архивный фонд В.А. Сенкевича как историко-этнографический источник // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва - Магнитогорск - Новосибирск, 2008. – Вып. XIX. – С. 375-384; Она же. Этнографическая коллекция архивного фонда Всеволода Антоновича Сенкевича // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 12 (68) – С. 315-320; Она же. Специфика «местных» праздников в русских селениях Белорецкого района Башкортостана // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва - Магнитогорск – Новосибирск, 2008. – Вып. XXII. – С. 544-549.

В первой главе «История образования и заселения русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкортостана» по материалам опубликованных источников, архивных документов и подтверждающих их фольклорных текстов рассматривается вопрос истории образования заводов на территории современного Белорецкого района и их дальнейшая судьба. В первом параграфе описывается история образования заводских предприятий, самих поселений и обозначается специфика процессов формирования состава населения на данной территории. Во втором параграфе анализируются фольклорные материалы региона в качестве основного историко-этнографического источника по указанной проблеме. Особое внимание уделяется анализу фольклорных рассказов с топонимическим мотивом, которые подтверждают и дополняют архивную и документальную информацию по истории заселения края. На полевых текстах выявляется традиционный комплекс и региональная специфика в процессах освоения территории и формирования населения в обозначенном регионе.

Вторая глава «Специфика хозяйственно-трудовой деятельности горнозаводского населения во второй половине XIX – середине XX в. по данным фольклора» включает три параграфа. В первом параграфе описывается хозяйственно-трудовая деятельность заводского населения региона в период активного функционирования заводских предприятий. Особое внимание уделяется особенностям формирования населения Южного Урала как этносоциальной группы. Второй параграф посвящен описанию хозяйственной деятельности жителей сел в период кризиса заводского производства. В процессе анализа устных рассказов выявляются причины и обозначаются тенденции постепенного перехода от промышленного к промысловому, крестьянскому характеру жизни. Третий параграф посвящен описанию ремесел и промыслов в качестве ведущих занятий местного населения после остановки заводов на данной территории в середине XX в.

Третья глава «Духовная жизнь и межэтнические отношения горнозаводского населения во второй половине XIX – середине XX в. по материалам фольклора» включает два параграфа. В первом параграфе представлена духовная жизнь населения изучаемого региона. Подробно описан весенне-летний период календарного цикла, а также система вписанных в него местных дат, значимых и почитаемых жителями селений и на сегодняшний день. Особое внимание уделяется устным рассказам о старообрядческом населении, которое сыграло значимую роль в процессе сохранения культуры региона в целом. Во втором параграфе показаны особенности межэтнических взаимодействий русских с другими этносами (в первую очередь, башкирами). На фольклорных текстах прослеживаются и выявляются тенденции и динамика межэтнических отношений русских в поликультурном регионе.

В **заключении** к диссертации представлены основные выводы по теме исследования. Список источников и литературы дает полную информацию об источниках и используемой литературе. В диссертационную работу вошли 3 приложения. Приложение 1 содержит список и основные сведения об информантах. Приложение 2 составили систематизированные полевые материалы и архивные документы, вошедшие в диссертационное исследование. Приложение 3 включает фотоматериалы и иллюстрации, полученные в ходе экспедиционных исследований.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА

1. История организации заводских предприятий на Южном Урале и образование русских сел

История русских заводских селений Белорецкого района насчитывает более двухсот лет и представляет собой сложный длительный процесс. Выбор данного региона для экспедиционного и научного исследований не явился случайностью: во многом он обоснован историей края, временем и спецификой его заселения.

Формирование селений шло путем принудительных переселений на территорию Башкирии крепостных, государственных крестьян, отправки туда солдат, рекрутов, преступников, старообрядцев преимущественно из центральных регионов России. Приступая к строительству крупных железоделательных заводов, правительство организовывало массовую приписку к ним государственных крестьян близлежащих сел и слобод. Поэтому категория приписных крестьян представляла самую многочисленную группу рабочей силы заводов Башкортостана. Дальнейшей колонизации Южного Урала способствовало также развернувшееся в середине XVIII в. строительство заводов, нехватку рабочей силы на которых горнозаводчики покрывали за счет переселения на места личных крепостных работных людей и зависимых крестьян, состоящих в основном из русских.

История заводских поселений рассматривалась и изучалась в связи с этнографическим исследованием края, характеристикой горнозаводской промышленности, изучением Крестьянской войны Е.И. Пугачева 1773-1775 гг., волнений уральских рабочих. Немногочисленная литература по истории края, опирающаяся на архивные материалы и документальные источники, зачастую дает противоречивые сведения относительно дат основания

поселений, поскольку авторы ориентируются на разные реальные исторические события (время основания заводских предприятий, выпуск первой продукции, начало заводских работ после пожаров и т. д.). Архивная работа по истории заселения региона осложнена многими факторами: исследуемая территория в разное время входила в состав то Оренбургской, то Уфимской губерний; некоторая неизученная часть материалов уничтожена по причине пожаров и в процессе их использования.

В главе последовательно рассматриваются процессы организации заводских предприятий, их функционирование, а также дальнейшее образование поселений по трем территориальным ареалам: южный (Верхний Авзян, Кага, Нижний Авзян, Узян), северо-западный (Ломовка, Тирлян), северо-восточный (Зигаза, Инзер, Лапышта) (Приложение 3, рис. 2).

Особый интерес представляет верхнебельская группа заводских селений южного территориального ареала, образованных в связи со строительством здесь самых первых заводов во второй половине XVIII в., поскольку изначально эта группа заводов являлась единым производственным комплексом, а жители селений были связаны между собой родственными отношениями (Приложение 3, рис. 3).

Ценными и значимыми стали работы краеведов А.З. Асфандиярова¹, Г.Ф. Гудкова, З.И. Гудковой²; Н.М. Кулбахтина³ по горнозаводской промышленности Башкортостана XVIII в.; материалы по «Населенным пунктам Башкортостана»⁴; опубликованные свердловскими исследователями документы пермского Берг-инспектора П.Е. Томилова⁵ и др. Привлечение архивных документов по региону позволило прояснить ряд важных моментов

¹ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР. Справочная книга: В 3 кн. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. - Кн. 1. - 208 с.; Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. - Кн. 2. - 192 с.; Уфа: Китап, 1993.- Кн. 3. - 208 с.

² Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX вв. Историко-краеведческие очерки. – Уфа: Китап, 1985. - Ч. 1. – 424 с.; Уфа: Китап, 1993. - Ч. 2. – 480 с.

³ Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность Башкортостана в XVIII в. – Уфа: Китап, 2000. – 280 с.

⁴ Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния, 1877. – Уфа: Китап, 2002. – Ч. 1. - 432 с.; Населенные пункты Башкортостана. Башреспублика, 1926. – Уфа: Китап, 2002. - Ч. 3. – 400 с.

⁵ Генеральное описание I о монетных дворах, литейных и всех горных заводах, в ведении Берг-коллегии, состоящих как казенных, так и частных (июнь, 1797) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: Сб. док. материалов. / Вед. ред. А.Г. Козлов. – Свердловск, 1956. - 298 с.; Описание заводов II хребта уральского, составленные пермским Берг-инспектором П.Е. Томиловым в 1807-1809 гг. // Там же.

в обозначенном вопросе и восполнить недостающую информацию по истории заводов и поселений.

Анализ опубликованных источников позволяет утверждать, что вопрос об образовании **Авзяно-Петровских** чугуноплавильных и железоделательных заводов Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии является одним из самых запутанных и противоречивых, поскольку разные источники дают разнообразную информацию о времени основания заводов, лицах и обстоятельствах, при которых происходил данный процесс. В работе Г.Ф. Гудкова и З.И. Гудковой дан анализ подобных сведений⁶, причем авторы справедливо замечают, что большая часть рассмотренных изданий не имеет ссылок на какой-либо источник. По этой причине приходится сомневаться в любой информации, даже верной, в связи с чем утрачивается ее научная значимость.

Реальные сведения о дате и лицах, основавших Авзяно-Петровские заводы, впервые представил в 1962 г. историк Н.И. Павленко⁷, обосновав и подкрепив их архивными документами.

В XVIII в. на территории Башкортостана горнозаводским строительством занимались Шуваловы. Так, в октябре 1753 г. сенатор, генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов обратился в Берг-коллегию с просьбой получить разрешение на строительство трех железоделательных заводов на реках Авзян, Верхний Узян. Изначально предполагалось, что каждый из заводов будет построен приблизительно за четыре года: строительство первого было намечено на 1754 г., второго – на 1755, третьего – на 1756. В том же году Оренбургская губернская канцелярия получила документ, дающий П.И. Шувалову разрешение на строительство Петровского доменно-молотового завода на р. Авзян, на землях башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей Уфимского уезда. Общее руководство строительными работами было поручено дельцу-откупщику Козьме

⁶ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 299-302.

⁷ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. – М.: Наука, 1962. – С. 14-82.

Матвееву, с которым П.И. Шувалов заключил настоящий контракт до начала строительных работ.

Документально доказано, что до П.И. Шувалова и К. Матвеева заводское место на р. Авзян по праву принадлежало И.Б. Твердышеву и И.С. Мясникову, которые еще в 1740-е гг. получили разрешение на строительство чугуноплавильного и железоделательного завода на базе руд горы Магнитной. По неизвестным причинам И.Б. Твердышев отказался использовать разрешение на строительство завода на р. Авзян и передал свое право П.И. Шувалову⁸.

На строительство заводов граф П.И. Шувалов дважды получал ссуду по двенадцать тысяч рублей (в 1753 и 1754 гг.) с обязательством погасить ее в течение восьми лет. Помимо этого в марте 1754 г. к строящимся Авзяно-Петровским заводам были приписаны 1920 душ государственных крестьян⁹. Согласно сенатскому указу 1753 г., «к означенным заводам из ясашных крестьян ближе казанского уезда не сыскалось, которые, считая на двор по 4 души, всего 1920 душ, в показанных в описи местах и с землями приписаны»¹⁰.

Новый поток поселенцев на территорию Авзяно-Петровских заводов обозначился в 70-е гг. XVIII в. в связи с бегством людей от массовой чумы из районов Москвы и Подмосковья.

До отмены крепостного права в 1861 г. Авзяно-Петровские заводы считались посессионными, поскольку к ним были приписаны крестьяне. Ряд авторов отмечают, что П.И. Шувалов перевел на Авзяно-Петровские заводы личных крепостных крестьян, однако в документальных источниках нет подтверждений подобных сведений. Наиболее близкими к Авзяно-Петровским заводам оказались находящиеся от них на расстоянии 600 верст села и деревни Казанской губернии, расположенные по Зюрейской и Арской

⁸ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 303.

⁹ Там же.

¹⁰ Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века // Русская мысль. - 1900. - № 1. - С. 7.

дорогам¹¹. Так, утверждением высочайшего Сената 1754 г. к заводам Шувалова были приписаны 33 селения ясачных крестьян Казанского уезда (село Котловка, Афанасьево, Чистое Поле, Булдырь, Толкшино, Кармалово, Круглое Поле, населенные пункты Арской и Зюрейской дорог). Таким образом, общая численность государственных крестьян, приписанных к Авзяно-Петровским заводам, составила 5410 человек¹². В архивных фондах ЦГИА РБ хранится дело о переселенцах из Курской и Пензенской губерний на территории Тамьянской и Тангаурской волостей¹³.

Согласно историческим свидетельствам, П.И. Шувалов и К. Матвеев построили на Южном Урале два завода – Верхний и Нижний Авзяно-Петровский. Первый был установлен в девяти верстах от места впадения р. Авзян в р. Белую, второй – на пять верст выше. Строительство доменно-молотового Верхнего Авзяно-Петровского завода началось 2 мая 1754 г.; 11 марта 1755 г. он былпущен в эксплуатацию. Проработав около двух месяцев, завод сгорел; восстановлен и запущен вновь был 1 декабря 1755 г. Нижний Авзяно-Петровский завод был построен как вспомогательный к Верхнему Авзяно-Петровскому и представлял собой плотину для молотового предприятия с 4-мя молотами в 2-х фабриках. Он начал перековку верхнеавзянского чугуна 26 августа 1756 г.¹⁴.

В работе Н.М. Кулбахтина очень подробно описаны Верхний и Нижний Авзяно-Петровские заводы, даны их технические характеристики¹⁵. Подобная информация подтверждается сведениями П.Е. Томилова (конец XVIII - начало XIX в.)¹⁶.

Верхний Авзяно-Петровский завод был доменно-молотовым. Плотина была земляная и подкреплялась деревянными свинками. На деревянной доменной фабрике были установлены 2 домны, каждая из которых

¹¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.– СПб., 1901.- Т 2. - С. 323.

¹² Андрушченко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. – М.: Наука, 1969. – С. 125.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп 1. Д. 176. 12 Л.; ГАОО. Ф. 13, Оп. 1, Д. 209; Ф. 18. Оп. 2. Д. 12;

¹⁴ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 303.

¹⁵ Кулбахтин Н.М. Указ. соч. - С. 128.

¹⁶ Генеральное описание I...; Описание заводов II...

приводилась в действие 4-мя цилиндрическими деревянными мехами. Выпуск чугуна осуществляли 2 раза в сутки, каждый выпуск давал от 183 до 204 пудов чугуна. На 2-х домнах работали 44 мастеровых и работных человека. 3 деревянные молотовые фабрики переделывали собственный чугун, выпускали полосовое железо. При заводе также были сооружены деревянная фабрика для цементования стали, кузница, токарная, меховая, слесарная, кирпичный сарай с обжигательной печью, контора, караульная изба, хлебный магазин, деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери. К началу XIX в. в заводском поселке уже насчитывалось 230 обывательских домов. «Жители сего завода кроме заводских работ никакими изделиями не занимаются. Приписных к сему заводу крестьян состоит по последней ревизии 2107 душ. Они жительство имеют от завода от 30 до 300 верст»¹⁷.

Нижний Авзяно-Петровский завод состоял в нераздельной даче с Верхним. При Нижнем заводе были установлены 4 деревянные фабрики, деревянная мельница, кузница о двух горнах, меховая, слесарная, хлебный амбар, амбары для железа и чугуна, заводская контора и деревянная часовня во имя Святой Троицы. «Обывательских домов 73, из них мужска пола 220, женска 257 душ. Жители всеми потребностями довольствуются с Верхне-Авзянопетровского завода»¹⁸.

Жилые пункты рабочих находились далеко от мест расположения Авзяно-Петровских заводов, поэтому приписным крестьянам приходилось проходить более 600 верст в один конец. Уже в 1754 г. по этой причине приписные крестьяне отказывались работать на заводах. Подобные выступления крестьян жестоко наказывались. Переселение в виде наказания на завод было для них равносильно ссылке на каторжные работы. Так, в 1755 г. после очередных сопротивлений крестьян Сенатом было подписано

¹⁷ Горнозаводская промышленность Урала... - С. 257.

¹⁸ Там же. - С 258.

положение П.И. Шувалова о наказании зачинщиков, согласно которому эти люди бессменно работали на заводе в кандалах.

В 1758 г. по причине больших долгов П.И. Шувалов продал оба завода своему компаньону К. Матвееву, который стал преемником казенного долга Шувалова в размере 24 тысяч рублей. В том же году на Авзяно-Петровских заводах вновь происходят волнения приписных крестьян. Результатом выступлений явилось положение, согласно которому на работу «стали высыпать третью часть приписных рабочих, как это было, впрочем, предписано и ранее, но только почему-то не исполнялось»¹⁹.

26 июля 1760 г. К. Матвеев продал Авзяно-Петровские заводы Евдокиму Никитичу Демидову²⁰, который перевел на них крепостных крестьян Дугненских заводов, обученных заводскому мастерству. В это время в волнениях на заводах принимают участие не только крестьяне, но и мастеровые. Поводом к забастовке послужило распоряжение Козьмы Матвеева, оглащенное его приказчиками. В документе было отмечено, что К.Матвеев купил у П.И. Шувалова Авзяно-Петровские заводы вместе с его собственными крестьянами, а не с приписными. «[Приписные же крестьяне] были приписаны для одной только выстройки и имеют вольность... идти в дома свои, а коли останутся при заводе, то вечно будут за Демидовым»²¹.

Уже к началу 1761 г. на предприятиях не осталось приписных крестьян и мастеровых из числа переведенных на заводы. Результатом массовых выступлений рабочих и их отказа от работы явилась полная остановка заводов весной 1762 г. По поручению Екатерины II комиссия Вяземского подавила волнения приписных крестьян на уральских заводах. Согласно решению комиссии, приписным крестьянам Авзяно-Петровских заводов был выплачен долг за работу в выходные дни, а организаторы и участники волнений были наказаны ссылкой и плетьми.

¹⁹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование... – С. 324.

²⁰ Павленко Н.И. Указ. соч. – С. 110.

²¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование... – С. 325.

Таким образом, основными причинами массовых выступлений приписных к заводам крестьян в 1754-1755, 1760-1762 гг. были тяжелый непосильный труд, удаленность приписных деревень от заводов, жестокое обращение с работными людьми заводских приказчиков. В последующие годы волнения на заводах вспыхивали по причине жестокости и самоуправства заводского начальства. В 1764 г. рабочие уходили с предприятий, неоднократно подавая письменные жалобы самой императрице.

Купив заводы, Е.Н. Демидов предпринимает настойчивые действия по расширению своей деятельности на Южном Урале²². Так, в семи верстах от Авзяно-Петровского завода был построен Кагинский железоделательный завод. В 1769 г. он начал ковку железа из чугуна, который поступал сюда с Авзяно-Петровского завода²³. А в октябре 1773 г. был построен Кухтурский чугуноплавильный завод с двумя домнами.

К началу Крестьянской войны 1773-1775 гг. эти заводы (Верхний, Нижний Авзяно-Петровские, Кагинский, Кухтурский) представляли собой «единий производственный комплекс, крупнейший среди железоделательных предприятий юга Урала»²⁴.

Крестьяне Авзяно-Петровских заводов активно участвовали в Крестьянской войне. Известно, что в соответствии с указом Е. Пугачева на Верхнем Авзяно-Петровском заводе было наложено производство артиллерийских бомб. При отступлении войск Е. Пугачева в мае 1774 г. все четыре завода Демидова были полностью сожжены. В октябре 1775 г. к работе был возвращен Кагинский молотовый завод, в августе 1776 г. начали функционировать молотовые фабрики Нижнего Авзяно-Петровского завода, а к 1778 г. Авзяно-Петровские заводы были восстановлены окончательно.

²² ЦГИА РБ. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. Л. 66.

²³ Павленко Н.И. Указ. соч. – С. 110.

²⁴ Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева / Отв. ред. проф. В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – Т. 2. - С. 263.

Кухтурский завод восстановлен не был и вместо него 10 июля 1777 г. былпущен Верхне-Узянский завод с двумя домнами²⁵.

В 1782 г. после смерти Евдокима Демидова начался раздел имущества между его наследниками. Согласно указу Екатерины II, Авзяно-Петровские заводы были переданы Василию Евдокимовичу Демидову, который продал их в 1796 г. московскому именитому гражданину Михаилу Павловичу Губину. В конце XVIII в. Кагинский и Узянский заводы находились во владении Ивана Евдокимовича Демидова²⁶.

Производительность заводов в конце XVIII – начале XIX в. была незначительной²⁷. Одной из видимых причин этого является череда владельцев заводов, бесконечно сменяющих один другого. Так, например, в 1830 г. Иван Демидов продал Узянский завод генерал-майору Андрею Ивановичу Пашкову, а владельцами Кагинского и Узянского заводов становятся петербургский купец Федор Петрович Никифоров и стерлитамакский купец Иоасаф Васильевич Татаринов²⁸.

В 1861 г. после разрушения плотин на Кагинском и Узянском заводах работа на предприятиях практически остановилась, а заводские крестьяне начали покидать здешние места. В том же году заводы были переданы казне, а в 1882 г. – приобретены Торговым Домом «Вогау и К». В 1897 г. эти заводы были включены в акционерное общество Белорецких заводов, а на предприятиях начаты восстановительные работы²⁹.

Ко второй половине XIX в. положение рабочих на Авзяно-Петровских заводах Губина оставляло желать лучшего: «по 1854 г. опекунами большей частью были... лица, не совсем к тому способные, от чего положение крестьян и самих заводов пришло в дурное состояние»³⁰. Однако работы

²⁵ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 319-320.

²⁶ Павленко Н.И. Указ. соч. – С. 112.

²⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3001.

²⁸ Там же. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. Л. 66-67.

²⁹ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). – М.: Наука, 1982. – С. 72.

³⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 469. Л. 60 об.

здесь продолжались, а готовая продукция сплавлялась в Нижний Новгород, Таганрог, Астрахань³¹.

В 1854 г. опекуном Авзяно-Петровских заводов был назначен коллежский асессор Николай Егорович Тимашев³², а в 1859 г. заводы купил Дмитрий Егорович Бенардаки³³. После многочисленных технических нововведений производительность заводов заметно повысилась. В 1865 г. Д.Е. Бенардаки организовал строительство третьей доменной печи на Верхнем Авзяно-Петровском заводе³⁴.

После смерти Д.Е. Бенардаки в 1870 г. на заводах наступил очередной упадок. Предприятия в порядке наследования перешли трем его сыновьям, которые в том же году передали их в казенную опеку.

В связи с притоком иностранных капиталов в середине 90-х гг. XIX в. и проникновением их в экономику России, Урал приобретает особую значимость. Так, на французской основе было создано Урало-Волжское акционерное общество, занимающееся скупкой округов и земельных участков с месторождениями железных руд на Южном Урале³⁵. Результатом данной программы в период 1897-1898 гг. становится образование нового округа-хозяйства в 99754 десятины земли, куда вошли старый Авзяно-Петровский и новый Лемезинский заводы³⁶.

Во избежание финансовых трудностей 28 апреля 1900 г. вместо Урало-Волжского металлургического общества было учреждено Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов. В течение нескольких месяцев заводы практически не работали, поскольку общество по-прежнему испытывало финансовый кризис³⁷.

³¹ Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 года. Чугун, железо, сталь, медь / Отв. ред. М.А. Павлов. – М.; Л., 1937. – С. 10.

³² ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 433. Л. 80.

³³ Чурко М.Ф. Исторический очерк Тамъян-Катайского кантона БАССР. – Уфа, 1927. – С. 16-17.

³⁴ Металлургические заводы... – С. 12.

³⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3332. Л. 1-1 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - ч. 1. – С. 336-338.

Верхний Авзяно-Петровский завод все эти годы работал в убыток и был закрыт в 1908 г., сохранив оборудование³⁸. Работы на нем возобновились лишь в 1916 г. В XIX в. Нижний Авзяно-Петровский завод представлял собой отделение передельного цеха главного завода³⁹. После пожара в 1897 г. завод больше не реконструировался, а на его месте остался поселок Нижний Авзян.

В мае 1903 г. Лемезинский завод прекратил свою деятельность. К началу 1920-х гг. Лемезинский (Французский) завод существовал здесь как населенный пункт и входил в Архангельскую волость Уфимского кантона. В настоящее время этого населенного пункта не существует⁴⁰.

Современное название населенного пункта Верхнего Авзяно-Петровского завода – поселок Верхний Авзян Белорецкого района. От Нижнего Авзяно-Петровского завода осталось село Нижний Авзян при Кагинском сельском совете Белорецкого района.

История **Кагинского** железоделательного и **Узянского** чугуноплавильного и железоделательного заводов Оренбургской губернии Верхнеуральского уезда связана с деятельностью Демидовых на Южном Урале. В работах К.Д. Головщикова⁴¹, Г.Ф. Гудкова и З.И. Гудковой⁴² приведены интересные малоизвестные сведения о роде Демидовых.

Основателем династии считают Демида Григорьевича Антуфьева, кузнеца и молотобойца казенного Тульского оружейного завода, который готовил ружья, стволы, ружейные замки для Московской оружейной палаты. Самым известным из трех его сыновей был Никита Демидович Антуфьев, кузнец, мастер оружейного дела, основатель оружейного завода в Туле, а впоследствии и обширного горнозаводского хозяйства на Урале. Ум, предприимчивость, настойчивость, мастерство позволили ему добиться многого: покровительства царя Петра I, успешного расширения

³⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 5.

³⁹ Там же. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. - С. 342.

⁴¹ Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. – Ярославль, 1881. – 418 с.

⁴² Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 2. – 480 с.

предпринимательской деятельности, права беспошлинного провоза железа, права удерживать на заводах беглых крестьян и, наконец, нового звания и фамилии. Являясь владельцем Тульского оружейного, Верхотурских железных заводов, 6 декабря 1702 г. Никита получил новую грамоту на Невьянские заводы⁴³, которая помимо всего прочего даровала ему звание царского комиссара и новую фамилию.

В 1726 г. Екатерина II подписала диплом о пожаловании Никите Демидову звания дворянина. С этого времени его сыновьям (Акинфий, Григорий и Никита) было пожаловано потомственное дворянство с особыми привилегиями против других дворян: «Ни в какие службы не выбирать и не употреблять»⁴⁴.

Обширное хозяйство отца унаследовал старший сын Акинфий Никитич Демидов, известный в истории Урала как властный, жестокий человек и незаурядный организатор производства. За 20 лет владения наследством отца он расширил его почти в три раза, открыв 18 новых заводов. Никита Никитич Демидов имел 11 заводов в центральной части России и на Урале. Результатом раздела имущества Никиты Никитича явился переход предприятий к 4-ем его сыновьям. Обладателем Людиновского и Дугненского заводов стал Евдоким Никитич Демидов, который со временем развернул промышленную деятельность на Южном Урале.

26 июля 1760 г. за 90 тысяч рублей он приобрел два завода – Верхний и Нижний Авзяно-Петровские. Летом 1769 г. в семи верстах от Авзяно-Петровских заводов на реке Каге он построил плотину для пильной мельницы и установил 4 молота. 5 октября 1769 г. на Кагинском заводе началась ковка железа из чугуна, доставляемого сюда с Авзяно-Петровских заводов. В октябре 1773 г. был построен Кухтурский чугуноплавильный завод, а 10 июля 1777 г. Евдоким Демидов пустил Верхне-Узянский завод с

⁴³ Там же. - С. 8.

⁴⁴ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. - С. 164-165.

двумя домнами⁴⁵. Обозначенные заводы были связаны в территориальном и производственном отношениях и представляли собой единый мощный комплекс металлургической промышленности.

Евдокима Никитича Демидова отличала особая жестокость в обращении с заводскими крестьянами. Результатом этого явились массовые непрекращающиеся волнения крестьян, приписанных к демидовским заводам⁴⁶, а также их активное участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг.

После смерти Евдокима Никитича Демидова в январе 1782 г. осталось 6 заводов - 4 на Южном Урале и 2 в центральной России. Составление проекта раздела имущества между вдовой и шестью сыновьями было поручено генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому, который предложил разделить заводское хозяйство на три самостоятельных комплекса без их раздробления. 30 мая 1793 г. Екатерина II утвердила порядок раздела наследства между сыновьями Евдокима Демидова⁴⁷.

Первая (Дугненская часть), куда вошли также Сукременский завод в Калужском уезде и Нижне-Дугненский завод, достались Петру Евдокимовичу Демидову⁴⁸. Вторая часть (Авзяно-Петровская) перешла к Василию Евдокимовичу Демидову. 31 марта 1796 г. Авзяно-Петровские заводы и 69 рудников он продал именитому гражданину Губину⁴⁹. Третью часть (Кагинский и Узянский заводы) получили Иван и Степан Евдокимовичи. Однако известно, что свою часть наследства Степан продал Ивану за 120 тысяч рублей⁵⁰.

Иван Евдокимович Демидов на Южном Урале был известен как человек, основательно занимавшийся заводскими делами. Жил он в Кагинском заводе и в Уфе, где поддерживал тесные деловые отношения с титулярным советником, секретарем Оренбургского гражданского суда Михаилом Семеновичем Ребелинским. Последний оставил после себя

⁴⁵ Павленко Н.И. Указ. соч. – С. 109.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 190; Ф. 172. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2567.

⁴⁷ Павленко Н.И. Указ. соч - С. 112.

⁴⁸ Там же. - С. 113.

⁴⁹ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. - С. 257.

⁵⁰ Головщиков К.Д. Указ. соч. – С. 220.

«Дневник», частично опубликованный, в котором подробно описаны его отношения с И.Е. Демидовым и поездки автора на южноуральские горные предприятия, в частности, на Кагинский завод⁵¹.

На Кагинском заводе не было собственных мастеровых и рабочих людей. Как и на Узянском заводе, здесь работали собственные Демидова 165 душ мужского пола, числившиеся по пятой ревизии 1795 г. Помимо этого, к Узянскому заводу были приписаны государственные крестьяне, числившиеся по пятой ревизии в количестве 2708 душ мужского пола⁵².

Согласно ведомости П.Е. Томилова⁵³, составленной в 1807-1809 гг., Узянский завод размещался в нераздельной даче с Кагинским заводом в 25-ти верстах от последнего. На реке Узян были заводской пруд и плотина, доменная печь и каменная молотовая фабрика. В 15-ти верстах от завода располагался Ялутский рудник, откуда на предприятие переплавлялась железная руда. На заводе находились крична деревянная фабрика, лесопильная мельница, кузница о 4-х горнах, меховая, хлебный магазин, контора, господский дом, деревянная часовня во имя Петра и Павла, 84 крестьянских двора, где проживали 431 крестьянин. «Приписанных к сему заводу крестьян по последней ревизии состоит 962 души. Обозначенные крестьяне жительство имеют от сего завода от 300 до 600 верст»⁵⁴.

На Кагинском заводе была заводская плотина и пруд, 2 кричные фабрики с 5-ю молотами и 10-ю горнами (Приложение 3, фото 2). Железо здесь ковали непосредственно из чугуна, доставляемого из Узянского завода. При заводе имелась пильная деревянная мельница, кузница о 6-ти горнах, слесарная, меховая, хлебный магазин, деревянная церковь во имя святого Николая Чудотворца, заводская контора, господский дом, деревянный госпиталь. При Кагинском заводе насчитывалось 137 дворов и проживало 664 крестьянина. «Приписных к сему заводу крестьян считается по

⁵¹ Ребелинский М.С. Дневник. – Уфа, 1792-1801. - Ч. 1. – С. 88.

⁵² Головцов К.Д. Указ. соч. – С. 221; ГАОО. Ф. 98. Оп. 2, Д. 13.

⁵³ Горнозаводская промышленность Урала... - С. 257.

⁵⁴ Там же. - С. 252-254.

последней ревизии 1755 душ. Они жительство имеют от 200 до 600 верст»⁵⁵ (Приложение 3, фото 3,4).

Как было отмечено выше, к Авзяно-Петровским, Узянскому, Кагинскому заводам были приписаны крестьяне из Казанской губернии. Вопрос о замене приписных крестьян непременными работниками возник в конце XVIII в. и был официально утвержден 9 ноября 1800 г.⁵⁶. Иван Евдокимович Демидов освободил приписных крестьян с Кагинского и Узянского заводов в 1810 г.

18 июля 1822 г., после случившегося пожара на Кагинском заводе, Иван Демидов передал в Сенат сообщение с просьбой о разрешении заложить свои заводы вместе с крепостными крестьянами в Московском опекунском совете. Объяснял он это тем, что весь свой капитал истощил на восстановление сгоревшего Кагинского завода и на покупку дорогого из-за неурожая хлеба для крестьян Кагинского и Узянского заводов. Однако опека над заводами была учреждена уже после смерти Ивана Евдокимовича в мае 1824 г.⁵⁷.

Смерть Ивана Демидова посеяла распри между его вдовой и другими наследниками. Согласно их просьбе, в мае 1825 г. Уфимским уездным судом опека над заводами была снята. В 1826 г. вопрос наследования обострился с особой силой. Заводские доходы заботили каждого из 13-ти наследников, а о крестьянах и производстве не думал никто. 4 года спустя в спор о разделе Кагинского и Узянского заводов включился егер-мейстер, генерал-майор Андрей Александрович Пашков, который отстаивал у матери и братьев собственную долю в разделе Белорецких заводов.

В феврале 1830 г. Андрей Пашков купил у Дмитрия Демидова части в Кагинском и Узянском заводах, а в мае того же года свои части обозначенных заводов Пашкову продали Николай и Петр Демидовы. Через

⁵⁵ Там же. - С. 254-255.

⁵⁶ Софонова Т.В. Законодательные источники о формировании и положении рабочей силы на металлургических предприятиях России и Урала во второй половине XVIII в. // Положение и борьба трудаящихся Урала XVIII – начала XX вв. – Свердловск, 1987. – С. 9, 12.

⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 1339.

шесть лет Государственный совет утвердил генерал-майора А. Пашкова в правах на те части, которые по документам находились в его распоряжении.

Теперь заводы были в собственности двух сторон - Андрея Пашкова и других наследников Демидова, в распоряжении которых находились остальные доли Кагинского и Узянского заводов. К этому времени предприятия находились в плачевном состоянии: острая нехватка рабочих, невыплата заработной платы, отсутствие хлеба, массовые хищения управляющих заводами и т. д.

К тому же с новой силой обострился земельный вопрос, поскольку при жизни Иван Демидов не разрешил эту проблему юридически. В 1837 г. башкиры Тамьянской и Тангаурской волостей подали жалобу о возвращении принадлежащих им земель Кагинского и Узянского заводов. 20 июня 1844 г. Стерлитамакский уездный суд признал за башкирами права на землю, а владельцы заводов должны были выплачивать в пользу башкир штраф за каждый год, начиная с 1788 г.

В январе 1853 г. вспыхнули волнения крестьян на Кагинском заводе. Результатом выступлений стало утверждение в 1854 г. нового положения, принятого Советом корпуса горных инженеров, согласно которому изменялся размер оплаты рабочим Кагинского и Узянского заводов⁵⁸. Однако по причине тяжелого материального положения крестьян заводы поступили в казенное управление.

27 июля 1853 г. петербургский купец второй гильдии Максим Филиппович Гротен купил заводы с публичных торгов. Новый владелец увеличил на предприятиях число кричных молотов, что способствовало повышению объема производительности по выделке железа⁵⁹.

Вскоре заводы были приобретены почетным гражданином Никифоровым и купцом И.В. Татариновым, а в 1862 г. Татаринов продал свою часть Никифорову⁶⁰. Кагинский и Узянский заводы Никифорова

⁵⁸ Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 417. Л. 25.

⁵⁹ Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7472.

⁶⁰ Там же. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

являлись посессионными, так как имели пособия в людях, казенных непременных работниках. Обязательный труд крестьян был прекращен в связи с положением 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. «С самого введения в действие уставных грамот... мастеровым предоставлена в дар безвозмездно усадебная оседлость и кроме того [возможность] бесплатно пользоваться с того же времени топливом, выгоном и покосами (1862 г.)»⁶¹.

В 1862 г. на Кагинском и Узянском заводах произошли сильные наводнения. Предприятия были разрушены, заводское производство полностью остановлено, а заводские крестьяне находились в крайне затруднительном положении без заработков и без земли. В фондах Государственного архива Оренбургской области хранятся многочисленные жалобы рабочих Узянского и Кагинского заводов (на 492 л.), в которых говорится о «бедственном положении местного населения за неимением работ, составляющих единственный источник пропитания»⁶².

После наводнения заводы долгое время не восстанавливались. Помимо того, с 1874 г. в Особенную Канцелярию по Кредитной Части поступают сведения об огромных накопившихся «долгах г. Никифорова за отведенныя Кагинскому и Узянскому заводам в собственность и аренду башкирских земли»⁶³. «Кагинские заводы настолько разрушены, а работники разорены и обременены долгами, что немного найдется желающих их купить»⁶⁴.

В этот период предприятия были переданы в залог без торгов в Санкт-Петербургскую сохранную казну. В 1882 году Кагинский округ, в который входили Кагинский и Узянский заводы с 22545-ю десятинами, приобрел Торговый Дом «Вогау и К» с непременным условием восстановить заводское производство. Кагинский завод был действительно восстановлен Торговым Домом, Узянский былпущен после реконструкции в 1896 г.⁶⁵.

⁶¹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10; Ф. 13. Оп. 1, Д. 55. Л. 18 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 417.

⁶² ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 21-21 об.

⁶³ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 239. Л. 12.

⁶⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 90-91 об.

⁶⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-165. Оп. 1. Д. 9; Ф. И-165. Оп. 1. Д. 39; Ф. И-165. Оп. 1. Д. 54; Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19.

В годы кризиса (1900-1910) оба завода были остановлены⁶⁶. 12 июля 1911 г. на Кагинском предприятии произошел пожар, который уничтожил завод и 500 жилых домов заводского поселка (Приложение 3, фото 5).

Согласно официальному постановлению о волостном районировании (от 24.01.1923 г.), Узянская волость Тамъяно-Катайского кантона с центром в Узянском заводе включала в себя Авзяно-Петровскую, Кагинскую и Узянскую волости⁶⁷.

Селение Кагинского завода сегодня - село Кага Белорецкого района. От Узянского завода осталось село Узян – центр Узянского сельского совета Белорецкого района.

История **Тирлянского** молотового завода тесным образом связана с образованием **Белорецкого** завода. Исторические документы свидетельствуют о том, что по указу Государственной Берг-коллегии 1759 г. на кортомленных землях башкир Катайской волости на реке Кирлянке И.Б. Твердышев и И.С. Мясников начали строить Белорецкий завод⁶⁸. Однако уже в 1762 г. владельцы обратились в Берг-коллегию с просьбой перенести строящийся завод с реки Тирлян на реку Белую (Агидель), поскольку в отличие от последней река Тирлян не может содержать необходимое для успешного функционирования завода число молотов. Завод был перенесен на реку Белая и стал именоваться Белорецким⁶⁹.

На постройку завода И.Б. Твердышеву и И.С. Мясникову потребовалось еще около пяти лет. На предприятии были установлены домна и несколько молотов, при заводе насчитывалось 376 рудников. 9 декабря 1767 г. состоялась первая плавка чугуна⁷⁰.

Белорецкий завод был самым мощным по объему выпускаемой продукции. Заселили его покупные русские крестьяне. В 2-3-х верстах от завода образовалась заводская деревня Ломовка, где жили ломовые

⁶⁶ Буранов Ю.А. Указ. соч. – С. 124; ЦГИА РБ. Ф. И-165. Д. 18; Ф. И-166. Оп. 1. Д. 1; Ф. И-166, Оп. 1. Д. 7.

⁶⁷ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 36.

⁶⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1956. - Т. 4. Ч. 2. – С. 233.

⁶⁹ Там же. - С. 186.

⁷⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 120.

извозчики, поставлявшие на завод необходимое сырье⁷¹. В 12-ти верстах от предприятия заводские крестьяне заселили деревню Арскую; в основной своей массе это были нижегородские, рязанские и пензенские крестьяне. В 1773 г. их насчитывалось 1724 человека, в деревне Ломовка по V ревизии 1795 г. – 2152 человека. В 1926 г. хутор Арский камень насчитывал 4, кордон Арский – 9 дворов. Село Ломовка состояло из 879 дворов и 4350 жителей⁷².

Во время Крестьянской войны в 1774 г. Белорецкий завод был захвачен восставшими и сожжен вместе с заводскими деревнями Ломовкой и Арской. В ходе военных действий на предприятии погибло 786 человек, заводские здания были существенно разрушены, оборудование уничтожено. Однако вскоре И.Б. Твердышев и И.С. Мясников восстановили завод, который в 1777 г. дал выплавку чугуна в количестве 110131 пуда⁷³.

В 1783 г. в результате раздела наследства Белорецкий завод с деревнями Арской и Ломовкой перешли к дочери И.С. Мясникова – Дарье Ивановне Пашковой. С целью расширения деятельности Белорецкого горного хозяйства, в 1801 г. она начала строительство вспомогательного молотового завода на реке Тирлян. Работы на новом заводе с 4-мя молотами, изначально названном «Тирлянская плотина», начались в 1803 г. Здесь перековывали в железо чугун, поставляемый с Белорецкого завода. На предприятии работали крестьяне села Березовка и несколько мастеровых, переведенных сюда с Белорецкого завода. Пуск Тирлянского молотового завода значительно расширил производство, и к 1805-1810 гг. выделка железа достигла 137000 пудов в год.

Ведомость П.Е. Томилова (на 1807-1809 гг.) содержит следующую информацию о Тирлянском заводе: «В нераздельной даче с [Белорецким заводом] состоит устроенная, по указу Государственной Берг-коллегии 1804 г., плотина при деревне Кирляне, расстоянием от завода в 30-ти верстах, на речке Кирляне. При ней кричная фабрика о 8-ми горнах и 4-х молотах.

⁷¹ Асфандияров А.З. Указ. соч. - Кн. 2. – С. 89.

⁷² Там же. - С. 90.

⁷³ Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. 5. – С. 668.

Действие же производит цилиндрическими деревянными 16-ю мехами. Тут же пильная мельница о 2-х рамках и мукомольная о 2-х поставах»⁷⁴.

Всплеск волнений рабочих на Белорецких заводах был вызван жестокой эксплуатацией со стороны владельцев Дарьи Ивановны Пашковой и ее мужа Александра Ильича, а также новыми ухудшениями условий труда. Известно, что дела заводов и положение крестьян не интересовало Пашковых; заводское производство поддерживалось на казенные деньги, а все доходы от заводов владельцы тратили на собственные необходимости.

После смерти супругов Пашковых в начале XIX в. Белорецкие заводы по наследству перешли к их сыну, Ивану Александровичу Пашкову. С 1830 г. начинается тяжба по делу о наследовании Белорецких заводов, вызванная смертью И.А. Пашкова. Свидетельством тому служит дело «О несчитании подсудности мастерового Тирлянского завода Николая Гулякова»⁷⁵, в котором упоминается о «сильной ссоре между братьями Пашковыми по разделу имения Белорецких заводов». В результате предприятия были поделены между тремя его сыновьями – Андреем, Николаем и Сергеем. В 50-60-х гг. XIX в. Пашковы были разорены, а их имения переданы в опеку.

Белорецкие заводские крестьяне высылались на работу в лес, курени, где они приживались и образовывали со временем жилые поселения. Таким образом возникли деревни Николаевка и Александровка Белорецкого района.

После реформы 1861 г. на Белорецких заводах наблюдался упадок металлургического производства. Техническая отсталость уральских заводов, сохраняющиеся условия крепостнического производства, низкая производительность труда, преобладание ручного труда, ничтожная заработка – все это существенно тормозило производство и не позволяло предприятиям перейти на новый качественный уровень⁷⁶.

Сплав готового железа по рекам Белая, Кама, Уфа, Волга был не менее архаичным. Особенno ценилось белорецкое пашковское железо в Средней

⁷⁴ Горнозаводская промышленность Урала... - С. 252.

⁷⁵ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 16. Л. 10-11 об.

⁷⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 291.

Азии. Первоначально Тирлянский завод не готовил барки, а товар отправлялся в Троицк и Малую Азию. Караванный способ транспортировки был отменен в связи с постройкой узкоколейной железной дороги Белорецк – Запрудовка. Гораздо раньше, в 1891 г., с проведением Самаро-Златоустовской железной дороги, часть товара Тирлянского завода направлялась через станцию Вязовую в Уфу, где грузилась непосредственно в барки⁷⁷.

Задолженность Белорецких заводов резко возросла к 60-м гг. XIX в., а уже с 1866 г. над Белорецким округом, куда входили Тирлянский и Белорецкий заводы с лесными и земельными участками, было учреждено конкурсное управление⁷⁸.

Подробное описание всего имущества, зданий, сооружений с характеристикой их технического состояния на момент передачи заводов из опеки в конкурсное управление (1 октября 1866 г.) имеется в «Описи Белорецких гг. Пашковых заводов»⁷⁹, которая хранится в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан.

В этом документе называется Белорецкий завод с деревней Ломовкой и завод Тирлянский с прилегающим к нему селом Березовкой⁸⁰. Село Березовка располагалось в 2-х верстах от Белорецкого завода. В 1795 г. в селе насчитывалось 243 двора, где проживало 1125 крестьян. В 1866 г. в Тирляне и Березовке было 1520 домов, где проживало 1699 мужчин и 1856 женщин⁸¹.

На Белорецком заводе имелись плотина, две доменные печи, кричная молотовая фабрика, рудообогатительная печь, три воздуходувные машины, лесопильочная мельница, две газопудлинговые печи и другие более мелкие постройки. На Тирлянском заводе к этому времени сохранились доменная печь, фабрика в кирпичном корпусе, газоотражательная печь, лесопильочная

⁷⁷ Чурко М.Ф. Указ. соч. – С. 21.

⁷⁸ Буранов Ю.А. Указ. соч. – С. 71.

⁷⁹ ЦГИА РБ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 1. 167 Л.

⁸⁰ Там же. - Л. 1-2 об.

⁸¹ Асфандияров А.З. Указ. соч. - Кн. 2. – С. 90.

мельница, деревянная кузница, две мукомольные мельницы, «господские дома и т. д.»⁸².

Упадочное состояние Белорецкого округа поставило вопрос о его продаже⁸³. В 1874 г. по требованию кредиторов округа заводы с прилегающей к ним землей были проданы Торговому Дому «Вогау и К». Помимо Белорецкого округа, в 1882 г. Торговый Дом стал владельцем соседнего Кагинского округа, в который входили Кагинский и Узянский заводы с 22545-ю десятинами.

Возникшее таким образом акционерное общество чугуноплавильных и железоделательных заводов Пашковых с 1874 г. развивается довольно успешно⁸⁴. За этот период на Белорецком заводе были перестроены две старые доменные печи, построена третья домна, заметно расширено пудлинговое производство, а в 1894 г. были пущены две мартеновские печи. Тем самым специализация производства в округе была усиlena, выпуск продукции, имевшей широкий спрос на рынке, заметно увеличился. Особенно выделялся округ производством стали: в 1900 г. было выплавлено 700000 пудов⁸⁵.

Преодолев кризисные годы (1900-1910), в мае 1916 г. Торговый Дом «Вогау и К» продал акции Международному и Петербургскому учетному и ссудному банкам⁸⁶. В первой половине 1918 г. Белорецкие заводы совместно с предприятиями и рудниками Южно-Уральского акционерного общества в Таналыко-Баймакском районе были национализированы⁸⁷.

В 1923 г. Белорецкий завод был преобразован в город (Приложение 3, фото 6). Белорецкую волость Тамъяно-Катайского кантона с центром в городе Белорецке составили Белорецкая, Ломовская и Тирлянская волости⁸⁸. В 90-е гг. XIX в. жители села Ломовка неоднократно ходатайствовали о

⁸² ЦГИА РБ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об. - 24.

⁸³ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 55.

⁸⁴ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8.

⁸⁵ Буранов Ю.А указ. соч. – С. 73.

⁸⁶ Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900-1917 гг. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 328.

⁸⁷ Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917-1919). – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – С. 196.

⁸⁸ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 36.

намерении образовать собственное волостное правление вместо сельского правления⁸⁹, однако Уездное Присутствие по крестьянским делам данную просьбу отклонило. В 60-е гг. XX в. Ломовка представляла собой центр одноименного сельского совета и в этот же период село вошло в состав города Белорецка. Село Березовка вошло в состав Тирляна, который был преобразован в рабочий поселок, подчиненный с 1928 г. Белорецкому горсовету.

На небольшом расстоянии от Авзяно-Петровских, Кагинского, Узянского, Белорецкого заводов находилась **Инзерская** дача, названная так по протекающей здесь реке Инзер. Земля этой дачи привлекала к себе внимание прежде всего многочисленными запасами железной руды. Известно, что Инзерская дача была куплена г. Левашовым у вотчинников башкир за 18 тысяч рублей ассигнациями⁹⁰.

К 1859 г. Инзерская дача Верхнеуральского уезда площадью более 125 десятин земли с прилегающими к ней лесами и рудниками являлась собственностью Русской горнозаводской акционерной компании, учредителями которой в том же году стали статский советник Александр Рихтер, полковник Павел Ушаков и советник коммерции Александр Пастухов⁹¹. Данная компания имела своей целью приобретение земель, месторождений горных пород, действующих предприятий и строительство новых заводов, фабрик и механических заведений. Однако акционерное общество в скором времени распалось.

К 1890-м гг. Инзерская дача принадлежала владельцу Зигазинского завода Н.Д. Шамову и С.П. фон Дервизу – известному дельцу, сделавшему собственное состояние на строительстве железных дорог.

Сергей Павлович фон Дервиз является основателем **Инзерского** и **Лапыштинского** чугуноплавильного заводов Верхнеуральского уезда. В 1855 г. Николай I пожаловал ему титул потомственного дворянина. Все свое

⁸⁹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 504. Л. 2.

⁹⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. - Ч. 1. – С. 412.

⁹¹ Там же. - С. 411.

наследство отец передал сыновьям. Один из них, П.П. Дервиз, обанкротился в конце 1890-х гг.; другой, С.П. Дервиз, став собственником Инзерской дачи, начинает заниматься горнозаводским строительством.

В период 1890-1895 гг. С.П. Дервиз построил Инзерский завод, первая доменная печь которого была задута в начале 1892 г., а вторая – в 1895 г.⁹².

Инзерский завод располагался между двумя реками Большой и Малый Инзер вблизи их слияния. Эти реки были очень удобны для сплава дров. Производство обеспечивали месторождения бурых железняков на расстоянии около 15 км. от завода. В XIX в. к Инзерскому заводу относился Александровский поселок, который «состоял из переселенных графом Косяковским в крепостное право жителей, очутившихся в непроходимых лесах, среди башкирцев, на расстоянии от русского населения в 100 верстах». Известно, что священник Иванов открыл в этом поселке школу грамоты.⁹³.

Площадка Инзерского завода имела два основных яруса. На нижнем ярусе располагались доменные печи и литейный двор, а на верхнем – шихтовый двор и угольные сараи. Рядом с доменной были сооружены 2 рудообжигательные печи. В первый год работы домна выдала 96 тысяч пудов чугуна за 143 дня. Зимой готовый чугун перевозили к реке Белой, откуда он сплавлялся барками вниз по течению.

К концу 1894 г. на заводе была установлена вторая паровая машина в 55 сил и начали применять горячее дутье. В конце века здесь было централизовано углежжение.

В 90-е гг. XIX в. управляющим Инзерского горнозаводского имения был горный инженер Генрих Егорович Диц. Материалы Центрального государственного архива Республики Башкортостан свидетельствуют о том, что в период 1897-1909 гг. этот человек заключил более ста договоров на сдачу в аренду земельных участков, на рубку леса и выжиг угля⁹⁴. Согласно этим договорам, рабочие получали в аренду на 12 лет земельный участок под

⁹² Буранов Ю.А. Указ. соч. – С. 104-105, 114-115.

⁹³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 291. Л. 1 об.

⁹⁴ ЦГИА РБ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

усадьбу около 0,1 га с ежегодной платой за него 3 рубля и обязывались выполнять на заводах необходимые работы по установленным расценкам. Очевидно, что некоторая часть заключивших договор людей осталась здесь на постоянное место жительства. В числе рабочих, заключивших договор, были приезжие из Самарской, Воронежской, Пермской, Вятской и других губерний. Однако основную массу рабочих составили крестьяне из Уфимской и Оренбургской губерний Верхнеуральского уезда.

Согласно документальным источникам, в 90-е гг. XIX в. от местных жителей в Святейший Синод неоднократно поступали сведения о «крайне враждебных отношениях управляющего Инзерским заводом г. Дица к православной церкви», что не могло не вызвать недовольства в среде заводских рабочих. «Г. Диц, по происхождению немец-лютеранин, нередко кощунствует над религиозными обрядами православной церкви. «Церковь, - говорит Диц, - наша. И мы, если пожелаем, разберем ее по бревну без разрешения Епархиального Начальства»»⁹⁵.

Согласно архивным данным, в 1910 г. управляющим Инзерского завода стал дворянин Василий Николаевич Федорев⁹⁶.

В 1897 г. С.П. Дервиз построил Лапыштинский завод с двумя домнами. Уже к концу 1898 г. Инзерский и Лапыштинский заводы выплавили 1232805 пудов чугуна⁹⁷. Лапыштинский завод находился в нераздельной даче с Инзерским заводом, на правом притоке реки Большой Инзер, Лапыште.

В 1898 г. С.П. Дервиз создает Инзерское акционерное общество, основной целью которого была разработка месторождений железной руды в Инзерской даче Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Однако в первые годы деятельности общества на нем числилась огромная задолженность, в результате чего имение было заложено в Нижегородско-Самарском банке.

⁹⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 291. Л. 8 об.

⁹⁶ ЦГИА РБ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

⁹⁷ Буранов Ю.А. Указ. соч. – С. 104-105.

Промышленный кризис 1900-х гг. Инзерское общество перенесло довольно благополучно. В 1910 г. на двух заводах Инзерском и Лапыштинском было выплавлено 1047494 пуда чугуна⁹⁸. Увеличение объема готового чугуна наблюдалось и в годы нового экономического подъема.

В 1922 г. началось строительство узкоколейной железной дороги из Белорецка. Первый поезд пришел в Инзер 7 ноября 1923 г.⁹⁹. Спустя два года произошла консервация Инзерского завода.

По постановлению о волостном районировании (от 24.01.1923 г.), Инзерская волость Тамъяно-Катайского кантона вошла в состав более крупной волости – Усман-Галинской¹⁰⁰.

Село Лапышта долгое время было центром одноименного сельского совета. Позже оно вошло в Татлинский сельсовет в 77 км. от города Белорецка. Инзер – поселок городского типа Белорецкого района Республики Башкортостан. С 2007 г. – село.

В целом, изучаемый Белорецкий район Башкортостана является крайней восточной границей края и представляет собой сеть бывших заводов, протянувшихся по берегу р. Белой с северо-востока на юго-запад. Существующие ныне русские села в прошлом представляли собой заводские поселения металлургического и металлообрабатывающего типа. Обозначенные выше населенные пункты были образованы со второй половины XVIII в. для обслуживания местного горного производства. Строительство осуществлялось по единой схеме: жилые дома располагались по берегам рек (Верхний Авзян, Кага, Нижний Авзян) или на возвышенности над прудом (Тирлян, Узян). В центре (Тирлян) или на окраине (Верхний Авзян, Кага) заводского поселка находилась река, на которой сооружалась плотина, необходимая для функционирования местных заводских предприятий. Изучаемые села были связаны производственными отношениями, поскольку изначально представляли собой единую систему из

⁹⁸ Там же. - С 171.

⁹⁹ Вечерняя Уфа. - 1974. - 30 августа. - С. 9-12.

¹⁰⁰ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 36.

главных и вспомогательных железоделательных предприятий. В наше время все из бывших заводов – это села и поселки, за исключением Белорецкого завода, давшего начало городу.

2. История возникновения и развития горнозаводских поселений в устных рассказах с топонимическим мотивом

Для исследования социокультурного аспекта особую значимость имеют не только документы, фиксирующие реальные исторические события, явления и дающие оценку этих процессов конкретными лицами, но и фольклорные источники, содержащие обобщенную оценку, дающие определенного рода срез социальной действительности и духовной реальности.

В настоящее время в отечественной и зарубежной науке фольклор понимается двояко – в узком и в широком смысле. В широком понимании к фольклору относится – «вся область традиционной народной и духовной культуры во всех ее разделах и видах»¹⁰¹. По мнению С.М. Толстой, «фольклором называют корпус верbalных (словесных) текстов разных жанров и разного назначения, употребления и происхождения, передаваемых и усваиваемых по традиции»¹⁰².

В настоящем исследовании фольклор рассматривается как историко-этнографический источник в его узком толковании. К нему относим «произведения, фиксируемые памятью и отвечающие общественным запросам, будучи воспроизведимы по памяти»¹⁰³. Таким образом, фольклор выступает как «особая форма устной речи»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Толстая С.М. Фольклор и этнолингвистика // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докл. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 119.

¹⁰² Там же. – С. 118.

¹⁰³ Азбелев С.Н. Фольклор в системе традиционной культуры // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. – С. 267.

¹⁰⁴ Адоньева С.Б. Фольклористика и современное гуманитарное знание // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. – С. 46.

«Устная история, в противовес письменной, более пригодна для получения информации о тех людях, которые в меньшей степени участвовали в создании письменных документов»¹⁰⁵. Как отмечает Т.К. Щеглова, «коллективная и индивидуальная память сельского населения обладает огромным источниковым потенциалом, который должен быть востребован учеными»¹⁰⁶, однако процесс сбора и дальнейшей интерпретации полученной информации должен основываться на научных принципах.

Источники личного происхождения многогранны и содержат богатый фактографический и эмпирический материал. Эмпирическая информация, зашифрованная в интервью, позволяет «восстановить прошлую жизнь во всем ее многообразии: мировосприятие и жизненный опыт людей, их оценки событий»¹⁰⁷, чего нет в архивных и статистических документах.

Отражая разносторонние факты действительности, полевые материалы содержат богатейший объем разнообразной информации и являются значимыми независимо от создателя текста и времени его появления.

В изучаемом регионе наиболее устойчивым, информативным и активным по частотности бытования является жанр несказочной прозы фольклора – устный рассказ. Б.Г. Ахметшин говорил об активности бытования и «превосходной сохранности» устных рассказов на территории Башкортостана, «в то время как в других промышленных районах от них остались по существу обрывочные фрагменты и смутные воспоминания»¹⁰⁸.

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в поселения региона содержат достаточно большой объем устных рассказов об историческом прошлом края. Запас фантастических, вымышленных рассказов в Белорецком районе очень скучен: в архив вошли лишь несколько легенд о Емельяне Пугачеве и «пугачевском кургане». Однако

¹⁰⁵ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – С. 402.

¹⁰⁶ Там же. - С. 512.

¹⁰⁷ Там же. - С. 75.

¹⁰⁸ Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. – Уфа: Китап, 2001. - С. 30.

зафиксировано большое число преданий исторического и топонимического характера. Потому в диссертационном исследовании, в первую очередь, анализируются устные рассказы нескольких тематических групп, а также исторические и топонимические предания.

Фольклорные рассказы представляют собой довольно позднюю фиксацию фольклорно-этнографического материала (90-е гг. XX – начало XXI в.). «Отличаясь особой изменчивостью и «чувствительностью» к событиям стремительно меняющейся жизни, устные рассказы как бы обретают нередко «второе дыхание» и плодотворно развиваются достаточно продолжительное время»¹⁰⁹. В Белорецком районе особую подпитку, «второе дыхание» рассказы получают благодаря появлению газетных статей¹¹⁰, выпуску юбилейных¹¹¹ и прочих публикаций по истории края. В связи с этим в воспоминаниях жители отмечают, что данную информацию они «прочитали у книге», на которую и делают свои ссылки. Таким образом, подобные печатные издания представляют собой особое средство закрепления в народной памяти событий и явлений прошлого.

Категория времени в рассказах представлена очень пространно и неоднородно. Главным образом, это тексты о прошлом, однако в них отражены и совсем недавние события. Как правило, информант рассказывает о событиях из жизни своих прародителей, родителей, однако наряду с этим встречаются и воспоминания из жизни самого информанта. Потому, почти каждый из них начинается с зacinов типа: «Помню, мама (отец, дед, отцов дед, мамина мать, дядя и т. п.) говорила», «Это давно уже было», «Раньше говорили старики», «Раньше в нашей деревне, помню, было», «Вот я помню, маленькой была», «Я не видела, а слыхать слыхала», «Старые люди говорили» и т. п. Особо авторитетными являются рассказы старейших людей,

¹⁰⁹ Ахметшин Б.Г. Вопросы изучения несказочной прозы рабочих в трудах А.И. Лазарева // Первые Лазаревские чтения: Тез. регион. науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – С. 9.

¹¹⁰ Каримов Р. Ерастов камень // Урал. - 1997. - 21 октября. – С. 3-4.

¹¹¹ И явь, и старые преданья: Авзяну 250 лет. – Белорецк: «Белорецкий рабочий» - «Южно-Уральская полиграфическая ассоциация», 2004. – 64 с.

потому они бережно передаются из поколения в поколение, представляя особую ценность и значимость с установкой на достоверность.

Таким образом, экспедиционные материалы из личного фонда В.А. Сенкевича (Городской архив Магнитогорска Челябинской области) зафиксировали воспоминания жителей периода 60-70-х гг. XX в. Это информанты 1867, 1869, 1870, 1880, 1888 гг. рождения. В фондах Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета представлены рассказы-воспоминания информантов более поздних лет – 90-е гг. XX – начало XXI в.

В исследуемом регионе бытуют устные рассказы, условно представленные следующими тематическими группами. Это рассказы о начальных этапах освоения края, его природных особенностях и богатствах; трудовой и бытовой жизни горнозаводских рабочих и примыкающие к ним тексты о хозяйственных занятиях местных жителей, специфике ремесленного и промыслового производства, а также рассказы о духовной жизни поселений и межэтнических отношениях.

В процессе анализа полевых материалов из числа записанных текстов был выделен отдельный сюжетно-тематический цикл рассказов о заселении русскими территории современного Белорецкого района, основное содержательное ядро которых составляет история заселения и освоения края. В архив вошли также устные рассказы с топонимическим мотивом, объясняющие происхождение названий природных объектов, локальных географических обозначений, которые, в свою очередь, являются отражением исторического прошлого и особенностей общественного и бытового уклада местных жителей. Устойчивые сюжеты рассказов Южного Урала подтверждают единую схему, по которой происходило заселение всего уральского региона.

Топонимы, или географические названия той или иной местности, территории, появляются по причине естественной необходимости наименования человеком природных и создаваемых им объектов. Топонимы

отражают многие явления, происходящие на конкретной территории, в том числе миграционные процессы, которые сопровождаются «перенесением» тех или иных географических обозначений на новые места жительства.

Устные рассказы о начальных этапах освоения региона содержат противоречивую информацию о появлении первых поселенцев, времени основания сел и пестроте состава населения. Сюда мы включаем рассказы с топонимическими мотивами и тексты о переселенцах на Южный Урал.

Информанты каждого поселения охотно рассказывают о происхождении названий сел, их частей, улиц, местных рек, источников, дорог и т. д., самостоятельно обозначая жанр повествования (предание, легенда). Предания об исторических событиях и реальных исторических лицах очень тесно соприкасаются с топонимическими преданиями. По мнению К.В. Чистова, «исторические предания часто одновременно являются и топонимическими», поскольку объясняют происхождение названий конкретных географических объектов¹¹².

Следует заметить, что записанные рассказы о происхождении названий поселений и объектов очень многочисленны и разнообразны, поэтому говорить о каком-либо типе образования топонима в чистом виде представляется довольно сложным. Используя терминологию Н.А. Криничной¹¹³, в работе были систематизированы рассказы топонимического характера и выделены четыре основных типа образования топонимов: посессионный, локативный, квалитативный и народно-этимологический¹¹⁴.

Посессионный тип образования топонимов является достаточно продуктивным. К данной группе относим названия сел, улиц, частей поселений, природных объектов и прочих обозначений, полученных от имени, фамилии или прозвища первопоселенца.

¹¹² Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. Учеб. пособ. для филолог. специальностей ун-тов. – М.: Высш. школа, 1977. – 23.

¹¹³ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. - Л.: Наука; Ленингр. отд-ние АН СССР, 1987. – С. 71.

¹¹⁴ Тихонова Е.Л. Топонимический мотив в структуре преданий о заселении русскими Восточной Сибири // Народная культура Сибири: Материалы IX научно-практического семинара Сибирского регионального университетского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 116.

Информанты утверждают, что их село получило название по фамилии человека, который являлся хозяином здешних земель: «Узян - башкирское название, это фамилия хозяина здешнего места» (Латохин А.А., 1926 г. р., Узян)¹¹⁵. «Земли наши принадлежали башкирину с подобным именем» (Лисовский И.А., 1925 г. р., Кага)¹¹⁶. «В Ломовке-то жили переселенцы, беглецы. Ломов был помещик такой» (Савинова Г., 1903 г. р., Ломовка)¹¹⁷.

После реформы 1861 г. и закона 1869 г. о свободной продаже вотчинных земель в Башкирию устремляется поток русских заводчиков, лесоторговцев, купцов и пр., которые скупали у башкир земли и основывали здесь свои предприятия. Так, в Государственном архиве Оренбургской области¹¹⁸ хранится дело о продаже в собственность горным заводам Кагинскому и Узянскому земель Башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей (постановление от 20 марта 1870 г.). «Мамка говорила, что башкыры большое место занимали раньше, даже больше русских. Они продавали покосы, закупали земли. Баи они были, обширное место занимали. Мать, бывало, скажет: «Купили у них земли - будем покос убирать, а нет, так нет» (Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹¹⁹.

Узколокальную специфику имеют названия природных и географических объектов, известные лишь в рамках близ расположенных от них населенных пунктов. Сюда относим наименования гор (Попова, Драпкина, Моисеева, Осокина и др.), источников и колодцев (Карынкин ключ, Галкин колодец, Милютин колодец, Мертвый лог, Приютский ключ и пр.), а также частей села (Громиловка, Долгановка), получивших свои названия по фамилии человека или группы людей, проживающих на данной территории: «Долгановка - по улице Советской. Долганов - купец

¹¹⁵ Приложение 2. № 24.

¹¹⁶ Там же. № 30.

¹¹⁷ Там же. № 29б.

¹¹⁸ ГАОО. Ф.13. Оп. 1. Д. 239. 13 Л.

¹¹⁹ Приложение 2, № 196.

такой был» (Шердюкова А.П., 1924 г. р., Тирлян)¹²⁰. «Милютин колодец у нас водой хорошей славится. Там Милютины раньше жили» (Быкова П.К., 1912 г. р., Кага)¹²¹. «Самый любимый у узянских жителей – Галкин ключ. Поверье о том, что вода в нем святая, пошло от семьи Галкиных. Очень богоильные были люди» (Губанова Е.И., 1908 г. р., Узян)¹²².

Следующий тип образования топонимов – локативный – представлен в материалах немногочисленно. К этой группе относим «происхождение названий поселений от наименования местности, в которой они были основаны»¹²³, в том числе, от названия реки: «Кагу назвали по рещке и Авзян также» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)¹²⁴. «Тирлян так назвали по речке Тирлянка. Вроде как с башкирского «сердится». Она по горе протекает, значит бурная, быстрая, сердитая» (Волков Л.Н., 1932 г. р., Тирлян)¹²⁵.

В данной группе обращают на себя внимание топонимические объекты – бытующие до настоящего времени названия частей (микрорайонов) села, позволяющие говорить о том, откуда прибывали первые поселенцы (Вятка, Калуга (Калужовка), Литва, Тула, Мыза и др.), и кем были по вероисповеданию или роду занятий (Салямовка - мусульмане, Шанхай – китайские купцы). Обозначенные микрорайоны существуют в селениях до настоящего времени. Местные жители отмечают, что раньше очень четко обозначались границы между отдельными частями селения, что свидетельствует о наличии разных локальных зон не только в соседних селах, но и внутри каждого из них. «Да у нас по носкам можно определить, кто идет: в «Литве» с красными крестиками носки вяжут, в «Заводе» – черно-белые носки или однотонные, в «Николаевке» - с полосками. И щас если станут вязать, обязательно полоски делают. Раньше ведь грозой Узяна была Литва, вот носки обязательно с красным делали. Со Пскова вроде переселенцы, а потом завод построили – смешалось население» (Серпков

¹²⁰ Там же. № 101.

¹²¹ Там же. № 43.

¹²² Там же. № 27.

¹²³ Криничная Н.А. Указ. соч. - С. 71.

¹²⁴ Приложение 2. № 197.

¹²⁵ Там же. № 123.

Ф.М., 1951 г. р., Узян)¹²⁶. Другой информант из Узяна Валентина Сергеевна Лотохина рассказывает: ««Завод» – потому что завод раньше был. «Николаевка» – это мы живем. «Литва» - там весь народ кто откуда. Малиновые рубашки носили у Литве, много-много пуговиц. Они носки, бывало, малиновые свяжут и идут. И говорили везде по-разному. Литва говорить: «Коромыслу-то взял?» Николаевские: «Коромысел взял?». Литвинская сторона меньше грамотная. Парни раньше враждовали, молотили всех» (Лотохина В.С., 1930 г. р., Узян)¹²⁷. «Тобольские ребята с Сухановскими¹²⁸ всегда дрались за девок» (Зарубина Е.А., 1925 г. р., Ломовка)¹²⁹.

Информанты отмечают, что даже во времена их молодости молодые парни дружили и старались брать себе в жены девушек исключительно из той части села, где проживали сами, не говоря уже о соседних селениях: «Драки были жуткие, парни одной части Каги шли на парней другой части, из-за чего-нибудь такие драки были, аж жуть! Да и девки Усть-Каги выходили замуж только за парней Усть-Каги, так было раньше. Попробуй выйти за авзянского или за парня из Замоста¹³⁰, нельзя было» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)¹³¹. «Раньше и жители одного села дрались между собой. Вот Этап и Сафон дрались, чтобы на Завод не ходили. Теперь драки другия» (Андриянова А.С., 1930 г. р., Кага)¹³². «И между нами тоже вражда была: Усть-Кага – Замост – Елань. А с авзянскими вообще драки были несусветные! (Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹³³.

Татьяна Дмитриевна Королева, 1930 года рождения, указала на дом в Каге, который четко разграничивал два микрорайона села – Усть-Кагу и

¹²⁶ Там же. № 203.

¹²⁷ Там же. № 205.

¹²⁸ «Тобол» и «Сухановка» – названия микрорайонов села Ломовка Белорецкого района Республики Башкортостан.

¹²⁹ Приложение 2. № 58а.

¹³⁰ «Устье-Кага» (в народе Усть-Кага – названа так по причине расположения части селения близ устья реки Кага) и «Замост» (от нахождения части поселения за мостом реки Кага) – названия микрорайонов села Кага Белорецкого района Республики Башкортостан.

¹³¹ Приложение 2. № 197б.

¹³² Там же. № 168.

¹³³ Там же. № 195.

Центр: «Ще говорить про соседние села, езли сами кагинския дралися между собой кольями. Тогда граница была между Центром и Усть-Кагой – дом Пашки Колесниковой. Езли, например, замостные али центровские перейдуть Пашку Колесникову, ее дом, то есть к уськажным, то мялка была. Вот как было» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага)¹³⁴.

Информанты говорят также о значительной разнице в говоре жителей соседних поселений: «Ну а говор у каждого села свой – это врожденное» (Абакумова А.Н., 1925 г. р., Кага)¹³⁵. «Говор у нас один, но разлиния есть. Авзянская на «я» говорять – «ВанькЯ», «МанькЯ», а у нас етого нет. Говор ще, над нами и теперь смеются» (Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹³⁶. Урожденная Верхнего Авзяна Анна Акимовна Юлина так объясняет характерную разницу в местных говорах: «Авзян, Кага, Узян – из разных областей привезенные люди. В один населенный пункт из одной области привозили, в другой – из другой области, потому и говор у нас отличается. Верхнеавзянских «мякинниками» звали, кагинских – «кулажниками». В Авзяне в речи окончания мягкие, а в Каге этого не было, а если и было, то реже. Тут говорили грамотнее, чем в Авзяне» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹³⁷.

Образование сел шло путем вынужденных переселений на Южный Урал крестьян главным образом из центральных губерний России. Локальные места переселенцев отражены в названиях районов каждого из сел. «Я в Авзяне урожденная. У нас в Авзяне-то в основном много из Калуги. Отсюда и название «Калуга» (Плотникова Н.А., 1937 г. р., Инзер)¹³⁸. «Кукарка, улица, называется так потому, что здесь когда-то был Кукарский уезд. Конная улица называется так из-за того, что на этом месте раньше были кузни» (Горбатова Е.П., 1918 г. р., В. Авзян)¹³⁹. Как известно, Кукаркой называлась слобода, расположенная на границе Вятского и

¹³⁴ Там же. № 192.

¹³⁵ Там же. № 1766.

¹³⁶ Там же. № 195.

¹³⁷ Там же. № 1876.

¹³⁸ Там же. № 110.

¹³⁹ Там же. № 63.

Казанского уездов¹⁴⁰. В XVII в. рядом с Кукаркой располагались «черные леса» - локальные поселения старообрядцев¹⁴¹.

Так называемые «мигрировавшие топонимы»¹⁴² способны указать пути передвижения людей, их прежнее местожительство и освоенность ими новой территории. Коренной житель села Узян рассказывает: «Мама говорила, что люди были сосланные сюда. Часть села называется «Литва». «Завод» - местные люди. Это вот я у матери интересовался. Она с 1906 года была, умерла. Чисто узянские мы – и родители, и деды, и бабки» (Филиппов И.Н., 1948 г. р., Узян)¹⁴³.

Однако есть некоторые основания утверждать, что задолго до возникновения местных заводов на территории нынешнего села Узян находился старообрядческий скит, скрывшийся от притязаний властей и церкви после реформ Никона. Деревня эта называлась «Хитровка» по занятию ее жителей, которые «хитрили» кузнецным делом¹⁴⁴. В XVIII в. Петр Иванович Шувалов выиграл в карты поселение в Псковской губернии, которая в народе называлась тогда «Литвой». Сюда и были переселены жители «Литвы», которые с течением времени влились в среду староверов. Так закрепилось название «Литва» за преобладающим населением Узяна, а впоследствии и по сей день обозначает название одной из частей села. В разговоре с пожилыми информантами очень четко прослеживается принадлежность каждого из них к какой-либо части села: «литвинская я», «заводской житель» и т. д.

Из воспоминаний жителей Верхнего Авзяна стало известно, что один из микрорайонов села – «Кукарка» - был образован переселенцами-плотниками из одноименного села Вятской губернии, а «Мызу» изначально заселяли поселенцы из Прибалтики: «Жители завезены на завод: рабочие,

¹⁴⁰ История Урала с древнейших времен до наших дней: Учеб. / Под общей ред. И.С. Огоновской, Н.Н. Попова. – Екатеринбург: Сократ, 2003. – С. 105.

¹⁴¹ «Черные леса» располагались ниже дворцовой слободы Кукарки и являлись одним из старообрядческих убежищ.

¹⁴² Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук – М.: Наука, 2005. – С. 56. - (Серия «Народы и культуры»)

¹⁴³ Приложение 2. № 159.

¹⁴⁴ Каримов Р. Указ. соч.

крепостные. «Кукарка» - район возле аптеки. «Калужовка» - завезли из Калужской губернии, и сейчас там город Кукарка есть. «Тула» есть, «Вятка. Из Уфимской губернии есть [переселенцы], из Оренбурга, Тулы, есть и Вятка» (Копытов Л. П., 1920 г. р., В. Авзян)¹⁴⁵.

Помимо крестьян, в Башкирию ссылали солдат, рекрутов, преступников на исправительные работы: «Раньше на месте села была река, а вокруг была тайга. Был такой Петр I, я его у кине видела. Он сослал сюда, в тайгу, людей и нащали они рубать, строиться» (Елкина М.Д., 1926 г. р., Кага)¹⁴⁶. «Кага - населенная: людей у карты пригрывали и их присыпали сюда, перегоняли. Населяли возле реки. Мой дед проигранный был. Щас на могильнике люди живутъ, от моста» (Киселева М.К., 1923 г. р., Кага)¹⁴⁷.

Переселения на Южный Урал были связаны со строительством металлургических заводов. Из числа географических мест переселений информанты называют Владимирскую, Тульскую, Рязанскую, Московскую, Курскую губернии, Калугу, Вятку, Псковщину, Поволжье: «Род наш заселен из Подмосковья. Люди у нас из пяти губерний: Рязанской, Московской, больше не помню. Книга была такая «История Каги». Рассказывали, что Екатерина ссылала. Люди на этапе были, потом строились» (Сухов Н.П., 1929 г. р., Кага)¹⁴⁸. «Отец и мать говорили: «Мы из Латвии». Усяких сюда ссылали. Мало же тогда народа было. Вот лес стали рубить на месте и сюда работников гоняли. Говорили, и германцы были. Немец завод строил. Драп был» (Артемьева В.П., 1923 г. р., Кага)¹⁴⁹. «Я где-то читала, что привозили сюда людей в основном из центральных областей – Новгородской, Курской» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹⁵⁰. «Поселенцев, крепостников для работы на заводе завозили из Московской, Владимирской, Тульской губерний. В 1914 году привезли пленных австрийцев. Они здесь и похоронены. Были тут и

¹⁴⁵ Приложение 2. № 64.

¹⁴⁶ Там же. № 47.

¹⁴⁷ Там же. № 50.

¹⁴⁸ Там же. № 150.

¹⁴⁹ Там же. № 146.

¹⁵⁰ Там же. № 186б.

немцы» (Волков Л.Н., 1932 г. р., Тирлян)¹⁵¹. «У нас, говорят, народ сосланный: и австрийцы, и поляки, немцы и евреи. У нас фамилия была Дахтины, говорят, австрийская. Чехи, белорусы, говорят, нерусский у нас народ» (Зарубина Е.А., 1927 г. р., Ломовка)¹⁵².

Наиболее продуктивным является квадративный тип образования топонимов, происхождение которых связано с природными, культурными особенностями места основания населенного пункта, с каким-либо событием, произошедшим на месте основания поселения, профессиональной деятельностью, родом занятий первопоселенцев.

Зачастую толчок к созданию топонимических преданий давало поэтическое звучание географических названий или его перевода. В изучаемом регионе высокой является частотность бытования топонимических преданий, объясняющих происхождение названий поселений и других географических объектов в связи с их природными особенностями: «Село Кага в переводе на русский язык «маленькая». Река берет начало в скале, которая похожа на коготь, отсюда и название «Кага», то есть «коготь» (Булатов А.Н., 1951 г. р., Узян)¹⁵³.

Информанты утверждают, что на месте современных поселков раньше была тайга, лес, полноводные реки, где со временем и были построены заводы, давшие начало селам: «Это давно было, в начале еще. Здесь вот у нас лес сплошной был. Тирлян назвали так по двум причинам. Тут одни говорят, что здесь тайга была, непроходимость, много зверя было. Ну «тир» - это злой зверь, «лянд» - страна, тоже немецкое слово. От обилия леса и зверей это было. Страна зверей, значит. Ни на одной карте я не находил Кирлян¹⁵⁴, это местное название» (Волков Л.Н., 1932 г. р., Тирлян)¹⁵⁵. «От деда Кузнецова, маминого отца, я слышал. Лет двадцать его нет. По сто пятьдесят метров леса вырубали. Рыбы столько было, что колеса останавливались.

¹⁵¹ Там же. № 96.

¹⁵² Там же. № 58а.

¹⁵³ Там же. № 22.

¹⁵⁴ Кирлян (Кирлянка) – первоначальное название реки Тирлян. Так некоторые жители до сегодняшнего дня именуют поселок Тирлян.

¹⁵⁵ Приложение 2. № 123.

Месяц целый прорубали леса от Кагарманово, первый тракт тогда строили» (Осипов В.Д., 1954 г. р., Кага)¹⁵⁶.

Интерес представляют наименования улиц селений (Растеряха, Ерзовка, Кукарка и пр.); гор (Малиновая, Пляшинка, Синегорово, Репная, Сухая и др.); рек (Кага, Белая, Инзер и т. д.), названных так по природным особенностям: «Есть гора Пляшинка, на которой ничего не рождается – ни трава, ни ягода какая. Камень только там на верхушке. Потому она вроде лысой кажется» (Черепенькина М.В., 1926 г. р., Кага)¹⁵⁷. «Край села Верхний Авзяна – «Растеряха», все дома на горе разбросаны. Горы в деревне: при въезде Копытова, Мелешина, Малиновая – на ней много малины растет. Синегорово - на ней растет щерника» (Бочкирева Р.И., 1930 г. р., В. Авзян)¹⁵⁸.

Старые названия устойчиво закрепились в народной памяти. Например, в Верхнем Авзяне активно бытует «народное предание» о том, почему в поселке Авзян улицу Ленина в молодежном обороте называют «Ерзовкой»: «Очень давно был большой потоп. Больше всего затопило как раз то место, где сейчас находится эта улица. От воды дома как бы «сползались» друг к дружке, то есть было похоже на то, что они ерзали. Потому с тех пор улицу эту все называют Ерзовкой» (Полетавкин Ю.С., 1983 г. р., В. Авзян)¹⁵⁹.

Каждый географический или природный объект содержат либо физическую характеристику, либо свою историю. Довольно часто информанты связывают название местных объектов с какими-либо памятными событиями. Так, в селе Кага есть места, называемые «этап», «карантин», где, по словам старожилов, стояли заключенные и проходили карантин. По этим этапам гнали политических ссыльных в сторону Верхнего Авзяна - там со временем и был основан поселок. «У нас и щас Этап, Карантин есть. У Нижнем Авзяне тюрьма была, я помню. Туда на работу заключенных гнали, конвоир у них был, он ругался сильно, если люди

¹⁵⁶ Там же. № 152.

¹⁵⁷ Там же. № 46.

¹⁵⁸ Там же. № 75.

¹⁵⁹ Там же. № 62.

подавали им еду или ишо що-то» (Андрянова А.С., 1930 г. р., Кага)¹⁶⁰. Анастасия Петровна Оглобличева рассказывает: «Отец мой, Петр Ефимович Артемьев, 1892 года рождения, говорил, откуда приехали сюда наши предки, ну я вот уже не помню. И вот Карантин, Этап звали так потому, что там остановка была, проверка, медицина была ведь во все годы. Ехали с той стороны, знать, ну вот на Карантине проверяли их. Там и ссыльные были, всякие. Много отец рассказывал об этом, а ему в свой срок его отец рассказывал, дед мой, но я деда-то не помню совсем. Но мы, родня вся наша, чисто русские» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага). Еще один факт, подтверждающий прохождение заключенных через обозначенные поселения, - существование в Верхнем Авзяне микрорайона, называемого «Кордон». Из исторической литературы известно, что «кордонами» называли этапные домики ссыльных и заключенных, окрашенные черными и белыми полосами¹⁶¹. По «Воспоминаниям» Дмитрия Ивановича Татаринова¹⁶², версты за две от селения Кага реально существовали кордоны, в которых останавливались на ночлег очередные партии каторжан¹⁶³. «Урал служил ссылкой для всякого рода неблагонадежных элементов, до последнего времени исключительно уголовных.... Следует назвать и еще одно обстоятельство: через уральские заводы пролегал путь в Сибирь многочисленных партий уголовных преступников»¹⁶⁴.

Таким образом, заселение региона, по словам жителей, происходило «отовсюду», потому народ в регионе «сбродный», «неприменский», «присланный»: «Мы – кагинские. Местные. Как родились, так и живем. Дед отца был кагинский, отец у Каге прожил и умер и мы также умрем тут. Мама говорила, что съезжались со всех сторон. Тут же лес был, лес рубили и строили дома. Приезжали откуда хто какой» (Абакумова Е.П., 1926 г. р.,

¹⁶⁰ Там же. № 167.

¹⁶¹ Татаринов Д.И. Воспоминания // Башкирский край: Сб. ст. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея, 1992. – Вып. 2. - С. 37.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. - С. 37-38.

Кага)¹⁶⁵. «Родители – отец и мать – умерли в 1984-ом году. Присланные, пришлые были. Не рассказывали, откуда предки-то наши. Это заселенные люди. Авзян образовался от таких людей» (Полетавкина Е.А., 1935 г. р., В. Авзян)¹⁶⁶. «Раньше, когда тут люди ишо не жили, лес рубили эти выселенныя-то, дед наш был плотник, дрова рубил. А откуда эти люди были выселенные, я не помню уже» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага)¹⁶⁷.

Местные жители полагают, что Кага – это бывшая колония административно-государственных арестантов. Так, по начальным буквам и стали называть это место - Кага: «От деда я слышал, Семен Иммануилович его звали. Лет 20 его нет. Он рассказывал, что ссыльные из Иваново сюда переселялись. Политические ссыльные здесь строили. По этапу гнали в сторону Верхнего Авзяна ссыльных по проторенной дорожке. Я его расспрашивал: «Расскажи, дед, как заселяли?» Вот и рассказал он мне» (Осипов В.Д., 1954 г. р., Кага)¹⁶⁸.

Следующая разновидность квадративного типа образования топонимов включает предания, в основе которых лежат любовные коллизии, социальные конфликты (Ершов ключ, Марюткин камень, Иванушкин бугор, Ерастов камень и др.): «У нас есть здесь Марюткин камень. Она, Марютка-то, с дедом жила там. Мужа ждала двадцать пять лет из армии. Ее хотели отдать за кого-то замуж, а она туда ушла жить. Вот это место и называли – Марюткин камень» (Кочетова А.В., 1921 г. р., Тирлян)¹⁶⁹.

В селе Узян практически каждый знает примечательное место – Ерастов камень, история возникновения которого передается жителями из поколения в поколение. «На реке Узян есть Ерастов камень. Без него наш Узян - не Узян. А была такая история. Давным-давно было дело. Полюбил один парень девушку и она его тоже. А они неравные были: он – богатый, она – бедная. И не разрешали им жениться. Так они пошли на скалу, да и в

¹⁶⁵ Приложение 2. № 148.

¹⁶⁶ Там же. № 114.

¹⁶⁷ Там же. № 190.

¹⁶⁸ Там же. № 152.

¹⁶⁹ Там же. № 92.

реку Узян оттэда. Это так только называется «камень», а так это скала» (Булатов А.Н., 1951 г. р., Узян)¹⁷⁰.

Полевые материалы региона располагают единичными преданиями с топонимическими мотивами, в которых происхождение названий объектов связано с профессиональной деятельностью или родом занятий поселенцев. Так, современный поселок Ломовка Белорецкого района возник в XVIII в. как выселки. В народе бытует несколько версий происхождения поселка. Одна из них заключается в том, что Ломовка получила название от рода занятий его первых жителей: они были «ломовыми извозчиками» и поставляли сырье на Белорецкий завод: «Ломовка идет от Пугачевского карьера, где ломали камень для завода» (Савинова Г., 1903 г. р., Ломовка)¹⁷¹. Существует ещё одна точка зрения, согласно которой первые жители поселка были переселены из поволжского села Ломовка или Ломота, о чём гласит частушка: «Люди съехались сюда из поселка Ломота...».

Есть основания полагать, что деревня Ломовка возникла как редут Верхне-яицкой крепости, под охраной которой правительство селило неугодных ему людей преимущественно из крестьянства, в том числе и сосланных раскольников из Нижегородской, Тобольской, Пензенской губерний. Старожилы отмечают, что большинство переселенцев было из города Ломово. Со временем Ломовка стала нести функцию сельскохозяйственной базы для Белорецкого завода. Старообрядческое вероисповедание одной из частей населения «приводило к тому, что Ломовка держалась обособленно»¹⁷² от других категорий местных жителей.

В поселке Тирлян бытуют звучные названия частей села, по поводу которых информанты отмечают, что свои наименования они получили от особенностей взаимоотношения первых поселенцев: «Шибаевка, Громиловка

¹⁷⁰ Там же. № 23.

¹⁷¹ Там же. № 29б.

¹⁷² ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 30. Л. 190.

– люди, которые занимали места. Они защищали свои территории методом драк» (Оглоблин Б.А., 1948 г. р., Тирлян)¹⁷³.

Народно-этимологический тип образования топонимов также имеет место в структуре преданий горнозаводских поселений Белорецкого района. Зачастую жители объясняют тот или иной топоним (чаще иноязычный) посредством народной этимологии по причине отсутствия о нем исторических сведений. Данный тип с течением времени может вытеснить ранее существующие названия другого типа, чем, по всей видимости, отчасти и объясняется противоречивость информации экспедиционных материалов о появлении первых поселенцев, времени основания сел, составе населения, а также разнообразие версий о названии поселений и прочих объектов. Так, например, жители Каги по-разному расшифровывают название своего села. «Есть другая легенда. Давным-давно проходил человек через эти места. Летели гуси и кричали «га-га-га», ему и послышалось «ка-га-га», так и назвал он это место Кагой. Или так еще говорили – земли эти принадлежали башкирину с подобным именем» (Лисовский И.А., 1925 г. р., Кага)¹⁷⁴.

В целом нужно отметить, что со второй половины XVIII в. идет процесс переселения русских на обозначенные территории Белорецкого района, где изначально проживали башкиры. Полевые записи показывают, что русские переселенцы приняли многие иноязычные топонимы и ассимилировали их полностью или частично, а также образовали собственную систему географических обозначений данной местности. В изучаемом регионе наблюдается островная, чересполосная и вкрапленная топонимия.

Таким образом, научная литература дает немногочисленный, зачастую очень противоречивый материал по истории горных заводов на территории Южного Урала. Какие-либо опубликованные данные по истории сел, процессам формирования населения вокруг заводских предприятий

¹⁷³ Приложение 2. № 106.

¹⁷⁴ Там же. № 30.

отсутствуют, нет исследований этнографического характера по обозначеному региону. Работа с архивными документами показала, что в процессе колонизации уральских земель со второй половины XVIII в. на территории современного Белорецкого района был сформирован очаг демидовских заводов, которые со временем дали начало заводским поселениям с основной категорией жителей – русскими крестьянами. Людской состав миграционного потока зависел, в первую очередь, от экономических соображений и прихотей владельцев предприятий, потому к южноуральским заводам оказались приписанными государственные, частные крестьяне из разных областей и губерний России, а также ссыльные и старообрядцы. Из мест переселений упоминаются Казанская, Курская, Пензенская губернии, однако подтверждающие эти факты документальные свидетельства практически отсутствуют.

На период XVIII-XIX вв. пришлось время расцвета и активного функционирования металлургических заводов на Южном Урале. Они были неразрывно связаны друг с другом в производственном отношении, располагались на территории одного или двух соседних кантонов, потому образовали своеобразную единую сеть предприятий по обработке и изготовлению металла. К началу XX в. по причине нерентабельности заводы постепенно закрываются, а на их месте возникают русские крестьянские поселения.

Четко проследить пути перемещения крестьян на заводы, места их жительства до начала массовых переселений на южноуральские заводы представляется очень сложным. Уникальную информацию об этом дают воспоминания местных жителей и бытующие в народной среде предания.

История образования сел и процесс формирования населения вокруг заводских предприятий нашли отражение в богатой топонимике обозначенных выше населенных пунктов. В результате анализа фольклорных текстов с топонимическим мотивом выявляются и прослеживаются причины

и пути переселения людей на башкирские земли, где развернулось массовое горнозаводское строительство.

Местные географические названия создавались постепенно. Они отражают природные особенности конкретной местности, дают характеристику поселениям и другим объектам, созданным людьми, а также указывают на диалектные особенности местного произношения. Топонимические названия и обозначения являются особым средством закрепления в народной памяти событий далекого и недавнего прошлого, потому в изучаемом регионе они очень устойчивы и проходят через века. Несмотря на преобладание художественного вымысла, записанные тексты сохраняют и доносят основное содержательное ядро, помогая тем самым восполнить отсутствующую архивную и документальную информацию по истории края.

Из географических мест переселений информанты называют Владимирскую, Тульскую, Рязанскую, Московскую, Курскую губернии, Калугу, Вятку, Псковщину, Поволжье, которые закрепились в названиях микрорайонов изучаемых сел.

Наличие в каждом поселении отдельных «концов» (частей) со специфическими наименованиями, четкое разделение границ между соседними населенными пунктами и частые «несусветные драки» между ними, запрет на общение и заключение браков «не из своего села», заметная разница в говоре, бытовых и культурных особенностях – все это указывает на разные очаги переселения на южноуральские земли, различные этнолокальные зоны, сформировавшиеся вокруг горно-металлургических предприятий со второй половины XVIII в.

Глава 2

СПЕЦИФИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX в. ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА

История заводских селений представляет собой сложный длительный процесс. Район обозначенных русских сел, представляющих собой разные этнолокальные зоны, однако имеющих много общего в истории жизни и быта, был сформирован на территории размещения заводов во второй половине XVIII в.

По причине закрытия большинства заводов во второй половине XX в. заводские поселки южноуральского региона становятся деревнями. Таким образом, с некоторой долей условности будем говорить о трех этапах в истории данных сел. В основу периодизации положен характер хозяйственно-трудовой деятельности населения.

I. Становление заводского промышленного производства (со второй половины XVIII до конца XIX в.). Адаптация пришлого крестьянского населения к новым условиям жизни и деятельности.

II. Кризис заводского производства, остановка и закрытие большинства предприятий (с конца XIX до начала XX в.). Зарождение кустарно-сельскохозяйственных районов на месте бывших заводов.

III. Переход от промышленного к «двустороннему промыслово-крестьянскому хозяйственному строю жизни» (Д.А. Кащинцев) (с начала XX до начала XXI в.).

1. Особенности хозяйственно-трудовой деятельности населения в период активного функционирования заводских предприятий

Строительство заводов на Южном Урале со второй половины XVIII в. шло по пути инициативы частного предпринимательства. Юг Урала,

заселенный преимущественно башкирами, располагал необходимыми для освоения условиями: ценнейшие запасы леса, руды, довольно развитая речная система. Сами заводы были построены на арендованных землях башкир (территория Тамьян-Катайского кантона, включающая Белорецкую, Тирлянскую, Ломовскую, Узянскую, Кагинскую, Авзяно-Петровскую, Инзерскую, Усмангалинскую волости).

Рабочая сила на предприятиях создавалась в основном за счет крепостного крестьянства, насильно переселенного сюда из центральных районов России. Старейшие информанты рассказывают: «Людей у коробе привозили да вываливали. И калмыков привозили, и всяких языков, ну и рубили на месте быдто дома. И, быдто, озеро здесь было. Это раньше, когда село образовывалось» (Кузнецова А.А., 1921 г. р., Кага)¹. Татьяна Дмитриевна Королева вспоминает: «Отца моего звали Дронов Дмитрий Варнеич, 1891 года рождения, мать – Дронова Нина Кузьмовна, 1893 года рождения. Мамка рассказывала, что приехали в эти места выселенные откуда-то и Кага так оказалась. От какая оказия. А откуда эти люди были выселенные, я не помню уже. От где щас колодец у нас на огороде, тут раньше рещка текла. Завод тут был» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага)².

Первые работники горных заводов были типичными крестьянами европейской России. Исторические факты свидетельствуют о том, что во время восстания Емельяна Пугачева большинство работных людей делало отчаянные попытки бросить работу и вернуться в родные для них места, откуда были насильно пригнаны на Урал. На данном этапе они отстаивали не улучшение условий труда, а добивались полного упразднения заводских работ и возвращения к прежним крестьянским занятиям. Со временем такие представления претерпели изменения. Одним из факторов этого стало окончательное переселение людей на заводы в качестве постоянных жителей, полный разрыв с прежним местом жительства.

¹ Приложение 2. № 51.

² Там же. № 190.

Пришлое население вынуждено было менять привычный образ жизни. Оторванность от земли и занятий сельским хозяйством явились основными причинами превращения хлебопашцев в горнозаводских рабочих. Социальная адаптация переселенцев на данном этапе включает в себя приспособление человека к новым социально-экономическим условиям, социальным группам и организациям (заводскому предприятию, которое выступает в качестве среды его жизнедеятельности), а также новым ролевым функциям и социальным нормам.

Горнозаводская культура объединила в себе исходную православную крестьянскую культуру и принципы заводского промышленного производства. «Этот сплав «легировался» добавленной в него потаенной культурой раскольников, маргинальной субкультурой каторжников и беглых»³.

Процесс классообразования горнозаводских рабочих «происходил, прежде всего, в рамках горнозаводского сословия, искусственно созданного государством для обслуживания нужд уральской металлургии»⁴. Из бывших крестьян формировался общественный слой, имеющий особое социально-экономическое положение. В заводских поселках рождался также новый бытовой уклад, чему способствовало и то обстоятельство, что с самого начала по воле владельца на предприятиях собирались люди из разных мест, без устоявшихся родственных связей, но с многообразными духовными традициями и богатым практическим опытом. Со временем происходило языковое и культурное сближение разных групп переселенцев; на основе этого формировался этнокультурный облик русского населения южноуральского региона. Одной из важнейших особенностей процесса явилось то, что главным регулятором стала местная горнозаводская промышленность.

³ Иванов А. Message: Чусовая. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – С. 235.

⁴ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. – Челябинск, 1996. – С. 8.

Таким образом, уже к середине XIX в. на заводском Урале формируется устойчивая общность бытового уклада, духовной и материальной культуры, довольно отличной от крестьянской, «ставшей основой самоидентификации рабочих и выделения их в особую социальную группу в структуре горнозаводского сословия»⁵. История местных заводов показывает, что горнозаводское население было как раз той этнической средой, которая определила в прошлом развитие языка и быта в регионе. Носителями русской традиционной культуры были рабочие заводских поселков; крестьянское население в меньшей степени оказывало влияние на формирование этнографических особенностей. Следует отметить, что дополнительная привязанность рабочих к предприятиям, «сросшество с заводом»⁶ консервировали их быт.

Так на Южном Урале сложился горнозаводской тип культуры, поскольку завод являлся не только способом организации горного дела, но и своеобразной формой жизненного уклада. Сама специфика осмысления завода заключается в осознании его не только как промышленного предприятия, но и как традиционного способа жизни и деятельности.

Формированию горнозаводского населения в регионе способствовали, в первую очередь, особенности производственной деятельности, природно-климатические условия местности и т. д. (Приложение 3, фото 7).

Русское горнозаводское население Южного Урала не было социально однородным. Все категории заводских рабочих, исключая приписных, получили в XVIII в. названия «мастеровые» и «работные люди». Большинство мастеровых и работных людей составляли квалифицированную рабочую силу. В правовом отношении казенные мастеровые, а также мастеровые и работные люди, являющиеся выходцами из приписных и посессионных крестьян, не рассматривались как собственность заводчика, а считались юридически свободными. Однако постепенно даже их

⁵ Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречия XVIII – первая половина XIX в.– М.: Наука, 2000. – С. 185.

⁶ Озеров И.Х. Горные заводы Урала. – М., 1910. – С. 18.

относительная юридическая свобода практически ликвидировалась. Уже в первой половине XVIII в. переход всех мастеровых и работных людей с одного завода на другой по их личной инициативе не допускался.

К 1861 г. все категории крепостных на Урале делились на «мастеровых» и «урочных». Дифференциация горнозаводских людей зависела, в первую очередь, от отношения к процессу производства. Обслуживающие завод работные люди делились на две группы: с одной стороны – «мастеровые», работающие непосредственно на заводах и выполняющие в цехах основные технологические операции; с другой - «подсобные», «вспомогательные» (возчики, лесорубы, углежоги, барочники, сплавщики и др.). Вторая группа по численности составляющих ее рабочих являлась преобладающей. Работных людей использовали на вспомогательных работах: углежжении, доставке сырья, добыче руды, рубке леса, перевозке готовой заводской продукции, ремонтных и строительных работах (Приложение 3, фото 8).

Институт приписки как неэффективный был упразднен в начале XIX в., поскольку крестьяне вынуждены были ходить на работу за четыреста-семьсот и более верст от мест своего проживания. Так, мастеровые и работные люди стали жить в поселках, расположенных рядом с заводами. Заводская работа вела к полному отрыву приписного крестьянства от сельского хозяйства, которое до этого являлось для них основным и единственным источником жизнеобеспечения. Многие из крестьян имели на новых местах приусадебные участки, сенокосные угодья, небольшое личное хозяйство, однако основу их жизни составляла работа на предприятиях.

В непосредственной работе по выплавке железа и изготовлению гвоздей и проволоки было занято небольшое число квалифицированных рабочих, для которых завод был основой существования. Информант из села Инзер рассказывает: «Я на заводе работал. Руду нагребали, возили, в шахту валили. Вот такая работа была везде. Работой занимались, больше ничем, посеву не было. Чугун возили. На самой домне работал. Двенадцатичасовая

работа. Домой чуть не ползком придешь. Теперь че не работать – теперь машина работает» (Рычков Я.Т., 1904 г. р., Инзер)⁷.

На действующих заводах данная структура сохранялась вплоть до XX в. Старшее поколение Верхнего и Нижнего Авзяна (бывшие Авзяно-Петровские заводы) и теперь «по привычке» называют свои села Верхний и Нижний Заводы.

Местные заводы были прочно связаны друг с другом этапами обработки металла. Они «объединялись в системы горных округов, где нальчествовали предприятия всех стадий металлопроизводства и металлообработки»⁸. Все предприятия были серно-металлургическими (доменными и передельными). Каждое из них в непосредственной близости располагало железными рудами, строительными материалами и древесным топливом (Приложение 3, фото 9). Основными энергоносителями были древесный уголь и прудовая вода.

Южноуральские заводы длительное время сохраняли типичные черты крепостнической мануфактуры с примитивным оборудованием и крепостническими формами труда, что наложило заметный отпечаток на все стороны жизни населения. Заводы работали на древесном угле, необходимом в больших количествах для доменного процесса. Все виды работ на предприятиях и при них выполнялись исключительно вручную (Приложение 3, фото 10).

Отсутствие поселков с русским населением побудило заводы перейти на самообслуживание во всех производственных сферах: все виды работ, заводские и вспомогательные, выполняло исключительно горнозаводское население. «На заводах Южного Урала рабочая сила местного исконного населения применялась лишь как редчайшее исключение.... То, что на Среднем Урале применялось как дополнительный резерв, как операция на крайний случай, на юге являлось обычным способом эксплуатации его

⁷ Приложение 2. № 1а.

⁸ Иванов А. Указ. соч. – С. 246.

богатств»⁹. По причине отсутствия вблизи заводов продовольственных рынков, недостаточного количества пахотных земельных площадей владельцы предприятий самостоятельно обеспечивали местное население основными видами провианта извне: «Хлеб покупали мы, тут хлеба не сеяли, никакой, нет. Ничего не было из хлеба из сеянного» (Рахаева Н.И., 1921 г. р., Н. Авзян)¹⁰.

Анализируя диалектную лексику русских сел Белорецкого района, Всеволод Антонович Сенкевич отмечает, что в речи углежогов, а также добытчиков и переработчиков руды довольно часто употребляется глагол «сидеть» с существительными: «сидеть кабаны», «сидеть печь», «сидеть деготь», «сидеть уголь» и т. д. Эти сочетания характеризуют работу, которая требует неотлучного присутствия до ее полного завершения: «Сколько печей-то везде было! Я dak вот на лошади работала, уголь возила. Бывало, в печку насодишь утром дрова и сидишь. Пока, бывало, лапыштинские приедут, я раза два-три за дровами съезжу. Вот на Мокрой поляне четыре часа печи сидела» (Засол П.Д., 1904 г. р., Лапышта).¹¹ «Сидели кабаны, еще я у своего отца сидела. День работаешь, ночь караулишь, чтобы не сгорел. Вот сидишь у балагана, глядишь. Обойдешь кабаны. Он ведь не скоро сгорит на уголь. Вот карауль. Всяка работа была. Тут у нас много печей было, около речки. Вон по ту сторону, там дальше. Теперь все изломали ведь, разобрали завод» (Аверьянова У.Д., 1918 г. р., Зигаза)¹².

В экспедиционных материалах В.А. Сенкевича подробно описан старинный процесс заготовки древесного угля – «кабанный» способ углежжения.

Информанты рассказывают, что лес рубили, как правило, зимой или в весеннее время. Так называемые «делянки» (участки для вырубки леса) получали у куренного надзирателя. Заранее проводили заготовку

⁹ Кашинцев Д.А. Горнозаводская история и современное состояние Белорецкого района // За индустриализацию Советского Востока. – М., 1932. - № 3. – С. 11.

¹⁰ Приложение 2. № 14.

¹¹ Там же. № 166.

¹² Там же. № 216.

«бревенника» – очищенного от сучьев леса и распиленного таким образом, чтобы его удобно было укладывать на повозку. Жжение угля начиналось, как правило, летом и осенью. Уголь обычно выжигали возле ручья или около небольшой реки. Помимо того, у мест выжига угля наготове дополнительно держали воду в бочках. Бревенник свозили, укладывали в «кабаны» в три яруса. Дрова от полутора метров («долготье») укладывали внизу; второй ярус состоял из бревен средних размеров; а уже на них складывали самые короткие. Сверху сооружалась труба. Далее все обкладывали дерном, который заготавливается с помощью так называемых «пахулек». В.А. Сенкевич отмечает, что это тип примитивной сохи, состоящей из сука дерева, острый конец которой окован железом и кончается косарем, а также двух оглобель. Информанты утверждают, что их деды называли это сооружение сохой. Для того, чтобы поднять дерн на самый верх «кабана», устанавливали специальное крыльцо – лестница из двух перекладин (вертикальных жердей) и поперечных приступок. Горение дров регулировалось с помощью «поддувала» - особой подтопки. Оно представляло собой два-три окошка, закрывалось и открывалось дерном. Благодаря этому приспособлению дрова не горели, а медленно томились, превращаясь в уголь - из-за недостатка кислорода дрова не сгорают, а постепенно обугливаются, тлеют. Подобная работа требовала пристального наблюдения и непосредственного присутствия до ее полного завершения, поэтому за работой всегда наблюдали печники.

По рассказам жителей, процесс тления дров продолжался около недели. Все это время у «кабана» дежурили углежоги, которые помимо наблюдения устранили «прогары» – места, где появлялся огонь. В случае образования огня, прогары закладывались дерном, забрасывались землей: «Двойня там только дежурит, когда горит. Дерном осыпают, а как же, чтобы духу нигде не было. Землей – на дерн. Сыпят здорово, а если огонь сиганет, то сгорит все, никакого угля не получишь» (Ермилов И.К., 1876 г. р., В. Авзян)¹³. Куренные

¹³ Там же. № 2.

мастера следили, чтобы кучи оседали равномерно и огонь не прорывался наружу, иначе уголь сгорит и будет испорчен. «Куренный же называли, куренные были. Помещик купить – куренный сведеть и вон отведеть. Им надо отмерять, отсчитывать. Они примерли, старики-то. Мои годки-то все пощти померли. А как же» (Аверьянова У.Д., 1918 г. р., Зигаза)¹⁴. Провалы и взрывы были очень частым явлением для углежогов. Во время горения в трубы проваливались дрова, куча расшатывалась и либо обваливалась, либо взрывалась.

Горение продолжалось десять-пятнадцать дней и более, в зависимости от величины куч. По цвету выходящего дыма судили о готовности угля. В случае его готовности, отверстия плотно забивали, чтобы огонь погас полностью, а сам «кабан» ломали. Специальной колотушкой проверяли, перегорели ли дрова в уголь (в народе этот процесс называется «бучкать колотушками»). Если дрова не перегорели, их складывали в кучи и пережигали вновь. С образованного угля снимали дерн и на больших коробушках перевозили в «залом» - специально подготовленный сруб, состоящий из двух-трех венцов.

Полевые записи свидетельствуют, что в заводской конторе вольнонаемному кабанщику выдавали билет на определенное число коробов и давали небольшой задаток. «Пережигали, а если уж хорошо выйдеть – это называется налищный в уголь. А возили его, здесь домна была, туда. Там сараи были налажены – туда сваживали. И руда там была, и ето, уголь» (Аверьянова У.Д., 1918 г.р., Зигаза)¹⁵. Работа на кабанах или куренях была довольно примитивна и требовала огромных сил. Однако здесь трудились и мужчины, и женщины, и подростки: первые укладывали дрова в кучи, вторые и трети занимались нарезкой дерна и обкладывали им кучу.

Труд на предприятиях был весьма тяжелым и крайне изнурительным. По замечаниям информантов, первой и единственной на тот момент

¹⁴ Там же. № 216.

¹⁵ Там же.

необходимостью рабочего была лошадь: «Помню, сила была коней. Никаких тут железных дорог, никаких машин не было. Все на лошадях возили. Вот наша работа. Вот руду каменную на завод, вот уголь, вот дрова. Сила конная была ужасна» (Ермилов И.К., 1876 г. р., В. Авзян)¹⁶. Потому углежжением занимались в основном те жители, в распоряжении которых была хотя бы одна личная лошадь: «День и ночь, всю зиму и руду, и уголь, и дрова на завод возили. Сорок верст – рупь. Если одна лошадь – один короб, если три – три рубля. Это после уже отменили ручную работу, когда печи большие построили» (Ермилов И.К., 1876 г. р., В. Авзян)¹⁷.

Только к концу XIX в. уральские заводы начинают постепенно переходить на более совершенный способ получения и обработки угля - печное углежжение.

Готовая заводская продукция сплавлялась караванами барж¹⁸. В народной памяти активно бытуют рассказы о весенних сплавах по рекам Белая, Кага, Авзян, Узян. Не случайно, у местных жителей В.А. Сенкевич отмечает развитую архаичную терминологию речного транспорта, отражающую особенности труда и быта речников-матросов и плотогонов.

При отправке караванов важную роль играли бурлаки, которых нанимал завод с целью весеннего сплава караванов. Ежегодно на предприятиях их собирались до пятиста человек: «Приходили дальния люди на барки-то. Издалека приходили, я щас помню, здоровяки» (Тюнегова Д.А., 1891 г. р., Узян)¹⁹. По свидетельствам информантов, в изучаемый регион целыми партиями приходили сплавщики из Вятской губернии. Являясь сезонным промыслом, сплав чугуна и прочей продукции железоделательных заводов приурочивался к наибольшему подъему воды весной и требовал тщательной подготовки к его наступлению. Темпы таяния снега, характер весны, естественные препятствия на пути каравана определяли ход и успех

¹⁶ Там же. № 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Петров Г. Авзяно-Петровские караваны: О сплаве чугуна с Авзяно-Петровского завода в Сормово, 1918-1926. – Ксерокопия. – Б. м., Б. г. / Г. Петров. – 33 с.

¹⁹ Приложение 2. № 4.

сплава. Только с Авзяно-Петровского завода каждую весну сплавляли по реке Белой около сорока барок с железом.

Первый сплав каравана с авзянским железом состоялся в 1759 г. С течением лет на заводах формировались династии мастеров-строителей и специалистов-сплавщиков. «Барка – 75 аршин długoю и 25 аршин ширину. Вот наш сват был мастер судовой. Так звали его Алексей, нет Панкрат Федорович Борисов» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)²⁰.

В полевых записях из личного фонда Сенкевича максимально подробно описан процесс изготовления барок и сплав заводской продукции. Барки для сплава строили летом на специальных деревянных подставках, называемых «клетками». Их располагали на высоте одного метра, чтобы можно было проконопатить и просмолить дно: «На берегу их строили, основывали на высоте аршина в полтора, чтоб просмолить» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)²¹. Когда дно было готово, к нему прибивалась «копань». Для этого из земли с корнем выкапывали большие сосновые бревна, выступы которых составляли основу боков барки. Затем к ней прибивали наружную «общевку», а сверху сооружали палубу с воротом, на который накручивали канаты. Перед спуском в воду из-под барки выбивали клетки. Барки имели длину от сорока до пятидесяти метров, ширину – от десяти до двадцати метров и грузоподъемность – от двенадцати до тридцати тысяч пудов. Только для спуска на воду привлекалось до двух тысяч человек (Приложение 3, фото 11)

Самая главная барка, на которой находилось управление караваном, называлась «казенкой». От других барок ее отличала высокая мачта с разноцветным рефлем в виде цветка, напоминающего ромашку: «Маяк вперед баржи идеть, вот барки сегодня поплыуть, а его заранее уж туды увезут. Их много маяков. Казенка косная – она изукрашена, все шарабры на ей. Там много мяса, хлеба, продуктов много. Вот косная. Если где плохо, мы

²⁰ Там же. № 20.

²¹ Там же.

слезаем у лодку и уезжаем на берег. А после косную, ее на берег по воде-то не возведешь, она ведь тяжелая» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)²².

По замечаниям информантов, на каждом из судов было до тридцати рабочих. Для поворота руля, находившегося на носу барки, требовались усилия пяти-восьми человек. Быстрое движение судна сдерживал «лот» – чугунная плита толщиной пятнадцать-двадцать сантиметров и площадью в один квадратный метр с множеством шипов. Средний лот весил до ста двадцати пудов. Поперек кормы укреплялось сооружение в три бревна – «кичка». На нее на мачтальных канатах подвешивались три-пять лотов. Самый большой лот опускался в воду и волочился по дну реки. С целью остановки барки одновременно сбрасывались боковые лоты. Поворот барки осуществлялся с помощью руля. На каждой барке был лоцман – управляющий баркой, человек очень опытный в деле сплавных работ: «Лоцман барку гонить, направлять. Он хозяин, он у тебе не спрашивается» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)²³. У лоцмана обязательно был свой помощник – поддатень, он командовал снастями на барке: «Отец мой поддатнем ходил, это помощник лоцмана. Лоцман править барку, а поддатень – хозяин снастям. Как только крикнет лоцман «вправо», «влево», - поддатень счастью командует» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)²⁴.

Кроме того на барке находились клевщик – рабочий, наблюдавший за положением лотов на кичке; водолив, который откачивал воду и устранил течи в судне; а также повар и уборщица. Чтобы барка не села на мель, работала специальная бригада из двенадцати человек – промерщиков фарватера. Они плыли впереди всего каравана на косной лодке и помечали обнаруженные мели. Существовала также бригада аварийных косных – двадцать и более человек, которые участвовали в снятии барок с мели.

Каждый год мастера делали от восемнадцати до сорока барок: «Обратно барка не приходить, каждый год делали тут бывало 15-16 и до 18-

²² Там же. № 10.

²³ Там же.

²⁴ Там же. № 20.

ти барок» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)²⁵. Существовал особый план-заказ, при несоблюдении или невыполнении которого мастерам приходилось делать полубарки – более легкие и малые по размеру барки: «Не выполнять план по заказу – полубарки делаются для того, чтобы выполнить заказ. Барка – семьдесят пять аршин длиною и двадцать пять шириной. Строили их наши, кагинские, мастера. С 11-го года нет этого, как завод сгорел» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)²⁶.

Местные жители отмечают, что плавание было очень трудным, поскольку река Белая в горах отличается быстрым течением, опасными перекатами и извилистостью берега. Потому сплав железа, чугуна и прочей продукции был чрезвычайно рискованным и опасным занятием. Иногда даже самые опытные лоцманы неправлялись с управлением: при малейшей оплошности барка разбивалась и тонула вместе с грузом и людьми: «Я раз плавал в Уфу, четыре раза плавал отседова. Знаю, куды держать, знаю, какой волошкой плыть. Знаю место. Я не боюсь. А за мной плывут много людей, но те места мало знают. Я передовой плыву. А езли маленько зря ошибешься, залезешь в камни, все поломаешь. Вот эти камни, шиханы все теперь растрепали, ну динамидом, чем ли, порохом ли» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)²⁷.

В связи с нехваткой рабочих нередко для сплава нанимали башкир, не имеющих достаточных знаний и навыков в деле сплавных работ: «Вот нарубали на хлебной елани лес, потом свозили, весной плотить гнали. Он [местный директор] сперва нанял башкыр. Семь плотов было, хлебом наградили и все тут. Они верст двенадцать отплыли и все упустили. Самих на лодку хочь поснимали» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)²⁸. Именно поэтому так важно было доверить сплав человеку опытному, знающему: «Теперь там рабочие говорять, вот надо послать Миронова Якова, вот он и угонить. Филипп Васильевич Андрианов (дилектором был), он мене и

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. № 20.

²⁷ Там же. № 10.

²⁸ Там же.

вызывает. А я уже хорониться стал, в Уфу-то плыть боюсь. Спец плавать? – Спец. Ну давай иди. Так, набралися люди – поплыли» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)²⁹. Большую опасность представляло также быстрое понижение уровня воды, поскольку барки могли обсохнуть на перекате и остаться на мели до следующего сезона: «Если на мель села, то все. Ет когда ет за ей вернутся, разгрузить, когда вода пойдет» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)³⁰. В таких случаях учитывалось все, вплоть до спуска большого количества воды из заводских прудов.

Много легенд ходило в этих местах про сплавщиков, которые своей находчивостью спасали караван от верной гибели. До настоящего времени в народе бытуют предания, связанные с гибелюю лоцмана Митрохи в конце XVIII – начале XIX в., который управлял баркой с чугуном и погиб на одном из опасных перекатов реки Белой, ударившись о скалу. Так и закрепился в народной памяти топоним «Митрохин (Митрошкин) камень». При сплавах это место старались пройти как можно быстрее, с особой осторожностью: «Были этак случаи. Барка потонеть, ее мол-то разобьет, ее никак уже не удержишь, водой потопило. Последний шихан назывался Митрошкин лоцман. Ох! Митрошкин проплыли. Давай скорейча. Якорь налаживаю и у Белую опускаю» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)³¹. Заметим, что ряд подобных преданий опубликованы Б.Г. Ахметшиным³², который подчеркивает не только их художественную, но «исключительную историческую ценность»³³.

Сбыт продукции заводов ориентировался не только на запад, но и на восток. Железо местных заводов отличалось мягкостью и было пригодно для ковки в холодном виде. Через Троицк караваном верблюдов железо переправляли в Среднюю Азию. Чаще всего отмечается, что продукция переправлялась с местных заводов в Сормово и на Нижегородскую ярмарку.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. – Уфа: Китап, 2001. – 288 с.

³³ Там же. - С. 207.

Со временем плоты стали гонять по Уралу в Оренбургскую степь и дальше до Каспия к Гурьеву.

Сплав заводской продукции постепенно заменился сплавом леса (Приложение 3, фото 12). Поскольку основой жизни местного населения был завод и горнозаводское производство, к периоду остановки предприятий основным занятием бывшего заводского населения становится лесозаготовка, извоз и сплав древесины: «Раньше тут никакой работы не было. Как жили, не знаю! Правда, перва завод был, а после завод ведь сожгли. И усе время наши усе ездили у Никольское, лес рубили» (Ряхаева Н.И., 1921 г. р., Н. Авзян)³⁴.

Зимой с разрешения хозяев земельных участков выбирали делянку – место, где проводилась заготовка леса. Здесь работали целыми месяцами, причем валили, рубили, возили лес не только мужчины, но и женщины: «Лес потом рубили. Месяц выработкаешь, уморишься, домой придешь, недели две отдохнешь – ах ты, опять надо ехать. Работы тут не было. И бабы работали. Еще уедешь на месяц, вот так тут жили мы» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)³⁵. Ближе к весне на лошадях готовый лес возили к реке, а затем сгоняли в пруд: «А на сплав, на сплав забирали токо которые детишек нет. Не поверить чать мене щас. Которы бабы со мной были, вот я пойду, они говорять, а вот нам, говорить, кажется, будто тебя и на свете уже нету, ну раз подняли чуть не мертвую. Я говорю, дак вот, живая хожу. Ну баб-то много со мной, ведь вот подбирается бригада! Лес-то толстой. Ежели одна-две, то не скотиши. А нас ведь шестеро было. Вот кабы мало-то нас было, конечно мы покрехтели бы» (Агеева Е.И., 1909 г. р., Н. Авзян)³⁶. Информанты вспоминают о том, что в Авзяне была сооружена большая гавань, где задерживали лес для сплава: «Тут большой пруд-то был. А вот сверху дрова нагонят полный пруд, вытаскивают их бабы. Руками таскали» (Зайцева Л.С., 1868 г. р., Н. Авзян)³⁷.

³⁴ Приложение 2. № 14.

³⁵ Там же. № 10.

³⁶ Там же. № 156.

³⁷ Там же. № 9.

Из готового леса мужчины сооружали плоты, стягивая бревна веревками по четыре-пять рядов: «Какой надо мне плот, такой сплочку, поплыву. Двадцать бревен клали в одну штуку в ряд, потом еще другой ряд. Вот друг дружку их связывают, веревками стягивают туже. Так оно полагается по пять, ну мы лучше пошире клали, а то и по четыре гоняли. Больше пяти не плотили. Самое большее это пять» (Миронов Я.А., 1888 г. р., Н. Авзян)³⁸.

В связи с появлением железнодорожного транспорта река утрачивает функцию основной транспортной магистрали: «Нет, щас нечего сплавлять. Не плавят. Щас железная дорога ще надо увезеть» (Рычков Я.Т., 1904 г. р., Инзер)³⁹. Со временем отмирает и плотогонство, правда по другой причине. Сплав леса сокращается и прекращается в конечном итоге потому, что металлургическое производство, основанное на древесном угле, значительно израсходовало лесные богатства Южного Урала: «Вот тут у нас сколько печей-то было. Уголь сидели. Узкоколейка в лес пошла, и все пошло. И лес пошел теперь туда. Углем перевозили все, весь лес» (Рычков Я.Т., 1904 г. р., Инзер)⁴⁰.

История заводов естественным образом нашла свой отпечаток в народной памяти. Предприятия проработали свыше ста лет и в течение этого промежутка времени каждое из них многократно передавалось из рук одного владельца в руки другого: «Завод был продан хфранцузам, их полно тут было. Тут переводчики были, он на нас глядить, мы – на него. А управитель был хфранцузской тута» (Ермилов И.К., 1876 г. р., В. Авзян)⁴¹.

Жители рассказывают о том, в какое время, кем и при каких обстоятельствах были построены первые заводы, давшие начало поселениям. Промышленное производство было налажено в селах Верхний и Нижний Авзян (1753), Тирлян (1752/1801), Кага (1769), Узян (1777), Инзер (1890), Ломовка при Белорецком заводе (1762). Владельцами этих заводов являлись

³⁸ Там же. № 10.

³⁹ Там же. № 16.

⁴⁰ Там же. № 1а.

⁴¹ Там же. № 3.

известные промышленники Демидовы. Потому среди населения распространены рассказы, в которых начало заводов они связывают именно с Демидовым, хотя в каждом конкретном случае строителем, хозяином был другой человек (И.Б. Твердышев, И.С. Мясников, П.И. Шувалов): «Здесь строили завод, Демидов строил. Были у нас и Пашковы» (Королев Ф.Ф., 1912 г. р., Тирлян)⁴². «В 1752 году построили завод на реке Тирлянке. Поселок основали Мясников и Твердышев. На заводе работали шведские специалисты» (Волков Л.Н, 1932 г. р., Тирлян)⁴³. «Раньше тут французы жили. Завод строили, это давно было. Могилы их тут есть, а некоторые уехали отсюда» (Слепова А.Ф., 1918 г. р., Слепов Д.А., 1926 г. р., В. Авзян)⁴⁴.

Очень метко и ярко характеризуют жители начальников горных предприятий, управляющих заводами (Сергей Павлович фон Дервиз, Траппе Федор Федорович, Пенто и др.). Так, урожденная Верхнего Авзяна Анна Акимовна Юлина вспоминает: «В Авзяне Пенто до революции так и жил, помоему. Вот щас где плотина, там он жил. Знаю, что церкви строило неместное население и в Авзяне, и в Каге» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)⁴⁵. Активно бытуют рассказы о последних управляющих Авзяно-Петровским, Кагинским, Узянским заводами. Так, например, Федор Федорович Траппе был одним из управляющих Кагинского завода во второй половине XIX в.: «Немец завод строил, а как же. Мне мамка рассказывала. Драп⁴⁶ был, немец, начальник завода» (Артемьева В.П., 1923 г. р., Кага)⁴⁷. «На задах у нас управляющий заводом жил, Драпка. Ох и строгий был он! Поглядить, бывало, у бинокль с горы на завод. Потом приходил и выгонял с работы. Он же у бинокль видел, кто как работал. Это мама моя рассказывала» (Абакумова Е.П., 1926 г. р., Кага)⁴⁸. «Тетя Соня Чернаткина мне рассказывала, как она жила у Драпки в прислугах. Говорила, что

⁴² Там же. № 90.

⁴³ Там же. № 96.

⁴⁴ Там же. № 112.

⁴⁵ Там же. № 186.

⁴⁶ Драп, Драппе, Драпка – так жители сел Белорецкого района называют одного из управляющих Кагинского завода Федора Федоровича Траппе (вторая половина XIX в.)

⁴⁷ Приложение 2. № 146.

⁴⁸ Там же. № 148.

справедливым он был, честным» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)⁴⁹. «А тут был Драп. Фамилия Драпе. А управляющий был Татаринов Иван Асафьевич. А этот – Федор Федорович. Он как заметить за вами неправильность чего-нибудь, он ничего не говорил. Только скажет «на дом!», значить «с работы снять». Только всего и больше ничего не говорил. Тут его хоть проси, хоть не проси, раз сказал «на дом», значить все!» (Уральский И.А., 1883 г. р., Кага)⁵⁰. «Про Драпа че я знаю. Он жил у Белорецке, а наш Фома из Каги возил его из Белорецка на завод. Потом они жили на гребню против пруда. Он, бывало, выйдет на гребень-то и смотреть на завод, наблюдать. Ну это вот потому и гора зовется – Драпкина. От отца я слышала, что строгай он был» (Логинова Н.М., 1924 г. р., Кага)⁵¹. Татьяна Степановна Андриянова рассказала о своей прабабушке Марье Тарасовой, которая, по ее словам, работала на Кагинском заводе уборщицей и не понаслышке знала об управляющем Драпе: «Мне прабабка одна все рассказывала, вот только слушала я тогда плохо, невнимательно, не думала ведь, что пригодиться когда. Звали ее Тарасова Марья. Завод тут был раньше, рядом церковь деревянная, самая первая. Это усе возле плотины. Эта прабабка работала на заводе вроде уборщицей. Немец он был, Драпка-то. Бабка говорила, что человек он был хороший, этот самый Драпе. Заводом правил, строгий, на пять минут опоздаешь на работу – выгонял сразу. Ну это наверно кому как, может и не очень он хорош был, ну вот это бабка говорила мне, то я тебе и рассказываю» (Андреянова Т.С., 1937 г. р., Кага)⁵². И в наше время старейшие жители села Кага рассказывают молодому поколению о заводе и его управляющем, зачастую указывают при этом на «драпкину тропинку» и «драпкину гору», названные так по фамилии Федора Федоровича Траппе. «Драпкина гора называется так потому, что Драп раньше жил тут. Он был начальник усему заводу» (Абакумова А.Н., 1925 г. р., Кага)⁵³. «Драпе на заводе был, так и называются теперь дом его на

⁴⁹ Там же. № 186.

⁵⁰ Там же. № 6.

⁵¹ Там же. № 183.

⁵² Там же. № 174а.

⁵³ Там же. № 179.

Елани⁵⁴ – драпкин. И гора – драпкина» (Андриянова Т.С., 1937 г. р., Кага)⁵⁵. «Отсюда и теперь называется у нас дорога на задах – Драпкина дорога» (Абакумова Е.П., 1926 г. р., Кага)⁵⁶.

Одним из владельцев Кагинского завода во второй половине XIX в. был Иван Асафьевич Татаринов (Приложение 3, фото 13), потому здесь о нем помнят и рассказывают до сих пор. Иван Асафьевич известен как интеллигентный человек, который много сделал на благо всего поселка и рабочих в частности. Под его руководством на заводе были сооружены домна, гвоздарная фабрика; именно благодаря его усилиям в поселке были построены церковь, клуб, школа, больница для рабочих, амбулатория (Приложение 3, фото 14). Много внимания он уделял организации системы образования и просвещения, лично устраивал и подбирал библиотеку, серьезно занимался вопросами лесного хозяйства, искусственной посадкой леса. Во всей округе Татаринов пользовался небывалым уважением и популярностью, особенно в среде башкир: он стремился внедрить в их довольно небогатый быт различные кустарные промыслы, земледелие. Согласно воспоминаниям старожилов, могила и надгробие И.А. Татаринова находится в ограде Кагинской Никольской церкви. Совсем недавно на этом месте был установлен крест, а одна из улиц села стала называться улицей Татаринова.

Формы осмыслиения народом, в данном случае рабочими, фактов исторического прошлого очень своеобразны. Тяжелые условия труда, существование рабочих в положении каторжан, наивная вера рабочих и крестьян в сильных заступников нашли отражение в сюжетах о реальных исторических лицах. Так, рассказывая о своих корнях, житель деревни Лапышта утверждает, что в Узяне очень распространена фамилия Пугачевых. Этих людей местные жители с уверенностью называют потомками самого Емельяна Пугачева: «Не один там Пугачев, там много их. Вот один Пугачев

⁵⁴Елань – одна из частей (концов, микрорайонов) села Кага, расположенная на возвышенности за церковью.

⁵⁵Приложение 2. № 174а.

⁵⁶Там же. № 179.

прошел, вот от него осталась кака-то женщина, вот от этой женщины пошли значит дети. Вот они стали Пугачевы. Вот эт, говорит, от Пугачева люди остались. Она не пошла с ними. Эт там у нас, в Узяне. Ага» (Малахов Ф.П., 1899 г. р., Лапышта)⁵⁷. Легенда о Пугачеве была записана В.А. Сенкевичем от жителя села Узян. Именно с именем Е. Пугачева информант связывает начало завода, хотя на самом деле это утверждение не имеет оснований и каких-либо подтверждений: «Я вам уже говорил, совершенно про него ничего не знаю. Как он раз по дороге, я видел, проезжал здесь, по этой дороге и зашел он в Авзян. Зашел он в Авзян и вот разбил он здесь завод. И действительно передавали, что он тут проходил. Шел он только за свободу, уничтожал только помещиков, а крестьян конечно освобождал от этого дела. Вот предки Пугачева мы, прадед он наш. Дед от мой от Пугачева был, маво отца дед – от Пугачева. Вот потому нас и называют Пугащи, Пугащевы» (Петров Ф.С., 1894 г. р., Узян)⁵⁸. Следует заметить, что во время пугачевского восстания исключительную роль сыграли заводы Южного Урала. Известно, что крупнейшим центром пугачевцев в 1773-1774 гг. были именно Авзяно-Петровские заводы.

Окруженные лесными массивами, местные заводы неоднократно горели. В экспедиционных материалах В.А. Сенкевича зафиксированы рассказы жителей Каги, которые были очевидцами пожара, случившегося здесь в 1911 г.: «И пошел пожар, а время было жаркое, все население почти сгорело. Половина, больше населения нашего села. При заводоуправлении вот на углу прибита дощечка – ет 691-ый дом, да около 1000 было населения тут домохозяйств. Ишо я мальчишкой был, ето маленьkim. От силы огня получился ураган. Да в пруду вот лес был пригнанный, по реке Каге он уже загруженный был. А потом - с дома на дом. Сила огня оказалась ужасной. За двадцать четыре километра находили потом бумажки из канцелярии. Вот ураган какой был!» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)⁵⁹. «Был у нас давно у

⁵⁷ Там же. № 13б.

⁵⁸ Там же. № 12б.

⁵⁹ Там же. № 7.

Каге завод, щугун лили. Сгорел он в 1911-ом году. Один столяр стружку настругал, масло ушло, вот загорелось. Плотина горела, пруд сгорел, все прорвало и вода в деревню пошла. Все заводские документы сгорели, когда завод горел, там аж все пущками летело» (Быкова П.К., 1912 г. р., Кага)⁶⁰.

Сын И.А. Татаринова, Дмитрий Иванович, писал в воспоминаниях: «В лето 1911 года во время пожара весь завод, состоявший исключительно из деревянных построек, совершенно выгорел, остались только церковь, лаборатория и больничка (Приложение 3, фото 14). Последняя была устроена по самому последнему слову строительной техники, состояла из отдельных корпусов, предназначенных для лечения внутренних болезней, глазных, заразных заболеваний, а также родильного и хирургического отделений»⁶¹.

Значительно израсходовав лесные богатства края, пережив многочисленные пожары, к началу первой мировой войны местные заводы постепенно прекращают свою деятельность. Так, большая часть из них стала деревнями. Лишь одно из заводских поселений переросло в город Белорецк. В последние годы горнозаводские предприятия «работали в убыток, мотивируя это тяжестью налогообложения, отсутствием финансовой поддержки со стороны правительства, недостатками сырья и топлива, порчей машин, наличием большой задолженности рабочим и т. д.»⁶².

Уже с 30-х гг. XX в. начинается вывоз оборудования, которое становится собственностью государства. Разбирали и вывозили в Белорецк и Магнитогорск даже каменные и железные трубы. Несмотря на невыносимые условия труда на предприятиях, завод по-прежнему оставался основой существования местного населения. Жители сел запомнили эти страшные годы как время великого погрома: «Ну в каком году? В 20-м и позднее, ет я не помню, в каким. Кто завод ломал, этого старшину купили, а наши завод не дают, плачутъ. «Мы должны с голоду пропасть? Мы и так пропали, завод сломали. Ну че, делать нечего, обедать нечего, завод остановили. Вот тебе и

⁶⁰ Приложение 2. № 43.

⁶¹ Татаринов Д.И. Воспоминания // Башкирский край: Сб. ст. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея, 1992. – Вып. 2. - С. 7.

⁶² ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 50 об. – 51.

все. Вот брата-то и арестовали – не давал завод ломать. Их всех арестовали, сколько было там. Я сам на заводе не работал, ет я молодой, мальчиком был, а работал брат. Весь чугун-то проломали, тут капер поставили, капром ломают большие вещи-то. Ну на барки грузили и возили. Увезли их бог знает куда, в Сормовские заводы. Вот дело-то как было. Это очень давно» (Ермилов И.К., 1876 г. р., В. Авзян)⁶³.

Одной из основных причин кризисного состояния горнозаводского хозяйства Южного Урала С.П. Фармаковский считает влияние обязательного отношения с рабочими и их связь с землей: «Нигде в мире нет заводов, обязанных вести дело только ради того, чтобы прокормить рабочего, а на Урале почти все заводы именно так поставлены»⁶⁴.

Оторванность Урала от других промышленных центров и прикрепленность к заводам существенно затрудняли миграцию рабочих, в связи с чем в регионе образовалась значительная резервная армия труда, а приток новых рабочих был очень затруднен. К XX в. поток населения на территории обозначенных заводов постепенно прекращается, потому данный период можно считать временем формирования местных традиций. Поселения были разбросаны в горно-лесной местности и практически не связаны между собой транспортными путями, что дополнительно привязывало рабочих к предприятиям и постепенно все более консервировало их быт.

После закрытия заводов в связи с необходимостью выживания бывшие заводские рабочие постепенно переходят к обработке земли и ведению хозяйства. Лесные и другие виды промыслов, сельское хозяйство становятся вспомогательными средствами улучшения жизни местного населения. На данном этапе начинается процесс постепенного разрушения замкнутости традиционного старожильческого быта, усвоение заводской средой черт городской культуры при определенной устойчивости многих обрядовых

⁶³ Приложение 2. № 3.

⁶⁴ Фармаковский С.П. Горнозаводские дела Урала. – СПб., 1909. – С. 129-130.

традиций в быту уральских рабочих. В регионе образуется значительная резервная армия труда; прирост населения превысил спрос на рабочую силу. Жители начинают заниматься заготовкой древесного угля, леса, руды и их перевозкой. Удельный вес кустарей пока был очень невысоким.

Так, заводы постепенно становились деревнями. Типичной особенностью всей группы горнозаводских поселков является «двусторонний промыслово-крестьянский хозяйственный строй жизни»⁶⁵. В связи с начавшимися в XIX в. миграционными процессами, население поселков начинает заметно и резко уменьшаться. Как отмечает Д.А. Кашинцев, только на Урале встречается такая хозяйствующая единица, совершенно особый тип поселений, как «мертвые заводы»⁶⁶. Уменьшение численности населения в таких поселках было вызвано, по мнению автора, с одной стороны, невозможностью выгодно применить избыточную рабочую силу на местах, с другой – большим спросом на эту силу извне. Жители сел переходят к занятиям земледелием и животноводством, подсобными промыслами в хозяйстве становится рыбная ловля и охота. От местного аборигенного населения русские перенимают занятие бортничеством. Из женских занятий здесь распространены вязание, прядение, ткачество. Результатом разделения труда явилось появление шерстобитных, пимокатных мастерских, а также кузнецов, сапожников, мастеров по выделке кожи и т.д. До настоящего времени в регионе известны династии мастеров, знания и умения которых передаются из поколения в поколение.

Таким образом, судьба русской традиции на Южном Урале представляет собой сложный процесс адаптации ««большой» русской традиции к местным региональным условиям»⁶⁷. Русские переселенцы приносили со своей родины культурные традиции, которые изменялись под воздействием различных факторов: природных, экономических, социальных условий, контактов с коренным населением региона. Социокультурные

⁶⁵ Кашинцев Д.А. Указ. соч. – С. 17.

⁶⁶ Там же. - С. 15.

⁶⁷ Голикова С.В. Традиционная русская культура Урала (XVIII – начало XX века) // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2007. – С. 329.

процессы отмечены особой сложностью, поскольку происходило усвоение новых ценностей, переосмысление прежних, а также социально-психологическая перестройка сознания.

Специфика горнозаводского производства отразилась в быту и культуре жителей заводских сел. Со второй половины XVIII в. работа на предприятиях служила единственным источником дохода местных рабочих и их семей. Отсутствие свободных пахотных земель, круглогодичная занятость на производстве, суровые природно-климатические условия местности не позволяли крестьянам, ставшим заводскими рабочими, широко заниматься возделыванием и обработкой земли. К концу XIX – началу XX в. заводы свернули производство, затем закрылись, а бывшие поселки с населением полурабочего, полукрестьянского типа постепенно стали деревнями.

2. Хозяйственная деятельность населения в период остановки горнозаводского производства

Другая группа рассказов, записанных в фольклорно-этнографических и диалектологических экспедициях, характеризует специфику хозяйственно-промышленных занятий местных жителей.

Как было отмечено выше, основным источником существования рабочих семей были заводские заработки. Так, в «Объяснительной записке к проекту земельного надела для мастеровых и непременных работников Кагинского завода» отмечено, что земледелие в уральских горнопромышленных районах не может иметь значения самостоятельного источника экономической жизни. «Почва на этих заводах бесплодна, а для посевов заводские люди нанимают землю у башкирцев и казаков... Только в некоторых местах и преимущественно по долинам рек возможно лишь сенокосное хозяйство»⁶⁸.

Полевые материалы из архивного фонда В.А. Сенкевича свидетельствуют о том, что постоянная занятость на заводской работе, а

⁶⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. Л. 28, 29.

также отсутствие земель в личном пользовании не позволяли переселенцам заниматься земледелием. Как правило, при заводе существовал магазин, через который заводчик снабжал рабочих необходимыми продуктами.

Однако в летнее время, когда заводы останавливались для ремонта печей, плотин, горнов, постоянное заводское население занималось сельскохозяйственными работами. «Природно-обусловленный характер «горнозаводской цивилизации» выражался в ином ритме, нежели крестьянское «посев-страда-отдых». На заводах каждой работе было свое время»⁶⁹. Период крестьянской «страды», сенокоса приходился здесь исключительно на летний период времени, когда рабочие отдыхали от тяжелых заводских работ. Очевидно, что именно с « заводов» в горной Башкирии начинает развиваться овощеводство, огородничество, а позднее мелкое животноводство. Выращивали картофель, капусту, морковь, лук, репу. На огородах сеяли коноплю, используя волокна на холсты, а семена на масло. Зерно сеяли редко, поскольку для этого необходимо была пашня, собственный земельный участок. В основном подсобные рабочие держали лошадей, так как их наличие было непременным условием работы на заводе. Отчасти занимались также пчеловодством, частично переняв местную специфику этого занятия у башкир. Дополнительный заработок давали промыслы, связанные с обработкой дерева, кожи, металла.

Русские переселенцы стремились обосноваться на землях, сходных с их прежним местом жительства по природным и географическим особенностям. Выходцы из Вятской, Казанской, а также Калужской, Рязанской, Пермской, Тульской и других губерний были знакомы с лесными промыслами, привозили с собой сельскохозяйственные орудия, семена. Многие из них, владеющие спецификой плотницкого и столярного дел, обосновывались на башкирских землях, заводили свое хозяйство, строили добрые дома.

Постепенно основным занятием русских крестьян становится земледелие: «Тогда тоже сеяли. Сеяли и рожь, сеяли и овес, сеяли и пшеницу,

⁶⁹ Иванов А. Указ. соч. – С. 244.

также сеяли коноплю, да молотили» (Быкова У.А., 1894 г. р., Кага)⁷⁰. В целом, уральский крестьянин опирался и ориентировался на комплекс традиций земледелия, выработанный предшествующими поколениями. В условиях неустойчивости климата, угрозы засухи, заморозков, наводнения, сельский труженик надеялся на выверенный опыт предков, потому аграрная культура крестьянина отличалась особым консерватизмом. Низкие среднегодовые температуры, довольно короткое лето, каменистые почвы, значительная облесенность не позволяли местным жителям широко вести хлебопашество.

К началу XX в. вопрос об урожайности в Уфимской губернии имел первостепенное значение. Так, в «Статистических данных по сбору в Уфимской губернии трав и хлебов в 1904-1905 гг.» отмечено: «Население Уфимской губернии, за исключением некоторой части, ... по преимуществу земледельческое. Поэтому быт и условия жизни его должны естественно определяться степенью урожайности хлебов: если урожай хороший, то и население более-менее обеспечено. И наоборот, отсутствие урожая может поставить население в безвыходное положение»⁷¹.

Суровые климатические условия, постоянные неурожаи требовали от людей творческой инициативы. Потому с течением времени на Урале начинают применяться различные системы земледелия⁷². Распространенной системой земледелия было трехполье (яровые - озимые - пар); со временем в отдельных хозяйствах начало внедряться многополье с травосеянием и внесением удобрений.

Уже в XIX в. основное внимание уделялось выращиванию зерновых. Традиционной культурой считалась рожь. С развитием товарно-денежных отношений со второй половины XIX в. большим спросом стала пользоваться пшеница. В качестве фуражной культуры сеяли также овес. Очень часто в поселениях Белорецкого района, расположенных в окружении гор, урожай

⁷⁰ Приложение 2. № 21а.

⁷¹ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 18. Л. 196 об.

⁷² Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX – начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1973. - Т. 5. – С. 61-93.

пшеницы был довольно мал, поскольку данная культура требовала неистощенной степной почвы. В связи с этим обстоятельством значительные участки земли занимали посевы проса и ячменя: «Хлеб не сеяли тут. Вот только для себя какой-то пуд может овса, может проса» (Ряхаева Н.И., 1921 г. р., Н. Авзян)⁷³. Практически ни одно хозяйство не обходилось без сеяния конопли; сравнительно новой культурой был лен, посевы которого к XX в. заметно превысили посевы конопли. Информанты из Верхнего Авзяна Анастасия Фоминична Слепова и Дмитрий Алексеевич Слепов рассказывают: «Наши деды тут коноплю сажали и меняли портнянки на муку, рожь и масло с тирлянскими – у них завод был, масло выжимали» (Слепова А.Ф., 1928 г. р., Слепов Д.А., 1926 г. р., В. Авзян)⁷⁴.

Практически во всех отраслях крестьянского хозяйства горнозаводских жителей преобладали экстенсивные формы его ведения. По сравнению с центральными регионами России, годовой цикл сельскохозяйственных работ отличался несколько поздними сроками: в мае вспахивали и засевали яровое поле, обрабатывали огородные участки; в июне – проводили лущение парового поля; июль приходился на сенокосные работы (Приложение 3, фото 15); в августе осуществляли взмет парового поля, сеяли озимые, убирали картофель; на сентябрь приходилась уборка ярового поля; на октябрь – молотьба, веяние, сортировка.

По воспоминаниям информантов, землю обрабатывали традиционными сошными орудиями, которые наиболее подходили к почвенным особенностям горнозаводской зоны Урала. При обработке полей применяли двухколесные сабаны, в которые впрягалось около шести лошадей (в конце XX в. – две-три лошади), соху севернорусского типа, куда впрягалась обычно одна лошадь. Боронование проводилось деревянными рамочными боронами с железными зубьями. В 60-70-х гг. XX в. на данных территориях преобладала соха-косуля, со временем воспринятая другими народами края.

⁷³ Приложение 2. № 14.

⁷⁴ Там же. № 112.

С помощью сохи-косули расчищали чащобы; местный плуг – сабан использовали для поднятия целины и залежи. Пахали на лошадях. Сеяли из лубянного кузова или ведра. Пашню часто огораживали от потрав изгородью из жердей, называемой пряслами.

Как рассказывают информанты, хлеб жали серпами. Колосья связывали в снопы и оставляли на поле для сушки. Подсохшие снопы собирали в копны, затем увозили на гумно. В отапливаемом помещении (овине) колосья постепенно досушивались. Молотить начинали в зимнее время. Для этой цели служил традиционный деревянный цеп.

Особое внимание в русских деревнях Белорецкого района уделялось выращиванию капусты, свеклы, лука, моркови, репы, огурцов, подсолнечника, тыквы. Картофель появился здесь лишь в середине XIX в. Огороды удобряли навозом, для рассады и огурцов устраивали специальные парники.

В целом можно отметить, что трудовые традиции, в первую очередь навыки земледелия, получили заметное развитие у местного населения в XIX в. Помимо прочих факторов оказались последствия реформ, в том числе, закрытие заводских предприятий и расширение кустарного производства, включая изготовление сельскохозяйственной техники, пополнение рядов крестьянства бывшими мастеровыми и т. д.

Животноводство считалось подсобным занятием, однако уже к концу XX в. эта отрасль сельского хозяйства становится преобладающей. «Скот в глазах населения приобрел значительную ценность и оно принимает все меры к сбережению и размножению его»⁷⁵.

В качестве рабочей силы использовали лошадей. Лошадь была основным транспортным средством. В то время, когда местные заводы функционировали, наличие лошади было роскошью и одновременно необходимостью, поскольку изначально все работы на заводе выполнялись исключительно вручную. С образованием крестьянских хозяйств лошадей

⁷⁵ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 50 об. - 51.

начали использовать в обработке земли, а также с их помощью обеспечивали кормами скотный двор. Позже начали держать коров, овец, коз, свиней, домашнюю птицу: «Потом скотину стали держать – лошадь, овечку, потом и корову, свинью. А так табунов сроду не было никаких» (Ряхаева Н.И., 1921 г. р., Н. Авзян)⁷⁶. Уже в 20-е гг. XX в. в Верхнем Авзяне, Каге, Узяне были отмечены очаги отгонного скотоводства. Домашних животных пас постоянный человек – пастух, в некоторых поселках обходились без него.

Как и земледелие, раннее скотоводство носило здесь экстенсивный характер. Отмечено довольно примитивное содержание животных, отсутствие утепленных помещений, плохое питание. Изначально многие элементы горнозаводского животноводства были близки формам содержания скота у башкирского населения.

Некоторые жители занимались также пчеловодством. В 1923 г. на территории Тамъяно-Катайского кантона было зафиксировано 192 пчеловодных пасеки с количеством ульев в 1118⁷⁷. Несмотря на то, что пчеловодство не приобрело особенного значения для всего местного населения, тем не менее для отдельных хозяйств оно стало служить большим подспорьем. Известно, что навыки разведения пчел имели глубокие корни у переселенцев из северных областей – жителей Вятской и Пермской губерний. В Белорецком районе бортевые угодья принадлежали башкирам. Со временем пасеки появляются в хозяйствах русских, однако рыночную направленность в этих местах пчеловодство не приобрело. На сегодняшний день в каждом их селений (в основном это Верхний и Нижний Авзян, Кага) приблизительно 3-5 домохозяйств занимаются разведением пчел.

Подсобными занятиями жителей горнозаводских сел являлись охота и рыбная ловля. Как правило, этими промыслами занимались ярые любители и знатоки, которых в народе так и называли – «рыбак» или «охотник». В статье «Из наблюдений над лексикой рыбной ловли и охоты» В.А. Сенкевич

⁷⁶ Приложение 2. № 14.

⁷⁷ Там же. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а, Л. 50 об. – 51.

отмечает, что «по сравнению со способами рыбной ловли и орудиями, которые применяются на реках Сибири, в верховьях Белой и способы ловли, и рыболовецкие орудия малочисленны и бедны»⁷⁸. Объясняется это следующими причинами. Река Белая и ее небольшие притоки (Авзян, Инзер, Кага, Узян) не имели рыбопромыслового значения. Кроме того известно, что земля в округе принадлежала местным башкирским общинам, потому за право ловить в реках рыбу необходимо было платить арендную плату – кортом, позволить который мог себе далеко не каждый. Рыбные ловли представляли собой государственные оброчные статьи, которые в изучаемой местности башкирские общины и частные башкирские владельцы сдавали в оброк русским крестьянам.

Информанты подробно рассказывают и описывают распространенные в прошлом и в наши дни способы и орудия лова. В названной выше статье В.А. Сенкевич описал терминологию основных рыболовецких приспособлений и снастей, используемых в селах Белорецкого района; в настоящей работе рассмотрим подробности этого подсобного промысла.

Из многочисленных способов рыбной ловли (бреднем, сетью, плетеными ловушками – вятелями и мордами) самым искусственным считался ночной лов налимов и щук с помощью трезубой остроги. Возможно, что данный способ был перенят русскими у горных башкир. Известный уфимский врач Дмитрий Иванович Татаринов в своих воспоминаниях о детстве, проведенном на Кагинском заводе, отмечает следующее: «В мое время на Урале охота с острогой на налинов была очень распространена. Острога представляла собой острый трезубец с деревянной длинной рукояткой»⁷⁹.

В регионе известны две разновидности плетеной морды – одножерельная и двужерельная. Сплетенный из прутьев черемухи корпус называется бочка, в нее и вставляется одно, либо два жерла. Конус жерла

⁷⁸ ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 28. Л. 28.

⁷⁹ Татаринов Д.И. Указ. соч. – Вып. 2. - С. 16.

заканчивается небольшим отверстием, через которое рыба попадает в морду. По рассказам рыбака из Каги Василия Александровича Желнина, 1934 года рождения, эту часть сооружения обязательно замазывали тестом (Приложение 3, фото 16, 17). Как правило, морду делали без дополнительных отверстий; ее хвостовая часть завязывалась лыком или пеньковым жгутом - отсюда вынимали готовый улов. Вятель делали из конопляной и льняной пряжи путем натягивания готовой рыболовной сети на три деревянных обруча. Из сети шили воронкообразный рукав – жерло, которое вшивалось внутрь. На планки натягивали открытку-крыло из сети - оно способствовало направлению рыбы в вятель.

Как рассказывают местные жители, самый распространенный вид сети - невод. В самом неводе выделяют тетиву – это веревка, на которую натягивалась сеть; наплавь – поплавок невода; кляч – толстая веревка, за которую невод тянут по берегу. В верховьях Белой бытовали и частично бытуют на сегодняшний день такие разновидности рыболовных сетей, как недотка, наплавная сеть и трехрядная сеть. Недотка напоминает невод – это самодельная сеть, изготовленная из редко вытканного холста или дерюжини. Наплавными сетями вылавливали рыбу во время большой воды. Трехрядную сеть шили из трех сетевых полотнищ, причем крайние имели более крупные ячей (в зависимости от толщины, которая измерялась количеством пальцев, ячей называли трехпалка, четырехпалка). Благодаря этой разнице создавалось неравномерное давление воды - течение воды вытягивало полотно в виде нескольких мешков, в который запутывалась рыба.

До недавнего времени были известны также сооружения, посредством которых рыбаки увеличивали улов рыбы. Одной из таких конструкций являлся заездок – щитовая плотина, которая перегораживала часть реки. В самом сооружении оставался садок, проход в плотине, в конце которого устанавливалась морда.

До сих пор жители сел используют обозначенные орудия лова, которые сохранились только у людей старшего поколения, как и сама техника их

изготовления: «Шибко крепкий рыбак был, Черепенькин Федор Григорьевич. Всем рыбачили раньше, кто чем сможет. Морды ставили, удочками ловили, бреднями, сетью, неводом. Рыба была масса в то время» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)⁸⁰. Ярые рыбаки-любители в поселках есть и сейчас, хотя даже они отмечают, что, по сравнению с прошлыми временами, рыбы в реках практически нет, да и нужда в этом занятии также отсутствует: «Вот тогда рыбы у нас и у Белой много было, и у пруду всякой полно было. Еще завод в ходу у нас был, на пруду ерш, голавль, щука, харюс, налима полно. А теперь ведь рыбы щас мало. Когда завод сгорел, в одиннадцатом году, и вода ушла, и плотина, и рыба вся ушла. Раньше мене у лес манить, либо за рыбой. Мне постоянно старуха скажеть – вот состарила тебя охота, старый ты рыболов» (Андреев И.П., 1902 г. р., Кага)⁸¹.

В этнографическом отношении своеобразны описанные Сенкевичем орудия лова, известные в кругу старожилов-охотников. В старину в заводских селениях Южного Урала бытовали примитивные деревянные ловушки, волосяные силки, самострелы.

Как отмечают информанты, наиболее простыми орудиями лова, кроме деревянных капканов, были волосяные силки трех видов: попружок, петелька, пленка. Силок на глухарей назывался попружок. Он представлял собой настороженную волосяную петлю, укрепленную на коклюшку. Роль пружины, затягивающей петлю, выполнял специальный шест. Его укрепляли на дереве и настораживали маленькой палочкой – коклюшкой. Направляет глухаря к приманке установленная городьба – загородка из прутьев. Когда птица сбивает или хотя бы задевает коклюшку, шест теряет равновесие, опускается и тяжелым концом затягивает петлю. По тому же принципу устроен силок. Основное его отличие от попружка в том, что петля здесь затягивается с помощью установленных особым образом грузил. Городьбу возле петельки не устанавливали, поскольку охотились на более мелких

⁸⁰ Приложение 2. № 19.

⁸¹ Там же. № 18.

зверьков. «Зайца и петлями ловили. Вот проволока мягкая есть, ей тропку наторят туда сюда, петли становят и попадает он. Ет давно дело было, теперь запрещено все щас. Массу зайца было. Я их тыщу штук за зиму поймал» (Андреанов И.П., 1902 г. р., Кага)⁸².

Другой тип силков - пленка. Ее также ставили на зайца, укрепляя на деревьях или кустах. Специфика этого силка в том, что настораживается сам силок, попав в который зверек затягивает петлю сооружения своей тяжестью. Со временем обозначенные деревянные сооружения были вытеснены железными капканами, позже ружьем.

По рассказам информантов, охота носила сезонный характер. Охотились осенью и зимой, а на лису, волка и зайца – круглый год. Снаряжение охотника в народе называют снарядом. Снаряд состоит из охотничей обуви – обутки (сапоги из кожи без каблука); а также ружья или ловушки на зверя или птицу. В зимнее время на охоту ходили на специальных лыжах, подбитых шкурой с ноги домашнего животного – обшивнях. На таких лыжах было очень удобно подниматься на гору. С целью избежать раскатывания лыж, делали тонкие углубления посередине вдоль полотна лыжи – продораживали.

Самым распространенным орудием охоты в XIX-XX в. является железный капкан. Основные составляющие капкана: било – деталь сооружения, прихлопывающая попавшего в него зверя; пряжа – застежка капкана; запор, замок. Кроме капкана в охоте на волка использовали деревянные ловушки – в народе их так и называли «ловушка для волков». Ловушка представляла собой деревянную западню, состоявшую из исруба – прикрытого досками бревенчатого сруба; исрубчика – маленький сруб, расположенный внутри большого. Уложенные на вертушках две доски, подведенныe к исрубу, назывались мостиками. Именно с их помощью волк сбрасывается во внутренний сруб, выбравшись откуда он не сможет. В ловушку обязательно помещали подсад или подсадок – привязанная в

⁸² Там же.

большом срубе приманка для волка (ягненок или козленок). Охотники добивали волка с помощью рогатины или из ружья. Старожилы-охотники помнят о шомпольной винтовке, называемой сизма. «Были винтовки – шомполки, сизма башкиры их называли. Это у них дороже всякого капиталу» (Андреев И.П., 1902 г. р., Н. Авзян)⁸³.

Зимой знатоки-охотники «ходили на медведя». В первую очередь, осторожно выслеживали берлогу по инею от дыхания медведя, оседающему на ветках и кустах или по другим известным приметам. Затем строили лабаз. Для этого выбирали два близкорасположенных дерева, возле которых выкапывали один – два столба. На установленных опорах укрепляли жерди – кладь, на которой из хвои и досок выстилали полати. Полати служили местом, откуда охотники стреляли в медведя, когда тот поднимался из берлоги; здесь же охотники отсиживались в случае опасности или неудачной охоты.

Местные охотники старшего поколения рассказывают, что на медведя ставили так называемые плашки, но технику их изготовления и детали, из которых они составлялись, уже не помнят. Плашка на более мелкого зверя была распространена в селах в XIX-XX в. Чаще всего деревянную плашку ставят на зайца. Положенные в горизонтальном порядке колышки и укрепленная на них слега, - составляют поперечную кладку. На нее укладывается лекан – так здесь называют деревянный чурбак длиною в один – полтора метра. По тропе на предполагаемом пути зверя растягивают мочальное лыко. Если зверь заденет лыко, сбивается кладка и лекан придавливает добычу. По тому же принципу устанавливают капкан на лису – правилка. От плашки он отличается тем, что внутрь капкана помещают приманку.

Охота и рыбная ловля не играли особенной роли в экономике жителей сел Южного Урала. До революции за право охоты, также как и за право рыбной ловли, необходимо было платить кортом: охота без уплаты кортома

⁸³ Там же.

расценивалась как преступление. Потому это был подсобный промысел охотников-одиночек. В народе активно бытуют рассказы о людях, для которых охота была не просто любимым занятием, но и делом всей жизни: «Старый охотник, Иван Андрианов, сильный охотник был. Этот и медведей убивал, и рысь убивал, и на птицу он охотился, и рыбу ловил. Он тоже век свой этим занимался, сейчас он устарел, меньше стал ходить» (Чернаткин И.В., 1898 г. р., Кага)⁸⁴. «Были раньше дерзкие, заядлые охотники. Ну ет как я, к примеру, об рыбе всегда переживал, ни дня без решки не мог. Теперь таких не стало, все больше балуются, приезжие усякие. А раньше, бывало, с ума сходили: охотники - об лесе, рыбаки - об рыбе» (Желнин В.А., 1934 г. р., Кага)⁸⁵.

Таким образом, полевые записи из личного фонда В.А. Сенкевича, а также материалы экспедиций Лаборатории народной культуры Магнитогорского госуниверситета подтверждают, что в период закрытия железноделательных предприятий на территории Белорецкого района основными занятиями бывшего горнозаводского населения становятся извоз и сплав леса, заготовка угля, руды, поскольку каждый рабочий вынужден был искать постоянную или сезонную работу недалеко от своего поселка. Особенностью всех заводских сел этого периода стало сочетание промысловых занятий со спецификой крестьянского хозяйственного образа жизни. Возрастает удельный вес кустарного производства. Постепенно все большую значимость приобретает охота, рыбная ловля, огородничество, земледелие, разведение мелкого и крупного рогатого скота, домашней птицы.

3. Ремесла и промыслы в середине XX в.

Уральские заводы постоянно нуждались в смоле, дегте, канатах, веревках, рогожах, угольных коробах и многих других продуктах

⁸⁴ Там же. № 19.

⁸⁵ Там же. № 202.

крестьянской домашней промышленности. С этой целью заводское население зачастую вынуждено было покупать у крестьян холст, кожу, деревянную и глиняную посуду, телеги, сани, обувь, домашнее сукно. Все это стимулировало активное развитие крестьянских ремесел, в основе которых хотя и лежали традиции, принесенные переселенцами из мест их выхода, однако со временем в специфических условиях Южного Урала эти традиции были существенно обогащены, поскольку приобрели местные, локальные черты.

В восточных уездах Башкортостана, в том числе и в обозначенных поселениях, русское население преобладало и именно «оно являлось главным созиателем мелкой, внеземледельческой промышленности. Коренное инородческое население отдавало предпочтение перед кустарничеством или скотоводству, или ограничивалось исключительно одним земледелием»⁸⁶. Основным фактором развития и распространения здесь кустарных промыслов является характер переселяющегося сюда населения - в основном это «переселенцы из Пермской и Вятской губерний, обладающие высоким состоянием кустарничества и большим разнообразием последнего»⁸⁷.

Развитие всевозможных ремесел и промыслов позволило вырабатывать на местах все необходимые вещи, в том числе одежду, обувь, хозяйственную утварь, посуду, орудия труда, средства передвижения. Почти все они были связаны с сельским хозяйством и обслуживали его потребности. Изначально «к промысловым занятиям обращались преимущественно маломощные хозяйства, для которых земледелие не дает достаточных средств к существованию»⁸⁸. В них участвовали взрослые люди, что объясняется «условиями того или иного промысла, требующего от рабочего значительной физической силы»⁸⁹.

⁸⁶ Кустарные промыслы Уфимской губернии. – Уфа: Издание Уфимской Губернской Управы, 1912. – С. 6.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. - С. 34.

⁸⁹ Там же. - С. 35.

К числу самых распространенных и развитых промыслов можно отнести кожевенный и промыслы по обработке шерсти - шерстобитный, валяльный, вязальный.

Кожевенное дело в селах было вызвано к жизни исключительно потребностями местного населения. Потому расширение данного промысла всецело обусловливалось ростом этих потребностей, а образование каких-либо центров производства не произошло. Сельские кожевники работали главным образом по заказу односельцев из готового материала.

По рассказам информантов, в селе Кага долгое время функционировал кожзавод. Располагался он близ реки на Усте-Каге (одно из частей села). После случившегося пожара предприятие не восстанавливали – со временем от него остался только старый заброшенный амбар. «Раньше ведь мясо, молоко, шерсть сдавали. Свинью не опаливали, как щас. Снимали с нее кожу и на кож завод. Он на Усть-Каге стоял, там кожу выделявали, сапоги, куртки шили. Директором был Артемьев Петр Васильевич. У тети Маши Мельниковой ухажер там работал, так у ней вроде до сих пор такие вещи есть» (Андрянова А.С., 1930 г. р., Кага)⁹⁰. Татьяна Степановна и Петр Николаевич Андряновы из села Кага вспоминают: «Кож завод был, иде щас Еремеевы живут. Там амбар старый оставался от завода. Нащальником был Трифонов, его завод был. Ну а потом сгорел он. На том заводе уже наше поколение работали» (Андрянова Т.С., 1937 г. р., Андрянов П.Н., 1935 г. р., Кага)⁹¹. «Мельница была для Седова Петра Иваныча, там кожу выделявали. Герасимов ее держал. Потом их раскулачили и они уехали, Герасимовы-то. Мене мама рассказывала, как подъехали к ним гусем, а уж ревели-то усе, кто рядом стоял. Они с мужуком вышли под руку из второй избы и она запела: «Был бы милай по душе, проживем и в шалаше». Посадили их и увезли, а ведь потом они оказались у Магнитке, богащами стали» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага)⁹². Мастерская по обработке кожи

⁹⁰ Приложение 2. № 169.

⁹¹ Там же. № 174а.

⁹² Там же. № 190.

была и в Верхнем Авзяне. На сегодняшний день почти единственным напоминанием об этом является название одной из частей села – «Кожевня».

Процесс производства кожи в местных мастерских, по рассказам старожилов, состоял из следующих операций. Сырую кожу на две-три недели погружали в золу. Все это время кожу переворачивали раза два-три, затем вынимали для сбивки шерсти и снова погружали в золу. Дня через три вытаскивали и мочили в воде в течение четырех дней, после чего топтали ногами. Затем на сутки погружали в сосуд, где заранее разводили в теплой воде ржаную муку. В течение трех недель производили дубление, пересыпая свежим корыем. После дубления в течение суток кожа мочится в воде, мнется, а затем окончательно отделяется, красится, смазывается и просушивается в течение суток. Таким образом, на выделку кожи требовалось около шести-восьми недель.

Прядением и вязанием занималась исключительно женская половина населения. В процессе прядения для изготовления шерстяных нитей использовали шерсть различных домашних животных: в большей степени овечью, а также козью, кроличью, собачью. Готовую шерсть перебирали от мусора и теребили. Затем с помощью нити, веревки или небольшого куска ткани шерстяную кудель закрепляли на лапатообразной части прядки (Приложение 3, фото 18). Вытягивая шерсть из кудели, женщина скручивала ее в нить, сучила правой рукой, наматывая готовый продукт на веретено. Как правило, более короткую по фактуре шерсть (козью, кроличью, собачью) пряли с дополнительной ниткой. Для этого льняную, конопляную (позднее хлопчатобумажную) нитку привязывали одним концом к прядке, другим – к головке веретена и сучили вместе с шерстяной. Готовая нить получалась довольно толстой и прочной – она использовалась для вязания очень теплых вещей.

Полевые записи свидетельствуют, что девочку в регионе с самых ранних лет приучали к домашнему труду и рукоделию. «Я лет в 8-9 уже

вовсю пряла. Рано учили этому» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)⁹³. Старшие женщины семьи делились собственным опытом: учили вышивать, вязать, прядь, шить. Информант Анна Васильевна Серегина из поселка Верхний Авзян рассказывает: «Мне мама говорила: «Нешего тебе ущиться – тебе в армии не идти, писем не писать. Тебе только ткать да прядь». Оттого я и не ущилась. С 8-ми лет работать стала» (Серегина А.В., 1921 г. р., В. Авзян)⁹⁴. Каждая девочка стремилась научиться прядь из шерсти как можно более тонкую и длинную непрерывающуюся нить, которая в свою очередь уподоблялась ее собственной судьбе. «Когда девицонка первую нитку спрядеть, она у нее толстая получается, эту нитку сжигают, а пепел заставляют съесть, чтобы потом хорошо прядла» (Силаева А.Е., 1923 г. р., Соколов И.Ф., 1924 г. р., Н. Авзян)⁹⁵. Согласно полевым записям, каждая девочка обязательно должна была приготовить к собственной свадьбе в качестве приданого около сорока полотенец, выполненных собственными руками (Приложение 3, фото 19). В XIX-XX вв. в приданое стали входить самотканые половики, вышитые занавески, шторки для божнички и т. д. (Приложение 3, фото 20, 21).

Вязальный промысел включал изготовление варежек, чулок, носков, рыболовных снастей и т. д. Из льна и конопли ткали холсты, из шерстяной пряжи – сукна, шили рубахи и другую одежду, занимались рукоделием, вязали. Информанты рассказывают о кропотливом труде женщин, которые своими руками готовили одежду на каждый сезон для всех членов семьи, даже в праздники и посиделки не расставаясь с рукоделием. «Товару тогда не было. Пряли, да ткали, да шили. Самодельщины. На руках шили, машин-то не было. Пряли шерсть и шерстью подтыкали всяко. Тоже работы было много. Вобщем, как черти в мешке бились, так и мы. День и ночь, до одиннадцати, до двенадцати, бывало, сидять бабы, прядут. А утром в пять часов подниматься за углем. Вот так. Счас уж даже забыли, как коноплю

⁹³ Там же. № 83б.

⁹⁴ Там же. № 115.

⁹⁵ Там же. № 116.

сеяли, лен. А вот мы росли – и лен и конопель сеяли. Всю эту работушку женщина успевала и с мужуком наравне работала, и за скотиной ходила, и пряла, и ткала, а прежде чем прядь да ткать, надо еще посеять ленок-то, обработать. Так круглый год. Все это припасали женскими руками» (Еремкина А.И., 1906 г. р., Лапышта)⁹⁶.

Как было отмечено выше, в XVIII-XIX в. в районе выращивали лен и коноплю. Из семян путем примитивного отжима готовили масло. Так, по словам старожилов, в поселке Тирлян в этот временной отрезок существовал маслозавод. Известно также, что жители Авзяна обменивали самотканые, кожаные и катаные из шерсти вещи на конопляное масло жителей Тирляна.

Посев и обработка льна требовали очень много времени и сил. Одна из старейших информантов Арина Федоровна Зайцева, 1897 года рождения, в разговоре с Сенкевичем очень подробно описала этот трудоемкий процесс⁹⁷. Созревший лен жали серпами и складывали в снопы. Для того чтобы лен улежался и хорошо просушился на солнце, его выдерживали некоторое время на поле (этот процесс занимал около двух - двух с половиной недель). После просушки лен (так же как и коноплю) начинали молотить – отделять семя. Отделенные от семени стебли расстилали и вымачивали для дальнейшего получения волокон. Затем уже мягкий лен снимали с делянок и сушили в теплом помещении – для этих целей использовали баню или амбар, где небольшими пучками лен развешивали на стенах. По истечении необходимого для сушки срока, лен мяли, толкли в ступе. Теребили и мяли лен ногами и руками; позднее во многих хозяйствах с этой целью начали использовать деревянные мялки и деревянные ткацкие станки (Приложение 3, фото 22, 23). Окончательное отделение мягких волокон от грубых стеблей льна происходило в процессе трепания в бане или в конюшне.

Информант из Каги Любовь Ивановна Желнина вспоминает: «Девчата постарше на посиделки ходили, пряли лен. Мялка была, потом – ступа

⁹⁶ Там же. № 15а.

⁹⁷ Там же. № 8.

деревянная. Намнешь – мякинькая становится, натолчешь, потом прясть. Делали платья, кофты суконные, онучки толстые из сукна, как навроде сейчас портянки. Трещь в горячей бане длинную [нитку], чтобы мягкая была, потом сколько надо, отрезаешь. Пряли когда, углей на тарелку [накладешь], свету-то не было, ни ламп керосиновых. Давали ребенку держать. А спать охота. Говорять: «Не спи, давай свети, спать успеешь». Ни штор, ни занавесок не было» (Желнина Л. И., 1938 г. р., Кага)⁹⁸.

С наступлением осени из готового материала пряли и ткали различные вещи. Для окраски волокон зачастую использовали пропаренную в котле кору ольхи. Женщины готовили необходимые в хозяйстве полога, веревки, мешки, а также шили рубахи, шаровары и другую одежду: «На мою семью-то я выткала полтораста аршин. Всех одену по штанам, да по рубахам. А семье-то много, много надо. А щас работы-то совсем нетути» (Зайцева А.Ф., 1897 г. р., Н. Авзян)⁹⁹. Для изготовления теплой одежды и обуви использовали шерсть, а позже и выделанную кожу: вязали носки, шали, шили верхние штаны, шубы, катали пимы и валенки: «Овечек держали помногу, шерсти много было. Раньше ведь усе пряли и ткали. Одежу делали, валенки катали. Мы и щас в магазине не берем, у нас Петя катаеть. Мастерская своя в Верхнем Авзяне, там постоянно катаютъ» (Матвеева О.А., 1892 г. р., Н. Авзян)¹⁰⁰.

В каждой деревне были свои портные, сапожники, пимокаты, мастера по выделке овчин, изготовлению шуб и полушибуков. Почти в каждом хозяйстве самостоятельно плели лапти, которые были самой распространенной обувью в летнее и даже зимнее время: «В лаптях на работу ходили. Лапти сами плели из лыка. Зимой в лычных лаптях за девками хлысь, хлысь» (Еремкин И.Ф., 1904 г. р., Лапышта)¹⁰¹. «Я раньше лапти сама плела. Крючок, которым лапти плетут, называется свайка или кочеток. Я

⁹⁸ Там же. № 198.

⁹⁹ Там же. № 8.

¹⁰⁰ Там же. № 11.

¹⁰¹ Там же. № 15а.

много плела лаптей» (Латохина В.С., 1930 г. р., Узян)¹⁰². По воспоминаниям местных жителей, лапти старались беречь, особенно новые: «Бегаешь туда-сюда, а отец недоволен - стираются лапти. Так лапти через плечо и – пошла. Раньше жили бедно, но весело. Скот пасешь, померяешь лаптями время – ага, знать, скоро уже домой. Лаптями меряли, часов-то не было. По лаптям жили. А щас пьянство, дискотеки, курять да пить» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)¹⁰³.

До недавнего времени (60-70-е гг. XX в.) в изучаемых селениях сохранялся обычай – хоронить умершего непременно в лаптях, которые заранее готовили «на смерть» в качестве одной из обязательных составляющих «смертного узла» (Приложение 3, фото 24). «Хоронили людей в лаптях. Только старииков хоронили, при мне не было. Все говорят, на Сивонскую гору идти легче – они же не скользкие, из лыка» (Локацкова О.И., 1920 г. р., Тирлян)¹⁰⁴. В XX в. вместо лаптей на «смерть» женщины вручную готовили специальные расшитые тапочки. Анастасия Петровна Серпкова рассказывает: «У каждой бабушки у нас смертный узел. Каждая бабушка, хоть моя, хоть Иванова [мужа] – был уже узелок завязанный. Все, что там было, все на нее одели... Вот мою бабушку, которая умерла в 1984 г., у нее специально сшиты были как в виде тапочек, расшиты. Раньше расшивали, сами шили. Так их [тапочки] и одели в гроб. Вот эти тапочки были, знаете, какое-то сукно такое, тоже оно самодельное сукно. Так они сшиты красиво были, вышиты были, подошва была сшита в несколько слоев из этой ткани, прошита, простегана [подошва]. Красивые такие, наподобие как тапочек, но только что они самодельные, сделаны они были хорошо. И у бабушки был сшит вот как кокошник, вот шапочка, а по краю оборочки такие. Нет, не кокошник, а капорок, да, капор шили, чтоб волосы прятать. Нижнюю юбку готовили, по низу кружавчики были, а потом уже такая выходная или

¹⁰² Там же. № 205.

¹⁰³ Там же. № 200.

¹⁰⁴ Там же. № 134.

праздничная юбка, поясок самотканый обязательно. Все это было в узелке» (Серпкова А.П., 1952 г. р., Узян)¹⁰⁵.

В семьях рыбаков плели рыболовные снасти из пряжи, изготовленной посредством обработки льна или конопли.

Формирование мелкой кустарной промышленности и появление мастерских происходит с проникновением в села товарно-денежных отношений, однако все виды промыслов существовали преимущественно для удовлетворения собственных нужд и не имели товарной направленности. Специализация мастерских зависела от традиций и природных ресурсов. Они не представляли собой довольно крупных предприятий, однако обмен товарами различного предназначения протекал внутри района достаточно активно.

В селах Авзян и Кага Белорецкого района были развиты шерстобитный и кожевенный промыслы, а также существовали валяльные мастерские по изготовлению валенок, ремонту обуви.

Шерстобитное производство велось исключительно ручным способом. По рассказам информантов, для разбивки шерсти служил особый шерстобитный прибор весьма примитивного устройства. Он состоял из деревянного лучка, натянутого стрелой, бойка из твердого дерева и деревянной решетки. При работе посредством бойка струна приводится в движение; вибрируя, она разбивает шерсть, раскладенную на прикрепленной к стене решетке. «На самых первых порах шерсть били руками. Деревянная штука такая была, ее рукой крутили и били шерсть. Это позже уже крутить перестали, машина появилась, вот как у нас на шерстобитке на пруду. Она и щас там есть, я лет пять назад била там шерстенку. А теперь вроде и не открывают ее даже» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)¹⁰⁶.

В валяльном промысле инструмент кустаря состоял приблизительно из такого же шерстобитного прибора, валька, верстака, рубельника, котла для

¹⁰⁵ Там же. № 207.

¹⁰⁶ Там же. № 200.

воды и деревянных колодок. Сам процесс производства обуви сводился к следующим операциям. Приготовленная овечья шерсть бьется на станке примитивного устройства либо вручную на столе при помощи деревянных приспособлений с закругленными концами (Приложение 3, фото 25). Перебитая шерсть накладывается слоем на разостланный на столе холст в форме сапога. Стол, на котором раскатывается шерсть для валенок, называется в регионе верстаком (Приложение 3, фото 26). Холст свертывается, в середину закладывается тряпка и начинается катание шерсти руками. От катания шерсть сваливается в войлок и получается голенище сапога с выступом для ступни; затем голенище надевается на специально заготовленную деревянную колодку и к нему прикатывается подошва и задник (Приложение 3, фото 27). Колодка вынимается и сапог опускается часов на пять в котел с горячей водой. Вымоченный сапог начинают стирать, опуская в горячую воду и укатывая деревянным вальком. Когда шерсть хорошо ссядется, из сапога вынимают тряпку и насаживают его на колодку. Затем снова укатывают вальком. Весь процесс стирки достигает пять – шесть часов. После стирки сапог натирают пемзой или мелом, чтобы его поверхность стала гладкой, и ставят на несколько часов в печь для полной просушки. Затем сапоги снова натирают пемзой или по необходимости красят. В русских селах региона для обтачивания валенок использовали так называемый рубельник (Приложение 3, фото 28). Сейчас шерстобитные мастерские в селах работают в сжатом режиме, до сих пор катают валенки для родственников и по заказу односельцев, правда истинных специалистов-мастеров остается все меньше.

Даже в XX в. в селе Кага функционировали пимокатные и сапожные мастерские. Известный мастер по изготовлению валенок Иван Сергеевич Сорокин, 1927 года рождения, всю свою жизнь занимался данным ремеслом. На сегодняшний день его мастерская практически не работает, однако дело отца продолжает сын Ивана Сергеевича. Не менее известный в Каге мастер сапожных дел Василий Александрович Желнин, 1934 года рождения, также

имеет собственную мастерскую, которая со временем приобрела множество различных направлений – от ремонта обуви, в том числе валенок, до изготовления железных и металлических изделий домашнего обихода, труб, заслонок, деревянных лопат и т. д. (Приложение 3, фото 29-32). Василий Александрович рассказывает: «Раньше работал сам, усю жизнь в избенке ремонтировал обувь, валенки, сапоги – все, что приносили, никому не отказывал. Никто не мешал: приносили заказ, делал – забирали в назначенное время. Потом внуки пошли, теперь вот уже они сами подшиваются, они командуют, а у меня уже руки не те, одна и вовсе не подымается. Не забыл, конечно, ремесло свое, а здоровье не дает. Крышу крыли с ними вместе, железо загинали для этого, заслонки делал. И щас который раз Королиха [соседка] придет: «Айда, Карщик, труба повалилась». А я куда теперь, только командовать езли, то схожу, не бросишь ведь, свои усе. Так теперь вот у мою избенку все и ходят, кому ще надо, то цепь потощить, то валенок зашить, то за инструментом каким. Усе время идуть, а я сам уже не как раньше, здоровье не то» (Желнин В.А., 1938 г. р., Кага)¹⁰⁷.

В других селах (Верхний Авзян, Нижний Авзян, Тирлян) известны были бондарный и токарно-посудный промыслы: изготавливали посуду из глины, деревянные бочки, кадушки, квашни, туески, веретена, производили телеги, сани, хомуты, оглобли, сельскохозяйственные орудия и прочий инвентарь, правда за пределы сел на продажу эти товары практически не поступали – в основном готовили для своих нужд, а также в целях обмена (Приложение 3, фото 33-37). Многолетний опыт мастерства, умения, личные приобретенные навыки старшее поколение передавало младшим членам семьи, потому существовали целые династии мастеров, работа которых была востребована всегда, а изделия пользовались постоянным спросом.

Материалы газеты «Уфимские Губернские Ведомости» за 1905 г. свидетельствует о широком распространении среди бывшего горнозаводского населения исследуемого региона отхожих промыслов,

¹⁰⁷ Там же. № 201.

необходимость которых заключается в отсутствии достаточного заработка, который удовлетворял бы потребностям отхожан в месте их жительства. «Сюда относится главным образом малая сельскохозяйственная производительность благодаря отсутствию понятия о рациональных способах обработки земли. Затем, с течением времени отхожия промыслы вошли, так сказать, в привычку... Недостатки: потеря времени, болезни, большие расстояния, пьянство, разврат и т. д. Тем не менее [они] существуют в значительных размерах и в настоящее время»¹⁰⁸. Полевые данные подтверждают существование отходничества в селах района.

Таким образом, в воспоминаниях информанты подробно описывают заводское производство и индивидуальное хозяйство. Их рассказы этнографичны, изобилуют сведениями о заводской продукции, технологиях ее изготовления, особенностях ремесел, промыслов, ведении домашнего хозяйства.

Специфика материальной культуры заводского населения Южного Урала была обусловлена и определялась не только полукрестьянским характером хозяйства работных людей. Довольно заметное влияние на быт оказывало также местное промышленное производство (в первую очередь, специфика производства отразилась на жилище, предметах домашнего обихода, утвари). Крестьянский уклад жизни претерпел значительные изменения под влиянием заводского производства. «Образ жизни... крестьянской общины на Урале был органически соединен с образом жизни... фабричного наемного рабочего»¹⁰⁹. Базовым слоем, на основе которого происходило подобное соединение, стала нравственная культура крестьянской общины. В сфере духовной культуры длительное время традиция господствовала над инновацией. Однако и она претерпела некоторые изменения, но в данной области процесс протекал медленнее, чем в сфере материальной культуры.

¹⁰⁸ УГВ. 21 сентября 1905 г. № 201. Ч. неоф. // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 18. Л. 182 об.

¹⁰⁹ Нерезова Л.Л., Фокин Н.П. О быте и ценностях обыденного сознания рабочих горнозаводского Урала // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2007. – С. 363.

Глава 3

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРА

1. Духовная жизнь в поселениях Южного Урала

Отдельную тематическую группу составляют устные рассказы о духовной жизни поселений. Сюда включены тексты о церквях и храмах, старообрядческом населении региона, а также специфике календарных праздников и местных дат.

Пространственная структура русских сел предполагает обязательное наличие в центре поселка, на возвышенном месте храма или церкви (Приложение 3, фото 38-40). Информанты вспоминают и рассказывают о том, какими были самые первые деревянные церкви, когда и при каких обстоятельствах на их месте были построены новые каменные здания. Информант из Тирляна Борис Анатольевич Оглоблин рассказывает: «Первыми здесь поселились охотники Медведевы из Стерлитамака. Построили церковь из дерева в виде молельного дома, потом она сгорела, затем стали строить настоящую церковь на Поповой горе, там жили служители церкви» (Оглоблин Б.А., 1948 г. р., Тирлян)¹.

Уроженка Верхнего Авзяна Екатерина Поликарповна Горбатова вспоминает: «Французский один управляющий дал команду снести кладбище и построить церковь. Ее, нашу-то церкву, строили девять лет, а ту, старую церкву перенесли у Нижний Авзян» (Горбатова Е.П., 1918 г. р., В. Авзян)². По рассказам Ивана Антоновича Лисовского ныне существующая в Каге Никольская церковь открылась в 1903 году (Приложение 3, фото 41-43). Информант рассказывает: «На месте каменной церкви стояла деревянная, построенная в 1774 г. Из-за ветхости она была сменена в 90-е гг. XIX в. На

¹ Приложение 2. № 106.

² Там же. № 63.

средства завода и прихожан сооружена новая каменная церковь. Строили из кирпича, который изготавливали на местном заводе. Сведений об архитекторе и художнике не сохранилось. Освящение церкви произошло 22 июня 1903 г. на празднике святого Николая» (Лисовский И.А., 1925 г. р., Кага)³. Свято-Троицкую церковь в селе Узян длительное время не восстановили после пожара, а в 2007 г. была открыта новая, Свято-Вениаминовская церковь (Приложение 3, фото 38). Урожденная Узяна Валентина Сергеевна Латохина рассказывает: «Первая церковь у нас сгорела, в школе потом организовывали церковь. Которая сгорела, была Свято-Троицкая церковь. Мы отыскивали ее в Челябинске, нас не пускали. Щас называется Свято-Вениаминовская. Мы собирали все по крошкам» (Латохина В.С., 1930 г. р., Узян)⁴.

Материалы архивов⁵ подтверждают слова последнего информанта о дате открытия и освящения Никольской церкви в Каге, а также данные информантов о строительстве церквей в других поселениях района⁶. «Оренбургские Епархиальные Ведомости», хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области, располагают сведениями о церквях в каждом из горнозаводских сел: «Михайло-Архангельская в заводе Тирлянском, Свято-Троицкая в заводе Узянском, Николаевская в заводе Кагинском, Казано-Богородская в заводе Авзяно-Петровском»⁷.

Жители села Инзер вспоминают управляющего Инзерским чугуноплавильным заводом Дица, немца по национальности. По архивным документам, горный инженер Генрих Диц «пользовался хорошими отзывами у интеллигентных лиц, а среди рабочих особенным уважением не пользовался», поскольку очень враждебно относился к православию⁸. По данным дела, в 80-90-е гг. XIX в. в Инзере уже существовал православный приход, проходило богослужение в часовне, однако Диц нередко

³ Там же. № 31.

⁴ Там же. № 205.

⁵ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 6567. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Ч 5. Д. 6256.

⁷ Там же. ОЕВ. 1880. С. 812.

⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 291, Л. 1.

кощунствовал над религиозными обрядами православной церкви, лишал священников жалования, многократно отбирал здание молитвенного дома для заводских нужд⁹.

К концу 30-х гг. XX в. местные церкви были перестроены под дома культуры, неоднократно горели. Так, по словам Ивана Антоновича Лисовского, 1925 года рождения, до 1938 г. церковь в Каге находилась в запустении. Со временем в здании была организована изба-читальня, ставшая впоследствии зернохранилищем местного колхозного производства. В 1960 г. Никольская церковь в селе Кага была переоборудована под новый дом культуры. В 80-е гг. XX в. Кагинский дом культуры официально был признан старинным памятником архитектуры. По воспоминаниям жителей поселка Тирлян, местная церковь была продана, а в 1923-1924 гг. помещение передано под клуб.

Разрушение храмов, уничтожение и расхищение икон отразилось в сюжетах о святотатстве и последовавших наказаниях за него: «Церковь ломали, когда я девошкой была ишо. Мама мене водила за руку у Центр, иде раздорожье. Ну что, смотрели мы усе стояли, как сломали ее, народ усе плакали. Сломали церковь, спилили крест, помню, как он падал униз, кирпищи скидывали. Там окна были, сверху-то, ну доску положили и по разные края людей поставили – один по одну сторону доски, другой – по другую сторону. Такой шум пошел, а все ревели стояли. Ох ревели! Колокол хороший был, добрый. Завидовали усе. А потом усе увезли то ли у Белорецк, то ли у Магнитку. Я как-то по телевизеру видела такой же колокол у Москве, такой и у нас раньше был, больше нигде таких не было!» (Абакумова А.Н., 1925 г. р., Кага)¹⁰. «Про церковь помню только, ломали как, у 37-м году это было. Разбирали кирпищи, сымали колокола, разбирали ограду и увозили в Авзян на завод вроде бы. Многие женщины проклинали тех, кто ломал церковь. Сказывали, что красавицей она была, даже колокольня была.

⁹ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 291, Л. 10-10 об.

¹⁰ Приложение 2. № 176а.

Монахов много было раньше, в ограде церкви похоронены были» (Андрянова Т.С., 1937 г. р., Кага)¹¹. «По горе плакали люди, стояли вокруг, где ломали церковь, богу молились. А потом всех бог наказал – погибли усе. Так и говорили – околели усе» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага)¹². Александра Федоровна Чертихина и Клавдия Федоровна Балбекова из п. Тирлян вспоминают: «Когда колокола снимали, то все никто лезть не хотел. Один из Николаевки приехал и полез, тут его задело, он упал и умер. Народ говорил: «Господь есть. Это ведь его Господь задел. Ведь он и не делал ее, а зачем ломать полез?!»» (Чертихина А.Ф., 1911 г. р., Балбекова К.Ф., 1915 г. р., Тирлян)¹³.

В поселениях сложилась система сакральных природных объектов, в которых основным является родник или святой источник как место паломничества в религиозные праздники (Приложение 3, фото 44-46). В Каге это Сажилка, в Авзяне – ключ на Малиновой горе, в Узяне – Галкин колодец, в Тирляне таких источников несколько: «У нас есть молебный родник. Раньше ходили туда молиться на Хрещение, а летом на Пасху. А после батюшка ходил с кадилом, с иконой по каждой избе» (Благов Ф.Я., 1934 г. р., Тирлян)¹⁴. По замечаниям старожилов, в случае долгой засухи на Девятую пятницу старые женщины осуществляли символичное хождение на родники, где совершали окказиональный обряд – вызывание дождя: «Вот бывает весной Девятая пятница. Если дождя долго нет, идут старухи на этот родник. Раньше тут стояла часовенка, на ней икона была – распятие. Старушки собираются там, просят дождя у Бога» (Оглоблина Т.В., 1930 г. р., Тирлян)¹⁵. До настоящего времени на родники в Тирляне ходят пожилые женщины, молятся, просят о помощи для всех жителей села.

Большая часть сельских праздников проходила в свободный от заводской деятельности весенне-летний период времени, между Пасхой и

¹¹ Там же. № 174а.

¹² Там же. № 180.

¹³ Там же. № 118.

¹⁴ Там же. № 103.

¹⁵ Там же. № 88.

началом полевых работ. Весенне-летнему циклу в годовой структуре народного календаря отведено особое место. Этот «переходный, промежуточный сезон является важнейшим в календаре...» - он «оказывается наиболее существенным с точки зрения его роли в природных и хозяйственных циклах»¹⁶. На него приходится «самый важный этап космобиологического цикла»: календарная граница года – начало весны, «пробуждение природы и связанные с этим этапы хозяйственной деятельности, от которых зависит урожай и общее благополучие традиционного сообщества»¹⁷.

Представления местных жителей о времени, природных изменениях, циклах хозяйственной деятельности моделировались с помощью народного календаря. В полевых записях наиболее полно представлен именно весенне-летний календарь. Очевидно, что связано это со спецификой горноокружной системы, при которой жизнь заводского рабочего и его семьи напрямую зависела от кропотливой ежедневной работы на предприятии. Заводы закрывались на ремонт домов и печей, как правило, только к началу весны или лета, потому на этот отрезок времени приходится наибольшее количество местных календарных праздников и дат, особо отмечаемых и почитаемых местными жителями. Именно в этот период заводское население занималось огородничеством, позже земледелием, мелким домашним хозяйством. Это было временем начала большинства сельскохозяйственных работ. Потому к весенне-летним датам приурочены многочисленные приметы, запреты, а также магические действия, ритуалы, преследующие цель благотворно повлиять на будущий урожай и приплод.

Календарно-обрядовый фольклор русских селений Южного Урала прописан в одноименном тематическом сборнике, в который вошли полевые записи Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного

¹⁶ Агапкина Т.А. Мифopoэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: «Индрик», 2002. – С. 25. - (Серия «Традиционная духовная культура восточных славян. Современные исследования»).

¹⁷ Там же.

университета¹⁸. Материал календаря в указанном сборнике сгруппирован по его основным периодам: осенние праздники, зимние, весенние и летние.

В настоящей работе остановимся на весенне-летнем цикле регионального календаря, который, как было отмечено выше, более подробно воссоздается в памяти и современной жизненной практике сел и является здесь более востребованным.

Благополучие года во многом определялось тем, как встречали весну, «поэтому календарь чрезвычайно насыщен значимыми ритуалами»¹⁹. Встреча весны приходилась на разные даты, среди которых были непереходные и переходные праздники, связанные с пасхальным циклом, а также условные временные обозначения, ориентированные на календарь естественный, природный²⁰.

Начало весны приходится преимущественно на Масленицу и день Сорока мучеников, середина – на Пасху и близкие к ней праздники, а завершается цикл Троицкой неделей. Как показывают полевые данные, широко известен в регионе ритуал «встреча весны». ««Закликание весны» – не единственный обряд, отмечающий в восточнославянском календаре начало весны»²¹. Известны и так называемые «жаворонки»²².

Обозначение праздника словом «встреча» не совсем точно. «Весну не встречают, а «кличат», «окликают», «гугают», «заклинают», т.е. призывают путём заклинаний. Среди восточно-славянских свидетельств об обрядах и праздниках весны есть упоминание о том, что «по своим срокам они совпадают с разным наступлением весны в природе»²³. Во многих регионах России встреча весны или «закликание весны» происходило на Масленицу.

¹⁸Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сб. материалов фольклорных экспедиций ЛНК / Сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. – Магнитогорск: МагГУ, 2003. – 307 с.

¹⁹ Там же. – С. 91.

²⁰ Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. – М.: «Индрик», 2000. – С. 18-20.

²¹ Там же. - С. 7-8.

²² См.: Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. – М.: ТЕРРА, 1997. – 302 с.; Народный месяцеслов / Сост. и автор Г.Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 229 с.; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). – М.: Лабиринт, 2000. – 186 с.; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. – М.: Наука, 2000. - 286 с.

²³ Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен... – С. 18-20.

Масленица (сырная неделя) справляется за 7 недель до Пасхи и приходится на период с конца февраля до начала марта.

В изучаемой местности Масленицу отмечали целую неделю: «Масленицу справляли, у некоторых старушек для этого даже специальный календарь был. Справляли неделю» (Благова А.А., 1915 г. р., Тирлян)²⁴. «Масленица бывала по посту, последняя неделя месяца. Блины пекли, три дня были праздники, катались на лошади, все с гармонями; с горы катились. Ряженые были, все ими могли одеться» (Юлина Е.Н., 1927 г. р., Кага)²⁵. Праздник проходил очень разгульно и весело: «Масленицу справляли у марте, вот праздник-то был!» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)²⁶.

Масленица в селе Кага описывается в воспоминаниях Д.И. Татаринова как один из самых разгульных и веселых дней в году: «Целыми днями шло катание на лошадях, украшенных лентами, бубенчиками и бумажными цветами. На базарной площади устраивался балаган, где приезжий петрушка давал представление; на этой же площади устраивался и доморощенный маскарад. Молодые ребята, одетые в медвежью шкуру или вывернутую наизнанку шубу с маской в виде козьей головы показывали различные фокусы, изображая то молодых баб, то старух и стариков. Тут же на санях возили разодетое в тряпье и набитое соломой чучело, существующее изображать широкую масленицу. Все это кончалось к шести часам вечера в так называемое прощеное воскресенье, когда начинали звонить в церкви к великопостной службе»²⁷.

Очень почитаема была вторая половина масленичной недели. В четверг существовал обычай величания, катания с горы молодоженов прошлого года; в пятницу начинались катания на лошадях; в субботу приглашали в гости и «потчевали» родню жениха; в воскресенье – прощенный день – теща ждала зятя на блины, а он в свою очередь обязательно дарил ей подарок.

²⁴ Приложение 2. № 105.

²⁵ Там же. № 32.

²⁶ Там же. № 52.

²⁷ Татаринов Д.И. Воспоминания // Башкирский край: Сб. ст. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея, 1992. – Вып 2.- С. 25.

«Молодожёнов, т.е. тех, которые женаты один год, приглашают в гости, кормят блинами. Тёща специально для зятя готовила блины. Зять же должен был принести тёще любой подарок. И я была молодая, и ко мне зять приходил» (Благова А.А., 1915 г. р., Тирлян)²⁸. «Молодые, которые первый год живут, идут к тёще. Говорили: «Зять идет к тёще по блины». Зять несет щё-нибудь ей. На Прощённый день идёт, у субботу. С горы и мы на санях катались. Над молодоженами баловались, хулюганили, снегом обсыпали, мол: «Посолить надо»» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)²⁹.

Как рассказывают старожилы сел, любимым развлечением на Масленицу было катание с гор - «гора трещала на санях». Со снежных гор катались дети, взрослые и даже старики: «Масленица щетыре дня идёт: воскресенье, понедельник, вторник, среда. Первый день, второй и третий катились на лошади, с горы. На салазках с горы обязательно» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)³⁰. «На санях катились. Мы, старухи, и то летали с горы, от летали, так летали. Катились и вечером, и днём, а утром не до этого было. Скользко на горе было, потому что Масленица пришла. Поэтому и блины маслом смазывали» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)³¹. Информанты из поселка Тирлян и села Кага отмечают, что «на лошадях катали всех. Молодых обязательно сажали, где кони с ленточками, нарядные» (Чертихина А.Ф., 1911 г. р., Тирлян)³².

По воспоминаниям известно, что в старину в регионе существовал обычай – лучшим пряхам кататься с гор на донцах, причём у той, которая дольше прокатится, будет самый лучший урожай. В Нижнем Авзяне, например, «на Масленицу катались старухи на санях, чтобы лен был хороший. На салазках с горы обязательно. Согнутся, подпояшутся и катаются, говорят: «Теперь лен будет хороший». И мама моя каталась»

²⁸ Приложение 2. № 105.

²⁹ Там же. № 52.

³⁰ Там же. № 82.

³¹ Там же. № 52.

³² Там же. № 117.

(Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)³³. В Тирляне и в Каге в этот день катались бабы с прялками: «Бывало, оденутся, выйдут сюды, на базар, - как будто прядуть, а потом ехали кататься» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)³⁴.

Наступление весны расценивалось как время, удачное для хозяйственных начинаний, потому к этому периоду были приурочены практические действия и разнообразные магические ритуалы, призванные повлиять на плодородие и урожайность. Не случайно, что именно женщине как продолжительнице рода здесь отводилась ведущая роль. По материалам экспедиций, замужние женщины, наряженные в старинные одежды, ехали в коробе, пряли, вязали, пели. Валентина Михайловна Сорокина из поселка Тирлян вспоминает: «До Масленицы с горы катались: карыты были, какашками подморозишь и катились. Тут гора была Плясовая. Кто на санках, кто на корытах. Не только маленьки, но и взрослые катились. На Масленицу вещером собираются, как свахи, и едут. Я пряду в коробу с прялкой. Брюки, шапку мужичью надевали, лицо тряпками закрывали да запевали. И всяко, всяко. Повесишь на гребень кудельку и прядешь. Поёшь, да кричишь, как ненормальная: «Что ты, Масленица, не 7 недель? Прогуляла бы не 7 рублей! Чучелу возили в коробу. Едут на лошадях, а мы семечки грызем, черно все от них. А к вечеру выезжали эти прялки. Мяльница в коробу. Коноплю на дугу вешали. Много женщин в короб насядут. Одна прядет, другая вяжет. Масляничную бабу жгли» (Сорокина В.М., 1912 г. р., Тирлян)³⁵.

Целый ряд масленичных обычаем был направлен на то, чтобы ускорить свадьбы, содействовать холостой молодежи найти себе пару. По воспоминаниям информантов, в Каге к Масленице делали карусели, куда приходила исключительно молодежь. Непосредственно процесс «смотра невест» регионе проходил на Пасху и Красную горку.

Функцию встречи весны выполнял обряд «проводы зимы», который проходил обычно в воскресенье. Коренные жители Белорецкого района

³³ Там же. № 82.

³⁴ Там же. № 52.

³⁵ Там же. № 140.

отмечают: «Встречали весну. Это Масленица была, на неё зиму провожали...» (Савельева А.П., 1930 г. р., Узян)³⁶. «Весну усё время встречали. Унизу у центре запрягали пару лошадей. Снащала зиму провожают и тут же снаряжают девку и катают её. Это вот на Масленицу было. На Масленицу зиму провожали, потом весну встречали» (Артемьева В.П., 1923 г. р., Кага)³⁷.

Главной фигурой в этот период оказывалась сама Масленица – кукла из соломы, которую обычно наряжали в кафтан, шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти и в санях везли в гору. Центральный акт обряда заключался в её потоплении или сожжении. Информант из поселка Тирлян рассказывает: «Масленица – это только поговорка. Масленицу начинали сжигать только в последнее время» (Благова А.А., 1915 г. р., Тирлян)³⁸. А вот жители сел Узян и Кага утверждают, что до середины XX в. снопы из соломы действительно сжигали: «Масленица была. Зиму провожали. Щущелу делали и жгли» (Савельева А.П., 1930 г. р., Узян)³⁹. «В пятницу Масленицу снаряжают, усаживают на повозку в корыто и возят. Масленица – это снаряженная баба или мужик. Когда ходили сжигать Масленицу, шубу одевали наизнанку, одевали на ноги лапти, рядились» (Бочарова Е.Д., 1914 г. р., Узян)⁴⁰. С появлением домов культуры и развитием их деятельности стали сжигать уже не сноп, а соломенную куклу.

Наши предки считали, чтоб весна пришла, её нужно было позвать, попросить прийти, выклкнуть. Отсюда и слово «заклички». Обычно приход весны закликали дети или девушки. Они забирались под вечер на крыше сараев, выходили на высокие места и оттуда очень громко кликали весну. В разных регионах России весну закликали в разные дни: 3(17) марта, на

³⁶ Там же. № 156.

³⁷ Там же. № 147.

³⁸ Там же. № 105.

³⁹ Там же. № 156.

⁴⁰ Там же. № 28.

Герасима – грачевника, 9 (22) марта, на «Сорок мучеников», 25 марта (7 апреля)⁴¹, на Благовещенье.

Как таковой «встречи весны» (точнее ритуала «закликания весны») в регионе нет - он вошел в другой ритуал – «жаворонки». В день Сорока мучеников женщины пекли из теста фигурки в виде птичек с распахнутыми крыльями (Приложение 3, фото 47-48). Жители сел рассказывают о двух основных способах приготовления таких жаворонков. В первом случае тесто раскатывают как верёвку, придают ему форму цифры «восемь», а концы поднимают в виде головы и хвоста. Другой вариант приготовления печенья заключается в следующем: за основу брали лепёшку, на ней косыми надрезами намечали хвостик, клов и крылья. Внутрь могли запекать уголёк, зёрнышко, монету, кольцо с целью узнать судьбу своих детей: «Жаворонков мама пекла, когда мы были маленькие. Из теста пекла. Наладить прям как настоящую печужку, глазки сделать, из черёмушки глаза и носик наладить. Ещё бывало мама сделает их нащёными - там солюшку положить, мак там, деньги. И вот щё кому попадется, вроде так и жить будешь. Солюшка – знать жизнь солона, копейка – богатый будет. Детям их раздавали» (Логинова А.В., 1927 г. р., Кага)⁴². Ольга Ивановна Локацкова вспоминает: «Мама пекла жаворонков. Их пекли из пресного теста. Мы ребятишки загадывали. Нас пятеро было, жили скотиной да огородом. В эти жаворонки мама запекет, денежку положит, загадат то ягненка, то теленка. Попадется – и деньги мне, и теленок мне – счастливая! Запекали в них пятаки, загадывали телёнка или другую животину. Кому достанется пятак, тому и телёнок» (Локацкова О.И., 1920 г. р., Тирлян)⁴³. «У детстве, когда девицкой была, жаворонков пекли. Кажется, 9 марта⁴⁴. Я каждый год их пеку. Туды кладешь деньги, уголек. Деньги – к богатству, кто вынет уголек – к смерти. У

⁴¹ Первая цифра обозначает старый стиль, вторая, в скобках – новый.

⁴² Приложение 2. № 33.

⁴³ Там же. № 135.

⁴⁴ В данном случае информант указал дату праздника по старому стилю – 9 марта (по новому стилю 22 марта).

жаворонков, бывало, глазки налажу щеремухой...» (Калашникова А.А., 1910 г. р., В. Авзян)⁴⁵.

Приготовленные жаворонки раздавали детям, которые обязательно должны были залезть на крыши сараев, «покликать» весну и подбросить птиц вверх как можно выше. В Тирляне вспоминают, что «весну у них встречали с жаворонками. Дети залазят с ними на повети и кричат: «Жаворонки, жаворонки! Красну весну принесите, зиму холодну унесите». Это вот как снег начинает уж таять» (Баженова А.И., 1915 г. р., Тирлян)⁴⁶. Во время полевых исследований были записаны и другие варианты закличек: «Жаворонки, прилетите, принесите лето красное, весну теплую, хлеборобную, добро в дом принесите» (Урцева В.И., 1930 г. р., Тирлян)⁴⁷. «Весна красная, пташка чтоб пела, а нам чтоб было здоровье хорошее» (Белова Р.Г., 1925 г. р., Тирлян)⁴⁸. В селе Кага «весну крищали в основном девчата. Крищали так: «Жаворонки, прилетите, весну принесите» Жаворонки прилетели – щас весна придёт» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Кага)⁴⁹.

В селе Нижний Авзян был известен ещё один интересный обычай - «кликаль весну» с пирогами, подкормить ее: «Как проталинка появится, мама мне пирожок испещёт, и я пойду на полянку с пирогом. Это на лён, говорили» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)⁵⁰.

Очень тяжелым днем в регионе по-прежнему считается в Благовещение, с которым связана поговорка «Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». «Благовещение 25 марта по-старому, а по-новому – 7 апреля, щижолый день. Нельзя работать, а самое главное, новое дело не начинать. Мать рассказывала: телят угнали в этот день в отгон, и их волки поели» (Сухов Н.П., 1929 г. р., Кага)⁵¹. Как утверждают информанты, в этот

⁴⁵ Приложение 2. № 161.

⁴⁶ Там же. № 127.

⁴⁷ Там же. № 143.

⁴⁸ Там же. № 144.

⁴⁹ Там же. № 52.

⁵⁰ Там же. № 82.

⁵¹ Там же. № 151.

день нельзя начинать новое дело, надевать или шить новую одежду, нельзя работать в доме и по хозяйству. Кроме традиционных запретов на полевые, домашние работы, особенно женские (шитье, вязание, прядение), в этот день запрещались практически все виды деятельности: выгон скота, мытье головы, расчесывание волос, стирка, замешивание хлеба и др. Татьяна Васильевна Желнина из села Кага рассказывает: «Благовещение – «Птичка гнезда не вьеть, девица косы не плететь». Мы сами видали: птица гнездо вила, да на волоске удавилась. Спать не ложись – корову проспиши. За решкой не нощуютъ, а то пройдетъ вода – не вернешси» (Желнина Т.В., 1923 г. р., Кага)⁵². «Говорили на Благовещение: «Если птицка гнездо совьеть, то она останется бесплодная». Косы нам бабушка с вещеру заплетала, а то завтра нельзя будеть» (Агеева Н.И., 1938 г. р., Н. Авзян)⁵³.

За неделю до Пасхи в регионе отмечали Вербное воскресенье. Веточки вербы освещали в местной церкви и хранили целый год на божнице рядом с иконами. В этот день все члены семьи должны были потрепать друг друга и домашний скот приготовленными ветками, приговаривая: «Вербохлест, бей до слез!». Считали, что такое похлестывание на целый год избавит от болезней, бед, неприятностей, смерти.

Пасху отмечали целую неделю. «Пасха не в щислах, по светилу она. Мартовское светило, например. Иногда она на апрель, иногда на март или на май приходится. Неделю целую Пасха была. После этого готовились к севу. На огороде нацинают землю готовить» (Бармина К.А., 1934 г. р., Кага)⁵⁴. К празднику красили яйца, пекли куличи, выращивали в отдельной посуде овес, рядом с которым ставили приготовленные яства. После праздника овес отдавали скотине. Вера Михайловна Кудряшова вспоминает: «Перед Паской овес сеяли у щашку. Овес вырастеть зеленый, на Паску накладешь туда яиц крашеных. Потом эти яйца на кладбище несуть. А овес скотине отдашь. Скотина, дети маленькие – самый помин. На Паску яйца катают по могилке,

⁵² Там же. № 53.

⁵³ Там же. № 60.

⁵⁴ Там же. № 54.

а потом раскрошуть. Бывало, только снег стаеть, так сразу идем на могильник. Бывайтъ, у день Паски, бываетъ, попозже» (Кудряшова В.М., 1925 г. р., Кага)⁵⁵. Яйца могли хранить очень долго, поскольку считалось, что пасхальное яйцо имеет огромную защитную и спасительную силу: «Яички красили на Пасху. Потом клали на божничку – это как спасение от пожара. Лежали порой годами яйца» (Косарева М.Ф., 1930 г. р., Ломовка)⁵⁶. «От грозы яйца с Пасхи ложат на божницу. Одна принесла яйцо, лежало от Пасхи на божнице три года, обошла пожар - и огня не стало, дальше не пошло» (Юрочкина А.А., 1935 г. р., В. Авзян)⁵⁷.

В селе Кага до сегодняшнего дня сохранился древний обычай – «жечь логуны»⁵⁸ под пасхальное воскресенье. В ночь с субботы на воскресенье жители села собираются на возвышенных местах, разжигают костры, которые сопровождаются шумом и выстрелами⁵⁹: «На Пасху яички красили, ребятишки с мешком идут христосоваться. Обязательно жгут логуны ребятишки, мужчины. С начину это ведется. Всю ночь сидеть и жгуть» (Абакумова Е.П., 1926 г. р., Кага)⁶⁰.

Одним из основных элементов пасхальной обрядности был обычай качаться на качелях: «На каждой горе устанавливали качели, которые стояли всю Пасху. На нее сажали девушку, раскачивали её со словами: «Назови жениха, назови». А в Каге «качели с люльками были, на них по парам кащались. Обыщно в этот день ходили на гору, брали с собой еду, крашеные яйца» (Аксёнова П.А., 1920 г. р., Кага)⁶¹.

В народном календаре переход от зимы к весне и от весны к лету маркируют соответствующие ритуалы и праздники, то есть время начала и конца отмечается особо. Полевые исследования показали, что в изучаемом

⁵⁵ Там же, № 34.

⁵⁶ Там же. № 55.

⁵⁷ Там же. № 65.

⁵⁸ Логун – костер на луге. Так в народе называли также бочки из-под дегтя.

⁵⁹ В давние времена на Пасху жгли бочки от дегтя, которые по мере возгорания издавали звуки, похожие на пушечные. В наше время на Пасху жгут машинные шины, бросают в костер порох для получения эффекта выстрела.

⁶⁰ Приложение 2. № 35.

⁶¹ Там же. № 36.

регионе Масленица знаменует собой конец зимы, Троица – начало лета, а Красная горка несёт функцию начала весны. Пасха и следующая через неделю после неё Красная горка – это то время, когда жители уже могли выйти за пределы замкнутого пространства - на улицу, бугор, на поляну, где проходили уличные гуляния, хороводы.

Завершается пасхальная неделя праздником Красная горка. «Красная горка после Пасхи щерез неделю. В церковь ходили – большой праздник» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага)⁶². «Красная горка после Пасхи щерез неделю у воскресенье проходила. Когда мы были молодые, ходили на горку» (Осипова М.В., 1928 г. р., Кага)⁶³. В народе праздник ассоциируется с началом весны, теплом, солнцем, цветением, т.е. обращает на себя внимание семантика эпитета весны – «красная». Значение данного эпитета соотносится не только с темой пробуждения, расцвета, но и с инициальными ритуальными комплексами (возрастная динамика – «девичья»; переход молодежи в другую половозрастную группу). ««Красная» – девицкая значит, вот и горка-то красная» (Сальникова М.В., 1922 г. р., В. Авзян)⁶⁴. «Красная горка – хороший светлый день» (Трифонова П.А., 1916 г. р., Кага)⁶⁵.

Красная горка как средневесенний период в календаре занимает особое место в организации социума. Этот праздник обращает на себя внимание как один из обычаем, подводящих итоги матrimониального цикла и знаменующих наступление нового периода жизни социума. К этому времени начинаются весенние гуляния, активно проходят хороводы, во время которых формируются новые половозрастные группы молодежи. В Белорецком районе на Красную горку молодежь ходила на качели, которые устанавливали к Пасхе: «На Пасху качели устраивались. Козлы ставили. Три козлины с одной стороны и с другой три. Жердь на козлины клали и верёвку тянули. Парни кашают девиц, верёвкой луплют и спрашивают жениха»

⁶² Там же. № 37.

⁶³ Там же. № 38.

⁶⁴ Там же. № 66.

⁶⁵ Там же. № 39.

(Осокина А.П., 1924 г. р., Узян)⁶⁶. «Кашели делали, высокие были, ужась какие высокие! Катаешь девку, раскачиваешь и спрашиваешь: «Щей махерин?» Знаешь, кто жених будет? На козлах высоко она сидеть, страшно. Бывало, до полночи не заходишь, всё кащаешься. Это мы на Пасху делали и до самой Красной горки» (Сафонова М.С., 1935 г. р., Кага)⁶⁷. Именно на качелях проходили «смотры невест» на выданье. Урожденная Нижнего Авзяна Ольга Ивановна Беляева вспоминает случай на качелях: «...Пришли туды на кашели. Вот одна девушка... А жарко, Пасха поздняя была, вот так как щас жарко. Вот она пришла у пуховой шале. А я стою да говорю: «Госпуди, ще ж она ешо тулуп не одела?» А мине их девки-та, логиновские, говорять: «Дык тута ее мать и отец, и вон ети Платоновы-то невесту вубырают... А вот щас глядять, вот Максимова у его была ухажерка, у щем она подвязана. Энта у полушалощке, а ета у пуховой шале – Настька Армизонова... Ну вот и выбрыл. Ему то ее не надо, то не надо, он знакомилси с Максимовой с Анююшкой, а они выбрыли у пуховой шале и узяли. Вот ета на Красную горку на качелях-та невест себе и приглядывали» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)⁶⁸. Экспедиционные материалы позволяют говорить о том, что традиционные «ярмарки невест» на качелях проходили в селе Узян: «На Пасху ходили матери на кашели, присматривали своим сыновьям невест» (Осокина А.П., 1924 г. р., Узян)⁶⁹.

Прослеживая участие социовозрастных групп населения в календарных праздниках «встречи весны», нетрудно увидеть, что зиму в регионе провожали взрослые, а весну «закликали» только дети и молодые девушки. На Красную горку, проходившую уже на открытом пространстве, собирались все группы населения. Однако первостепенное значение в празднике все же играли молодёжные группы девушек и юношей. Молодые люди ходили на Красную горку с целью найти себе пару и решающая роль в выборе принадлежала родителям. Важно отметить, что на Красную горку

⁶⁶ Там же. № 158.

⁶⁷ Там же. № 40.

⁶⁸ Там же. № 83а.

⁶⁹ Там же. № 158.

происходит передача культурных типов поведения самой молодой части населения – подросткам: дети ходили на праздник из интереса посмотреть на взрослых, играли в игры. Анастасия Петровна Оглобличева из села Кага поясняет: «На Пасху кащели были, козлы по улицам стояли. Девки собирались, ребята тоже приходили. Мы тоже с подружками ходили, маленькие ещё были. Охота была посмотреть, что там постарше делаются: сидеть, танцуют, кащаются. Кащели до Троицы стояли. Они же круглые были, туда двое садились, ноги закрывали и айда кащай. Мне дома дали пять копеек, охота же попробовать покашаться. Я пришла, ко мне постарше девицонка подошла: «Щего стоишь?» Я говорю: «Вот, на пять копеек покашаться хочу». Она выхватила деньги и убежала. Деньги отдавали тому, кто в улице заведовал кащелями. Всю Пасху на них кащались, народу тьма возле них толпилась. А вот пожилых женщин мало было» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага)⁷⁰.

Красная горка для жителей – приметный, знаковый день. В этот день старались не работать, посещали кладбище. Как показывают экспедиционные наблюдения, на Красную горку жители сел контактировали с землей: пасхальные яйца носили на кладбище, их катали по земле, ими расплачивались за катание на качелях: могли даже «слушать землю», разговаривать с умершими: «Как Пасха пройдет – яйца катали. Колышек вобъем и яйца к ним положим. Мячиком в яйца кидали. Мячик из тряпок шьёшь или из коровьей шерсти катаешь. Кто сшибет колышек, тот и яйцо забирает. Так и играли, кто больше яиц наберет» (Гаврилова А.Н., 1923 г. р., Тирлян)⁷¹. По свидетельствам старожилов, в селе Кага в этот день ходили «слушать землю», разговаривали с умершими: «Землю на Красную горку слушать ходили, с умершими говорили. И это бывало. И девушки могли ходить, ну землю-то слушать. Хто пойдет поплашеть, хто помолится, хто покланяется, хто ще» (Трифонова П.А., 1916 г. р., Кага)⁷².

⁷⁰ Там же. № 37.

⁷¹ Там же. № 856.

⁷² Там же. № 39.

По погоде на Красную горку судили о том, каким будет наступающее лето: «Лето определяют по Красной горке. Варвара Ивановна, она умерла теперь уже, бывало скажет: «От придет Красная горка – смотрите, какое лето будет» В этом году неважная Красная горка была, такое и лето – неважное» (Телятникова Ф.П. 1921 г. р., Н. Авзян)⁷³.

Как рассказывают информанты, праздник Красной горки – лучшее время в году для проведения свадеб: «На Красную горку свадьбу играли. Обыщно сосватают заранее, до Красной горки, а на неё – свадьбу делают. Собираться всем можно, но в основном молодые» (Платонова К.А., 1935 г. р., Н. Авзян)⁷⁴. «На Красную горку не работали, бывало скажут: «Ну! Теперь свадьбы пойдут!» (Копытова Н.А., 1920 г. р., В. Авзян)⁷⁵.

По воспоминаниям местных жителей, наиболее почитаемой Красной горка была в прошлом и остается на данный момент в селе Кага, однако в каждом селении хотя бы договариваясь о свадьбе стараются именно в этот день: «Красная горка была во второе воскресенье после Пасхи. Я и сама маленькая была, одену платье с уборощками, отец меня кашает на кашели. А уж колокола трезвонять! Мне тогда 12 лет было. А свадьбу на Красную горку у нас не всегда играли. На Красную горку, бывало, только еще знакомятся, договариваются о свадьбе-то. У етот день не работали, а песни пели» (Серегина А.В., 1921 г. р., В. Авзян)⁷⁶. Удивительно, но до сих пор в русских сёлах Башкирии предпочитают играть свадьбы именно на Красную горку.

По рассказам коренных жителей, организация свадьбы и похорон проходит в соседних селениях с некоторой ощутимой разницей. Информанты из села Кага поясняют: «У Авзяне говорять не так, как мы тут [в Каге]. Хоронють они как-то не знай, бабы у больнице там мене рассказывали, кода я лежала у прошлом лете. У них и песни другия поють, громко они поють, так и говорять про них: «У, авзянския горластыя! Наши спокойней!». И свадьбу не столько дней играют, как мы, и баню молодым не топлют. А у

⁷³ Там же. № 67.

⁷⁴ Там же. № 68.

⁷⁵ Там же. № 70.

⁷⁶ Там же. № 115.

Каге свекровь топить баню сразу после свадьбы. От как бывает-то. Не знаю, защем так, а что есть, я так и говорю тебе» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Андриянова Т.С., 1937 г. р., Кага)⁷⁷. В исследовании по свадьбе русских сел Белорецкого района С.А. Моисеева отмечает: «Свадьбу отмечали четыре дня... В Каге на четвертый день топили баню для молодых. В Авзяне ее топили в первую субботу после свадьбы, в Узяне – в первую неделю после свадьбы... В селе Узян свадьбу играют шесть дней»⁷⁸. Различны и варианты так называемых в регионе «постельных» песен, исполняемых в момент доставления приданого из дома невесты в дом жениха. Это песни: «Мимо лесу», исполняемые в селах Н. Авзян, В. Авзян, деревне Зигаза, «Как по улице, как по Пашитской», исполняемая только в с. Н. Авзян, «Потеряла я колечко», «У колодчика дли студеного», характерные для с. Кага⁷⁹.

В весенне-летнем календаре изучаемого региона есть еще один очень приметный день – Егорий или Егорьев (Юрьев) день. К этому празднику приурочены первый выгон скота в поле и начало полевых работ. Урожденная Нижнего Авзяна Ольга Ивановна Беляева поясняет: «На Егория, кoda выгоняют скотину, обязательно с вербой. А вербу приносили на вербную воскресенья. Вот с этой вербой и яицкой, чтобы вот как яицкую эту полна была, так и скотинушка наша полна была; как эта верба стояла на «Божей матери», так и нашу скотинушку, чтобы хоронила Божия мать. Вот гоняешь и прищтываешь. А потом эту яицкя приносишь и на божницу кладешь. А после этого яицкя, ну, этот уж кода на другую Паску, раскрошишь и курам отдашь» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)⁸⁰. Согласно полевым записям, на Егория начинали сеять рассаду: «Сей капусту на Егория, капусты будет доволи!» (Бармина К.А., 1934 г. р., Кага)⁸¹. Есть и другие приметы, связанные с первым дождем и громом: кувыркаться, чтобы спина не болела и не было страха перед грозой; набирать воду в дойницу, чтобы корова давала много

⁷⁷ Там же. № 206.

⁷⁸ Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: Автореф. дис... канд. фил. наук. – Челябинск, 2006. – С. 15-16.

⁷⁹ Там же. – С. 14.

⁸⁰ Приложение 2. № 84.

⁸¹ Там же. № 54.

молока; омывать этой водой ее вымя, чтобы не болело; во время града выбрасывать во двор кочергу, чтобы прошел быстрее и т. д.

Завершает цикл «встреча весны» – Троица, отмечаемая через 50 дней после Пасхи. Семик и Троица – один из главных периодов народного земледельческого календаря (седьмая неделя после Пасхи). Очень приметными в регионе являются три дня Троицы: троицкая родительская суббота, сипенька и день земли-именинницы.

В первый день Троицы ходили на кладбище, брали с собой угощения. Молодые девчата собирались вместе, ходили в лес, к реке, украшали берёзку, вили венки и бросали их в воду, гадая таким образом на свою судьбу. До сих пор на второй и третий день Троицы жители отмечают сипеньку: «Сипенька бывает девичья и бабья. Это от Троицы три дня: первый день – Троица, второй – девичьи сипеньки, третий – бабы сипеньки» (Платонова К.А., 1936 г. р., Платонова А.И., 1927 г. р., Н. Авзян)⁸². В день праздника на улицу выносили стол с угощениями, собирались за столом всей улицей и пели песни под гармошку: «На второй день собирались девушки и парни. Играли на гармонях, плясали, пели. На третий день собирались мужчины и женщины. Мужчины в этот день поздравляли женщин с сипенькой» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)⁸³. «Земля-именинница на третий день Троицы. Нельзя землю копать, нельзя работать. А если будешь работать – это грех. Сипенька тоже на третий день Троицы была... Ну, эти два праздника у нас в один были. Но земля-именинница – это же не праздник. Просто в этот день с землей нельзя возиться» (Плохова А.Н., 1931 г. р., Кага)⁸⁴. На сегодняшний день наиболее активно Сипеньку отмечают в селе Кага. Вечером у какого-либо дома собираются представители старшего и молодого поколений, мужчины и женщины, выносят за ворота стол с угощениями (сладкая выпечка, пироги с картошкой и грибами, капустой, рыбой, окрошкой), играют на гармошке, поют песни.

⁸² Там же. № 69.

⁸³ Там же. № 84.

⁸⁴ Там же. № 41.

Подтверждением тому, что Троица завершает цикл ритуалов «встречи весны», является существование в старину так называемого «проводального воскресенья» в поселке Ломовка: «Провожальное воскресенье бывало. Нас сколько соберутся: штук шесть-девять, иногда десять. Наймем гармониста и ходим. Ходили на Арску гору. Только девушки были» (Штырляева А.А., 1924 г. р., Ломовка)⁸⁵. «Девки и парни идут в лес провожать весну и припеваю: «Прошла, прошла веснушка, прошла прокатилась. Что ты веснушка, назад не воротилася» (Быстрицкая П.М., 1926 г. р., Ломовка)⁸⁶. «Провожально воскресенье, это весну провожать. У нас Троица будет 23 июня. Провожально воскресенье – 26-го» (Зарубина Е.А., 1927 г. р., Ломовка)⁸⁷.

Летний период календаря региона отличается меньшим разнообразием праздников, что, очевидно, связано с хозяйственными работами, которые необходимо было выполнить в очень сжатые сроки и быстро приготовиться к продолжительной и суровой зиме. Летом местные жители отмечали приметные дни летнего солнцеворота, а также на данный период времени приходились сугубо местные праздники – дни, связанные с историческими событиями села.

Иванов день в регионе получил название Ивана Травника - 24 июня (7 июля). В этот день местные жители собирают богородскую траву: «Иван Купала называется у нас Иван Травник. Собирали лекарственные травы, в основном богородскую траву. Пойдешь к травке и перекрешишься. Приговаривая: «Матушка-травушка милая, Господь тебя поливал и крестил, а можно мне тебя сорвать?» (Калугина А.Г., 1922 г. р., Ломовка)⁸⁸. Как рассказывают информанты, целебная сила богородской травы раскрывалась именно в этот день - она была необходима для лечения многих заболеваний: эту траву набивали в подушки для покойного, окуривали ей дом и умершего человека: «Сегодня Иван-травник, 7 июля. Сегодня ходят за богородской

⁸⁵ Там же. № 56.

⁸⁶ Там же. № 57.

⁸⁷ Там же. № 58б.

⁸⁸ Там же. № 59.

травкой, а потом ей покойника окуривали, и от болезней лечились» (Сорокина В.М., 1912 г. р., Тирлян)⁸⁹. «Мама у меня умирала, она как швырнуть подушку из перьев и старается на пол слезть» (Королева М.Ф., 1916 г. р., Тирлян)⁹⁰.

Петров день приходится на 29 июня (12 июля). В этот день начинали убирать покос: «Петров день 12 июля, и там сразу покос пойдет. Как Петров день приходить, мы, бывало, с дедом пообедаем, помолимся – и на покос: «Ну, Петровищ, айда пойдем, нащнем покос». И с копешку накосим» (Осокина А.П., 1924 г. р., Узян)⁹¹. По воспоминаниям урожденного Каги Николая Петровича Сухова, 1929 года рождения, когда начинали косить, первый пучок травы срывали непременно рукой и клали за пояс, кланяясь земле-матушке⁹². На Петров день жители обязательно шли за ягодами в лес. Как утверждают старожилы, самую первую ягоду не съедали, а обязательно клали на пенек, на солнышко: «Петров день 12 июля. Раньше ведь до Петрова дня ягодки у рот не брали – грех, нельзя. А теперь всю зеленую поели. Вот так» (Абакумова Е.П., 1926 г. р., Кага)⁹³. «После Петрова дня за ягодами ходят. До Петрова дня ягоду не тревожат: она неспелая, краснобокая, жесткая» (Рыжкина М.Л., 1918 г. р., Узян)⁹⁴.

День Казанской Богоматери, именуемый в народе Казанская приходится на 8 (21 июля). Этот день в регионе называется «ленивой косой». Как рассказывают информанты, в это время только самый ленивый едет косить сено. Даже старые люди старались в этот день немного покосить, хотя бы символически: «Казанскыя вот 8-го числа по-старому. Ну, а по-новому, шитай, 21-го июля, Казанскыя-то. Бывало, старухи сядут на завалинку: «Нынще Казанскыя-то. Айдатя, бабы, покосимси. Айдатя». А потом пойдут, бывало, косить. И косить. Говорили, что Казанскыя – самая последняя ленивая коса. Тут уж хошь-не хошь, а надо косить. Вот эти старухи устанут

⁸⁹ Там же. № 141.

⁹⁰ Там же. № 138.

⁹¹ Там же. № 158.

⁹² Там же. № 151.

⁹³ Там же. № 35.

⁹⁴ Там же. № 29а.

с завалинки-то, пойдуть дорогу обкоснуть. Хоть пластик, но скоснуть. Надо» (Трифонова П.А., 1916 г. р., Кага)⁹⁵.

Ильин и Борис день считаются самыми «вредными», «ленивыми» и опасными днями. По свидетельствам информантов, на Ильин день – 20 июля (2 августа) строго соблюдаются запреты на купание и работы в поле. «Ильин день 2 августа. Говорят, ленивый день. Это кто первый раз на покос едет, вот им и говорить, ленивая соха нонче уж. В Ильин день купание прекращайся! Ильин день – первый Спас, бери варежки в запас. На зиму, мол, готовимся. Первый Спас – первый мед кащают. Щерез неделю второй Спас. Рожь сеять начинают у зиму» (Логинова А.В., 1927 г. р., Кага)⁹⁶. «Ильин день в августе. Ездили за ягодами. Раз, помню, столько копей на поляне было, усе унесло, не знай куда. Сердитый день. Дома на Ильин день горели. Раз четыре дома сгорели. На Ильин день ни один мужик не работал» (Осокина А.П., 1924 г. р., Узян)⁹⁷. Информанты рассказывают множество случаев, когда на Ильин день люди тонули, погибали от грозы, ненастия. Потому старожилы до сегодняшнего дня строго соблюдают все запреты, связанные с этим днем: «Ильин день 2 августа. Работать нельзя, упаси Бог. Раз косили мы еще с папашкой накануне Ильина дня, а грести на Ильин день папашка не разрешил - нельзя же. А соседи на Ильин день гребли. Нагребли. А вечером поднялся ветер. Они ни одного лепестка сена не нашли. Все кверху унесло. Хозяин упал на землю и плакал, и сказал: «Другу-недругу закажу, чтоб в этот день никто не работал». Этим днем только убыток себе сделаешь» (Чертихина А.Ф., 1911 г. р., Тирлян)⁹⁸.

Борис день приходится на 24 июля (6 августа) и является не менее тяжелой датой, особенно для сенокосных работ и полевой деятельности. Вера Петровна Артемьева из села Кага рассказывает: «На Ильин день купаться уже нельзя. Страшно, лучше не надо. Потом Борис день. Я помню, девицонка ешо была, с отцом вдвоем на покосе были. А дальше от нас колхозная

⁹⁵ Там же. № 39.

⁹⁶ Там же. № 33.

⁹⁷ Там же. № 158.

⁹⁸ Там же. № 117.

бригада была. А отец болел, стариком уже был. Отец большой вол нагреб. Ну и решили мы пообедать с ним сходить. Пообедали, идем обратно. А нам люди кричать: «А есть что копнить-то?» Борис усе унес. И копнить оказалось нещего. Усе по кустам разнесло. Отец тогда матерился: «Итит твою масленица!». Борис день усе унес» (Артемьева В.П., 1923 г. р., Кага)⁹⁹.

В поселке Тирлян зафиксирована еще одна почитаемая дата летнего календаря - день Флора и Лавра – 18 (31 августа). Фрол и Лавр считаются здесь покровителями домашних животных, потому в этот день им уделяли особое внимание: сытно кормили, водили к святым источникам и родникам, осуществляли ритуальное омовение: «Как придет Фролов день, на него пригонят табун к роднику. Батюшка выходит с какой-то водой и брызжет с молитвой этих лошадей. Прокропит он, чтобы скотина была вся целой. Вроде Господь спасет» (Чертихина А.Ф., 1911 г. р., Тирлян)¹⁰⁰.

Наряду с праздниками общерусского календаря существуют праздники узколокальные, территориальные, характерные только для конкретной местности.

В системе местных праздников изучаемого региона преобладают в первую очередь церковные. Наиболее почитаемыми из них являются «престольные (другие названия – престолы, храмовые, часовенные, придельные)»¹⁰¹. Полевые исследования позволяют говорить о том, что храмовые, церковные праздники были и по сей день являются самыми многолюдными и значимыми для местных жителей. Как известно, «престольные праздники были приурочены к дням освящения храмов, воспоминаний о событиях священной истории или памяти святых и явлений икон, в честь которых были сооружены храмы и их приделы»¹⁰². В такие дни запрещались все виды домашних и полевых работ - жители сел обязательно посещали церковь, читали молитвы. Материалы архивов, фотодокументы

⁹⁹ Там же. № 147.

¹⁰⁰ Там же. № 117.

¹⁰¹ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук – М.: Наука, 2005. – С. 602. - (Серия «Народы и культуры»).

¹⁰² Там же.

(Приложение 3, фото 14) свидетельствуют о том, что во времена функционирования местных заводов (вторая половина XVIII - первая треть XX вв.) престольные праздники всегда сопровождались торжественным молебном на территории самого предприятия и последующим крестным ходом.

Таким образом, в поселениях Белорецкого района сложилась крепкая традиция престольных праздников, особо отмечаемых и почитаемых жителями и сегодня: «В Михайлов день престол в Узяне. У нас, у Нижнем Авзяне, на Вознесение - у колодщика ходить Богу молиться. В Верхнем Авзяне – на Девятую пятницу. В Каге – на Обещаный» (Платонова А.И., 1927 г. р., Н. Авзян)¹⁰³.

В поселках Верхний Авзян, Ломовка, Тирлян отмечается Девятая пятница, которая, по словам информантов, почиталась здесь в качестве дня обретения иконы Табынской Божьей Матери: «Каждую Девятую пятницу раньше ходили молиться на Табынскую, потом уже стали на Малиновую гору. А икона Божьей Матери большущая была, люди ее снарядют, бывало, кто щем может. Идуть, бывало, на Табынскую, несуть Божью Мать, заставляли нас ее поцеловать, перехреститься и под иконой пройти, чтоб не болеть» (Копытова М.С., 1935 г. р., В. Авзян)¹⁰⁴. В селах существует система примет и запретов, связанных с этим днем: «Девятая пятница – очень тяжелый день, происходят всякие несчастья. В этот день нельзя работать. Я сына родила на Девятую пятницу – он потом погиб» (Косарева М.Ф., 1930 г. р., Ломовка)¹⁰⁵. «Девятая пятница проходить на девятую пятницу после Пасхи. И в этот день нищего нельзя делать. Кто работает в этот день, того обязательно Бог накажет. В этот день почти всегда бывает гроза и сильный дождь. Гроза появляется откуда ни возьмись. В этот день обычно всегда кого-то убивает грозой» (Быстрицкая П.М., 1926 г. р., Ломовка)¹⁰⁶.

¹⁰³ Приложение 2. № 69.

¹⁰⁴ Там же. № 74.

¹⁰⁵ Там же. № 55.

¹⁰⁶ Там же. № 57.

Как известно, Табынская икона Божьей Матери представляет собой одну из наиболее ранних копий Казанской иконы Божьей Матери, «явившейся в г. Казани в 1579 г. в царствование Иоанна Васильевича грозного и прославившейся многими чудотворениями»¹⁰⁷. Табынскую она стала называться по месту своего пребывания с первой половины XVIII в., когда произошло третье обретение святой иконы¹⁰⁸. Согласно преданиям, третье обретение иконы пришлось на девятую пятницу по Пасхе. «В память последнего обретения святой иконы и с того же самого времени жители села Табынского установили ежегодное празднование обретения святой иконы в девятую пятницу по Пасхе, а в следующее за этой пятницей воскресенье стали совершать торжественный крестный ход со св. иконою на «Соляные ключи», как место явления святой иконы»¹⁰⁹.

Архивные материалы подтверждают факт ежегодного поклонения святыне богомольцами не только села Табынского, но и всеми верующими Оренбургской и Уфимской епархий¹¹⁰. В 1800 г. с разрешения Святого Синода и по желанию жителей устанавливается и утверждается маршрут следования Святой Чудотворной иконы Табынской Божьей Матери из села Табынского в г. Оренбург, который проходил через Авзяно-Петровский, Кагинский, Узянский, Белорецкий и другие заводы¹¹¹.

Екатерина Васильевна Балдуева, урожденная поселка Тирлян, рассказывает о прохождении крестного хода с Табынской иконой и связанными с этим событием исцелениями местных жителей: «Через поселок проходил крестный ход, несли Богородицу. Значит один мужчина старичок лежал. Так вот эта икона, она очень целебная – Табынская Богородица. Встречали ее с хлебом, с солью и когда люди встретили ее, то передают просьбу от этого мужчины, что мол он хочет. Чтобы Божья Матерь его все

¹⁰⁷ Табынская икона Божией Матери и крестный ходъ изъ села Табынского въ г. Оренбургъ и другия места Оренбургской епархии. Историко-археологический очерк. 1914 г. / Сост. действ. членъ оренбургской ученой архивной комиссии священникъ Николай Модестовъ. – Оренбургъ: Губернская Типография, 2001. – С. 15.

¹⁰⁸ Сказание об иконе Казанская Божия Матери, находящейся в Вознесенской церкви Уфимской губернии, Стерлитамакского уезда, села Табынского. – Уфа, 1909.- С. 12.

¹⁰⁹ Табынская икона Божией Матери... – С. 19.

¹¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

¹¹¹ ГАОО. ОЕВ. 1880. № 11. Л. 401-402.

же посетила. Короче говоря они здесь побыли. За ними идут еще подводы и не хотели ехать к мужчине. И вот Богородица встала, ну как встала. Вот значит они хотели ее поднять и понести, а она не поднимается, значит решили ее на повозку, а она не дается никак. Ну че, подошли здесь старшие и говорят: «Уж он просил, давайте». Решили мужика вынести к воротам и тогда Богородица и далась. Вышли на двор, значит, он поцеловал лежа прям эту икону и сказал: «Спасибо, люди добрые, все же увидел Божью Мать, мож она мне даст исцеление какое-то». Повернулась, значит опять, легко понеслась [икона]. А этот мужчина значит через неделю и исцелился, выходит» (Балдуева Е.В., 1927 г. р., Тирлян)¹¹².

Информанты из Каги Любовь Ивановна Желнина и Василий Александрович Желнин рассказывают, как в первые десятилетия XX в. их деды, родители ходили молиться Табынской Божьей Матери: «На Девятую пятницу ходили Богу молиться у Авзян, а после уже стали ходить к Сажилке. А еще раньше наши родители ходили у Табынскую Богу молиться. Моя бабка, как мать (Андреева Мария Васильевна, 1909 года рождения) рассказывала, ходила туда молиться. Пришла оттуда, а Кага сгорела уся – ни дома, ни ребятишек (у 1911-ом году). А ребятишки на горе сидели, спаслися. Так и отсталися одни каплюшечки» (Желнина Л.И., 1938 г. р., Желнин В.А., 1934 г. р., Кага)¹¹³.

С начала XX в. престольные праздники в заводских поселках приобретают черты межприходских, поскольку в них активное участие принимают жители других приходов. Так, например, на Девятую пятницу, свято почитаемую в поселке Верхний Авзян, приезжают жители соседних сел, а также городов Белорецк, Магнитогорск, Межгорье и др.

Другая группа праздников, которые отмечаются жителями сел Белорецкого района на протяжении двух с половиной столетий, - обетные дни. В отличие от престольных, обетные праздники устанавливались самими

¹¹² Приложение 2. № 98.

¹¹³ Там же. № 197а.

жителями сел по какому-либо обету - обещанию по религиозным соображениям. «Обетные праздники (другие названия – заветные, богохульные, молебствие, мольба, канун, оброчние или обещанные дни) были весьма разнородными по происхождению, времени учреждения и степени стабильности»¹¹⁴. В регионе такие праздники носят название обещанных дней. Это узколокальные праздники, отмечаемые жителями строго ограниченной территории (в данном случае, одного конкретного села). Обетный день, как правило, был «в числе», то есть отмечался каждый год строго в один и тот же день календаря. Жители сел готовились к таким дням: убирались в доме, на кладбище, готовили еду для стола и для кладбища на вынос. В эти даты строго запрещалось работать, потому всю работу старались сделать до обещанного дня. Очевидно, что подобный обряд позволял регулировать сбои в ритме социальной жизни коллектива. Обряды по обету воспроизводились «ежегодно в память избавления от несчастья, и, таким образом, переходили на высший уровень – включались в число календарных ритуалов»¹¹⁵.

История возникновения обетных дней передается жителями сел из поколения в поколение. Известно, что «одним из основных поводов для возникновения обетных праздников служило избавление жителей той или иной территории от постигшего их стихийного бедствия.., мора (эпидемии), падежа скота и других несчастий благодаря «заступничеству» святых, к которым они обратились с просьбой о помощи и которые с тех пор являются их покровителями»¹¹⁶. Информант из села Кага Мария Кузьмовна Киселева рассказывает: «29 августа 1921 года был мор, умирал народ. Кидали в общую яму, 10-17 человек в день умирало, не успевали хоронить. Служить стали в церкви. Батюшка сказал: «ДелайтЯ обещание впредь поминать». Сделали обещание поминать всех умерших в общей могиле. С тех пор и Обещанный праздник. В Авзяне была, там яма длинная, холмик, заметно, что могила. А у

¹¹⁴ Русские. – С. 608.

¹¹⁵ Байбурина А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 18.

¹¹⁶ Русские. – С. 608.

нас квадрат» (Киселева М.К., 1923 г. р., Кага)¹¹⁷. Урожденная Верхнего Авзяна Александра Андреевна Калашникова вспоминает: «Обещаный день у нас – Девятая пятница. Раньше часовенка была на горе. Раньше в этот день на Табынскую ходили обещать. Моя бабушка 25 раз ходила обещать, потому что дети умерли молодые. Вот ради детей 25 раз ходила обещать» (Калашникова А.А., 1910 г. р., В. Авзян)¹¹⁸.

Таким образом, в изучаемых селениях обетные праздники не совпадают с престольными, а официальные торжества храмовых праздников (крестный ход, встреча иконы и шествие с ней) проходят не в престол, а в день обета. Наиболее активно отмечают обещанный день в селе Кага, который приходится на 21 августа (Приложение 3, фото 52-56).

Этот праздник связан со святым источником близ села, называемым Сажилка. Возникновение источника люди связывают с явлением святого (либо иконы) на этом месте, а также с обещанием найти жилу во время мора: «В Сажилке священная вода, прямо из горы бьеть. Говорять, что люди умирали, ужась что было. Обещали жилу найти, лишь бы не умирали. Так ходили, ногой жилу щупали, воду нашли, богом место отмечено. А искали, чтоб люди не умирали. А то сколько гробов уносили» (Кузнецова Т.Н., 1929 г. р., Кага)¹¹⁹. «Сажилка – колодщик такой в щасовенке, под низинкой он находится. А было дело так. Пошли девчата за водой, а там икона Божьей Матери – они ведра бросили и побежали за старшими и за священником. Стал он святить это место, молитвы щитать – струйка воды то покажется, то исчезнет. И поняли тогда люди, что это место Богом отмечено. И стали на Девятую пятницу весной на Сажилку с иконамиходить» (Быкова П.К., 1912 г. р., Кага)¹²⁰. По записям Д.И. Татаринова, «В Сажилке изначально была построена часовня с темными старообрядческими иконами. Каждый год, обычно в конце августа, в церкви устраивался большой торжественный

¹¹⁷ Приложение 2. № 50.

¹¹⁸ Там же. № 161.

¹¹⁹ Там же. № 45.

¹²⁰ Там же. № 42.

молебен, затем крестный ход шел за пруд к горе, из-под которого был «холодный кристаллический родник»¹²¹.

С 30-х гг. XX в., когда большинство церквей было разрушено, затем передано под дома культуры и отдыха, крестный ход в обещанные дни не проходил. Однако и в эти тяжелые годы население свято помнило об обете, данном предками в страшные годы мора. В настоящий момент церкви сохранились в селах Верхний Авзян и Кага, где в связи с возрождением национально-культурных ценностей идет их реконструкция. Здесь проходят службы на Пасху, Рождество, Крещение (Приложение 3, фото 49-51), крестные ходы, а также сами обряды крещения, венчания. Вот уже многие годы жители Каги ждут окончания строительных работ в Никольской церкви, по-прежнему нет своего батюшки, однако традиции родного села они свято чтят: наблюдения последних лет показывают, что в Каге помнят об обете, потому каждый год 21 августа жители идут крестным ходом из церкви в Сажилку и на кладбище (Приложение 3, фото 51-55). «Обещаный день празднуют только у Каге. Он бывает 21 августа. Тогда была холера у нас. Уся деревня пошли вымерла. И вот собрались женщины у Сажилки и стали молиться, дали обет. И вот теперь етот праздник усе празднуют. В етот день усе кагинские, иде бы ни были, усе съезжаются. На кладбище народу, машин – тьма» (Кудряшова В.М., 1925 г. р., Кага)¹²².

Записанные устные рассказы содержат уникальные исторические сведения о старообрядцах региона (так называемых кержаках). Вспоминая о староверах, жители называют их кулугуры и кержаки. Так, например, уроженка Тирляна Анна Кузьминична Кожевникова отмечает, что ее свекровь была староверкой: «Она куржащка была, вера такая куржацкая» (Кожевникова А.К., 1913 г. р., Тирлян)¹²³. Возможно, что кержаки получили название от реки Керженец: «Кержаки или каменщики – группа старообрядческого населения из Нижегородской губернии с р. Керженец,

¹²¹ Татаринов Д.И. Указ. соч. – Вып. 2. - С. 12.

¹²² Приложение 2. № 34.

¹²³ Там же. № 125.

откуда они массово бежали на Урал, скрываясь от преследований официальной церкви»¹²⁴. В литературе отсутствует информация о раскольниках-староверах в исследуемых южноуральских селах, потому сведения информантов так ценны для настоящего исследования.

Информанты Нижнего Авзяна, Ломовки, Тирляна рассказывают о наличии в поселках двух вер – старой и православной, в соответствии с этим о существовании двух церквей, двух кладбищ: «Было у нас раньше две веры: кулугуры, староверы, и наша вера. Я у свата своего спросила: «Почему две веры-то было?» Он ответил. Наши-то хрещеные, а их – нехрещеные. У становеров иконы были деревянные, а у нас – медные. Столоверы молются сидевши, в землю кланяются врастяг, грудью припадают к полу, колокола у них не звонят, у них своя молебня – барский дом, барская молебня. Их могильник отдельно, все больше туда хоронить» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)¹²⁵. «До нас была еще церковь для становеров, а при нас уже одна была церковь. Только вот когда я первый год замужем была, там рядом куржаки жили» (Гаврилова А.Н., 1923 г. р., Тирлян)¹²⁶.

Жители Тирляна рассказывают о том, что раньше в поселке было две церкви, одну из которых посещали старообрядцы-белокриничники (другое название – австрийцы). «Белокриницкое или австрийское согласие – направление в поповщине, образовавшееся в 1846 г. в селе Белая Криница на территории бывшей австрийской империи»¹²⁷.

Информант из Тирляна Екатерина Ивановна Балдуева говорит о влиянии австрийского согласия на православных верующих поселения в XVIII в.: «У нас ведь и католическая была здесь церковь. У нас католики здесь были и мы много веры приняли от католиков, так как жили австрийцы – строили здесь завод» (Балдуева Е.И., 1927 г. р., Тирлян)¹²⁸. «Была здесь

¹²⁴ Русские. – С. 76.

¹²⁵ Приложение 2. № 81.

¹²⁶ Там же. № 122.

¹²⁷ Данилко Е.С. Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей (на примере старообрядческой общины г. Миасса Челябинской области) // Этнографическое обозрение. – 2006. - № 4. - С. 107.

¹²⁸ Приложение 2. № 129.

австрийска церковь, не сохранилась она. Была и православная, и ее щас нет» (Медведков Н.П., 1925 г. р., Тирлян)¹²⁹.

По воспоминаниям информантов, «В Верхнем Авзяне староверов было меньше, в Нижнем Авзяне – больше. Там в основном староверы жили, родители наши постоянно спрашивали, почему мол в Верхнем Авзяне батюшка живет, а в Нижнем Авзяне приход очень бедный, да и батюшки своего нету. А эти староверы не ходили в общую церковь, не молились на иконы, потому и приход был бедный» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹³⁰. «Сталоверы они старой веры были. Своя читальня была у них. Да! У нас церкви, а у них читальня, изба-читальня. У них там скамейка, как придуть, они все садятся, у них не молятся. У них один читает проповедь, они слушают, целую обедню отчитывают» (Матвеев И.С., 1895 г. р., Н. Авзян)¹³¹. Урожденная Нижнего Авзяна Евфросинья Константиновна Кочеткова рассказывает о своих родителях: «Тятя веровал дюже. Отец был с бородой. А мать сначала была мирской и ее староверы водили в староверскую веру свою обращать – купали где-то под Шиханом в речке. Я сама-то в церковь не хожу, меня крестили бабушки. А вообще староверы отделялись как-то от остальных...» (Кочеткова Е.К., 1928 г. р., Н. Авзян)¹³².

В Тирляне бытуют рассказы о кельях, расположенных близ поселения, в которых жили люди старой веры: «А кельи-то были, а как же, мы туда с сестренкой даже ходили. Подошли, видим, стоят дома некрашены. Боже упаси покрасить у них! У них все естественно, скоблено, вырублено, обстругано, даже выдолбленные гробы. А сами-то матушки в длинных темных юбках, черных кофточках и в черных платочках повязаны...» (Балдуева Е.И., 1927 г. р., Тирлян)¹³³. Местные жители утверждают, что монашеские кельи находились в горах, обособленно от другой части населения: «В горах были монашеские кельи, там жили женщины, которые

¹²⁹ Там же. № 108.

¹³⁰ Там же. № 187а.

¹³¹ Там же. № 13а.

¹³² Там же. № 71.

¹³³ Там же. № 129.

служили Богу. Сейчас там только крест остался. Староверы были, знаю, что только не разрешали пить чай из своих кружек» (Волков Л.Н., 1932 г. р., Тирлян)¹³⁴.

Описывая быт староверов, информанты отмечают, что жили они очень скромно, естественно, правда, рождение ребенка, свадьба и похороны проходили довольно скрытно, втихомолку: «У их не венчают, не крестят. Свадьбы они делают, но у них тихомолом было. У нас девки сидять, ребята заходят. А их не слыхать. Черт их знает, когда у них свадьба. Посмотреть не пускали, вечерок у их нет. На похоронах никого нету, они по-своему хоронють. Померла у них старушка, а их не видать, не слыхать. Никого не видать, как увезли, как закопали. Никаких у них поминок, ничего» (Беляева О.И., 1913 г. р., Н. Авзян)¹³⁵.

Старожилы Ломовки рассказывают о том, что раньше в их поселке проживали баптисты. «Баптизм возник в начале XVII в. в Англии и Нидерландах. Название «баптизм» произошло от греч. baptize - погружаю, крещу погружением в воду, что было характерно для их обряда крещения»¹³⁶. Вполне возможно, что богатство здесь духовных стихов – во многом их влияние: «Они, баптисты, у нас всегда были. Я с ними, баптистами, была знакома. Они только Иисуса Христа признавали. У них все молитвы какие-то. Так их стихи не споешь. У меня их здесь в тетрадке очень много» (Балдуева Е.И., 1927 г. р., Тирлян)¹³⁷. «Много пели духовных стихов. Они какие-то непонятные стихи их, тяжелые» (Синицына В.П., 1927 г. р., Тирлян)¹³⁸. Анализ экспедиционных материалов показывает, что исполнение духовных стихов происходит здесь только на похоронах. Как отмечалось выше, деревня Ломовка возникла путем переселения раскольников из Нижегородской, Пензенской, Тобольской губерний. Старообрядцы Ломовки держались «обособленно и сохраняли в языке, быте, традициях присущие

¹³⁴ Там же. № 96.

¹³⁵ Там же. № 81.

¹³⁶ История религий в России: Учебник / Под общей ред. Н.А. Трофимчука. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 346.

¹³⁷ Приложение 2. № 130.

¹³⁸ Там же. № 130.

ему черты, не адаптировались заводским населением Белорецка и не оказывали большого влияния на формирование его диалектного языка и этнографических особенностей»¹³⁹.

Особая набожность, двоеперстие, строгая индивидуальность в посуде, особенности проведения крестильного, свадебного и похоронного обрядов, бытование духовных стихов и прочие признаки отличали староверов в обыденной жизни: «Старая вера отличается верностью. У них индивидуальная посуда, обязательно молились и утром и вечером. У них усопшего ложуть, у нас ведь – лицом к образам, у них – наоборот. Дело не нацинали они без благословления, сначала помолятся. Не фотографировались они. У меня тетка все говорила: «Это на фотографиях-то сатана. А молились они двумя пальцами» (Балдуева Е.И., 1927 г. р., Тирлян)¹⁴⁰. Практически во всех рассказах о староверах описывается так называемое «чашничество»¹⁴¹. «И чтобы он с тобой из чашки поел, его расстреляют. Он согласится расстрелять, чем с тобой в чашке поесть. Он говорить, лучше мене расстреляйте, чем я, говорить, с тобой из одной чашки есть сяду. Сесть-то он сядеть рядом, а все свое. Вот такая у них ета вера-то была» (Матвеев И.С., 1895 г. р., Н. Авзян)¹⁴². Таким образом, «чашничество», как один из значимых атрибутов старообрядческой бытовой культуры, «позволяло регулировать отношения внутри общины и за ее пределами, очерчивая границы «своего», способствовало сплочению членов одного коллектива, служило способом защиты от «антихриста мира»»¹⁴³.

Считая свою веру истинной, староверы четко отделяли себя от категории «мирских». Оппозиция «мы – они», «свои – чужие» предполагает минимум общения с приверженцами новой веры и всей внешней средой, миром. Афанасий Анатольевич Горьков из поселка Верхний Авзян вспоминает: «Мать моя была мирская, потом вышла замуж. И бабка была

¹³⁹ Кашинцев Д.А. Указ. соч. – С. 48.

¹⁴⁰ Приложение 2. №129.

¹⁴¹ Данилко Е.С. Указ. соч. - С. 104.

¹⁴² Приложение 2. № 13а.

¹⁴³ Данилко Е.С. Указ. соч. - С. 104.

чистая староверка. У староверов был и батюшка свой и свои книги. В церкви они не ходили. Вот туда, где лесничество щас, туда они ходили молиться, ведь их вера другая» (Горьков А.А., 1922 г. р., В. Авзян)¹⁴⁴.

Все новое внушало староверам недоверие: новаторство воспринималось как святотатство и безнравственность, что способствовало складыванию особой структуры бытовых запретов. Высокая оценка старины была характерна для всех сфер их жизни. Так, например, привязанность староверов к одежде старого покроя, стремление соответствовать «образу и подобию Бога» (обязательное ношение бороды у мужчин, запрет подстригать волосы у женщин) являлись для староверов «конфессиональными маркерами»¹⁴⁵. «Раньше они, становеры, и вовсе не брились. Это тока на службу пойдет, его там почистят. А дома сохрани бог, чтобы бороду обрить. Бог, угу! Еще малай идеть, а уж у его борода по колено. Это они почитали бога, молились. Они, конечно, вообще махорку ету сохрани бог курить. Это, они считали, самый сатана... И в нашу церкву придут, свечи ставять, покупают. Вот они говорять, что ведь это торговля. Говорять, магазин разве это церква?! Они протестовали» (Матвеев И.С., 1895 г. р., Н. Авзян)¹⁴⁶.

Информанты отмечают, что вера у старообрядцев была очень строгая, но истинная, исконная: «Веровали они лучше нашего. Если пост, то они ни грамма лишнего не ели, да и у нас строго все было, но у них строже. У меня мама оттуда. Они все праздники знали божественные. Люди они были очень чистые, настолько чистые, что старались за веру держаться» (Белоглазова М.В., 1911 г. р., Тирлян)¹⁴⁷. «Их много, все старики умерли. Вера у их хорошая: все посты, все праздники соблюдали» (Сорокина В.М., 1912 г. р., Тирлян)¹⁴⁸. «Бывало, тятя как начнет рассказывать, аж жить не хочется. Посты все тятя соблюдал, даже семечки в Великий Пост не грыз: говорять,

¹⁴⁴ Приложение 2. № 72.

¹⁴⁵ Данилко Е.С. Указ. соч. - С. 105.

¹⁴⁶ Приложение 2. № 13а.

¹⁴⁷ Там же. № 133.

¹⁴⁸ Там же. № 139.

будешь на том свете на гвоздях плясать. И плевать везде запрещал» (Кочеткова Е.К., 1928 г. р., Н. Авзян)¹⁴⁹. Екатерина Ивановна Балдуева отмечает: «У них вся деревня была их община. Вот у меня мама-то оттуда. Во-первых. Три родника там и люди были очень чистые, настолько чистые, что старались за веру свою держаться. Законы у них, конечно, очень строже» (Балдуева Е.И., 1927 г. р., Тирлян)¹⁵⁰.

Направленность на соблюдение, сохранение и воспроизведение традиции – главное условие, основополагающий принцип, которым руководствовались старообрядцы. Отсюда особая роль, которую играли староверы в культурной жизни горнозаводских сел Белорецкого района. Говорить об этом позволяют «Воспоминания Д.И. Татаринова» (1877-1956 гг.)¹⁵¹. Дмитрий Иванович Татаринов известен в селе Кага как человек, заложивший первый кирпич при строительстве Никольской церкви. Детство Татаринова проходило на Кагинском заводе Оренбургской губернии, где родился его отец. Вспоминая детские годы в Каге, Дмитрий Иванович так характеризует старообрядцев на уральских заводах: «Очень энергичные, предпримчивые, трудолюбивые, с правильной систематической работой и отдыхом, они представляли собой отдельную, резко обособленную от остального населения группу людей. Старообрядцы на заводах Южного Урала играли в мое время большую культурную роль. Это был крепкий, рослый здоровый народ. Среди них почти не были распространены алкоголизм, курение и венерические болезни. Среди них почти не было туберкулеза, эпилепсии и нервных заболеваний. Об этом мне говорил один из старых белорецких врачей доктор Эрдман»¹⁵².

В своих записях Дмитрий Иванович рассказывает также о том, что после революции он присутствовал при разборе казенного архива, где ознакомился с рапортами становых приставов, в которых подробно

¹⁴⁹ Там же. № 71.

¹⁵⁰ Там же. № 129.

¹⁵¹ Татаринов Д.И. Указ. соч. – Вып. 2. - С. 4-39; Вып. 3. - С. 3-14.

¹⁵² Татаринов Д.И. Указ. соч. - Вып. 2. - С. 5.

характеризовались различные старообрядческие секты на южноуральских заводах¹⁵³.

Категория времени в рассказах о староверах представлена очень пространно. Информанты утверждают, что в регионе старообрядцы жили еще в 40-е гг. прошлого века: «Когда я первый год замужем была, там рядом куржаки жили. Это где-то в 40-х гг., я ведь замуж в 43-м выходила. А потом была война и будто бы уже умерли они. Жили староверы и живут сейчас, только они, как говорится, притерлись» (Гаврилова А.Н., 1923 г. р., Тирлян)¹⁵⁴.

В.А. Сенкевичем был зафиксирован рассказ Ивана Семеновича Матвеева о том, что староверы в поселке действительно жили еще в начале XIX в., а на данный момент их единицы: «Дак тут раньше бороды носили, старшие в деревне все с бородами. Счас не стали, в советскую власть не стали носить бороды, бреются. Есть, редко уж, мало. У нас токо один етот, Максим Косолапов-то. Этот уже с бородой. Их много было, пожалуй. Чать полсотки, не больше ли их было, а потом они тоже. Теперь уж нету у нас в деревне-то. У меня дядя был эдакий, сталовер. В Миасе вот их много, вон там все они без малого» (Матвеев И.С., 1895 г. р., Н. Авзян)¹⁵⁵.

В воспоминаниях информантов проговаривается, что старообрядцы чень прочно сохранили традиции религиозной жизни. Даже находясь в постоянном общении с православными, приверженцы старой веры гораздо строже держали свои уставы. Еще в 30-40-х гг. прошлого века в исследуемом регионе староверы довольно отчетливо отличались от православных жителей, в первую очередь, особенностями проведения похоронно-поминального обряда. Как известно, по сравнению с другими обрядами семейного цикла (родильно-крестильным, свадебным), похоронно-поминальный обряд воплощает в себе традиционные, довольно медленно

¹⁵³ Там же. – С. 3.

¹⁵⁴ Приложение 2. № 122.

¹⁵⁵ Там же. № 13а.

подвергающиеся изменениям представления людей о смерти, отношения живых и умерших, мира реального и потустороннего.

Полевые записи свидетельствуют, что полвека назад старообрядцы по-прежнему хоронили умерших только в лаптях, женщин – непременно в венчальных одеждах: «Крест у покойника в ноги ставили. А мама головой к иконе лежала. На ногах лапти были, подвенечный сарафан, чулки. И женщин, и мужчин в лаптях клали» (Сенюшкина М.М., 1922 г. р., Тирлян)¹⁵⁶. Умереть старались на полу, избегая при этом перин и подушек; в гроб также не клали подушек из перьев – для этого готовили специальные подушки с засушенной богословской травой: «Мама у меня умирала, она как швырнет подушку из перьев и старается на пол слезть» (Королева М.Ф., 1916 г. р., Тирлян)¹⁵⁷. По воспоминаниям информантов, люди старой веры заранее готовили себе гроб либо из цельного дерева, либо из досок, не используя при этом гвозди, топор и другие колющиеся предметы: «Гроб у них делают из досок, но без единого гвоздя, с шипами» (Необутов В.М., 1933 г. р., Тирлян)¹⁵⁸. Коренной житель поселка Тирлян указал нам на старинное бревно, которое когда-то в прошлом предназначалось для изготовления гроба.

В материалах экспедиций подробно описан данный обряд, потому можно утверждать, что особенности положения усопшего по отношению к иконе и правила установления креста на могиле покойного у старообрядцев и основного православного населения различны. Урожденная Тирляна Матрена Федоровна Королева рассказывает: «Жили становеры, была и церковь эдака. Вот сейчас где клуб есть, там церковь стояла. Их называли становеры. У нас несут ногами на кладбище, а они – головой. И ложили они [покойника] головой к двери, чтоб он смотрел на иконы, а ногами – к иконам» (Королева М.Ф., 1916 г. р., Тирлян)¹⁵⁹.

До настоящего времени в Верхнем Авзяне наблюдаются разногласия (зачастую даже между близкими родственниками) по поводу установления

¹⁵⁶ Там же. № 137.

¹⁵⁷ Там же. № 138.

¹⁵⁸ Там же. № 136.

¹⁵⁹ Там же. № 138.

креста на могиле умершего (в ноги или в голову) (Приложение 3, фото 57-59). «Насчет креста у Авзяне до сих пор спорють, куда ставить – в ноги или в голову. Там, говорят, кто как кладут, кто как сумееть. До сих пор ведь до драки. Вот когда мой отец умер, теща все на своем стояла, мол надо ставить крест в голову, потому что крест носят на шее, а не на ногах. Так и поставили отцу крест в голову» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹⁶⁰. Уроженка Тирляна Анна Ивановна Баженова, 1915 года рождения, рассказывает: «Вот эдак нам прабабушка рассказывала. Хоронили по-своему. Если у них там в кельях щеловек умер, его там и хоронили, молитву щитали. Молются они по-своему. Бог-то один, а вера разная. Крест ставили в голову, это всегда в голову ставить. Только у них покойника не ногами вперед. Мы-то ведь ногами к двери, головой к иконе» (Баженова А.И., 1915 г. р., Тирлян)¹⁶¹.

Единичные документы Государственного архива Оренбургской области подтверждают, что в Белорецком районе действительно жили староверы. Так, в «Деле Оренбургского по крестьянским делам присутствия»¹⁶² говорится «о намерении сооружения в Ломовке Богоугодного храма, который ныне средствами местных жителей и с помощью других лиц уже сооружен». К сожалению, некоторые документы, прямо указывающие на факт раскольничества в обозначенных селах, на данный момент недоступны для изучения по причине пожара в архиве («Дело по обвинению крестьянина Авзяно-Петровских заводов К. Игнатьева в хранении раскольничких книг» за 1758 год¹⁶³, «Дело священника Авзяно-Петровского завода В. Алексеева о непосещении жителями молебнов» за 1758-1759 гг.¹⁶⁴).

Таким образом, на протяжении всей истории горнозаводских селений жителями отмечаются престольные праздники, которые практически стали межприходскими (Девятая пятница в селе Верхний Авзян), а также

¹⁶⁰ Там же. № 182а.

¹⁶¹ Там же. № 126.

¹⁶² ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 504. Л. 2.

¹⁶³ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2175. 44 Л.

¹⁶⁴ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2246.

узколокальные обетные дни (Обещаный день в Каге), зафиксировавшие особо значимые моменты истории из жизни сел и устойчиво вписались в календарные ритмы. Полевые исследования показали, что весенне-летний календарный цикл являлся для горнозаводских рабочих наиболее разнообразным по количеству и значимости отмечаемых дат, насыщенных приметами и ритуалами.

В народных представлениях прочно утвердилась традиция связывать начало южноуральских сел, деревень с появлением в регионе ссыльных, беглых, каторжных, старообрядцев-раскольников. Правительство и церковь преследовали «раскольников» (старообрядцев)¹⁶⁵, которые скрывались от них в лесах Заволжья, Сибири, Урала. По причине отсутствия соответствующих источников, история возникновения старообрядчества в исследуемом районе, эволюция отдельных толков и движений, особенности их внутренней религиозной жизни практически неизвестны. В литературе встречается информация о старообрядцах на Южном Урале¹⁶⁶, однако русские села Белорецкого района не были объектом изучения, потому информация местных жителей – единственный источник, дающий богатейшие сведения не только о проживании здесь староверов, но и об их быте, особенностях проведения обрядов, взаимоотношениях старой веры и новой.

Особенности взаимовосприятия отражают бытующие до сих пор названия жителей каждого из поселений: «Жителей Верхнего Авзяна называют «долгополые», жителей Нижнего Авзяна – «киргизы», Каги – «кулажники». В Тирляне колдунов много, хмурные они там. Ломовка – богомольные усе. Отличались от нас» (Слепова А.Ф., 1918 г. р., Слепов Д.А.,

¹⁶⁵ Токарев С.А. Религия в истории народов мира / Общ. ред. и предисл. А.Н. Красникова. – 5-е изд., доп. – М.: Республика, 2005. – 543 с.

¹⁶⁶ Сергеев Ю.Н. Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале // Башкирский край: Сб. статей. – Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1993. – Вып. 3. – С. 30-38.; Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий / Отв. ред. И.В. Починская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 182 с.

1926 г. р., В.Авзян)¹⁶⁷. «Нас, кагинских, «мякинники» звали, верхнеавзянских – «киргизы, долгополые» (Андриянова А.С., 1930 г. р., Кага)¹⁶⁸.

Старообрядческое население сел сыграло значимую роль в процессе сохранения культуры региона. Нацеленность на воспроизведение традиций явилась главным принципом самосохранения старообрядцев, что отразилось на их высокой устойчивости как групповой общности.

2. Особенности межэтнических отношений в русских селах Башкортостана

Республика Башкортостан представляет собой поликультурное государство, в котором проживают более двух этнических групп с достаточно выраженной численностью.

История возникновения заводских предприятий, процессы дальнейшего заселения обозначенных территорий отмечены разнообразием социальных, этнических, культурных явлений. Горнозаводские села региона были образованы во второй половине XVIII в. в процессе переселений на башкирские земли русских крестьян из различных областей России.

Известно, что появление русских на своих землях местные башкиры встретили настороженно и неприветливо. Строительство металлургических заводов и освоение недр сопровождалось жестокой ломкой прежнего жизненного уклада края. Кочевой образ жизни заставлял башкирские племена перемещаться по обширным территориям, потому столкновения, конфликты с соседями и, тем более, с пришлым населением были достаточно частым явлением. Во все времена в характере башкир было использование огромных территорий, а начавшаяся колонизация Урала русскими в корне изменила обстановку на башкирских землях.

Материалы архивов (ГАОО, ЦГИА РБ) подтверждают факт передачи Кагинскому, Узянскому, Авзяно-Петровским горным заводам земель

¹⁶⁷ Приложение 2., № 113.

¹⁶⁸ Там же. № 168.

Тамьянской и Тангаурской волостей в кротомное пользование на установленный в договоре срок¹⁶⁹. Так, в «Деле Оренбургского по крестьянским делам присутствия» ГАОО отмечено: «Указом Правительствующего Сената... Оренбургской Гражданской Палаты, от 20 марта 1850 г., постановлено: 1) из числа занятых Кагинским и Узянским горными заводами земель Башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей продать заводам в собственность то количество десятины (22.545), которое необходимо для наделения состоящих при тех же заводах... работников и крестьян; 4) срок кротомного содержания определяется в 60 лет, с переоценкою оброка каждые 20 лет»¹⁷⁰.

Архивные документы также свидетельствуют о постоянных неуплатах за аренду башкирских земель, что естественным образом вызывало недовольство в местной башкирской среде и часто приводило к жестоким разборкам между русскими и башкирскими крестьянами («Дело об убийстве муллы Муххаметъ-Зарифа Мурзагалиева крестьянами Авзяно-Петровского завода (8 августа 1856 г. - 25 февраля 1857 г.)»¹⁷¹). Внушительный объем материалов, хранящихся в ЦГИА РБ, - рапорты, судебные тяжбы, жалобы, претензии башкир деревень Аскарово, Кагарманово, Исмакаево и др. по поводу незаконного использования русскими сенокосных, поземельных, лесных угодий башкирских дач¹⁷². Так, в «Деле по рапорту Верхне-Уральского исправника о самовольной порубке леса крестьянами Узянских заводов в башкирских дачах (от 1838 г.)» отмечено: «Хотя Саунову (заводскому приказчику) воспрещено отдавать заводу лес, он не слушал ничего, приказывал заводским крестьянам бить башкирцев, если бы кто из них стал не допускать к взятию леса»¹⁷³.

Экспедиционные материалы дают интересный фольклорно-этнографический материал, отчасти подтверждающий и дополняющий

¹⁶⁹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 239. 13 Л.; ЦГИА РБ. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. 133 Л..

¹⁷⁰ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 239. Л. 1-1об.

¹⁷¹ ЦГИА РБ Ф. И-2. Оп 1. Д. 8778. 11 Л.

¹⁷² ЦГИА РБ. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 1а. 326 Л.; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6074. Т. 1. 154 Л.; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3345. 208 Л.

¹⁷³ Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4342. Л. 8 об.

документальные данные по истории края. Местное население отмечает, что названия сел в округе довольно звучные и однотипные. Вполне возможно, что так изначально назывались башкирские земли, которые скупали русские предприниматели с целью строительства заводов. С притоком русского населения на южноуральские земли здесь возникают сами поселки. Информанты утверждают, что земли, на которых были образованы современные русские поселения, изначально принадлежали башкирским баям: «Золотой Авзян» - раньше его так называли, это башкирская деревня была» (Серпков Ф.М., 1951 г. р., Узян)¹⁷⁴.

Постепенно на местных землях вновь прибывшие поселенцы обустраивают вокруг себя пространство согласно собственным этническим традициям. Изменяется местная топонимика. Экспедиционные наблюдения заметили, что пространственная структура, традиционная для русской деревни изучаемого региона, включает в себя расположение в центре села, как правило, на возвышенном месте, церкви или храма; четкое деление села на части (концы), каждый из которых имеет свое название; размещение жилых построек в порядке параллельного расположения улиц (Приложение 3, фото 60).

Уже к концу XIX в. башкирские и русские деревни в известной степени обособились друг от друга. Башкиры все еще вели полукочевой образ жизни (Приложение 3, фото 61), а русские крестьяне постепенно осваивали территории вокруг заводских предприятий. Урожденная поселка Верхний Авзян Анна Акимовна Юлина вспоминает: «Башкиры с нами тут раньше не жили. Жили рядом, в соседних деревнях, например, в Хаметово. Они постоянно ездили в Авзян. По понедельникам в Авзяне был базар, потом его перенесли на воскресенье. Много их ездило. Везли и мясо, и шерсть, и живую скотину» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹⁷⁵. Обособленность русских и башкирских поселений была отмечена еще Д.И. Татариновым в

¹⁷⁴ Приложение 2. № 203.

¹⁷⁵ Там же. № 189.

воспоминаниях о детстве, прошедшем на Кагинском заводе (1890-е гг.): «Башкиры жили изолированно в горах или степях Уфимской и Оренбургской губерний, занимались скотоводством, мочальным промыслом, звероловством и, в небольших размерах, пчеловодством. Деревни поражали своей беднотой и убожеством: вытянутые в одну линию по какой-нибудь горке с низкими однооконными избушками большей частью без дворов и ворот, с земельной насыпью вместо крыши, они производили странное впечатление». В летнее время башкиры покидали свои поселения и уходили в «коши» - род конических шалашей, сделанных из драны¹⁷⁶. По записям Татаринова известно также, что различные условия жизни не мешали общению русских с башкирами: довольно часто жители соседних селений встречались в лесу, на природе, вместе готовили традиционное кушанье - бишбармак, слушали курай, пели протяжные лирические песни¹⁷⁷.

Поселения исследуемого региона изначально не являлись однородными в национальном отношении, что способствовало постепенному установлению тесных хозяйственных связей между разными этносами. Сведения по населенным пунктам Белорецкого района Башкортостана позволяют говорить о том, что в регионе преобладало и преобладает на сегодняшний день чересполосное расселение различных национальных групп (преимущественно башкир) среди основного русского населения. Башкирские и русские деревни располагаются чересполосно - путем чередования населенного пункта, в котором проживают представители одного этноса, с жилым объектом другого этноса. Однако на общем фоне чересполосности русские села по-прежнему представляют собой несколько обособленное очаговое расположение населенных пунктов (Приложение 3, рис. 4).

Работа на заводах была единственным источником существования русского крестьянства. Нехватка кадров, устаревшее оборудование,

¹⁷⁶ Татаринов Д.И. Указ. соч. – Вып. 2. - С. 34.

¹⁷⁷ Там же. – Вып. 2 – С. 22.

многократные пожары и другие причины привели к остановке горнозаводского производства к началу первой мировой войны. Бедственное положение заставило рабочих заниматься обработкой земли, которая все еще находилась во власти местных башкир.

Вспоминая прошлое, информанты говорят о полной зависимости переселенцев от башкир, потому русские их уважали и даже побаивались: «Баи они были, обширное место занимали. Мать, бывало, скажет: «Купили у них земли - будем покос убирать, а нет - так нет»» (Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹⁷⁸. «Это ведь щас не стали башкирам барапов возить. А то ведь барапа увезешь – поляну даст» (Кудряшова А.З., 1896 г. р., Н. Авзян)¹⁷⁹. Информанты из Узяна Ольга Варламовна Габова и Петр Ильич Габов рассказывают о нападениях банды местных башкир под руководством Муртазина на заводских жителей села: «В 17-18-х гг. в Узян наезжала банда Муртазина, башкира. Они нападали на русских. Башкиры все держали в своих руках, покосы покупали. Прятались от них в коноплю, в подвалы, в подпол, баню. (Габова О.В., 1925 г. р., Габов П.И., 1927 г. р., Узян)¹⁸⁰.

Каждому приходилось покупать лес, чтобы построить дом, а также сенокосные угодья, поземельные участки для получения урожая: «А у нас земля-то вся была у башкир. Башкиры ведь ей хозяева были» (Уральский И.А., 1883 г. р., Кага)¹⁸¹. Местное население утверждает, что именно у русских башкиры научились ценить землю уже не как безоговорочную собственность, а как мать-кормилицу, потому самостоятельно начали выращивать картошку: «И с Хаметово к нам приезжали – серу продавали, они ведь картошку не сажали, у нас покупали. А потом и сами, глядя на нас, сажать стали» (Андриянова Т.С., 1937 г. р., Кага)¹⁸². Экспедиционные записи показывают, что под влиянием русских крестьян башкиры освоили трехпольную систему земледелия, стали производить зерновые и

¹⁷⁸ Приложение 2. № 196.

¹⁷⁹ Там же. № 12а.

¹⁸⁰ Там же. № 25.

¹⁸¹ Там же. № 5.

¹⁸² Там же. № 175.

технические культуры. Как отмечает Л.И. Брянцева¹⁸³, в Башкирию русские крестьяне принесли соху и косу-литовку, цепы для обмолота зерна, научили башкир огородничеству и садоводству. Заемствования заметны и в строительстве дома, содержании скота, в рецептах изготовления отдельных блюд. В свою очередь, по свидетельствам информантов, местные башкиры все активнее привлекают русских к занятию бортничеством.

Со временем социальные, производственные отношения в селах углублялись и поддерживались связями этнографического характера. Однако в материалах полевых исследований устойчиво проходит информация о негативном отношении жителей к межнациональным бракам. В истории сел практически не замечено национальных смешанных браков, а единичные случаи подобных явлений осуждаются в народе, либо об этом стараются не вспоминать и не говорить вообще: «Моя прабабушка (мать моего деда) была кагинская. Еще тогда считали, что за нерусского идти – редкость. Лучше не надо. Одна женщина в Авзяне вышла за нерусского, на Бритяке они жили. Вот ее осуждали все, не одобряли вроде» (Юлина А.А., 1927 г. р., Кага)¹⁸⁴. «Раньше хоть расколись ты – не брали [замуж] националы русских и наоборот. Из другого села не брали невесту, жениха. А щас некоторые с башкирами, татарами тут живут – лучше русских» (Серпков Ф.М., 1951 г. р., Узян)¹⁸⁵.

Анализ архивных, экспедиционных материалов позволяет говорить о том, что полного доверия и понимания между русскими крестьянами и местным башкирским населением не наблюдалось: «Вражда была и раньше, их ведь так и называли «башкыры». Убивали башкиры русских, русские – башкир. Пришельцы они» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага)¹⁸⁶.

Тенденция к некоторому усложнению отношений между ними отмечена и на сегодняшний день: «Спокон веков узяли все в руки, а щас и вовсе»

¹⁸³ Брянцева Л.И. Русская песенная традиция в современном Башкортостане // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник – Уфа: БашГУ, 1995. – С. 61

¹⁸⁴ Приложение 2. № 189.

¹⁸⁵ Там же. № 203.

¹⁸⁶ Там же. № 180.

(Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹⁸⁷. Рост числа башкир в русских селах, резкое изменение системы местного школьного образования с введением обязательного изучения башкирского языка, истории и культуры Башкортостана все чаще вызывают негативную оценку у большинства местных жителей.

С 90-х гг. прошлого столетия в регионе отмечается повышенный уровень агрессии, культурной, этнической, религиозной нетерпимости. Глобальный размах приобрели вопросы взаимоотношения двух наций, двух культур на единой территории длительного существования.

Оппозиция «свой – чужой» существует со времен формирования народов и является одной из наиболее древних по происхождению. Под толерантностью в науке понимается определенная способность индивида без какого-либо противодействия воспринимать образ жизни, специфику поведения и прочие особенности других индивидов, отличающиеся от его собственного мнения¹⁸⁸. Говоря о межкультурных коммуникациях, актуальнее будет рассматривать противоположное толерантности явление – «интолерантность как нетерпимость к особенностям чужой культуры и иного языка»¹⁸⁹.

На данном этапе выявить процессы сближения, взаимодействия, взаимовлияния двух культур представляется довольно сложным, поскольку преобладает сугубо односторонний взгляд на данную проблему. Говорить о каких-либо культурных взаимодействиях двух народов можно лишь тогда, когда будет преодолен хотя бы языковой барьер. Очевидно, что определенного рода толчок, стимул к появлению культурных взаимодействий между народами дают, в первую очередь, происходящие социальные взаимовлияния в местной среде. А в силу небольшого периода

¹⁸⁷ Там же. № 196.

¹⁸⁸ Психологические исследования толерантности / Сост. Н.М. Лебедева, В.Ю. Хотинец, А.А. Выскочил, Ю.А. Гаюрова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – 240 с.; Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. – М.: Издательство Московского психологического социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 368 с.

¹⁸⁹ Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. – С. 114.; Караполов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуации в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // Мир русского слова. - 2002. - № 3. – с. 28.

совместного существования разнородных фольклорных традиций, из-за пестроты и неравнозначности их состава уловить четкую грань процессов культурного взаимодействия представляется очень сложным.

Определенные тенденции к сближению этих народов все же наблюдались в истории сел неоднократно. Переломные моменты мировой истории (революция 1917 г., голодные 20-е гг. XX в., Великая Отечественная война и послевоенные 40-60-е гг. XX в.) естественным образом заставили объединиться всех людей независимо от пола, возраста, национальности. Смерть и горе стерли все обиды, сословные и национальные признаки; людей объединила единственная цель – необходимость выжить. Подтверждение этому находим в материалах экспедиций: «Раньше башкир ощень много было, они на Елани жили, только потом переехали на Бельский и подальше. А относились к русским они (башкиры) и мы к ним очень хорошо, не как теперь. Не разбирали, кто какой. Отлично относились. Учились вместе, когда их много было. Жили и все. Раз как-то у школе уши [вши] обнаружили у кого-то и всех стали стричь, всех подряд. Помню, мы ощень просили, чтобы не стрыгли Фаю Сагунбаеву, потому что волосы у нее красивые были. Просили мы, заступались за нее – все равно обстрыгли. Тогда ведь не понимали, не разбирали, кто какой, жили и все» (Андриянова Т.С., 1937 г. р., Кага)¹⁹⁰. «Щас башкиров стало больше. Они в войну ходили Христа ради собирали, кому дрова нанимались попилить, кому ще. Помогали друг другу» (Гнедкова Е.А., 1934 г. р., Кага)¹⁹¹. Во время экспедиционных выездов в регион были зафиксированы единичные рассказы жителей о том, что именно со времен войны и голода завязалась дружба между башкирскими и русскими семьями и эти теплые отношения продолжались долгие годы. Так, Татьяна Дмитриевна Королева из села Кага рассказывает: «Наша семья на хуторах тогда жила, дружно жила, помню, мать даже башкир кормила. Бывало, нальеть ведро воды у самовар, так и не успевала его кипятить – усе

¹⁹⁰ Приложение 2. № 175.

¹⁹¹ Там же. № 196.

выпивали. Так мы и наутились по-ихнему щай пить. Дружили с ими» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага)¹⁹².

Процесс освоения русскими обозначенных территорий имел глубокие социально-экономические последствия и для местных народов Южного Урала. Так, значительная часть башкирского населения под непосредственным влиянием русского крестьянства в XVIII в. переходит к оседлости и земледельческому хозяйству. Постепенное оседание кочевников-башкир на земле привело к росту их материальной обеспеченности, что в свою очередь оказывало положительное влияние на естественный прирост местного населения края.

Полевые записи свидетельствуют о том, что русские и башкиры принимали совместное участие в выполнении различных обязанностей: строили дороги, плотины, мосты, боролись с частыми лесными пожарами¹⁹³, вместе участвовали в военных действиях; вступали в браки с местным населением. Все это не могло не способствовать установлению тесных хозяйственных и культурно-бытовых контактов между ними, которые приводили к взаимообмену наиболее целесообразными хозяйственными навыками, некоторыми элементами материальной, а иногда и духовной культуры.

Большое влияние оказали русские на специфику этнокультурных процессов на Урале. «Вхождение края в состав русского централизованного государства, несмотря на ряд негативных явлений (русификаторская политика, усиление феодального гнета, насильственные переселения и др.), имело и прогрессивное значение в социально-экономическом и культурном развитии народов края. Оно оказало влияние на рост производительных сил, способствовало расширению товарно-денежных отношений, приобщению народов края к более передовым формам хозяйственного производства»¹⁹⁴.

¹⁹² Там же. № 192.

¹⁹³ Татаринов Д.И. Указ. соч. – Вып 2. – С. 21-23.

¹⁹⁴ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русское население Поволжья и Приуралья и его роль в этнических и культурно-бытовых процессах народов Волго-Уральского региона // Этнические и этнографические группы

Таким образом, межэтнические отношения русских на колонизированных башкирских землях на протяжении всей истории существования заводских сел не были отмечены стабильностью. Очевидно, это стало одной из причин сохранения русский традиционной культуры в условиях иного окружения. Полевые исследования показали, что сложность и неоднозначность экономических, социальных процессов и этнических взаимодействий на территории Башкортостана, а также удаленность района от крупных развитых промышленных центров обусловили довольно высокий уровень устойчивости традиционной культуры русских крестьян, бывших заводских рабочих, сохранившейся здесь в иноэтничном окружении.

В последние десятилетия в республике отмечена некоторая тенденция этнического и конфессионального самоопределения: наблюдается дифференциация по этническому признаку, негативное отношение к межнациональным бракам, нетерпимость к чужой культуре и языку, что, вероятнее всего, отражает желание этносов сохранить свой язык, традиции, культуру, «собственную этнокультурную определенность и не допустить полной этнокультурной ассимиляции»¹⁹⁵.

в СССР и их роль в этнокультурных процессах: Общие проблемы и союзные республики. – Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 116.

¹⁹⁵ Психологические исследования толерантности. – С. 238-239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи со строительством металлургических заводов со второй половины XVIII в. на территории Южного Урала был сформирован очаг русских поселений, представляющих собой разные этнолокальные зоны и имеющих много общего в истории жизни, быта, культуры. Южноуральский регион устойчиво хранит общерусские традиции в инокультурном окружении.

В процессе расселения русского народа на обозначенной территории его традиционная культура под воздействием различных факторов приобрела локальные особенности, без изучения специфики которых невозможно охарактеризовать эту культуру во всей целостности и многообразии. В результате комплексного изучения на региональном уровне фольклорно-этнографических материалов, а также письменных архивных и опубликованных источников, в диссертационной работе рассмотрена история русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкортостана, выявлена динамика и ведущие факторы культурных изменений, а также определены особенности взаимодействия и взаимовлияния культурных, социальных и этнических процессов. Основным источником настоящего исследования стали устные рассказы, отразившие широко разносторонние факты действительности, давшие определенного рода срез социальной и духовной реальности. Содержательный пласт традиционной культуры и социальной действительности отражен в воспоминаниях местных жителей, зафиксированных в форме устных рассказов.

В результате рассмотрения фольклорных рассказов с топонимическим мотивом в работе выявляются основные пути переселения людей с их прежних мест жительства на новые освоенные территории. Согласно полевым данным, заселение района происходит «отовсюду», из разных мест и уголков России. Локальные черты переселенцев прослеживаются в различиях между жителями соседних селений, что в свою очередь

отражается в говоре, особенностях проведения семейных обрядов, одежде, быту, а также во взаимовосприятии самих людей и селений.

Анализ фольклорных, этнографических, исторических материалов показал, что характерные особенности формирования русского населения Южного Урала, представленного в основном крестьянством из разных областей России, не могли не привести к образованию некоторых различий в материальной и духовной культуре внутри региона в целом, а также в отдельных его районах и селениях.

Русская традиция на Урале складывалась в процессе адаптации исходной традиции переселенцев к местным региональным условиям. Переселенцы принесли со своей родины хозяйственные навыки, собственные культурные традиции, в том числе фольклор, которые подверглись здесь влиянию различных факторов: специфических местных природно-климатических и экономических условий, контактов с местным нерусским населением региона и т.д. В результате процессов взаимодействия происходило языковое и культурное сближение разных групп переселенцев, складывался этнокультурный облик русского населения южноуральского региона.

Горнозаводское население как этносоциальная группа русских складывалось на основе крестьянской среды при непосредственном влиянии системы горных заводов. История его формирования представляет сложный длительный процесс приспособления этносословной группы к изменившейся среде обитания, к новым социально-экономическим условиям при резком переходе к иному виду трудовой деятельности. Вплоть до начала XX в. образ жизни и характер занятий местного населения претерпевают существенные изменения, что напрямую было связано с функционированием заводских предприятий.

«Горнозаводская держава» (А. Иванов) создавалась искусственным путем в интересах насаждения горного дела на Урале. Образование структуры горных заводов, организованная в соответствии с этим жесткая

система приписки людей из различных уголков России для работы на предприятиях способствовали резкому отрыву крестьян от привычных мест жительства, изменениям в хозяйственной и трудовой деятельности, а также постепенной консервации культуры русского населения. Как свидетельствуют полевые и архивные источники, местные заводы были прочно объединены друг с другом стадиями обработки металла и представляли единый производственный комплекс, а жители сел связаны между собой родственными отношениями.

На материальной культуре местных жителей отразились особенности традиций переселенцев из северных, центральных и южных губерний России. Выходцы из Вятской, Казанской, а также Калужской, Рязанской, Пермской, Тульской и других губерний были знакомы с лесными промыслами; они привозили орудия труда с мест переселения на новые территории, приспосабливая их к местным природно-климатическим условиям. Отсутствие в регионе свободных площадей земли, каменистые почвы, облесенность территорий, холодный климат с суровой продолжительной зимой и коротким летом, круглогодичная занятость на заводе не позволяли местным жителям широко заниматься хлебопашеством. Только в летнее время, когда заводы останавливались для ремонта печей, плотин, горнов, постоянное заводское население занималось огородничеством и небольшими сельскохозяйственными работами.

Изолированность Урала от других промышленных центров, разбросанность поселений в горно-лесной местности, отсутствие транспортных путей дополнительно привязывали рабочих к заводам и консервировали их быт. К концу XIX – началу XX в. предприятия прекратили свое производство, а населенные пункты с категорией жителей полурабочего, полукрестьянского типа стали деревнями.

В XX в. поток населения на территории обозначенных заводов постепенно прекратился. Оставшись без работы, бывшие заводские рабочие перешли на занятия сельским хозяйством, огородничеством, мелким

животноводством. Большое значение приобрели промыслы, связанные с обработкой дерева, кожи, шерсти, металла, а также рыбная ловля и охота. Все виды промыслов существовали в регионе в основном для удовлетворения собственных потребностей и, как правило, не имели товарной направленности. По свидетельствам информантов, мастерские в селах Белорецкого района не представляли собой очень крупных предприятий, однако обмен товарами различного предназначения проходил внутри региона довольно активно.

Специфика материальной культуры заводского населения русских сел Южного Урала определялась не только полукрестьянским характером хозяйства работных людей – она складывалась под непосредственным влиянием местного промышленного производства, что отразилось на предметах домашнего обихода, утвари, орудиях труда.

Духовная культура населения региона представляется в виде сложной системы: она формировалась на основе исходного базового слоя православной крестьянской культуры центральных областей России под воздействием специфики местного заводского производства. Носителями народных традиций в регионе были именно горнозаводские рабочие.

Исследование показало, что в конфессиональном отношении заводское население Южного Урала в основе своей было православным. Однако полевые записи свидетельствуют о том, что уже со второй половины XVIII в. в православии четко обозначилась категория старообрядцев, высоко ценивших старину во всех сферах жизни. До 30-40-х гг. прошлого века селениях Белорецкого района староверы отчетливо выделялись из общей среды православных крестьян во многих областях семейной и общественной жизни. Об их заметной роли в культурной жизни сел писал в воспоминаниях Дмитрий Иванович Татаринов. Направленность на сохранение и воспроизведение традиций, строгие уставы веры и быта были главными принципами самосохранения старообрядцев, что очевидно отразилось на их

высокой устойчивости как единой коллективной целостности и сыграло значимую роль в процессе сохранения культуры региона в целом.

Экспедиционные наблюдения показали, что для русских селений Белорецкого района характерна типичная пространственная организация: расположение сел вокруг реки, на которой в XVIII–XIX вв. существовала плотина, а рядом заводское производство; четкое разграничение их на части (микрорайоны), уличный тип планировки жилых помещений; обязательное наличие церкви, храма, молебного дома в центре селения, как правило, на возвышенном месте; наличие системы святых источников и ключей как мест паломничества в религиозные или сугубо местные праздники. На протяжении всей истории заводских селений жителями отмечаются престольные праздники, которые уже стали межприходскими (Девятая пятница в селе Верхний Авзян), и узколокальные обетные дни (Обещаный день в Каге), которые закрепились в календарных ритмах и зафиксировали важнейшие моменты истории из жизни сел.

Поселения Белорецкого района с самого начала не были однородными в национальном отношении - в регионе до сих пор преобладает чересполосное расселение различных национальных групп (преимущественно башкир) среди преобладающего по численности русского населения. Селения расположены путем последовательного чередования населенного пункта с преобладанием жителей башкирской национальности с населенным пунктом преимущественно русского населения.

Анализ топонимических преданий показал, что русские переселенцы приняли многие иноязычные топонимы и ассимилировали их полностью или частично, а также образовали собственную систему географических обозначений данной местности. Многолетние фольклорно-этнографические, диалектологические экспедиции в регион показали, что колонизационная политика уральских территорий обострила отношения русских переселенцев с местными башкирами. Лишь в тяжелые голодные и военные годы наблюдалась относительная стабильность в отношениях между двумя

этносами. Неприятие межэтнических браков, нетерпимость к другой вере, культуре наблюдается в районе и на сегодняшний день, что очевидно определяется желанием каждого этноса в полной мере сохранить собственную этнокультурную определенность, не допустить этнокультурной ассимиляции. Устойчивость русской традиционной культуры в исследуемом поликультурном регионе обусловлена также спецификой межэтнических отношений русских с башкирами, которые определялись и определяются желанием сохранить собственные культурно-бытовые особенности.

Таким образом, в процессе диссертационного исследования были сделаны следующие выводы. В условиях становления и бурного развития на Южном Урале горно-металлургической промышленности происходили процессы взаимодействия и взаимовлияния различных групп переселенцев, что вело к стиранию четких границ между ними, к нивелировке различий в быту и культуре. Однако материальная и духовная культура этносоциальной группы – горнозаводского населения – на протяжении двух с половиной тысячелетий сохранила устойчивую связь и общность с исходной крестьянской культурой, которая адаптировалась к новым климатическим, социально-экономическим и этническим условиям. Принесенные на Урал традиции не только поддерживались, но также развивались и обогащались за счет различных факторов. Довольно высокая степень сохранности и устойчивости русской традиционной культуры в Башкортостане обусловлены следующими основными факторами.

Специфические природно-климатические и географические особенности региона, отсутствие дорог и путей сообщения определили удаленность района от других промышленных центров страны, что обособило горнозаводских рабочих от воздействия городской среды и культуры. Влиянию городской культуры местное население начало подвергаться с 40-50-х гг. XX в., что активизировало процессы урбанизации.

Конфессиональный и этносоциальный факторы сыграли значимую роль в данном процессе. Принадлежность горнозаводских рабочих к единому

социальному статусу и общей православной культуре позволили местному населению выжить в сложнейших условиях труда и жизни, а также сохранить и пронести через века собственные традиции, приумножить и обогатить практический опыт.

Соседство и взаимодействие с иными этносами, главным образом, с башкирами, оказало влияние на повышение уровня самосознания русских и их этнокультурную самоопределенность. Характер неустойчивых межэтнических отношений в обозначенном регионе определяется желанием сохранить собственные культурно-бытовые традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Городской архив г. Магнитогорска Челябинской области (ГАМагЧО)

Ф. 463. Оп. 1. Д. 8. - История заводов Южного Урала Белорецкого района БАССР. Подготовительные материалы, собранные Сенкевичем В.А. для докторской диссертации. Рукописи и фотокопии 1960-1970.

Ф. 463. Оп. 1. Д. 10. - Опыт описания лексики старых заводских селений Южного Урала. Монография. Машинопись с авторскими правками (1966 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 14. - В.А. Сенкевич «Опыт анализа лексики диалекта» (По материалам старых заводских селений Южного Урала). Словарь диалектных слов говора. Частотный словарь говора. Приложение к докторской диссертации. Машинопись (1968 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 15. - Тексты с магнитофонных записей говора жителей деревни Зигаза Белорецкого района БАССР, записанные Сенкевичем в 1969 году. Подготовительные материалы для докторской диссертации. Машинопись и рукопись (1969 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. - Тексты с магнитофонных записей говора жителей деревни Нижний Авзян Белорецкого района БАССР, записанные Сенкевичем в 1969 году. Подготовительные материалы для докторской диссертации. Машинопись и рукопись (1969 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. - Тексты с магнитофонных записей говора жителей деревни Лапышта Белорецкого района БАССР, записанные Сенкевичем в 1969 году. Подготовительные материалы для докторской диссертации. Машинопись и рукопись (1969 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. - Тексты с магнитофонных записей говора жителей деревни Кага Белорецкого района БАССР, записанные Сенкевичем в 1969

году. Подготовительные материалы для докторской диссертации. Машинопись и рукопись (1969 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 20. - Тексты с магнитофонных записей говора жителей деревни Узян Белорецкого района БАССР, записанные Сенкевичем в 1969 году. Подготовительные материалы для докторской диссертации. Машинопись и рукопись (1970 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 28. - Научные статьи В.А. Сенкевича об особенностях говора Южного Урала на примере старых заводских селений, опубликованные в журналах и сборниках научных трудов. Типографский способ (1971-1975 гг.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. - Хрестоматия магнитофонных записей говора. Приложение к докторской диссертации (1972 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 33. - Материалы для регионального словаря русских говоров Южного Урала. Приложение к докторской диссертации. Машинопись (1972 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 39. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Машинопись с авторскими правками (1977 г.).

Ф. 463. Оп. 1. Д. 46. - Рисунки и изображения бытовых предметов жителей села Нижний Авзян Белорецкого района БАССР и их названиями, сделанные Сенкевичем во время экспедиции в с. Нижний Авзян в 1960 году.

Ф. 463. Оп. 1. Д. 65. - Курсовые работы студентов, выполненные под руководством В.А. Сенкевича. Рукописи (1963-1965 гг.).

Ф. 463. Оп. 2. - Опись фонодокументов магнитофонных записей за 1969-1970 гг., 105 дел.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. - Дело об отказе выйти на работу крестьян Авзяно-Петровских и Кагинского заводов Ивана Демидова (5.10.1779 г. – 3.02.1781 г.).

Ф. 10. Оп. 3. Д. 291. - Дело о доставлении сведений о враждебных отношениях управляющего Инзерским заводом г. Дица к православной церкви (1892-1899 гг.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. - Жалобы рабочих Узянского завода (1862-1875 гг.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 16. - Дело о неподсудности мастерового Тирлянского завода Николая Гулякова (от 7.08.1864 г. – 4.09.1864 г.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 55. - Дело о доставлении Уральскому горному правлению сведений об уменьшении податей за металлы, вырабатываемые на Белорецких и Кагинских заводах (24.09.1866 г. – 29.06.1875 г.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 209. - Об устройстве быта крестьян, переселяющихся из разных губерний в Оренбургскую и Уфимскую губернии на казенные земли (15.04.1871 г. – 17.11.1877 г.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 239. - Дело Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия о доставлении Особенной Канцелярии по Кредитной части сведений о количестве платежей, произведенных владельцами Кагинского и Узянского заводов башкирцам за купленную у них землю (апрель 1877 г. - июнь 1877 г.).

Ф. 13. Оп. 1. Д. 504. - Дело Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия» (1893-1894).

Ф. 18. Оп. 2. Д. 12. - Дело о переселении крестьян из Пензенской губернии в Оренбургскую губернию» (1838-1840 гг.).

Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. - Пояснительная записка к проекту постройки узкоколейной железной дороги Катав-Ивановский завод – Двойниш – Бахта - Тирлянский завод (1910-1913).

Ф. 98. Оп. 2. Д. 13. - Ревизские сказки (5 ревизия) крестьян, татар и тептярей и бобылей по заводам: Белорецкому, Кананикольскому, Узянскому за 1795 год.

Ф. 98. Оп. 2. Д. 32. - Списки населенных пунктов по уездам Оренбургской губернии и сведения по учету населения в них (1816 г.).

Ф. 98. Оп. 2. Д. 77. - Ревизские сказки (9 ревизия) священнослужителей, мастеровых, каторжников, колонистов по городам и уездам губернии за 1850 год.

Ф. 164. Оп. 1. Д. 49. - Статистическая ведомость поселению Оренбургской губернии Верхнеуральского уезда за 1876 год.

Ф. 164. Оп. 1. Д. 100. - Ведомость о народонаселении по уездам Оренбургской губернии от 31.08.1885 г.

Ф. 172. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2175. - Дело по обвинению крестьянина Авзяно-Петровских заводов К.И. Игнатьева в хранении раскольничих книг (1758 г.).

Ф. 172. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2246. - Донесение священника Авзяно-Петровского завода В. Алексеева о непосещении жителями молебнов (1758-1759 гг.).

Ф. 172. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2567. - Дело о волнениях крестьян на заводах графа Фон-Сиверса, дворян Евдокима и Николая Демидовых (1761 г.).

Ф. 172. Оп. 1. Ч. 5. Д. 6256. - Дело о строительстве деревянной церкви в Белорецких заводах (5.04 – 18.04.1793 г.).

Ф. 172. Оп. 1. Ч. 5. Д. 6567. - Дело Оренбургского духовного правления об освящении церкви в Кагинском заводе (12.11.1794 г.).

Ф. 172. Оп. 3. Д. 2283. - Дело об утверждении маршрута шествия с Иконой Божьей Матери из с. Табынское в г. Оренбург (24 июня 1857 г.).

ГАОО. Ф. газетный. - Оренбургские епархиальные ведомости, 15.05.1879, № 10, Отдел официальный.

ГАОО. Ф. газетный. - Оренбургские епархиальные ведомости, 1.12.1800, № 23, Отдел официальный.

ГАОО. Ф. газетный. - Оренбургские епархиальные ведомости, 1.06.1800, № 11, Отдел официальный.

ГАОО. Ф. газетный. - Оренбургские епархиальные ведомости, 1.11.1881, приложение к № 21, Отдел официальный.

Центральный государственный исторический архив Республики
Башкортостан (ЦГИА РБ)

Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1305. - Дело наследников Демидова (18.07.1834 г. – 5.12.1851 г.).

Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3001. - Дело о наложении запрещения на Авзяно-Петровские медеплавильные и железоделательные заводы (23.02 – 5.03.1857 г.).

Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3332. - Переписка с управлением уральских заводов о наделении землей мастеровых Авзяно-Петровского завода (24.11.1897 г. – 3.03.1898 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3345. - Дело о земле башкир Гирей-Кипчакской волости с содержателями Авзяно-Петровских заводов Губина (11.09.1835 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4342. - Дело по рапорту Верхнеуральского исправника о самовольной порубке леса крестьянами Узянского завода в башкирских дачах (13.03 - 26.06.1838 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5820. - По рапорту о командировании к исправнику Авзяно-Петровских заводов депутата для освидетельствования вновь открытой в дачах башкир серебряной руды (27.08 – 14.09.1847 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6074. - Переписка о стеснении вотчинников башкир Тамьянской и Тангаурской волостей во владении поземельными угодьями заводами Узянским, Кагинским, Авзяно-Петровскими (30.05.1848 г. – 26.19.1858 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7472. - Дело об отпуске на годовое содержание Кагинского и Узянского заводов в период 1853-1854 гг. лесных материалов (4.05 – 11.05.1853 г.).

Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8778. - Дело об убийстве муллы Мухамет-Зарифа Мурзагалиева крестьянами Авзяно-Петровских заводов (8.08.1856 г. – 25.02.1857 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 176. - Переписка о стеснении башкир Тамьянской и Тангаурской волостей крестьянами- переселенцами из Курской губернии (ноябрь, 1841 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 188. - Сведения о фабриках и заводах, существующих в 1842 году (21.08.1842 г. – 31.03.1843 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 285. - Переписка о взыскании земских повинностей с крестьян Авзяно-Петровских заводов надворного советника Губина (7.12.1846 г. – 1.06.1849 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 339. - Переписка о составлении сведений о количестве раскольников и их молитвенных зданий на территории Оренбургской губернии (24.04.1849 г. – 31.04.1850 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 417. - По делу о волнениях и выступлениях рабочих и крепостных крестьян с требованием об освобождении арестованных и повышении оплаты труда на Кагинских заводах (10.03 – 9.04.1853 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 433. - Переписка с Уральским горным правлением о назначении опекуна над Авзяно-Петровскими заводами (16.03.1854 г. – 18.01.1858 г.).

Ф. И-6. Оп. 1. Д. 469. - По рапорту исправника Авзяно-Петровских заводов о буйстве и волнениях крестьян Авзяно-Петровских заводов (21.05 – 30.11.1857 г.).

Ф. И-6. Оп. 2. Д. 16. - Переписка с Уральским горным правлением об освобождении Авзяно-Петровских заводов от земской повинности (24.03.1839 г. – 11.12.1841 г.).

Ф. И-164. Д. 52. - Отчет о работе Тирлянского завода за сентябрь 1912 года.

Ф. И-165. Д. 9. - Описание зданий и оборудования Узянского завода, подлежащих страхованию (1902 г.).

Ф. И-165. Д. 18. - Смета на ремонтные работы при Узянском заводе с приложением проекта и переустройства Узянской домны (1910-1913 гг.).

Ф. И-165. Д. 39. - Описание жилых домов Узянского завода, подлежащих страхованию (май, 1916 г.).

Ф. И-165. Д. 54. - Отчет о работе Узянского завода за апрель 1913 года.

Ф. И-166. Оп. 1. Д. 1. - Описание имущества Кагинского завода и переписка о застраховании имущества (20.09.1902 г. – 12.06.1911 г.).

Ф. И-166. Оп. 1. Д. 3. - Список служащих Кагинского завода с показанием месячного жалования и вознаграждений за 1905 год.

Ф. И-166. Оп. 1. Д. 7. - Переписка с конторой Белорецких заводов об изготовлении заказов Кагинского завода (1907-1908 гг.; 1909-1910 гг.).

Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19. - Материалы Кагинского и Узянского заводов торгового Дома «Вогау и К», приобретенных АО Белорецких железноделательных заводов (1850-1917 гг.).

Ф. И-174. Оп. 1. Д. 1. - Доменный журнал Авзяно-Петровского завода (январь, 1898 – август, 1903 гг.).

Ф. И-174. Оп. 1. Д. 1а. - Переписка о взыскании денег с Авзяно-Петровских заводов в пользу башкир (1858-1871 гг.).

Ф. И-174. Оп. 1. Д. 5. - Списки служащих, рабочих приисков и сторожей Авзяно-Петровского завода на получение заплаты (июнь, 1913 г. – июль, 1913 г.).

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 4. - Уфимские губернские ведомости, 22.04.1878, № 16, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 5. - Уфимские губернские ведомости, 22.09.1879, № 38, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 7. - Уфимские губернские ведомости, 18.06.1888, № 25, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 7. - Уфимские губернские ведомости, 2.07.1888, № 27, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 7. - Уфимские губернские ведомости, 7.01.1889, № 1, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 7. - Уфимские губернские ведомости, 14.01.1889, № 2, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 14. - Уфимские губернские ведомости, 22.09.1904, №№ 206-211, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 18. - Уфимские губернские ведомости, 21.09.1905, № 201, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 18. - Уфимские губернские ведомости, 30.09.1905, № 208, Часть неофициальная.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Оренбургские губернские ведомости, 1888, № 37.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Оренбургские губернские ведомости, 1892, № 47.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Оренбургские губернские ведомости, 1904, № 37.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Оренбургские губернские ведомости, 1905, №№ 11, 35.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Оренбургские губернские ведомости, 1911, № 34.

Ф. газетный. Оп. 1. Д. 69. - Уральский дневник, 1907, № 30.

Ф. газетный. Оп. 3. Д. 26. - Уфимский вестник, 3(16).07.1918.

Ф. газетный. Оп. 3. Д. 26. - Уфимский вестник, 25.07(7.08).1918.

Ф. газетный. Оп. 3. Д. 51а. - Уральский рабочий, 4.02.1908, № 3..

Ф. газетный, Оп. 3. Д. 51а. - Башкирский край, 18.02.1923, № 3, Отдел официальный.

Ф. газетный. Оп. 3. Д. 51а. - Башкирский край, 22.05.1923, № 7, Отдел официальный.

Архивный фонд Лаборатории народной культуры Магнитогорского
государственного университета (ЛНК МаГУ)

ЭК № 4, 4а - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1993 г.
Поселок Ломовка Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 5. – Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1994 г. Село Узян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 6. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1995 г. Села Узян, Кага Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 7а. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1996 г. Село Кага Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 7б. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1998 г. Поселки Верхний, Нижний Авзян, Ломовка Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 8 - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1997 г. Поселок Ломовка Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 10. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1997 г. Поселки Верхний и Нижний Авзян, село Кага Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 13. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1998 г. Поселки Верхний и Нижний Авзян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 14. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1999 г. Село Нижний Авзян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 17, 17а. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1999 г. Поселок Тирлян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 19. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2000 г. Поселок Инзер Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 20. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2000 г. Поселки Верхний и Нижний Авзян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 21, 21а. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2000 г. Поселок Тирлян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 23. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2001 г. Село Кага Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 23а. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2001 г. Село Узян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 236. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2001 г.
Поселки Верхний и Нижний Авзян Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 28. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2003 г.
Поселок Ломовка Белорецкого района Башкортостана.

ЭК № 37. - Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 2007 г.
Село Узян Белорецкого района Башкортостана.

1.2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР.
Справочная книга: В 3 кн. / А.З. Асфандияров. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990.
- Кн. 1. - 208 с.; Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. - Кн. 2. - 192 с.; Уфа: Китап, 1993.- Кн. 3. - 208 с.

Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала / Б.Г. Ахметшин. – Уфа: Китап, 2001. – 288 с.

Ахметшин Б.Г. Вопросы изучения несказочной прозы рабочих в трудах А.И. Лазарева / Б.Г. Ахметшин // Первые Лазаревские чтения: тез. регион. науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – С. 3-9.

Бараг Л.Г. Пугачевские предания, записанные в горнозаводских районах Башкирии / Л.Г. Бараг // Устная поэзия рабочих России. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 231-252.

Генеральное описание I о монетных дворах, литейных и всех горных заводах, в ведении Берг-коллегии, состоящих как казенных, так и партикулярных (июнь, 1797) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: сб. док. материалов / вед. ред. А.Г. Козлов. – Свердловск, 1956. - 298 с.

Гудков Г.Ф. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX вв. Историко-краеведческие очерки / Г.Ф. Гудков, З.И. Гудкова. – Уфа: Китап, 1985. - Ч. 1. – 424 с.; Уфа: Китап, 1993. - Ч. 2. – 480 с.

Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сб. материалов фольклорных экспедиций ЛНК / сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – 307 с.

Кашинцев Д.А. Горнозаводская история и современное состояние Белорецкого района / Д.А. Кашинцев // За индустриализацию Советского Востока. – М., 1932. - № 3. – С. 9-17.

Козлов А.Г. Фонд «Уральское горное управление (1719-1917)» как основной источник по истории казенных заводов Урала / А.Г. Козлов // Из истории заводов и фабрик Урала: сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. - Вып. 1. – 122 с.

Краткий очерк Белорецкого горного округа Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. – М., 1896. - С. 24-26.

Кругляшова В.П. Топонимические предания Среднего Урала / В.П. Кругляшова // Материалы и исследования по фольклору Башкортостана и Урала. – Уфа: БашГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 225.

Кустарные промыслы Уфимской губернии. – Уфа.: Издание Уфимской Губернской Управы, 1912. – 193 с.

Материалы по землепользованию горнозаводского населения горных частных заводов на Урале. Отчет по командировке Ревизора Землеустройства М.Б. Струве. – СПб., 1908. – 230 с.

Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния, 1877. – Уфа: Китап, 2002. – Ч. 1. - 432 с.; Населенные пункты Башкортостана. Башреспублика, 1926. – Уфа: Китап, 2002. - Ч. 3. – 400 с.

Описание заводов II хребта уральского, составленные пермским Берг-инспектором П.Е. Томиловым в 1807-1809 гг. // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: сб. док. материалов. / вед. ред. А.Г. Козлов. – Свердловск, 1956. - 297 с.

Осипова И.В. Архивный фонд В.А. Сенкевича как историко-этнографический источник / И.В. Осипова // Проблемы истории, филологии,

культуры. – Москва – Магнитогорск - Новосибирск, 2008. – Вып. XIX. – С. 375-384.

Осипова И.В. Горнозаводское население русских сел Белорецкого района как социально-этническое образование / И.В. Осипова // Современные проблемы науки и образования: материалы XLV науч. конф. преподавателей МаГУ. – Магнитогорск: МаГУ, 2007. – С. 101-102.

Осипова И.В. Из истории образования и заселения горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии / И.В. Осипова // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археолог. студ. конф. – Челябинск, 2005. – С. 152.

Осипова И.В. История становления металлургических заводов на Южном Урале во второй половине XVIII в. и формирование горнозаводских рабочих / И.В. Осипова // Наука - Вуз - Школа: сб. науч. тр. молодых исследователей. – Магнитогорск, 2007. – Вып. 12. – С. 188-193.

Осипова И.В. К вопросу об этнических взаимодействиях на Южном Урале (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета) / И.В. Осипова // Регион. науч.-практ. конф. «Россия и Башкортостан: общая история - общее будущее», посвященная 450-летию присоединения Башкирии к России. – Магнитогорск, 2007. – С. 53-55.

Осипова И.В. К истории организации и развития русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии / И.В. Осипова // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всероссийской науч.-практ. конф. – Омск, 2006. – С. 311-314.

Осипова И.В. Красная горка в системе весенних календарных праздников (на материале фольклорно-этнографических экспедиций в русские горнозаводские поселения Южного Урала) / И.В. Осипова // Народная культура Сибири: материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2004. – С. 162-166.

Осипова И.В. Ремесла и промыслы в русских горнозаводских селениях Белорецкого района Башкортостана / И.В. Осипова // Народная культура Сибири: материалы XVI научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2007. – С. 158-163.

Осипова И.В. Социокультурные процессы в русских горнозаводских селах Белорецкого района Башкирии / И.В. Осипова // Русский вопрос: история и современность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2007. – С. 368-369.

Осипова И.В. Специфика «местных» праздников в русских селениях Белорецкого района Башкортостана / И.В. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. – Вып. XXII. – С. 544-549.

Осипова И.В. Топонимический мотив в преданиях горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии / И.В. Осипова // Народы и культуры Сибири: изучение, музеификация, преподавание: сб. науч. тр. – Омск, 2005. – 294-298.

Осипова И.В. Устные рассказы горнозаводских сел Белорецкого района Башкирии как историко-этнографический источник / И.В. Осипова // Культура провинции: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Курган, 2005. – С. 59-60.

Осипова И.В. Устные рассказы о старообрядческом населении русских сел Белорецкого района Башкирии / И.В. Осипова // Третий Лазаревские чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием: В 3 ч. – Челябинск, 2006. – Ч 1. – С. 83-89.

Осипова И.В. Этнографическая коллекция архивного фонда Всеволода Антоновича Сенкевича / И.В. Осипова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 12 (68) – С. 315-320.

Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий / отв. ред. И.В. Починская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 182 с.

Очерки по истории Башкирской АССР / отв. ред. А.П. Смирнова. – Уфа: Башкнигаиздат, 1956. - Т. 1. Ч 1. – 689 с.

Петров Г. Авзяно-Петровские караваны: О сплаве чугуна с Авзяно-Петровского завода в Сормово, 1918-1926. – Ксерокопия. – Б. м., Б. г. / Г. Петров. – 33 с.

Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Вып. 3. – 191 с.

Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / сост. В.П. Кругляшова. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1991. – 287 с.

Ребелинский М.С. Дневник / М.С. Ребелинский. – Уфа, 1792-1801. – Ч. 1. - 212 с.

Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: ПМП «Мини-Тип», 2000. – 140 с.

Сборник материалов и архивных документов по истории края за период с 1744 по 1924 год. – Миасс, 2006. - 345 с.

Сергеев Ю.Н. Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале / Ю.Н. Сергеев // Башкирский край: сб. ст. – Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1993. – Вып. 3. – С. 30-38.

Сказание об иконе Казанская Божия Матери, находящейся в Вознесенской церкви Уфимской губернии, Стерлитамакского уезда, села Табынского. – Уфа, 1909. – 32 с.

Табынская икона Божией Матери и крестный ходъ изъ села Табынского въ г. Оренбургъ и другия места Оренбургской епархии. Историко-археологический очерк / сост. действ. членъ оренбургской ученой архивной комиссии священникъ Николай Модестовъ. – Оренбургъ: Губернская Типография, 1914. – 69 с.

Татаринов Д.И. Воспоминания / Д.И. Татаринов // Башкирский край: сб. ст. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея,

1992. – Вып. 2. - С. 4-39; Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1993. - Вып. 3. - С. 3-14.

Турбин Г.А. К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII – первой половине XVIII в. / Г.А. Турбин // Сб. ст. по краеведению и истории географии. – Челябинск, 1963. – С. 29-35.

Хоцянов Л.К. Санитарно-бытовой очерк Белорецкого района БАССР / Л.К. Хоцянов // За индустриализацию Советского Востока. – М., 1932. - № 3. – С. 65.

Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского / П. Юдин // Русский архив. - 1897. - Кн. 3. – С. 464-482; 1898. – Кн. 9. – С. 52-72.

1.3. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян / Т.А. Агапкина. – М.: «Индрик», 2000. – 336 с.

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М.: «Индрик», 2002. – 816 с. – (Серия «Традиционная духовная культура восточных славян. Современные исследования»).

Адоньева С.Б. Фольклористика и современное гуманитарное знание // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докл. / С.Б. Адоньева. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 44-57.

Азбелев С.Н. Современные устные рассказы / С.Н. Азбелев // Русский фольклор. – М.; Л., 1964. – Т. 9. - С. 67-74.

Азбелев С.Н. Фольклор в системе традиционной культуры // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докл. / С.Н. Азбелев. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 258-271.

Акимова Т.М. Сказы и песни о Чапаеве / Т.М. Акимова. – Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1957. – 148 с.

Акимова Т.М. Семинарий по народному поэтическому творчеству / Т.М. Акимова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1959. – 309 с.

Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. / И.Г. Акманов. - Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1981. - 78 с.

Акманов И.Г. Башкирия в составе российского государства в XVII – первой половине XVIII в. / И.Г. Акманов. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. - 156 с.

Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. / Н.Н. Алеврас. – Челябинск, 1996. – 212 с.

Алеврас Н.Н. История Урала XI–XVIII в.: учеб. пособ. / Н.Н. Алеврас, А.И. Конюченко. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2000. - 280 с.

Алексеева О.Б. Устная поэзия русских рабочих. / О.Б. Алексеева. – Л.: Наука, 1971. – 182 с.

Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917-1919) / З.А. Аминев. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – 412 с.

Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири / А.И. Андрущенко. – М.: Наука, 1969. – 449 с.

Аникин В.П. Общерусское и локальное творчество в фольклоре (к общей постановке проблемы) / В.П. Аникин // Фольклорные традиции современного села: сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 11-27.

Аникин В.П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики / В.П. Аникин // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: сб. науч. тр. / отв. ред. В.П. Кругляшова. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 108 с.

Аникин В.П. Русское устное народное творчество: учеб. / В.П. Аникин. – М.: Высш. шк., 2001. – 726 с.

Арсеньев К.И. Статистические очерки России / К.И. Арсеньев. – М., 1848. – 629 с.

Афанасьев А.Н. Русские народные легенды / А.Н. Афанасьев; предисл. сост. и comment. В.С. Кузнецовой. – Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние АН СССР, 1990. – 266 с.

Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в многоэтничном регионе): автореф. дис... д-ра фил. наук / Ф.Г. Ахатова; Центр этнолог. исслед. Уфим. науч. центра РАН. – Уфа, 2007. – 44 с.

Бажов П.П. Уральские были. Собрание сочинений: В 3 т. / П.П. Бажов. – М., 1986. – Т. 3. – С. 3-74.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 238 с.

Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале / Н.Б. Бакланов. – М., 1935. – 320 с.

Башкирское народное творчество: предания и легенды. – Уфа, 1987. - Т. 2. – 572 с.

Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX – начала XX в.) / А.С. Бежкович // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1973. - Т. 5. – С. 61-93.

Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов / В.П. Безобразов. – СПб., 1869. – 373 с.

Белов В.Д. Об уральских казенных горных заводах / В.Д. Белов. – СПб., 1894. – 82 с.

Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале / В.П. Бирюков. – Свердловск, 1936. – 365 с.

Бирюков В.П. Уральская копилка / В.П. Бирюков. – Свердловск: Свердловское книж. изд-во, 1969. – 299 с.

Брянцева Л.И. Русская песенная традиция в современном Башкортостане / Л.И. Брянцева // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: межвузовский научный сборник – Уфа: БашГУ, 1995. – С. 31-87.

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917) / Ю.А. Буранов. – М.: Наука, 1982. – 261 с.

Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР / Е.П. Бусыгин // Географический сборник. – Казань, 1967. – Вып. 2. - С. 108-127.

Бусыгин Е.П. Русское население Поволжья и Приуралья и его роль в этнических и культурно-бытовых процессах народов Волго-Уральского региона / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в этнокультурных процессах: Общие проблемы и союзные республики. – Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. - 233 с.

Вагина П.А. Заводы Южного Урала в 50-60 гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук / П.А. Вагина; Ленинград. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1950. - С. 107-121.

Вагина П.А. Волнения на Урале в середине XVIII века / П.А. Вагина. – М., 1979. – 253 с.

Вдовин И.С. Фольклор как историко-этнографический источник / И.С. Вдовин // Духовная культура народов Сибири / ред. В.Б. Богомолов, Р.Ф. Итс [и др.]. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 3-17.

Вечерняя Уфа. - 1974. - 30 августа. – С. 9-12.

Витевский В.Н. И.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. / В.Н. Витевский. – Казань, 1891. – Вып. 3. – 371 с.

Волков А.А. Описание заводов Южного Урала – важнейший исторический документ / А.А. Волков // Из истории заводов и фабрик Урала: сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. - 122 с.

Вопросы жанров русского фольклора: сб. ст. / под ред. проф. Н.И. Кравцова. – М.: МГУ, 1972. – 111 с.

Вопросы истории Урала: сб. ст. по истории промышленности и аграрных отношений на Урале. – Свердловск, 1965. – Вып 6. – 159 с.

Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900-1917 гг. / М.П. Вяткин. – М.; Л.: Наука, 1965. – 400 с.

Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: История и культура / И.Ф. Галигузов. – Магнитогорск: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», 2000. – 500 с.

Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева / И.М. Гвоздикова. – Уфа, 1999. – 480 с.

Геннеп А., ван. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М.: Восточная литература РАН, 1993. – 198 с.

Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов (1735 г.) / В.И. Геннин. – М., 1937. – 612 с.

Герман И. Продолжение описания заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих / И. Герман // Технологический журнал. – СПб., 1807. – Т. 4. Ч. 4. – С. 22-26.

Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц; пер. с англ. О.В. Барсуковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

Голованов И.А. Предания и легенды Южного Урала: историко-типологический анализ / И.А. Голованов // Третий Лазаревские чтения. Традиционная культура сегодня: теория и практика / гл. ред. проф. В.А. Михнюкович. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. – Ч. 1. – С. 39-45.

Голикова С.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречия XVIII – первая половина XIX в. / С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. – М.: Наука, 2000. – 258 с.

Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII-XIX вв.: демографические процессы и традиции / С.В. Голикова. – Екатеринбург, 2001. – 196 с.

Голикова С.В. Традиционная русская культура Урала (XVIII – начало XX века) / С.В. Голикова // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.А. Жигунова, Т.Н Золотова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2007. – С. 329-331.

Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых / К.Д. Головщиков. – Ярославль, 1881. – С. 190-240.

Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: сб. док. материалов / вед. ред. А.Г. Козлов. – Свердловск, 1956. - 298 с.

Грибанова О.Д. Время в структурной организации преданий / О.Д. Грибанова // Третий Лазаревские чтения. Традиционная культура сегодня: теория и практика / гл. ред. проф. В.А. Михнюкович. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. – Ч. 1. – С. 45-50.

Гуревич А.В. Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири / А.В. Гуревич. – Иркутск, 1940. – 132 с.

Гусев В.Е. Эстетика фольклора / В.Е. Гусев. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.

Даль В.И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя / В.И. Даль; сост. А.Г. Прокофьева [и др.]. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002. – 479 с.

Данилко Е.С. Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей (на примере старообрядческой общины г. Миасса Челябинской области) / Е.С. Данилко // Этнографическое обозрение. – 2006. - № 4. - С. 98-108.

Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии: Сочинения тайного советника Иосифа Дебу / И.Л. Дебу. – М.: Изд-е И. Дебу, 1837. – 234 с.

Дебу И.Л. Нижнетагильские заводы во второй половине XIX в. / И.Л. Дебу // Нижнетагильский край в панораме веков. – Нижний Тагил, 2001. – С. 145-150.

Дегтярев И.В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс: Начальный период / И.В. Дегтярев // Краеведческие записки. – Челябинск, 1969. – Вып. II. – 186 с.

Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: сб. науч. тр. – Свердловск: Ур ОАН СССР, 1990. – 148 с.

Дианова Т.Б. Жанровое пространство фольклора: изменение научной парадигмы / Т.Б. Дианова // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докл. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 372-385.

Жуковский И.П. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных с 1246 по 1832 год чиновником, состоящим при оренбургском военном губернаторе по особым поручениям / И.П. Жуковский. – СПб., 1832. – С. 5-28.

Жуковский И.П. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии / И.П. Жуковский. – Уфа: Издание Уфимского статистического комитета, 1880. – 103 с.

Загребин С.С. Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929-1941 гг. / С.С. Загребин. – Челябинск, 1994. – 285 с.

Иванов А. Message: Чусовая / А. Иванов. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – 480 с.

Из истории заводов и фабрик Урала: сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. - Вып. 2. – 247 с.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 608 с.

История Урала с древнейших времен до конца XIX в. / под. ред. Б.В. Личмана. – Екатеринбург: Св-96, 1998. – 448 с.

История религий в России: Учеб. / под общей ред. Н.А. Трофимчука. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 592 с.

История Урала с древнейших времен до наших дней: учеб. / под общей ред. И.С. Огоновской, Н.Н. Попова. – Екатеринбург: Сократ, 2003. – 496 с.

И явь, и старые преданья: Авзяну 250 лет. – Белорецк: «Белорецкий рабочий» - «Южно-Уральская полиграфическая ассоциация», 2004. – 64 с.

Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси / И.П. Калинский. – М.: ТЕРРА, 1997. – 302 с.

Калюжный В.И. Состав и положение горнозаводских рабочих Урала в третьей четверти XVIII в. / В.И. Калюжный // Из истории заводов и фабрик Урала: сб. ст. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. - Вып. 2. – 247 с.

Каримов Р. Ерастов камень / Р. Каримов // Урал. - 1997. - 21 октября. – С. 3-4.

Карпухин И.Е. Русская свадьба в Башкортостане в ее этнических взаимосвязях / И.Е. Карпухин // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: межвузовский научный сб. – Уфа: БашГУ, 1995. – С. 88-137.

Кауфман А.А. К вопросу о заселении государственных земель в Оренбургской губернии / А.А. Кауфман. – СПб., 1905. – 318 с.

Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии / Б.Б. Кафенгауз. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. - 524 с.

Кашинцев Д.А. История metallurgii Урала / Д.А. Кашинцев. – М.; Л., 1939. – Т. 1. – 193 с.

Колпакова Н.П. У золотых рудников. Записки фольклориста. С рисунками автора / Н.П. Колпакова. – Л.: Наука, 1975. – 200 с.

Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. / А.А. Кондрашенков. – Челябинск: Южноуральское книж. изд-во, 1969 – С. 22-41.

Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX в.): монография / Ю.Д. Коробков. – М.: Слово, 2003. – 310 с.

Коробков Ю.Д. Проблема жизни и смерти в представлениях рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX века) / Ю.Д. Коробков // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Гефнер, М.А. Жигунова, Н.А. Томилов. – Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2006. – С. 314-316.

Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева / отв. ред. проф. В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – Т. 2. – 282 с.

Кривоногов В.Я. Наёмный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке / В.Я. Кривоногов. – Свердловск, 1959. – 176 с.

Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. - Л.: Наука; Ленингр. отд-ние АН СССР, 1987. – 325 с.

Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора: учеб. пособ. к спецкурсу / В.П. Кругляшова. – Свердловск, 1974. – 168 с.

Кругляшова В.П. Фольклорная традиция и ее судьбы в современном русском фольклоре Уральского промышленного региона / В.П. Кругляшова // Современный русский фольклор промышленного региона: сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 104 с.

Крупнянская В.Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века / В.Ю. Крупнянская// Советская этнография. – 1953. - № 1. – С. 64-87.

Крупнянская В.Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в. / В.Ю. Крупнянская, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1971. – 288 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 342 с.

Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность Башкортостана в XVIII в. / Н.М. Кулбахтин. – Уфа: Китап, 2000. – 280 с.

Культура и быт дореволюционного Урала: сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. - 172 с.

Культура народов Южного Урала: Традиции, быт, образ жизни / ред.: И.Ф. Галигузов, Л.В. Неретина. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. - 116 с.: ил.

Кучумов И.В. Русское горнозаводское население Южного Урала XIX – начало XX вв.: историко-этнографическое исследование: автореф. дис ... канд. ист. наук / И.В. Кучумов. – Уфа, 1997. – 21 с.

Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала / А.И. Лазарев. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1972. – 310 с.

Лазарев А.И. Творческие процессы в современном фольклоре / А.И. Лазарев // Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 29-35.

Легенды. Предания, бывальщины / сост., подг. текстов, вступ. ст. и прим. Н.А. Криничной. – М.: Современник, 1989. – 287 с.

Лепехин И.И. Сборник Дневных записок путешествия Лепехина по разным провинциям Российского Государства в 1770 г. / И.И. Лепехин. – СПб.: Императорская АН, 1772. – 338 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства / И.И. Лепехин. – СПб., 1795. – Ч. 1. – 532 с.

Лепехин И.И. Путешествия от Санкт-Петербурга до Симбирска / И.И. Лепехин // Полное собрание ученых путешественников, издаваемое Академией Наук. – СПб., 1823. – Т. 3. – 298 с.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. / М.К. Любавский. – М.: Изд-во Московского Университета, 1996. – 682 с.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности в XVII – начале XIX вв.: организационная структура промышленных предприятий / П.Г. Любомиров. – Л., 1930. – 199 с.

Малиновский Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.

Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 года. Чугун, железо, сталь, медь / отв. ред. М.А. Павлов. – М.; Л., 1937. – 489 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания XVIII – первой половины XIX вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. – 631 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. – М.; Л., 1949. – Т. 3. - 580 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1956. - Т. 4. Ч. 2. – 612 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1958. – Т. 5. - 720 с.

Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности / О.В. Матвеев. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. – 418 с.

Мисюров А.А. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / А.А. Мисюров. – Новосибирск, 1940. – 232 с.

Михневич В.О. Извращение народного песнетворчества / В.О. Михневич // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – СПб., 1880. – Т. 3. – С. 749-780.

Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: автореф. дис... канд. фил. наук / С.А. Моисеева. – Челябинск, 2006. – 19 с.

Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. Учеб. пособ. для филолог. специальностей ун-тов / В.Н. Морохин. – М.: Высш. школа, 1977. – 296 с.

Народный месяцеслов / сост. и автор Г.Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 229 с.

Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки – второе изд., доп. и перераб. – Уфа: Гилем, 2002. – 504 с.

Непеин И.Г. Ясное зрелище уральских заводов: Исторические этюды к 300-летию отечественной металлургии / И.Г. Непеин – Челябинск: Каменный пояс, 2001. - 247 с.

Нерезова Л.Л. О быте и ценностях обыденного сознания рабочих горнозаводского Урала / Л.Л. Нерезова, Н.П. Фокин // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.А. Жигунова, Т.Н Золотова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2007. – С. 363-364.

Новиков В.А. Очерк колонизации Башкирского края / В.А. Новиков. – Уфа, 1870. – 388 с.

Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства / В.А. Новиков. – Уфа, 1879. – С. 30-35.

Озеров И.Х. Горные заводы Урала / И.Х. Озеров. – М., 1910. – 410 с.

О картографических и географических трудах Я.В. Ханыкова // Географические известия, 1850. – Вып. 2. – С. 302-303.

Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века / А.С. Орлов. – М.: Изд-во Московского Университета, 1979. – 235 с.

Павленко Н.И. История metallurgii в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы / Н.И. Павленко. – М.: Наука, 1962. – С. 14-82.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук / П.С. Паллас. – СПб., 1786. – Кн. 1-2. – 241 с.

Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.) / Р.Г. Пихоя. – Свердловск.: Свердловское кн. изд-во, 1987. - 272 с.

Пихоя Р.Г. Социально-экономическое развитие Южного Урала в XVIII в.: методические указания / Р.Г. Пихоя. – Челябинск: ЧелГУ, 1987. - 33 с.

Померанцева Э.В. Русское народное творчество в Башкирии / Э.В. Померанцева. - Уфа: Башкнигоиздат, 1957. – 225 с.

Померанцева Э.В. О русском фольклоре / Э.В. Померанцева. – М.: Наука, 1977. – 120 с.

Потерпеева А.И. Революция и трудовая летопись южно-уральского края: Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала 1682-1918 гг. / А.И. Потерпеева, В.Е. Четин. – Челябинск.: Южно-Уральское кн. изд-во, 1980. – 413 с.

Правительственная речь на открытии Конгресса Собора русских Башкортостана (1998) заместителя Председателя Законодательной Палаты Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан В. Пчелинцева//доступ через: http://www.hronos.km.ru/text/2006/ayu04_06.html .

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. / А.А. Преображенский. – М., 1972. – 392 с.

Пропп В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп; сост, предисл. и comment. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с. – (Серия «Собрание трудов В.Я. Проппа»).

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования) / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 186 с.

Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История / В.Я. Пропп; сост., науч. ред, comment., библ. указатель В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 464 с. – (Серия «Собрание трудов В.Я. Проппа»).

Психологические исследования толерантности / сост. Н.М. Лебедева, В.Ю. Хотинец, А.А Выскочил, Ю.А. Гаюрова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – 240 с.

Путилов Б.Н. Основные аспекты связей фольклора с традиционно-бытовой культурой / Б.Н. Путилов // Советская этнография. – 1975. - № 2. - С. 3-4.

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1976. – 243 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб.: РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2003. – 457 с.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук – М.: Наука, 2005. – 828 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений. – Л., Наука, 1987. - Т 24. – 222 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков. – Уфа: Китап, 1999. – 312 с.

Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии / П.И. Рычков. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. – 295 с.

Селезнев А.Г. Или-или: проблема соотношения традиционной и этнической культуры / А.Г. Селезнев // История и культура Сибири: Материалы юбилейной научной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН / под. ред. А.Г. Селезнева, Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 140-153.

Селезнев А.Г. Культурология традиционных сообществ: к выделению научной субdisciplines / А.Г. Селезнев // Культурологические исследования Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО «Издательский дом «Наука»». - 2004. – № 1 (12). – С. 123-134.

Сельское и городское самоуправление на Урале в XVII – начале XX в. / ред. Е.Ю. Апкаrimова, Н.А. Минаенко, И.В. Побережников. – М.: Наука, 2003. - 381 с.

Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. / В.И. Семевский // Вестник Европы. - 1877. - январь. – Петербург. – Кн. 1. – Ч. 1-2. – С. 210-256; – Ч. 3-4. – С. 634-675.

Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века / В.И. Семевский // Русская мысль. - 1900. - № 1. - С. 1-29.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В.И. Семевский. – СПб., 1901. - Т 2. - С. 320-323.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В.И. Семевский. – изд. 2-ое. – СПб., 1903. – Т. 1. – С. 300-330.

Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала / С.П. Сигов. – Свердловск: Свердловское обл. изд-во, 1936. – 292 с.

Сказы, песни, частушки / под ред. Е.М. Блиновой. – Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1937. – 289 с.

Соколов Ю.М. Русский фольклор / Ю.М. Соколов. – М.: Гос. уч. пед. изд-е, 1941. – 512 с.

Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк / Д.Н. Соколов. – М., 1916. – 100 с.

Соколова В.К. Русские исторические предания / В.К. Соколова. – М., 1970. – 245 с.

Соколова В.К. К специфике рабочих преданий / В.К. Соколова // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 108 с.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов / В.К. Соколова. – М.: Наука, 2000. - 286 с.

Соловьева М.Р. Образное воплощение соционормативной культуры традиционной общности в современных устных рассказах русских старожилов Восточной Сибири / М.Р. Соловьева // Народная культура Сибири: Материалы X научно-практического семинара сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 288-294.

Софронова Т.В. Законодательные источники о формировании и положении рабочей силы на металлургических предприятиях России и Урала

во второй половине XVIII в. / Т.В. Софонова // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII – начала XX вв. – Свердловск, 1987. - С. 9-15.

Социально-экономическое развитие Южного Урала в XVIII в.: методические указания. – Челябинск: ЧелГУ, 1987. - 33 с.

Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР / С.Г. Струмилин. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 535 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тэйлор; пер. с англ. Д.А. Коропчевского; предисл. и прим. А.И. Першица. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Тайные сказы рабочих Урала / сост. Е.М. Блинова. – М.: Сов. писатель, 1941. – 221 с.

Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Ю.М. Тарасов. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

Тихонова Е.Л. Топонимический мотив в структуре преданий о заселении русскими Восточной Сибири / Е.Л. Тихонова // Народная культура Сибири: материалы IX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 116-119.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев; общ. ред. и предисл. А.Н. Красникова. – 5-е изд., доп. – М.: Республика, 2005. – 543 с.

Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 368 с.

Толстая С.М. Фольклор и этнолингвистика / С.М. Толстая // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 118-132.

Томилов А.Г. Социально-профессиональный состав мастерских и работных людей на первых уральских заводах по штатным расписям 1723 г.

/ А.Г. Томилов // Уральские археографические чтения: тез. докл. науч. конф. – Свердловск, 1989. – С. 11-13.

Томилов А.Г. К истории формирования приписной деревни Урала в нач. XVIII в. / А.Г. Томилов // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. – Екатеринбург, 1992. – С. 31-39.

Томилов А.Г. Металлургические промыслы уральского крестьянства в горнозаводской промышленности в начале XVIII в. / А.Г. Томилов // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. – Екатеринбург, 1992. – С. 144-149.

Томилов Н.А. Народная культура: к проблеме дифференциации и интеграции традиционных и бытовых сфер / Н.А. Томилов // Народная культура Сибири: Материалы IX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 12-15.

Томилов Н.А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.) / Н.А. Томилов; отв. ред. Ф.Ф. Болонев. – Омск: Издательство Омского педагогического университета, 2001. – 198 с.

Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / редкол.: Н. А Миненко [и др.]. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 360 с.

Урал в Гражданской войне / отв. ред. О.А. Васьковский. – Свердловск: Свердловское изд-во Уральского университета, 1939. – 336 с.

Уральская историческая энциклопедия - 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 637 с.

Уральский археографический ежегодник. – Пермь, 1974. – 143 с.

Уральский фольклор / под ред. М.Г. Китайник. – Свердловск, 1949. – 236 с.

Успенский Д.И. Фабричная поэзия / Д.И. Успенский // Книжки недели: Ежемесячный литературный журнал. – СПб., 1895, сентябрь. – С. 5-16.

Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька / И.П. Фальк // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб. – 1824. – Т. 6. Ч 3. – 446 с.

Фармаковский С.П. Горнозаводские дела Урала / С.П. Формаковский. – СПб., 1909. – 512 с.

Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921-1926 гг.). / В.В. Фельдман. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 156 с.

Феоктистова И.К. К вопросу о жанровой дифференциации русских преданий и легенд / И.К. Феоктистова // Народная культура Сибири: материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 169-173.

Фольклор и историческая этнография / отв. ред. Р.С. Липец – М.: Наука, 1983. – 261 с.

Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор: сб. ст. / под ред. Б.Н. Путилова. – Л.: Наука, 1974. – 275 с.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Дж.Дж. Фрэзер; пер. с англ. – М: Изд-во «АСТ», 1998. – 784 с.

Ханыков Я.В. Географическое обозрение Оренбургского края / Я.В. Ханыков // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. - Т. 5 .Ч. 2. Отд. 2. – 412 с.

Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций / Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. - 138 с.

Хоруженко К.М. Культурология: Структурно-логические схемы / К.М. Хоруженко – М.: Владос-Пресс, 2003. – 336 с.

Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: учеб. пособ. / Г.Н. Чагин. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002. – 296 с.

Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: Историко-этнографический атлас / Г.Н. Чагин. – Екатеринбург: ИД «Сократ» , 2003. – 128 с.

Человек пришел на Урал: Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях / редкол.: Т.К Гуськова [и др.]. – Екатеринбург: Банк культурной информации; Сократ, 1998. – 158 с.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. – Уфа: Изд-во иждевен. Учен. ком. мин-ва гос. имущества 1859. - 472 с.

Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке / А.С. Черкасова; отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1985. – 247 с.

Черкасова А.С. Записка Никиты Акинфиевича Демидова о правительственные мерах, необходимых для улучшения заводского дела (1763 г.) / А.С. Черкасова // Организация производства и труда в металлургической промышленности Урала XVIII–XX в. – Свердловск, 1990. – С. 3-18.

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 128 с.

Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) / К.В. Чистов // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.: Наука, 1968. – С. 318-335.

Чичеров В.И. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890-1907) / В.И. Чичеров // Русское поэтическое творчество. – М., 1953. – С. 151-195.

Чичеров В.И. Русское народное творчество. Курс лекций / В.И. Чичеров. – М.: Просвещение, 1969. – 298 с.

Чурко М.Ф. Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона БАССР / М.Ф. Чурко. – Уфа, 1927. – 224 с.

Шашков А.Т. История Урала с древнейших времен до конца XVIII века: учеб. пособ. / А.Т. Шашков; сост.: А.Т. Шашков, Д.А. Редин. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 128 с.

Штуценберг И.Ф. Статистическое описание Оренбургской губернии с Уральской Оренбургской линией / И.Ф. Штуценберг. – Сине: Изд. А. Штуценберга, 1857. – 70 с.

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история: монография / Т.К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 528 с.: ил.

Ярневский И.З. Устный рассказ как жанр фольклора / И.З. Ярневский. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1969. - 231 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В. Авзян – Верхний Авзян

Баш. край – Башкирский край

высш. образ. – высшее образование

газет. ф. – газетный фонд

г. - город

ГАМагЧО – Городской архив Магнитогорска Челябинской области

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

г. р. – год рождения

Д. - дело

кл. – класс

Кн. - книга

ЛНК МаГУ – Лаборатория народной культуры Магнитогорского государственного университета

Л. - лист

Н. Авзян – Нижний Авзян

обл. – область

Оп. - описание

ОЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости

ОГВ – Оренбургские губернские ведомости

отд. – отдел

офиц. / неофиц. - официальный / неофициальный

п. - поселок

педаг. - педагогическое

р. – река

с. - село

СЗ – самозапись

ср.-медиц. – средне-медицинское

ср.-спец. – средне-специальное

ср.-техн. – средне-техническое

Т. - том

УГВ – Уфимские губернские ведомости

Урал. раб. – Уральский рабочий

урожд. – урожденный

Ф. – фонд

ФЭЭ – фольклорно-этнографическая экспедиция

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

церк.-приход. шк. – церковно-приходская школа

ч. - часть

ЭК - экспедиция

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список информантов

1. Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
2. Абакумова Екатерина Петровна, 1926 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
3. Аверьянова Устинья Демидовна, 1918 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 3 кл.
4. Агеева Варвара Александровна, 1919 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 6 кл.
5. Агеева Елена Ивановна, 1909 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 2 кл.
6. Агеева Нина Ивановна, 1938 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 4 кл.
7. Аксенова Пелагея Афанасьевна, 1920 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
8. Андреева Клавдия Григорьевна, 1934 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
9. Андрианов Иван Прокопьевич, 1902 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
10. Андриянов Петр Николаевич, 1935 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
11. Андриянова Александра Семеновна, 1930 г. р., урожд. с. Н. Авзян, в с. Кага с 1944 г., образ. 9 кл.
12. Андриянова Екатерина Устиновна, 1926 г. р., урожд. с. Кага, образ. 6 кл.
13. Андриянова Татьяна Степановна, 1937 г. р., урожд. с. Кага, образ. 7 кл.
14. Антонова Александра Ивановна, 1927 г. р., урожд. д. Николаевки, в п. Тирлян с 1946 г., образ. 7 кл.
15. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
16. Артемьева Вера Петровна, 1923 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
17. Баженова Анна Ивановна, 1915 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл.
18. Балбекова Клавдия Федоровна, 1915 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. нет.
19. Балдуева Екатерина Васильевна, 1927 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 10 кл.
20. Балдуева Екатерина Ивановна, 1927 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл.
21. Бармина Капитолина Алексеевна, 1934 г. р., урожд. с. Аскарово, в с. Кага с 1943 г., образ. ср.-медиц.

22. Белова Раиса Григорьевна, 1925 г. р., урожд. с. Н. Авзян, в п. Тирлян с 1960 г., образ. 4 кл.
23. Белоглазова Матрена Васильевна, 1911 г. р., урожд. Катав-Ивановского р-на, в п. Тирлян с 1930 г., образ. нет.
24. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 2 кл.
25. Бережная Елизавета Кирилловна, 1923 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 8 кл.
26. Благов Федор Яковлевич, 1934 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 3 кл.
27. Благова Антонина Андреевна, 1915 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 4 кл.
28. Бочарова Евдокия Дмитриевна, 1914 г. р., урожд. с. Узян, образ нет.
29. Бочкарева Римма Ивановна, 1930 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 10 кл., спр.-технич.
30. Брюханова Елизавета Григорьевна, 1929 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл.
31. Булатов Александр Николаевич, 1951 г. р., урожд. с. Узян, образ. 8 кл.
32. Быкова Пелагея Кузьмовна, 1912 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
33. Быкова Ульяна Арсентьевна, 1894 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
34. Быстрицкая Полина Максимовна, 1926 г. р., урожд. п. Ломовка, образ. 4 кл.
35. Волков Леонид Николаевич, 1932 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. высш.
36. Габов Петр Ильич, 1927 г. р., урожд. с. Узян, образ. 3 кл.
37. Габова Евгения Ивановна, 1909 г. р., урожд. с. Узян, образ. 1 кл.
38. Габова Ольга Варламовна, 1925 г. р., урожд. с. Узян, образ. 2 кл.
39. Гавrilova Анна Николаевна, 1923 г. р., урожд. Костромской обл., в п. Тирлян с 1926 г., образ. 7 кл.
40. Гнедкова Евдокия Александровна, 1934 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
41. Горбатова Екатерина Поликарповна, 1918 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 3 кл.
42. Горьков Афанасий Анатольевич, 1922 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 2 кл.

43. Губанова Евдокия Ивановна, 1908 г. р., урожд. с. Узян, образ. нет.
44. Елисеева Анисья Григорьевна, 1915 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 3 кл.
45. Елисеева Ольга Федоровна, 1925 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 7 кл.
46. Елкина Мария Дмитриевна, 1926 г. р., урожд. с. Кага, образ. 5 кл.
47. Еремкина Анна Ивановна, 1906 г. р., урожд. с. Узян, образ. 3 кл.
48. Еремкин Иван Филиппович, 1904 г. р., урожд. с. Узян, без образ.
49. Ермилов Иван Кузьмич, 1876 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. нет.
50. Желнин Василий Александрович, 1934 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
51. Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., урожд. с. Кага, образ. 6 кл.
52. Желнина Татьяна Васильевна, 1923 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
53. Зайцев Иван Андреевич, 1895 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
54. Зайцева Арина Федоровна, 1897 г. р., урожд. с. Кага, в с. Н. Авзян с 1914 г., образ. нет.
55. Зайцева Лампейя Степановна, 1868 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
56. Зайцева Нина Семеновна, урожд. Алапаевска, в п. Тирлян с 1935 г., образ. 7 кл.
57. Засол Пелагея Даниловна, 1904 г. р., урожд. с. Инзер, образ. нет.
58. Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г. р., урожд. п. Ломовка, образ. 3 кл.
59. Ионова Наталья Евдокимовна, 1918 г. р., урожд. п. В. Авзян, в п. Инзер с 1937 г., образ. нет.
60. Исакин Федор Алексеевич, 1931 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
61. Калашникова Александра Андреевна, 1910 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 1 кл.
62. Калугина Александра Гордеевна, 1922 г. р., урожд. п. Ломовка, самоучка.
63. Киселева Мария Кузьмовна, 1923 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
64. Кожевникова Анна Кузминична, 1913 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. нет.
65. Козлова Екатерина Николаевна, 1921 г. р., урожд. с. Н. Авзян, в 1945 г. переехала в г. Рудный, образ. 4 кл.
66. Козлова Ольга Гавrilовна, 1938 г. р., урожд. п. Ломовка, образ. 5 кл.

67. Копытов Леонид Платонович, 1920 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 7 кл.
68. Копытова Мария Сергеевна, 1935 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 7 кл.
69. Копытова Надежда Андреевна, 1920 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 7 кл.
70. Королев Федор Федорович, 1912 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. нет.
71. Королева Матрена Федоровна, 1916 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 2 кл.
72. Королева Татьяна Дмитриевна, 1930 г. р., урожд. с. Каги, образ. 4 кл.
73. Косарева Мария Федоровна, 1930 г. р., урожд. п. Ломовка, образ. 3 кл.
74. Кочетова Анна Васильевна, 1921 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл.
75. Кочеткова Анастасия Ивановна, 1923 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. спр.-спец.
76. Кочеткова Ефросинья Константиновна, 1928 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 3 кл.
77. Кудряшова Агафья Захаровна, 1896 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
78. Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
79. Кузнецова Анна Александровна, 1921 г. р., урожд. с. Кага, образ. 1 кл.
80. Кузнецова Татьяна Николаевна, 1929 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
81. Куропаткин Федор Иванович, 1881 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
82. Куропаткина Анна Гавриловна, 1883 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
83. Латохин Авенир Антонович, 1926 г. р., урожд. с. Узян, образ. 7 кл.
84. Латохина Валентина Сергеевна, 1930 г. р., урожд. с. Узян, образ. 5 кл.
85. Лисовский Иван Антонович, 1925 г. р., урожд. с. Кага, образ. высш.
86. Логинова Анна Васильевна, 1927 г. р., урожд. с. Кага, образ. 4 кл.
87. Логинова Наталья Михайловна, 1924 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
88. Локацкова Ольга Ивановна, 1920 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл.
89. Малахов Федор Прокопьевич, 1899 г. р., урожд. с. Узян, образ. 5 кл.
90. Матвеев Иван Семенович, 1895 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
91. Матвеева Ольга Андреевна, 1892 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
92. Медведков Николай Павлович, 1925 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 4 кл.
93. Милютина Екатерина Трофимовна, 1930 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
94. Миронов Яков Андрианович, 1888 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.

95. Необутов Виктор Максимович, 1933 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 5 кл., ремесл. училище.
96. Оглоблин Борис Анатольевич, 1948 г. р., урожд. п. Тирляна образ. высш.
97. Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 6 кл.
98. Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г. р., урожд. с. Кага, образ. ср.-медиц.
99. Осипов Владимир Дмитриевич, 1954 г. р., урожд. с. Кага, образ. ср.-спец.
100. Осипова Мария Владимировна, 1928 г. р., урожд. с. Кага, образ. 5 кл.
101. Осокина Александра Павловна, 1924 г. р., урожд. с. Узян, образ. 2 кл.
102. Патрикеева Пелагея Максимовна, 1910 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 2 кл.
103. Перевезенцев Иван Егорович, 1933 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 2 кл.
104. Петров Федор Самойлович, 1894 г. р., урожд. с. Узян, образ. нет.
105. Платонов Дмитрий Леонтьевич, 1925 г. р., урожд. Татарии, в п. Тирлян с 1936 г., образ. 5 кл., техникум.
106. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
107. Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 7 кл.
108. Плотникова Надежда Алексеевна, 1937 г. р., урожд. п. В. Авзян, в с. Инзер с 1948 г., образ. техникум.
109. Плохова Анна Николаевна, 1931 г. р., урожд. с. Кага, образ. 7 кл.
110. Полетавкин Юрий Сергеевич, 1983 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 8 кл.
111. Полетавкина Екатерина Андреевна, 1935 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 7 кл.
112. Пудинов Владимир Дмитриевич, 1948 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 9 кл.
113. Пянькова Клавдия Федоровна, 1890 г. р., урожд. с. Узян, образ. 3 кл.
114. Рассказова Екатерина Николаевна, 1931 г. р., урожд. с. Узян, образ. 4 кл.
115. Рыжкина Мария Леонидовна, 1918 г. р., урожд. с. Узян, образ. нет.

116. Рычков Яков Трофимович, 1904 г. р., урожд. Кировской обл., в с. Инзер с 30-х гг., образ. нет.
117. Рычкова Екатерина Ивановна, 1909 г. р., урожд. с. Инзер, образ. нет.
118. Ряхаева Нина Игнатьевна, 1921 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. 4 кл.
119. Савельева Анна Петровна, 1930 г. р., урожд. с. Узян, образ. 4 кл.
120. Савинова Груша, 1903 г. р., урожд. п. Ломовка.
121. Сальникова Мария Варфоломеевна, 1922 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 4 кл.
122. Сафонова Мария Семеновна, 1935 г. р., урожд. с. Кага, образ. 6 кл.
123. Севастьянова Нина Гавриловна, 1917 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 7 кл., педучилище.
124. Селиванова Анна Федоровна, 1919 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
125. Сенюшкина Мария Михайловна, 1922 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. нет.
126. Серегина Анна Васильевна, 1921 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. нет.
127. Серпков Федор Михайлович, 1951 г. р., урожд. с. Узян, образ. техникум.
128. Серпкова Анастасия Петровна, 1952 г. р., урожд. с. Узян, образ. ср.-спец.
129. Силаева Анна Егоровна, 1923 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
130. Синицина Варвара Павловна, 1927 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 4 кл.
131. Слепов Дмитрий Алексеевич, 1926 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 5 кл.
132. Слепова Анастасия Фоминична, 1918 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. 8 кл.
133. Соколов Иван Федорович, 1924 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
134. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 3 кл.
135. Сухов Николай Петрович, 1929 г. р., урожд. с. Кага, образ. 7 кл.
136. Сухова Татьяна Васильевна, 1925 г. р., урожд. с. Кага, образ. 7 кл.
137. Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г. р., урожд. с. Н. Авзян, образ. нет.
138. Трифонова Прасковья Андреевна, 1916 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.

139. Тюнегова Дарья Арефьевна, 1891 г. р., урожд. с. Узян, образ. нет.
140. Уральский Илларион Андреевич, 1883 г. р., урожд. с. Кага, образ. 2 кл.
церк.-приход. шк.
141. Урцева Валентина Михайловна, 1930 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 3 кл.
142. Феклина Валентина Васильевна, 1928 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 5 кл.
143. Филиппов Николай Степанович, 1948 г. р., урожд. с. Узян, образ. ср.-спец.
144. Храмцова Антонина Ивановна, 1925 г. р., урожд. п. В. Авзян, образ. ср.-техн.
145. Черепанов Петр Николаевич, 1962 г. р., урожд. с. Инзер, образ высш. педаг.
146. Черепенькина Матрена Васильевна, 1926 г. р., урожд. с. Кага, образ. 3 кл.
147. Чернаткин Иван Васильевич, 1898 г. р., урожд. с. Кага, образ. церк.-приход. шк.
148. Чернаткина Софья Никифоровна, 1901 г. р., урожд. с. Кага, образ. нет.
149. Чертыхина Александра Федоровна, 1911 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. нет.
150. Шердюкова Александра Петровна, 1924 г. р., урожд. п. Тирлян, образ. 8 кл.
151. Штырляева Анна Александровна, 1924 г. р., урожд. п. Ломовка, образ. 7 кл.
152. Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., урожд. п. В. Авзян, в с. Кага с 1948 г., образ. высш. педаг.
153. Юлина Елена Николаевна, 1927 г. р., урожд. с. Кага, образ. 7 кл.
154. Юрочкина Анна Андреевна, 1935 г. р., урожд. п. В Авзян, образ. 7 кл.

Приложение 2

1. Полевые материалы из личного фонда Всеволода Антоновича Сенкевича (1964-1969гг.) и архива Лаборатории народной культуры Магнитогорского госуниверситета (1994-2007 гг.)
2. Архивные документы Государственного архива Оренбургской области и Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан.

**Полевые материалы¹ из личного фонда В. А. Сенкевича (1964-1969 гг.)
и архива Лаборатории народной культуры Магнитогорского
государственного университета (1994-2007 гг.)**

1964 год

1а. Я на заводе работал. Руду нагребали, возили, в шахту валили, вот такая работа была везде. Чугун возили. Домну слили. Две домны было. На самой домне я работал, руду нагребал и в шахту возил, вот и сваливали все там в домну. Руду, тут отвал был, вот на горе на *етой*, туда сваживали и на лошадях валили. Двое руду *возяты* зимой, а потом здесь ее дробили. Уже тут вот дробили, дробилка была. И каменный уголь. Вот короб угля свалишь, вагонетку руды свалишь, лотков 5-6 камню и, знать, заваливаешь, заваливаешь, а там *поддуваешь*. Айда и все провалится, а потом *таить* там и снизу *щугун* *выходить*. А *отправляют* *щугун* в барки и плотинами плавили. Много было *щугуна*, много. Советска власть завод убрала, потому что у *Белорецким* наладили большую домну, а здесь прикрыли. А народ-то *остался* здесь. Руду возили тоже, отправляли опять у *Белорецк* или куда ли *возили*. *Ето* уж завод остановили, наверно, так в 19-ом или в каком году остановили уже. Вот тут сколько у нас *пещей-то* было! Уголь сидели. Узкоколейка в лес пошла, и все пошло. И лес пошел теперь туда. Углем перевозили все, весь лес. Уголь возили в вагонах к *Белорецку*, в домны то ж, там тоже чугуноплавильный завод был, одна домна большая, вот и там выплавляли. 12-щасовая работа была, *щас* 8-щасовая, а тогда 12-ти. Который раз вот приходилось по две смены, по три смены стоял 12-тичасовых, вот как приходилось, деньги надо было, хлеб зарабатывать. Народу не *хватает*, когда домна *идеть шибко*, заваливай, заваливай давай. Вот так работали. Домой, говорить, *щуть* не ползком придешь. А теперь че не работать, теперь

¹ В приложении без сокращений даны материалы экспедиционных исследований, используемые автором настоящей работы. Полевые материалы размещены в хронологическом порядке. В текстах сохранены особенности устной речи информантов. Такие слова выделены курсивом.

машина *работаить*. (Рычков Яков Трофимович, 1904 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 17. Л. 158-174, 1964, Инзер).

16. Мы раньше мало че-то в полях садили, при доме садили. *Башкыры* нам как говорили, если нам только дать земли, мы будем оправдываться своим хозяйством, тогда на завод мы работать не пойдем. У нас тогда так было. Землю покупали у башкир, лес тоже покупали. Вот дом строить надо – купиши у них лес. Раньше аршины были, 12 аршин ето бревно за рубль он *привезеть* тебе. А то Единский лес был, заводской, его не давали нам. Башкирская земля вся была. Барка была на 30 сажень, 7 сажень была ширины, во *кака* барка! Людей на ней было сколько полагалось и там *рабоющие* были, тоже плавали, как же. Лата грузили, *щугун*, все. Которые *ем* лата *спущаются* там, там ведь лата привязывали, он *щугунный*, пудов на 300. *Запущаются* лата, *тащут* и *тормозят*, а потом *отправляют* людей. Нет, *щас* нечего сплавлять. Не плавят. *Щас* железная дорога *ще* надо *увезеть*. (Рычков Яков Трофимович, 1904 г. р., Рычкова Екатерина Ивановна, 1909 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 17. Л. 158-174, 1964, Инзер).

1966 год

2. Руду, уголь, клали из дров кабаны, землей засыпали – зажжем, *выгорить*, а потом на завод его вывозишь на конях. Помню, сила была коней, никаких тут железных дорог, никаких машин – все на лошадях возили, вот наша работа. Вот руду *камену* на завод, вот уголь, больше ж дрова. Авзян вот *рецка* у нас была большая и далекая, по *этой рецке* Авзян и сплавляли там наверху руды, дрова. Башкиры, ну, кто попал по *этой рецке* сплавляли дрова, суда на завод. Было тут в Авзяне построено 30 *пещей*, тут сидели уголь. После, после отменили *руцную* работу и построили большие *пещи*. Сделали туту в Авзяне гавань большую, сплавляли дрова, дрова задерживали тута и вот у *этых пещах* уголь томили и вот, а все из *этых пещей* уголь на завод возили, тоже на конях. Ну, как будто завод содерживали *хфранцузы*. На кабане одна лошадь, два *щеловека*. Двойня там только *дежурить*, когда *горить*. Как сгорел, *заклабушить* и все, а потом суток трое *стоить* он там, потом

защнуть ломать. Дерном осыпуть, а как же, чтобы духу нигде нищего не было. Землей – на дерн. Сыпять здорово, а если огонь сиганеть, то сгорить, никакого угля не полушишь. Все засыпеть, только один дым идеть, больше нищего, а огня не увидишь. Возим руду на тацках, на носилках таскаем, усяко, а потом после этого дрова зажгутъ, руду обожгутъ, уж руду на завод возим обожженную, красныю, а не прям из земли, нет. Тут домна ее не принимала, она не работаеть, если не обожженную. День и нощ, всю зиму и руду, и уголь, и дрова на завод. А летом заготовка идеть, а зимой мы на лошадях. Сила конная была ужасна! Сорок верст – рупъ. Если одна лошадь – один короб, если три лошади – три рубля. (Ермилов Иван Кузьмич, 1876 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 8-9. Л. 68-73, 1966, Верхний Авзян).

3. А *хфранцузы*, он завод *хфранцузам* продал, их полно было тут. Тут *переводищики* были, мы не знаем языка: он на нас *глядить*, мы *на его*. Вот управители все были *хфранцузския*. Ет далеко крепостной-то правил, были какие-то бояры, говорили, что будто в Авзян привезены народ наш, но мы не знаем. Вроде, из-под Казани. Ну, в каком году? В 20-ом и поздней, ет я не помню, в *каким*. Хто завод ломал, *этого* старшину купили, а наши завод не даютъ, *плащутъ*: «Мы должны с голоду пропасть?» Мы и так пропали, завод сломали, ну и че, делать *нещего*, завод остановили, вот тебе и все. Я на заводе не работал, *ет* я время был *младой, мальчишком* был, а работал брат, я нет. Вот брата-то и арестовали – не давал завод ломать. Их всех арестовали, сколько их было там. И там на *трахту* от дом был, их там и зеперли. Тут же барки были, склали и увезли его куда и все, весь *щугун-то*, его проломали, тут капер поставили – капром *ломаютъ большия* вещи-то. Ну на барке и возили, мы же в барке возили, мы же конная сила была. Увезли Бог их знаетъ куда, в Сормовский заводы, вот дело-то как было. Это *оценъ* давно. (Ермилов Иван Кузьмич, 1876 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 8-9. Л. 75-81, 90, 1966, Верхний Авзян).

4. Есть старинная контора, царская, ну *от* она как была, покрасили ее *маленька*. Гора такая была, тут *щугун* плывили и отвозили туда, у *низа*,

больше *нищего на ем* [о заводе]. Руду возили, вот из-за горы, из *етай* руды *получалси етат* самый *щугун* и все. Его плавили, раньше барки ведь были, вот на барки их *нагруззют* и плавили вниз и в город Белорецк возили, вот и все. Больше на ем *нищего* не было такого. Много работал и там *пещей* сколько, *значить, пещей* 10 было. Уголь сидели тут же около же завода, а там на гавани барки. Приходили *дальния* люди на барки-то, издалека приходили, я *щас* помню – здоровяки! Все это я пережила, все перевидала, всю историю. А кабаны *ет* как, *ет*, по-моему, ямы сидели. Кабаны я тоже не знаю, вот че знаю, *ет* мы вот работали у лесу - пишли дрова, кололи, лес сваливали, *ет* уж я работала. А кабаны, *ет* может быть называется не кабаны, а ямы сидели, собирали бересту и жгли. Много на той стороне, ни на *етой*, селений, как сказать вам, штук по 8, *пещь ет* называли. *Тута*, как сказать, из пруда мы и я даже гнала, дрова гнали, а дрова там припасали. Там *идее-то* далеко была у нас плотина, она и *щас* есть, мы спускали сюда у Узян дрова. Тут выбирали дрова и клали у *ети пеци*, у *етой пеци получалси* уголь. Пережигали на уголь, *пещей* много было, ну и вот, а *етом* уголь шел на завод. Нагребали вот *такия-то* вот *небольшия*, как сказать вот со стол, побольше даже, с колесами, называли мы их «люльки». *Ету* руду нагребаешь, их расколешь *мельще*, нагребали их и *подымаютъ* их вот так повыше что ли, до потолка даже, и *опускаютъ* у *гарно*. *У гарно спустить*, из гарна *получается щугун*. *Щугун* разливали, там *такия* формы, когда *пустить*, он вот у *формы льется* вот такими вот плитками. Когда плитки *остынутъ*, *ети* плитки я убираю. Их убирали, сюда убирали, на весы, все же подсильные они. Те, которые неподсильные, вдвоем убирали. Тут весы неподалеку были, на весы вешали их, тут же *подъезжаетъ* кто-нибудь, *нагружаетъ*, *прям везутъ* у Белорецк. А если некому *везть*, *дак тады* грудой *ложишь*. Когда есть подвод, прям на весы, с весов *ет* у телегу и *везутъ* у *город*, вот так вот. (Тюнегова Дарья Арефьевна, 1891 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 12. Л. 109-117, 1966, Узян).

5. Потом декрет издан был, землю передать тому, кто ее *обрабатывает*, а у нас земля-то была вся ведь у башкир. Башкиры ведь ей хозяева-то были. У нас-то ведь не было земли-то, а вот попробуй-ка *отыми* ее, как отнять-то? Декрет-то есть, а вот отнять-то ее как? *Тада* ведь кантоны назывались, не районы ведь, кантоны. Тамьяно-Катайский кантон наш был, во! (Уральский Илларион Андреевич, 1883 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 14. Л. 138-140, 1966, Кага).

6. Немного, немного я работал на заводе. Гораздо меньше был я возрастом. У меня отец умер в 1905 году, мать осталась сама *щиста*, а дед был, ет *знацить* моей матери родной отец, он на *переправе-та* работал. А тут был Драп, фамилия Драпе, *ет* немец был, а управляющий был Татаринов Иван Асафьевич, а *етот* был Федор Федорович. Он от как *заметить* за вами неправильность *щего-нибудь*, он *нище* не разговаривал, «на дом» - *знацить* с работы снять, только и всего, больше *нищего* он не говорил. Тут его хоть проси, хоть не проси, раз сказал «на дом», *знацить* все! Вот не знаю 17 июня, не знаю 18 июня пожар *полуцилси* вот здесь вот на *етой* стороне, а потом перенесло *туды*, по ту сторону *рецки* и за гору. И вот выгорело 754 дома и в том числе сгорел завод. Завод был какой, гвозди рубили всяких сортов, *нациная* вот *такия* вот *маленькия* и вот до *едакой* длины, проволоку тянули тут вот. А потом как сгорел завод и *ети* станки, *которые* остались маленько *удобныя*, их перевезли у Белорецк и поставили там в цех самый, гвоздарный. И *ети рабочие* выехали туда все. А наших *щас* людей из Каги, я полагаю, везде есть, везде – и в Москве, и в Ленинграде, и в Магнитогорске, везде и где угодно. (Уральский Илларион Андреевич, 1883 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 14. Л. 140-142, 1966, Кага).

7. И пошел пожар, а время было жаркое. Все население *поцти* сгорело, половина. Больше населения нашего села. При заводоуправлении вот на углу прибита *дощечка* – *ет* 691-ый дом, да около 1000 было населения тут домохозяйств. Ишо я мальчишкой был, ето маленьким. От силы огня *полуцился* ураган. *Дык* в пруду вот лес был пригнанный, по реке Каге он уже загруженный был. Так вот как *налетить* *етот* вихрь с огнем, *вертить*.

Вертиль, аж стойми подымить. От силы огня ураган, а потом - с дома на дом. Сила огня оказалась ужасной. Вот земской *нащальник* здесь жил. За 24 километра находили потом бумажки из канцелярии. Вот ураган какой был! За 24 км. Бумагу силой *етой*, вихрем *етим подымало*. На сенокосе мы были, в то время брат мой двоюродный косил повыше нас, находил много бумажек *етих*. Лес возили, вот тоже ведь потребность была. Мы на лошадях работали, я на фабрике на самой не работал. Товарищ мой вот рядом Мишка жил, он постарше меня годом, *етот* работал в упаковке. Упаковывали в ящики гвозди и все *ето*. Раньше вот *электрищества* не было, паром ведь, паровые котлы были. Вот, бывало, наше дело – дрова к паровым котлам возить, был амперметр тоже наверху и вот смотришь, сколько набралось пару. Большая машина, пускали ее паром. По *рецке* Белой барки такия по воде плавили вот в Табынск и дальше, а там уже пароходом цепляли *ети* барки и увозили куда им нужно. Гвозди тут делали, а самый гвоздальний завод, в Белорецке ведь гвоздального завода не было, *ет* наш перевезли туда после пожара. А те наши, которые тут работали, все они переехали туда, а потом там приплодили, еще больше размножились. (Чернаткин Иван Васильевич, 1898 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. кассета № 15. Л. 143-147, 1966, Кага).

1969 год

8. Так и жили, ткали, а лен пряли, пряли тонко-растонко, да ткали на зиму рубахи *самотканья клетчатая красивыя, да тоненькие-растонененькия* ткали. Да как на стану ткали, стан был такой, как *щас* на заводе *ткуть*, так же и мы ткали. Теперь уж давно не тку. Верхнюю [одежду] *щас-то* теперь все покупаем, а тогда *усе* ткали... Всю *овещку острыгешь*, пустишь *такую*, портинную *ета* основу, а поттыкаешь суконной опять. Суконки ткали, фу, тогда работы-то *ще* было, а *щас* работы-то совсем *нетути*. Суконники – это как брюки, штаны. Брюки наверх одевали *толстая, шерстяныя от овецек*, от *овецов толстая* выткешь, а суконки на ноги навертывали, да лапти обували. *Ежели* по порядку рассказывать, *сперва* посеешь лен, потом идешь

брать его, выберешь... Его на облоге *сють*, он лучше рождается. А потом он *вырастить* когда, его берешь как у снопы, снопы складешь, там же на делянке вешаешь... Потом молотишь, семя обмолотишь, а потом *ету* самую стелишь ее, вот на делянки расстелишь, чтобы он умокал, *вымокнить* когда. Пощупаешь так вот возьмешь и он уже вроде мнется, ну поспел, его *сымаешь*. А потом у баню - сушить *дюжся*, а потом мять – мялка такая, на мялке мнешь, потом у ступе толкешь, потом *нацинаешь ета*, гребень да гребенками и ткать, потом прядь... Санапряха-то вон она, на ней прядешь, вот сколько там напрядешь матушек вот, а потом уж тогда ткать *нацинаешь*. На мою семью-то я выткала полтораста аршин. Всех одену по штанам да по рубахам. А семье-то много надо. Шали вязали, а где, с чего, раз в магазинах не было нигде *ниче*. А уж работы-то было, не сидели *едак* ни минуты, и работали, и работали. (Зайцева Арина Федоровна, 1897 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16,.Отд. 3. Л. 569-574, 1969, Нижний Авзян).

9. Тогда не было машин-та. На барках плавали и это железо вот катали бывало на плавку. И вот все ведь на барки, в барки *погружают* на караван-то. Вода большая. Два раза *сплаваетъ*, первый раз *сходятъ* еще белые барки. Полубарки называли, полегче куда *кладутъ*, еще *сплаваютъ*. Этот мужик у *мене* на машине *мож* работал, свекр там на машине и он тоже железо катал. И в валах железо катали, как-то ровные вот так связывали, пуками связывали небольшими, чтобы под силу его подымать. А подымковый-то *щугун* на заводе отливали, тоже *пещи* были. *Насажаютъ щугун-то* на колышки, еще на железо его *переделаютъ*, из руды-то *перва щугун отольютъ*. Из *щугунато* подымковую *пережигаютъ*, на железо чтобы ушло. Тут большой был пруд-то. А вот сверху дрова *нагоняютъ* полный пруд, тут *вытаскиваютъ* их бабы. Руками таскали. У нас две лошади было. Сам работал на заводе. *Ету* домну топили углем. Ночь бывало, *усю нощ караулють*, кабы не загорелась. Не было машин-то, руду на *тащках* возили. На клетку, клетку *сделаютъ* деревянную и туды доску и *волютъ* вот у *ету* клетку-то. Полну *нагрузяютъ* и *обжигаютъ* ее, руду-то. *Обжигаютъ*, чтобы она *щистая* была. Ее зимою

возили на завод. И на руднике работала, и у подвозке была, и в сушилке работала, и в машине пролет щистила, и дрова из пруда таскала. И бабам приходилось с мужиками - хозяин руду-то не возил. Бывало, тоже морозы лютые были, холодно, на полкоробки на руду кладутъ огня, хочь руки погреть. Руду искали - землю сымишь, там руда окажется. Вот, бывало, идутъ отвалами глубже, садятся на рудники. На руднике много работы. (Зайцева Лемпяя Степановна, 1868 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Отд. 4. Л. 449-455, 1969, Нижний Авзян).

10. Были этак слущаи. Барка потонеть, ее мол-то разобьеть, ее никак уже не удержишь – водой потопило. Если на мель села, то все. Ет когда ет за ей вернутся, разгрузить, кода вода пойдетъ. Маяк вперед барки идеть, вот барки сегодня поплыуть, а его уж туды увезутъ. Их много маяков. Две команды тут обмеряютъ. Косная обмерять тама, это крашонка иде глубже. Вот его ставить тут - командуй вот тут. Косная так она и идеть казенкой – она ниже, вперед не идеть. Казенка косная – это казенка, последняя барка. Она изукрашена, все шарабры на ей - там много мяса, хлеба, продукты, много. Вот косная. Если где плохо, мы слезаем у лодку и уезжаем на берег. А после косную, ее на берег по воде-то не возведешь, она ведь тяжелая. Последний шихан называется Митрошкин лоцман. Ох! Митрошкин проплыли. Давай скореича. Якорь налаживають и в Белую опустили. Вот на плоту-то я за лето раз 100 плаваю. Вот в Уфу 4 раза плавал отсeda. Знаю, куды держать, знаю, какой волошкой плыть, знаю место - я не боюсь уже. А за мной плывутъ много людей, но те места мало знаютъ. Я передовой плыву. А ежели маленько зря ошибесси, залезешь у камни, то все поломаешь. Вот эти камни, шиханы все теперь растрепали, ну динамидом, ли чем ли, порохом ли. Барка она 25 сажен длина. Лоцман барку гонить, барку направляетъ – он хозяин. Я раз плавал, он у тебе не спрашивается. А вот 3 бревна, 3 ряда, ни одно бревно, а три – вот эта самая верхняя вот тут вверху лежить. Вот и тут плоты есть. Вот тут два и тут два, а ето тут третий, вот етом коренной-то лот, его не поднимаютъ никогда из воды, а эти вот бросаютъ временно. И

как опять барку укрепили, опять тут уж *вытаскивают*, чтоб только барка шла на одним плоту. Мочалыги, на мочалыгах, мочальные только, толстые, 90 пудов привязано. Там *на рулю* четверо, чай *стоить тата*, а остальные тут на заду. Губа там *висить*. Губа – это вот называется бабайка-то, а это губа – целое бревно, хорошее. Вот ее *забиваешь* на руль, вот шихан, вот она гора-то. А вот *етот* руль вот так его от горы-то. А *бросаешь* у воду *етот* лот. Нас там тоже 18 человек. *Набралися* люди, поплыли. Эти, которые-то семь плотов, два плота-то уплыли, две недели вперед ушли уж – я их догнал в Мелеузе, на острове *сидеть*. Ну, приплыли в Уфу, домой поехали. Еще сплотили, еще поплыли и в другой раз приплыли и он догнал маленько. Мы два раз, а он только раз. Плот *увесь* изломал. До *мене* еще он работал. Зимой рубили лес, на конях возили на берег, потом нас заставили плотить. *Скотишь* бревно, да там ловишь ее, подваживаешь. Деревянны клетья были все время. Какой надо мне плот, такой сплочку, поплыву. А вот кошма-то. Допустим, вот доска, раз, 2, 3, 4, 5, 6 – вот такой да сплотили, 20 бревен клали в одну штуку вряд, потом еще другой ряд. Вот друг за дружку их связываем, потом третий ряд, опять привязываем 4-ый ряд, потом их друг за дружку вот так свяжем концы с концами, а потом в *обои* стороны по 3 бревна. Бревна так, в лапу зарубишь вот и с того обоку веревками стягиваем туже, чтобы они туда переходили. Вот когда сплотили, стягиваем. Так оно полагается пять, ну мы лучше пошире склали, по четыре гоняли. Ну кошма. Да вот пол, вот тут будет кошма, вот потом еще эдакой плот наберется, опять кошма. Вот четыре кошмака наберем, вот их свяжем. Вот так накатаем, по краям кладем жерди, теперь вартием и деревянные клепья бьем у каждую штуку. Вот ее собьем, свяжем еще такой кошмак и с другим также. Больше пяти на плотили, самое большое это пять. А управлять есть такая бабайка. Вот ее такой чурак, ну толстый чурак, вот хоть на это стуло, а ведь можно потоньше. Набьешь чать, напилиши пилой, тут забьешь шпиль, этот чурак прибьешь к кошме, к плоту. Вот на этот шпиль жердь кладется и так называется бабайкой. И *на концу* доска прибита, 3 аршина – вот эту доску

прибьешь и вот к *этому* клепу ее привязываешь. На плотах плавали, плоты гоняли вот то в Стерлитамак, то в Табынский одну лета четыре раз плавал, в Уфу. Это уж как приисковый был. Теперь там рабочие *говорять*, вот надо послать Миронова Якова, вот он и *угонить*. Филипп Васильевич Андрианов (дилектором был), он *мене и вызывает*. А я уже хорониться стал, в Уфу-то плыть боюсь. Спец плавать? – Спец. Ну давай иди. Так, набралися люди – поплыли. Вот *нарубали* на хлебной елани лес, потом свозили, весной плотить гнали. Он [местный директор] *сперва* нанял *башкыр*. Семь плотов было, хлебом наградили и все тут. Они верст двенадцать отплыли и все упустили. Самих на лодку *хочь* поснимали. Лес потом рубили. Месяц выработаешь, уморишься, домой придешь, недели две отдохнешь – ах ты, опять надо ехать. Работы тут не было. И бабы работали. Еще уедешь на месяц, вот так тут жили мы. (Миронов Яков Андрианович, 1888 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Отд. 18. Л. 589-591, 1969, Нижний Авзян).

11. Когда приехали, только труба одна стояла, а завода не было. Когда завод был, свекр мой когда еще работал смолоду, а после его забыла кто, какие-то. Это *щугун* отливали. *Овецек* держали помногу, шерсти много было. Раньше ведь *усе* ткали, пряли, *одежсу* делали, кафтаны, *пинжаки*, ну больше никакой *одежси* не было. Вот тулуп один был большущий. Раньше, это мама рассказывала, *говорить*, вот как свадьба, вот и жениху давали этот тулуп надевать, везти *венящаться*. Мялкой мали [лен, коноплю], потом *прясь*, в осень *нацинается* прясть. Спрядешь, *вымоешь* раза четыре пряжу, потом ткать. *Знащить* *сперва* мотки *намотаишь*, потом еще снова мотки *размотаишь*, потом еще оснуешь – вот ведь сколько *работы-ты*, потом стан наладишь, ткешь. Выткешь, выбелишь и шить будешь. Я, бывало, этим своим мужикам всем, у меня их трое было – два парня и сам. *Ежли* краски *нету*, то ольхи наскоблим пойдем, напарим в котле и накрасим олешником. Вот и все. На рубахи-то, это ведь он узкий такой, узкий холст наткешь, 5 аршин мужуку как ведь до колен надо. Раньше аршинами мерили, теперь метры. Валенки катаем. Не берем мы в магазине, у нас Петя *катает*. Мастерская в Верхнем

Авзяне, в мастерской постоянно катаютъ. (Матвеева Ольга Андреевна, 1892 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Отд. 10,14, 17. Л. 400-445, 1969, Нижний Авзян).

12а. Ну а как же ть, ее не пойдешь если, ягоды собирать. А!? Боялися, у! Без мужсука не пойдешь, тамо ловили, изнасиловали женщину вон русских. Она собака [о башкирах] ведь, а щас все равно собака. Я так думаю. Собака – богатые, такая собака наглые, так и урывают ну все. Прежде бывало упаси, *расстреляютъ* за *ето* [о браках русских и башкир]. Что ты! Никаких! Никак не возможно, а щас никаких не понимаютъ. Вон из моева родства скоко вышли [замуж за нерусских], не считаются. Ладно хыть мои ребяты-ты, я думала, апаек наберуть, нет, все русские. А то больно все-таки нехорошо, у сродственников-то сделаются, а как-то неудобно. (Кудряшова Агафья Захаровна, 1896 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Отд. 6,14, 17. Л. 84-86, 1969, Нижний Авзян).

12б. Я вам уже говорил, совершенно про него ничего не знаю. Как он раз по дороге, я видел, проезжал здесь, по *этой* дороге и зашел он в Авзян. Зашел он в Авзян и вот разбил он здесь завод. И действительно передавали, что он тут проходил. Шел он только за свободу, уничтожал только помещиков, а крестьян конечно освобождал от этого дела. Вот предки Пугачева мы, прадед он наш. Дед от мой от Пугачева был, маво отца дед – от Пугачева. Вот потому нас и называют *Пугащи, Пугащевы*. (Петров Федор Самойлович, 1894 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 32. Л. 104, 1969, Узян).

13а. *Дак* тут раньше бороды носили, старшие в деревне – все с бородами. Бритвы не имели, службу *отслужить, приходить*, ему 25-28 лет, а уж он по-настоящему как все равно бы в 60, с бородой-то. *Счас* не стали, в советскую власть не стали носить бороды – *бреютъ*. Есть, редко уж, мало. У нас *токо* один *етом* Маским самый Косолапов-то. Этот уж с бородой он. Раньше-то они, сталоверы, так *шио* они и вовсе не брились. Это тока на службу *пойдеть* – его там *поцистють*. А дома, сохрани Бог, чтобы бороду обрить. Еще малой *идеть*, а уж у *его* борода по колено. Сталоверы они старой веры были. Своя *щитальня* была у них, да. Своя *нащитка*, один какой лучше грамотный, *читаетъ* Библию. Знаю их, конечно. И в нашу церкву *придутъ*, свечи

ставлютъ, покупаютъ, вот они говорятъ, что ведь это торговля, говорятъ, магазин – разве это церквя? Они протестовали, у нас, дескать, а у них – лавочки. Вот они и спорють, знать, айдати к нам, ага. У них у этих избачитальня. У нас церквя, а у них читальня. У них там скамейки, как придутъ они, все садятся. У нас стоять, у нас скамеек не было, у церкви-то, стоя молились, на коленки падали, а у них не молятся. У них один читаетъ проповедь, они слушаютъ, целую обедню отчитываютъ. Кресты у них не такие. Только из етой, из рябины кресты делали, рябину они пощитали, это дерево. Это они пощитали Бога, молились. Они конечно вообще махорку ету, сохрани Бог курить. Это они считали – самый сатана. И чтобы он с тобой из щашки поел, его рассреляютъ – он согласится расстрелять, чем с тобой из щашки поесть. Он говоритъ, мол, лучше мене расстрели, чем я с тобой, говоритъ, есть из одной щашки сяду. Сесть-то он с тобой рядом сядеть, а он свое все, бывало, куда поедешь, и уж все свое. Вот так у них ета вера-то какая была. Их много было, пожалуй. Чать полсотки, не больше ли их было. Теперь уж нету у нас в деревне-то. В Миясе вот их много, вон там они все без малого. У меня дядя был эдакий, сталовер. Поговел, затощал. (Матвеев Иван Семенович, 1895 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Отд. 13. Л. 429-433, 1969, Нижний Авзян). 13б. Лапышта – тут все узянския, авзянския, кагинския. Вот эти вот, такого народа нету больно дальнего. Вот сначала угузян, потом забязян, туда, как он, куда он уже пошел. Не знаю куда, звали Пугач. Не один там Пугачев, там много их. Вот один Пугачев прошел, вот от него осталась кака-то женщина, вот от этой женщины пошли значит дети. Вот они стали Пугачевы. Вот эт, говорит, от Пугачева люди остались. Она не пошла с ними. Эт там у нас, в Узяне. Ага. (Малахов Федор Прокопьевич, 1899 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. Л. 122-125, 1969, Лапышта).

14. В Никольское ездили, лес рубили. Бывало, ашкаяк рубять, я тоже ездила с ними, с мужуками. А как дрова, вот долотьем, вот такие-то плахи называли ашкаяк. А вот бывало, их поленицу нарубишь, а лес рубишь, какой по размеру рубишь, бывало, сдаешь десятнику. Уедешь, месяц рубишь. Раньше

тут никакой работы не было. Как жили, не знаю. Правда, *перва-то* был завод, а после завод-то ведь сожгли. И *усе* время наши все у Никольское ездили, так и жили. На рудники, бывало, работать *едуть* на рудник, возили *щугун* вот из Верхнего завodu на пристань *сюды*. Все время *щугун* возили. Клажу возили вот уже забыла, как называли ее *ишио*. Бывало, *нагрузять* на Табынской. Клажу, бывало, сгрузишь, у кого две лошади, и отвезешь ее, заработаешь. Хлеба везешь, хлеб покупали мы, тут хлеба мы не сеяли, никакой, нет, нет. Ничего не было из хлеба, из сеянного. Вот для себя может какой-то пуд овса, проса. Потом уже скотину держали, а так ее табунов сроду никаких не было. (Ряхаева Нина Игнатьевна, 1921 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Л. 463, 1969, Нижний Авзян).

15а. Товару тогда не было. Пряли, да ткали, да шили. *Самодельчины*. На руках шили, машин-то не было. Пряли шерсть и шерстью подтыкали *всяко*. Тоже работы было много. Вобщем, как черти в мешке бились, так и мы. День и ночь, до одиннадцати, до двенадцати, бывало, *сидять бабы, прядутъ*. А утром в пять часов подниматься за углем. Вот так. *Счас* уж даже забыли, как коноплю сеяли, лен. А вот мы росли – и лен, и конопель сеяли. Они день и ночь пряли, ну, сидели его и ткали в зимнее время. *Етого нищего* не было, все свое было. Редкий раз *отkelь-нить вышилють*, а то не было, все *времячко* пряли да ткали. Бывало, *напрядутъ, наткуть и нашьють* – и кальсоны, бывало, и тело не *щешется*. Как *деранешь*, все равно что щеткой. Жили, терпели. Всю эту работушку женщина успевала и с мужиками наравне работала: и за скотиной ходила, и пряла, и ткала, а прежде чем прядь да ткать, надо еще посеять ленок-то, да обработать его. Круглый год. У-у, много я ткала и продавала, а вот эти портянки вот *назывались*, вот мужиким, портянки вот заматывать ноги – *щас* в сапогах, а раньше в лаптях, вот к лету ему и портянок *припасаешь*. Тоже как же ткешь их, только они вот такие *узенькия* делаешь, а к зиме – суконки из шерсти. Он все *наматываетъ* и без носок – нога никогда *не подопреваетъ*. Летом – *холцовье* портянки называются, а зимой из шерсти суконки. Суконки наденешь, оборками притянемши и пожалуйста, по снегу работаешь и нога не *мерзнеть*. Все это

припасали женскими руками. В лаптях на работу ходили. Лапти сами плели из лыка. Зимой в лычных лаптях за девками хлысь, хлысь. (Еремкина Анна Ивановна, 1899 г. р., Еремкин Иван Филиппович, 1904 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. Л. 25-34, 1969, Лапышта).

15б. А на сплав, на сплав забирали *токо* которые детишек нет. Не *проверять чать мене щас*. Которы бабы со мной были, вот я пойду, они *говорять*, а вот нам, *говорить*, кажется, будто тебя и на свете уже *нету*, ну раз подняли чуть не мертвую. Я говорю, *дак* вот, живая хожу. Ну баб-то много со мной, ведь вот подбирается бригада! Лес-то *толстой*. *Ежели* одна-две, то не *скотишишь*. А нас ведь шестеро было. Вот *кабы* мало-то нас было, конечно мы покрехтели бы. (Агеева Елена Ивановна, 1909 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Л. 602-604, 1969, Н. Авзян).

16а. Вот *считайся*, завод начали строить в 1900-м году, а в 1904 году он уже пошел, завод-то. Я родился в 1904 году. Здесь был сосняк, вон как там, около клуба сосняк, вот такой был и березняк, и осинник такой же был. Когда завод пошел в ход, здесь начали вырубать, *пеши* пошли, кабаны и *етом* весь лес начали вырубать. Этот завод ходил до 23-го года, вот это весь лес весь вырубленный был и сожженный вот с 23-го до 30 года, да *по сего дня рубютъ*. Уже молодняк этот, ему, этому лесу, уже 60 лет. (Еремкин Иван Филиппович, 1904 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. Л. 25-34, 1969, Лапышта).

16б. Вот, например, наши братья работали – уголь возили, руду возили на заводе. Так вот не подразделялся. Завод один. Сколько печей-то везде было. И-и-и! Я дак вот на лошади работала, уголь возила, 4 печи сидела. Бывало, в печку *насадишишь* утром дрова и сидишь. Пока, бывало, лапыштинские приедут, я раза два-три за дровами съезжу. Вот на Мокрой поляне четыре часа печи сидела. (Засол Пелагея Даниловна, 1904 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. Л. 80-81, 1969, Лапышта).

17. Инзерский завод мой отец говорил перва, я *ишио* жил в Узяне, у дяди, это *мальциком-та*. А вот мой отец *знацить* эту домну клепали, а от нас *ета* 30 км., это Инзерская узкоколейка. Да вот он потом, *знацить*, *мене* привез, это я был, наверно, годов десяти, когда отец привез *оттедова*. Там пожили, сюда

вот приехали. Вот здесь завод-та был. Вот на *етим* заводе я *теперя нацал*, построили его, мы *ишио* жили там. Тут *нищего* не было, только темный лес. Потом завод пустили. *Отседова* вот возили уголь *туды, знашть*, в Инзер, тут были угольные *пещи*. Угли сидели, вот это из дров *пещ*, *знашть*. Ее *раскладывают* там, кубы четыре в *ету пещку входить*; вот *знашть етим* углем вот завод-то ходил, снабжали *етим* углем. А вот на заводе не работал никогда. В работниках жил, ездили на лошадях, возили уголь, руду возили на завод, уголь с *пещей* возили. А на заводе знаете, скоко *полущали*? 60 копеек – это самая высокая цена на день работать. А *ежели* вот женщину, девушку *возьмуть* – она *полущала* 25 копеек на день, *вот не поверитя*. (Андринов Иван Прокопьевич, 1902 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. Отд. 8. Л. 777-778, 1969, Нижний Авзян).

18. Зайца петлями ловили, а *щас*, пожалуйста, не *станови* петлями. А вот проволока мягкая есть, ей тропку *наторють*, туда-сюда по тайге, вот петли *становлют* и *попадает* он. *Ето* давно дело было, а теперь запрещено все *щас*, петлю не показывай. Были винтовки – шомполки, *сызма* башкиры их называли. Это у них дороже всякого капиталу. Массу зайца было. Я их *тыицу* штук за зиму поймал, ну а потом запретили петлями ловить, только обстрелом. Постоянно у тайге ходишь *охотнищать* с капканами. Ага! Вот тут тропка, давай повешу петлю, *попадеть*, хоть покушать самому. Привязываешь за сосенку, хоть *попадеть* и опять эту пленку *сымаешь*, чтобы она не висела, а то ведь много *овещек* летом *страдает* – скотина залезить у пленку, удавится. Это вред. На куницу первая *оцередь*, когда зимний сезон наступает. С 1 ноября – на белку, 15 декабря – на куницу и на лису. *Заканичивается* на куницу и на норку – это *заканичивается* 15 февраля зимний сезон. Вот успевай в эти сроки вылавливай и сдавай, а уж потом не шевели! А на лису продолжается до 1 марта. Народу много уехало во все стороны, вот это повлекло. Народ *уезжает* и тебе надо уехать. *Дескать*, в городе лучше жить. Рассердился я, ох, уеду в Белорецк, там у меня братья. А там *тыды* сходишь, к другому брату сходишь, ах, домой *манить*. Домой приехал, ах, *мине* у лес *манить*, либо за рыбой, либо *охотнищать* – вот это

дело и завлекло *мене*. Мне постоянно старуха *скажеть* – мол, вот состарила тебе охота, старый ты рыболов. Что ж, я говорю, некультурно, а мы неплохо живем. Чего еще, старые стали, доживать надо. Как не помню, *мене осимнадцать* лет было, завод в 11-ом году сгорел. Вот тогда рыбы у нас и у Белой много было. И у пруду всякой, а теперь-то ведь рыбы *щас* мало, нету, потому что тогда *всем-ки* рыбаков мало было, на селе каких-то 2-3 *щеловека*, а теперь из города *едуть* с *удоцкими* со *всячинами* и у пруд садятся, и на Белой, все берега. Вот турист тоже, все *улавливает* рыбу, у *иво* тоже всякой снасти. Модры. Еще завод в ходу у нас был, на пруду, бывало, там ерш вот такой, сопливый-то *ентом*, он очень сладкий, уха для него. Пустишь на дно, на *щервяк* поплавок привяжешь, подразнишь – глядишь, с полведра натаскаешь. *Щас* нету *етого*, все вывели, а когда у нас-то завод сгорел и плотина-то сгорела и вода-то вся ушла, и рыба-то вся ушла – остался один *голавь* у пруду, и то мало. У нас у пруду *голавь* один и *щука*, а у Белой *голавь*, *щука*, *харюс* есть – тоже мало. Нилим, налима много, он под камнями *живеть* и *нощью* он по дну *ходить* – его мало *вылавливают*. (Андреанов Иван Прокопьевич, 1902 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. отд. 3. Л. 13-14; отд. 4. Л. 8-9; Отд. 5. Л. 2-4, 1969, Нижний Авзян).

19. *Шибко* крепкий рыбак был, ну он умер вот недавно. Около 85-ти лет ему, Черепенькин Григорий Федорович. Всем *рыбацки*, кто *щем* сможет. Морды ставили, *удоцками* ловили, недотками ловили, бреднями, сетью, неводом – всем *рыбацки* ведь раньше. Рыбы было масса в то время! Старый охотник-то, Иван Андреанов, тоже сильный охотник был. Этот и медведей убивал, и рысь убивал, и на птицу он охотился, и рыбу ловил – он тоже век свой этим занимался, сейчас он устарел, меньше стал ходить, 75 лет ему. (Чернаткин Иван Васильевич, 1898 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. Отд. 15. Л. 720-729, 1969, Кага).

20. У нас же был чугуноплавильный завод, проволоко-волочильный и гвоздильный завод был. Цеха были, разные цеха, а все вот на *етой* площади, вот, кирпичные здания-то остались там – это склады только остались. Цеха-то были, бывало, проволоку *привезут* эту в палец толщиной, вот *эдакую* вот

толстую и *делают* как волос, *вытянуть* тут, какую надо, разных сортов и отправляли. *Куды* надо. Гвозди от эдакового до вот эдакового делали тут. Мы только на лошадях работали, подвозили *туды* топливо, тогда ведь топливо было – котлы паровые, а туды дрова возили. В армию ушел, завод *кончалси*, тогда сгорел. Отец тоже работал все при заводе, то барки строили, по Белой плавали. *Нагрузить*, бывало, гвоздей или *щугуна* и *отправить* до самого до Царицина, как сказать, до Стalingрада. Белая – в Каму, из Камы – в Волгу и по Волге. Отец мой поддатнем ходил – помощник лоцманов. Лоцман *править* барку, а поддатень – хозяин счастям. Как только *крикнуть* «вправо-влево», поддатень счастью *командует*. Лоты ведь были *щугунные* все с пальцами и якорь на каждой барке был тоже раньше. Я не ходил, брат мой, отец ходил все года поддатнем. На барке 18 человек. С 11-го года нет этого, как завод сгорел, так и нет этого, 58 лет уже, таких людей не сохранилось. Барка – 75 аршин длиною и 25 аршин шириной. Строили наши, кагинские мастера, вот наш сват был мастер судовой, так и звали – Алексей, нет, Панкратич Федорович Борисов. На берегу их строили, основывали на высоте аршина полтора, чтоб можно было проконопатить. Они гоняли все раньше вот до Табынского, а от Табынского *тама* погружали больше грузы и гоняли до Уфы, нет, не до Уфы, ниже, где это Кама-то выходить. Вот как туда *выйдут*, а там уже пароходом *подцепить* и фу-у-уть, пошло. Обратно барка *не приходит*, каждый год делали тут, бывало, 15-16 и до 18 барок, потом не выполнить план по заказу – полубарки *делают* – это половина барки, для того, чтобы выполнить заказ. (Чернаткин Иван Васильевич, 1898 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. Отд. 20. Л. 705-710, 1969, Кага).

21а. Тогда тоже сеяли, сеяли и рожь, сеяли и овес, сеяли и пшеницу, и тогда также сеяли и коноплю, да молотили, да посконь брали, а теперь уж это изменено. Полога ткали, веревки были своерушные, полога были своерушные, мешки были своерушные. Я токо 10 пологов выткала, это как делянка – надо напрясть да выткать. Вот такая ткалка была, станок такой деревянный, теперь ни у кого *нету*: берды, нитье, проножки – вот *че* у него.

И ногами, и руками тоже работаешь, как у машине. Руками гоняешь *щелнок*, проножек и две и четыре. Мужикам *обутки* ткали у четыре проножки, бельевые. А *теперича* все из *магазину*. Некогда было спать-то, *скореича* надо теребить. С коноплем много работы было. *Мощить* надо еще *перва* ее у пруду, а *перва* выдергать руками. У поскони только прядево. Выдержали, постелили. Улежится, станешь мять, а потом полоть. Недели три *пролежить*, да и снимешь, а то и побольше, какая погода. Баню топили, это все бабья была работа, а теперь бабам *щас* хорошо. А в бане – жарить, чтобы мять-то, а то она ведь не дастся, прядева-то *не будетъ*. Жаром, али паром. Потом *потолкешь* коноплю у ступе из дерева, два деревянных *толкаца*, *истолкешь*, когда мягкая будет, тогда станешь прясть, а потом уж ткать. По ста аршин натыкали, семьи-то у кого *большия*. У кого большая семья, надо-то по рубахе, и *пинжаки-то* мужукам ткали, и шаровары-то. Не то, *че теперича* мужик на бабу *береть*, а мы тогда на мужуков сами. *Изо льна рубаха* мягенькая, праздничная, а посконная – грубая. (Быкова Ульяна Арсентьевна, 1894 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. Отд. 9. Л. 682-688, 1969, Кага).

21б. Сидели кабаны, еще я у своего отца сидела. День работаешь, ночь караулишь, чтобы не сгорел. Вот сидишь у балагана, глядишь. Обойдешь кабаны. Он ведь не скоро сгорит на уголь. Вот карауль. Всяка работа была. Тут у нас много печей было, около речки. Вон по ту сторону, там дальше. Теперь все изломали ведь, разобрали завод. Помещики тогда были, а сейчас-то это... Пережигали, а если уж хорошо *выйдетъ* – эт называется *налицный* в уголь. А возили его, здесь домна была, туда. Там сараи были наложены – туда сваживали. И руда там была, и *ето*, уголь. Куренный же называли, куренные были. Помещик *купить* – куренный *сведеть* и вон *отведеть*. Им надо отмерять, отсчитывать. Они примерли, старики-то. Мои годки-то все *поцти* померли. А как же. (Аверьянова Устинья Демидовна, 1918 г. р., Ф. 463. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 1969, Зигаза).

1994 год

22. Река Кага в переводе на русский язык «маленькая». Берет начало в скале, которая похожа на коготь, отсюда и название Кага, то есть «коготь». Галкин колодец находится на Банной горе - она называется так потому, что в ненастье она вся в тумане стоит. Это место называется лог, ложбинка - вода там особая. А Галкин называется от фамилии Галкиных. Безымянный родник – старухи, старики берут там грязь и *прикладывают* к коленям. Легенда об *ем* ходит, будто бы этот *истощник* из-под кладбища. Карынкин ключ – название от фамилии башкирина Карына. (Булатов Александр Николаевич, 1951 г. р., ЭК № 5, Л. 1, 1994, Узян).

23. На реке Узян есть Ерастов камень. Без него наш Узян – не Узян. А была такая история. Давным-давно было дело. Полюбил один парень девушку и она его тоже. А они неравные были: он – богатый, она – бедная. И не разрешили им жениться, так они пошли на скалу и - в Узян *оттэда* [бросились]. А это так только называется «камень», а так это «скала». (Булатов Александр Николаевич, 1951 г. р., ЭК № 5, Л. 2, 1994, Узян).

24. Деды наши приехали из Тульской или Курской области. Дядя мне так говорил. Ерастов камень, мать говорила, что девушка от несчастной любви бросилась в пруд и разбилась. Фамилия ее была Ерастова. Мать рассказывала – пруд был, где завод, а для завода сплавляли дрова. Завод работал на древесном угле. Все было хорошо устроено. *Щугун* надо было отправлять, для этого огорожена гавань. Строили барки, они плавали до Астрахани. Узян – башкирское название, это фамилия хозяина места. У пруда мельница, электростанция, пилорама. Омут был. С завода выходили сливные матки, вода кружилась под сливным мостом, там омут. (Латохин Авенир Антонович, 1926 г. р., ЭК № 5, Л. 3, 1994, Узян).

25. Улица Крепкогорская называется так потому, что она расположена на крепкой горе и сколько себя помнят [местные жители], название улицы не менялось. В Узяне русские жили и другие нации, потом все перемешалось. Был кирпичный завод и поэтому есть заводские поселения. Дед и бабка тут

родились. От старика, от деда своего хозяйство. Держали пару – две лошади. А потом в 1930-е годы задумали колхоз, кто не идет – того в Сибирь, лошадей отбирали. Сожгли исполком – не нравилось людям это дело. Это 33-34 года. Церковь после сожгли. В 1917-1918-е годы в Узян наезжала банда Муртазина, башкира, они на русских нападали. Башкиры все держали в своих руках. Покосы покупали. Прятались от них в коноплю в подвалы, в подпол, баню. (Габова Ольга Варламовна, 1925 г. р., Габов Петр Ильич, 1927 г. р., ЭК № 5, Л. 4, 1994, Узян).

26. *Примечательное место у узянских жителей – Ерастов камень.* Много легенд о нем *бытуить*. Одна из них *гласить*: жил в селе старик по фамилии Ерастов, совсем уж бедный был, даже скотины не было. Поэтому ему приходилось охотиться помногу. Он и ходил на эту скалу. Так и закрепилось за ним это прозвище. (Губанова Евдокия Ивановна, 1908 г. р., ЭК № 5, Л. 5, 1994, Узян).

27. Самый любимый у узянских жителей – Галкин ключ. Они верят, что вода в этом ключе замечательная – чистая, светлая, мягкая. А поверье о том, что она святая, пошло от семьи Галкиных. Очень богомольные были люди. Ходили туда с иконами. (Губанова Евдокия Ивановна, 1908 г. р., ЭК № 5, 1994, Л. 6, Узян).

28. В пятницу Масленицу *снаряжают, усаживают* на повозку в корыто и *возят*. На второй день Масленицы – катание на лошадях. Масленица – это снаряженная баба или мужик, покрытый весь. Молодежь каталась с гармонями и песнями: «Приехала Масленица, пришла с *блинощками* нас накормить...». В последние дни Масленицы – проводы ее: доедали блины; если не могли доесть, то выносили их на мороз на улицу. Но в сборное воскресенье все можно доесть; блины разогревали и поедали, и свадьбу можно было сыграть в этот же день. Когда ходили сжигать Масленицу, шубу одевали наизнанку, одевали на ноги лапти, рядились. (Бочарова Евдокия Дмитриевна, 1914 г. р., ЭК № 5, 1994, Л. 7, Узян).

29а. После Петрова дня за ягодами ходят. До Петрова дня ягоду не тревожат: она неспелая, краснобокая, жесткая. (Рыжкина Мария Леонидовна, 1918 г. р., ЭК № 5, 1994, Л. 9, Узян).

29б. В Ломовке-то жили переселенцы, беглецы. Ломов был помещик такой. Ломовка идет от Пугачевского карьера, где ломали камень для завода. Частушка у нас даже есть такая: «Люди съехались сюда из поселка Ломота...». (Савинова Г., 1903 г. р., ЭК № 4, 1993, Л. 23, Ломовка).

1995 год

30. Село Кага назвали по реке Кага - приток Белой, левый приток. Берет свое начало в отрогах хребта Крака. Есть другая легенда. Давным-давно проходил человек через эти места. Летели гуси и кричали «га-га-га», ему и послышалось «ка-га-га», так и назвал он это место Кагой. Или так еще говорили – земли эти принадлежали башкирину с подобным именем. Кага – от «коготь» - узкая, длинная. (Лисовский Иван Антонович, 1925 г. р., ЭК № 6, Л. 10, 1995, Кага).

31. Село Кага Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Никольская церковь пущена в эксплуатацию в 1903 году. На месте каменной церкви стояла деревянная, построенная в 1774 году. Из-за ветхости она была сменена в 90-е гг. XIX в., на средства завода и прихожан сооружена новая каменная церковь. Строили из кирпича, который изготавливали на местном заводе. Сведений об архитекторе и художнике не сохранилось. Освящение церкви произошло 22 июня 1903 года на празднике Святого Николая. В 1960 году переоборудовали церковь под новый дом культуры. Ходила легенда, что у попа из дома в подвал церкви был ход. Прозванивали, простукивали, в поповской квартире искали. Строительством занимался управляющий заводом Траппе Федор Федорович. Был строгий. Пинком ноги увольнял, если что, так и говорил: «На дом!». Шесть лет только подготовка шла. Строили церковь только летом. Из соломы на зиму делали жгуты, накладывали на стены и сторож смахивал снег, чтобы не впитывался в кирпич. Говорили,

около Свердловска была такая церковь. (Лисовский Иван Антонович, 1925 г. р., ЭК № 6, Л. 11, 1995, Кага).

32. Масленица *бывать* по посту, последняя неделя месяца. Блины пекли, три дня были праздники, катались на лошади, все с гармонями; с горы катались, гора трещала на санях! Ряженые были, все ими могли одеться. (Юлина Елена Николаевна, 1927 г. р., ЭК № 6, Л. 12, 1995, Кага).

33. Жаворонков мама пекла, когда мы были маленьки. Из теста пекла. *Наладить* прям как настоящую пецижку, глазки *сделать*, из щерёмушки глаза и носик *наладить*. Ещё бывало мама *сделает* их *нащёными* - там солюшку *положить*, мак там, деньги. И вот *ищё* кому попадется, вроде так и жить будешь. Солюшка – знать жизнь солона, копейка – богатый *будетъ*. Детям их раздавали. Ильин день 2 августа. *Говорять*, ленивый день. Это кто первый раз на покос *едеть*, вот им и *говорять*, ленивая соха *нонче* уж. В Ильин день купание прекращайся! Ильин день – первый Спас, бери варежки в запас. На зиму, мол, *готовимси*. Первый Спас – первый мед *кацаютъ*. *Щерез* неделю второй Спас. Рожь сеять *нацинаютъ* у зиму. Борис день 6 августа, *кажись*. Страшный день и ураган *можеть* натворить. (Логинова Анна Васильевна, 1927 г. р., ЭК № 6, Л. 13, 1995, Кага).

34. Обещаный день *празднують* только у Каге. Он *бываетъ* 21 августа. Тогда была холера у нас. *Уся деревня пощти* вымерла. И вот собрались женщины у Сажилки и стали молиться, дали обет. И вот теперь *етот* праздник *усе празднують*. В *етот* день *усе* кагинские, *иде* бы ни были, *усе* съезжаются. На кладбище народу, машин – тьма... Перед *Паской* овес сеяли у *щаику*. Овес *вырастеть* зеленый, на *Паску* накладешь туда яиц крашеных. Потом эти яйца на кладбище *несуть*. А овес скотине отдашь. Скотина, дети маленькие – самый помин. На *Паску* яйца *катаютъ* по могилке, а потом *расрошутъ*. Бывало, только снег *стаетъ*, так сразу идем на *могильник*. *Бывать*, у день *Паски*, *бываетъ*, попозже. (Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г. р., ЭК № 6, Л. 14, 1995, Кага).

35. На Пасху *яицки* красили, ребятишки с мешком идут христосоваться. Обязательно *жгутъ* логуны ребятишки, мужчины. С *начину* это ведется. Всю

ночь сидять и жгутъ. Петров день 12 июля. Раньше ведь до Петрова дня ягодки у рот не брали – грех, нельзя. А теперь всю зеленую поели. Вот так. Ильин день 6 августа. И щерез день – Борис день. *Хто* именинник, в *этом* день не работал, если. Например, Ильей или Борисом звали. Стога ворощали, самый покос у *ети* дни. А работать-то у *ети* дни нельзя. Будешь работать – все зря. Как подымится ветер и стог весь разнесеть. (Абакумова Екатерина Петровна, 1926 г. р., ЭК № 6, Л. 15, 1995, Кага).

36. На каждой горе устанавливали *кащели*, которые стояли всю Пасху. На нее сажали девушку, *раскачивали* её со словами: «Назови жениха, назови». А в Каге *кащели* с люльками были, на них по парам *кащались*. *Обычно* в этот день ходили на гору, брали с собой еду, крашеные яйца. (Аксенова Пелагея Афанасьевна, 1920 г. р., ЭК № 6, Л. 16, 1995, Кага).

37. Красная горка после Пасхи щерез неделю. В церковь ходили – большой праздник. На Пасху *кащели* были, козлы по улицам стояли. Девки собирались, ребята тоже приходили. Мы тоже с подружками ходили, маленькие ещё были. Охота была посмотреть, что там постарше *делаютъ*: *сидять, танцуютъ, кащаются*. *Кащели* до Троицы стояли. Они же круглые были, туда двое садились, ноги закрывали и *айды кащай*. Мне дома дали пять копеек, охота же попробовать *показаться*. Я пришла, ко мне постарше *девицонка* подошла: «*Щего стоишь?*» Я говорю: «Вот, на пять копеек *показаться хощу*». Она выхватила деньги и убежала. Деньги отдавали тому, кто в улице заведовал *кащелями*. Всю Пасху на них *кащались*, народу тьма возле них толпилась. А вот пожилых женщин мало было. (Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г. р., ЭК № 6, Л. 17, 1995, Кага).

38. Красная горка после Пасхи щерез неделю у воскресенье проходила. Когда мы были молодые, ходили на горку. *Наберуть* у сумку еды, с гармошкой *идутъ* гулять, *пляшутъ*. Молодежь ходила в основном, но были и парни. Неизбежно на гору *ишли: узойдутъ на пригороцек и празднують*. А на *кащелях* каталась на Красную горку. Там козлы ставили, смеялись, *кащаться* всем охота было. Ведро возле *кащели* ставили. Вот кто *подходить к кащели*,

кататься кому надо было, должны были яицки туда ложить. Это обязательно бывало. (Осипова Мария Владимировна, 1928 г. р., ЭК № 6, Л. 18, 1995, Кага).

39. Красная горка – хороший светлай день. Землю на Красную горку слушать ходили, с умершими говорили. И это бывало. И девушки моглиходить, ну землю-то слушать. *Хто пойдет поплащетъ, хто помолится, хто покланяется, хто ище.* Казанскыя вот 8-го щисла по-старому. Ну, а по-новому, шитай, 21-го июля, Казанскыя-то. Бывало, старухи сядутъ на завалинку: «*Нынице Казанскыя-то. Айдатя, бабы, покосимси. Айдатя.*» А потом *пойдутъ*, бывало, косить. И *косють*. Говорили, что Казанскыя – самая последняя ленивья коса. Тут уж хошь-не хошь, а надо косить. Вот *ети* старухи устанутъ с завалинки-то, *пойдутъ* дорогу *обкосють*. Хоть пластик, но *скосють*. Надо. Когда ударить первый весенний гром, надо *перекатываться щерез голову*, чтобы, говорять, спина не болела, чтобы после зимы это все сошло, все боли сошли. (Трифонова Прасковья Андреевна, 1916 г. р., ЭК № 6, Л. 19, 1995, Кага).

40. Кащели делали, высокие были, ужастъ какие высокие! Катаешь девку, раскаиваешь и спрашиваешь: «*Щей махерин?*» Знаешь, кто жених будетъ? На козлах высоко она сидить, страшно. Бывало, до полночи не заходишь, всё кащаешься. Это мы на Пасху делали и до самой Красной горки. (Сафонова Мария Семеновна, 1935 г. р., ЭК № 6, Л. 20, 1995, Кага).

41. Земля-именинница на третий день Троицы. Нельзя землю копать, нельзя работать. А если будешь работать – это грех. Сипенька тоже на третий день Троицы была. Вот ставишь на улице стол, там 3-4 женщины, закуски, кто яищецки, кто ище. Тут и гармошка, тут и все. Мы вот споем с соседкой протяжные 3-4 песни. Ну, эти два праздника у нас в один были. Но земля-именинница – это же не праздник. Просто в этот день с землей нельзя возиться. (Плохова Анна Николаевна, 1931 г. р., ЭК № 6, Л. 21, 1995, Кага).

1996 год

42. Сажилка – колодицк такой в щасовенке, под низинкой он находится. А было дело так. Пошли девицата за водой, а там икона Божьей Матери – они ведра бросили и побежали за старшими и за священником. Стал он святить это место, молитвы щитать – струйка воды то покажется, то исчезнет. И поняли тогда люди, что это место Богом отмечено. И стали на Девятую пятницу весной на Сажилку с иконами ходить. (Быкова Пелагея Кузьмовна, 1912 г. р., ЭК № 7а, Л. 17, 1996, Кага).

43. Да я не знаю, пощему наше село Кагой клишуть. Старые люди говорили – гуси летели да крицали «га-га-га». Вот и подхватили – Кага. Был у нас давно у Каге завод, щугун лили. Сгорел он в 1911 году. Один столяр стружку настрогал, масло ушло и вот загорелось. Плотина горела, пруд сгорел, все прорвало и вода в деревню пошла. Все заводские документы сгорели, когда завод горел, там все аж пущками летело. Милютин колодец у нас водой хорошей славится, он у въезда в деревню стоит. Там раньше Милютины жили, да и сейчас живут. За 7 км. отседа золотые прииски были. Я там тоже работала, золото мыла, песок энтом. (Быкова Пелагея Кузьмовна, 1912 г. р., ЭК № 7а, Л. 18, 1996, Кага).

44. Сажилка в конце деревни, там домик. Старухи там Богу молились, иконы стояли. Там вода бьет из-под земли. Когда засуха, старушки ходили Богу молиться, чтоб Бог дал дождя. (Милютина Екатерина Трофимовна, 1930 г. р., ЭК № 7а, Л. 19, 1996, Кага).

45. В Сажилке священная вода, прямо из горы бьет. Говорять, что люди умирали, ужасть что было. Человек был, так у него детей поумирало, вот он да и другие обещали жилу найти, воду. Лишь бы не умирали. Так ходили, ногой жилу шупали, так и дошли до места. Воду нашли – Богом место отмечено. Иконы там были, когда засуха - дак туда ходили. Заливало сильно – туда ходили. А искали ее, чтобы люди не умирали, а то сколько гробов уносили. (Кузнецова Татьяна Николаевна, 1929 г. р., ЭК № 7а, Л. 20, 1996, Кага).

46. Село наше Кагой называется потому, что река Кага здесь. Белая река называется так потому, что вода там *щистая, прозрачная*, будто белая. А горы наши называются кагинские. Есть гора Пляшинка, на которой *нищего* не родиться – ни трава, ни ягода какая. Камень только там на верхушке. Потому она вроде лысой кажется. На Сажилке вода хорошая. Это место Богом отмечено. Черная река – так называется потому, что башкиры там жили, *дюже* скот резали они. (Черепенькина Матрена Васильевна, 1926 г. р., ЭК № 7а, Л. 21, 1996, Кага).

47. Раньше на месте села было тайга. Был такой Петр I, я его *у кине видала*, – сюда у тайгу людей сослал и начали они *рубать*, строиться. Много людей *погибнуло*, ведь зима, лето, а одежды никакой. А название село получило от реки, ее Кагою *прозывають*. (Елкина Мария Дмитриевна, 1926 г. р., ЭК № 7а, Л. 22, 1996, Кага).

48. Елань так называется оттого, что она на горе. Елань – это возвышенная местность. Наш отец-покойник говорил, здесь геологи были. Он спросил: «Что вы ищете тут?». А они: «Тут 300 лет назад озеро было». (Артемьева Анна Васильевна, 1920 г. р., ЭК № 7а, Л. 23, 1996, Кага).

49. Река у нас была Кага на месте поселка, река высохла, на ее месте, наверно, образовалася, потому что так и назвали. А было это очень давно. Глушь была, тайга, сосланные населяли эту тайгу. Неприменские – так их называли. (Андрянова Екатерина Устиновна, 1926 г. р., ЭК № 7а, Л. 24, 1996, Кага).

50. Кага – населенная: людей у карты проигрывали и присыпали сюда, пригоняли. Населяли возле *рецки*. *Щас* на могильнике люди *живуть*, от моста. Мой прадед проигранный был. 29 августа 1921 года был мор, умирал народ. Кидали в общую яму, 10-17 человек в день умирало, не успевали хоронить. Служить стали в церкви. Батюшка сказал: «*Делайтъ обещание впредь поминать*». Сделали обещание поминать всех умерших в общей могиле. С тех пор и Обещаный праздник. В Авзяне была, там яма длинная, холмик, заметно, что могила. А у нас квадрат. (Киселева Мария Кузьмовна, 1923 г. р., ЭК № 7а, Л. 25, 1996, Кага).

51. Деревня-то наша как образовалась: людей у коробе привозили да вываливали. И калмыков привозили, и всяких языков и рубили на месте, *быдто*, дома. И, *быдто*, раньше озеро здесь было, это раньше, когда образовывалось. Магазин *строють* – под низом крестики, могильник был, кости, доски от гроба *находютъ*. Я не видела, а *слыхать слыхала*. Елань на месте рублена. Пожар в 1921 году был, голод, болезнь, пожар был. Загорелось под горой. Там *горить*, там *горить*, как *хватить* ветер и понес за 10 км. бумагу с огнем. Сгорело все. (Кузнецова Анна Александровна, 1921 г. р., ЭК № 7а, Л. 26, 1996, Кага).

52. Масленицуправляли у марте, вот праздник-то был! Молодые, которые первый год *живутъ*, *идуть* к тёще. Говорили: «Зять *идеть* к тёще по блины». Зять *несеть щё-нибудь* ей. На Прощёный день *идеть*, у субботу. С горы и мы на санях катались. Над молодоженами баловались, *хулюганили*, снегом обсыпали, мол: «Посолить надо». На санях катились. Мы, старухи, и то летали с горы, от летали, так летали! Катались и *вецером*, и днём, а утром не до этого было. Скользко на горе было, потому что Масленица пришла. Поэтому и блины маслом смазывали. Бывало, бабы оденутся, *выйдутъ сюды*, на базар, - как будто *прядутъ*, а потом ехали кататься. Весну *криицали* в основном *девицата*. *Криицали* так: «Жаворонки, прилетите, весну принесите» Жаворонки прилетели – *щас* весна *придётъ*. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., ЭК № 7а, Л. 27-28, 1996, Кага).

53. Благовещение – «Птичка гнезда не *вьеть*, девица косы не *плететь*». Мы сами *видали*: птица гнездо вила, да на волоске удавилась. Спать не ложись – корову проспишь. За *рецкой* не *нощуютъ*, а то *пройдетъ* вода – не *вернешиси*. (Желнина Татьяна Васильевна, 1923 г. р., ЭК № 7а, Л. 29, 1996, Кага).

54. Пасха не в *ицислах*, по светилу она. Мартовское светило, например. Иногда она на апрель, иногда на март или на май приходится. Неделю целую Пасха была. После этого готовились к севу. На огороде *нацинаютъ* землю готовить. Сей капусту на Егория, капусты будет доволи! (Бармина Капитолина Алексеевна, 1934 г. р., ЭК № 7а, Л. 30, 1996, Кага).

55. Яички красили на Пасху. Потом клали на божничку – это как спасение от пожара. Лежали порой годами яйца. Девятая пятница – очень тяжелый день, происходят всякие несчастья. В этот день нельзя работать. Я сына родила на Девятую пятницу – он потом погиб. (Косарева Мария Федоровна, 1930 г. р., ЭК № 76, Л. 12, 1996, Ломовка).

56. *Провожально* воскресенье бывало. Нас скоко собираются: штук шесть-девять, иногда десять. Наймем гармониста и ходим. Ходили на *Арску* гору. Только девушки были. (Штырляева Анна Александровна, 1924 г. р., ЭК № 76, Л. 13, 1996, Ломовка).

57. Девки и парни идут в лес провожать весну и припевают: «Прошла, прошла веснушка, прошла прокатилася. Что ты веснушка, назад не воротилася». Девятая пятница проходить на девятую пятницу после Пасхи. И в этот день *нишего* нельзя делать. Кто работает в этот день, того обязательно Бог накажет. В этот день почти всегда бывает гроза и сильный дождь. Гроза появляется откуда ни возьмись. В этот день обычно всегда кого-то убивает грозой. (Быстрицкая Полина Максимовна, 1926 г. р., ЭК № 76, Л. 14, 1996, Ломовка).

58а. Тобольские ребята с Сухановскими всегда дрались за девок. Это у нас раньше было. Да-да. У нас, говорят, народ сосланный: и австрийцы, и поляки, немцы и евреи. У нас фамилия была, Дахтины, говорят, австрийская. Чехи, белорусы, говорят, нерусский у нас народ. (Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г. р., ЭК № 76, Л. 15, 1996, Ломовка).

58б. *Провожально* воскресенье, это весну *проводить*. У нас Троица будет 23 июня. *Провожально* воскресенье – 26-го. (Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г. р., ЭК № 76, Л. 15, 1996, Ломовка).

59. Иван Купала называется у нас Иван Травник. Собирали лекарственные травы, в основном богословскую траву. Пойдешь к травке и перекрешишься, приговаривая: «Матушка-травушка милая, Господь тебя поливал и крестил, а можно мне тебя сорвать?». (Калугина Александра Гордеевна, 1922 г. р., ЭК № 76, Л. 15, 1996, Ломовка).

1997 год

60. Говорили на Благовещение: «Если птицка гнездо совьет, то она останется бесплодная». Косы нам бабушка с вециеру заплетала, а то завтра нельзя будеть. (Агеева Нина Ивановна, 1938 г. р., ЭК № 10, Л. 6, 1997, Нижний Авзян).

61. Раньше у нашей деревне, помню, 700 дворов было, а сейчас- то едва сотня наберется – уходят люди, а с ними все наше наследие. А улиц-то у нас много и мы их не по-научному, а по-своему называем. Вот, например, гора Гореловка, Ивановка, Мертвый лог. Ивановка – это знать там, где степь раньше голая была. А лог Мертвым назвали потому что говорит, будто раньше там большой могильник был, а весной при половодье его размывало и по этой улице вместе с потоками воды плыли человеческие черепа, кости. (Агеева Варвара Александровна, 1919 г.р., ЭК № 10, Л. 7, 1997, Нижний Авзян).

62. Почему в поселке Верхний Авзян улица в Молодежном обороте называется «Ерзовка» (настоящее название - улица Ленина). Очень давно был большой потоп и больше всего затопило как раз то место, где сейчас эта улица находится. Дома же все в воде как бы сползались друг к другу, то есть было похоже, что они ерзали. Поэтому с тех пор улицу эту почти все называют Ерзовкой. (Полетавкин Юрий Сергеевич, 1983 г. р., ЭК № 10, Л. 8, 1997, Верхний Авзян).

63. Гора в Авзяне называется Малиновой, потому что в Авзяне было на этой горе уйма малины и густые лесные заросли. В 1601-1602 годах около Казани была деревня Арская, и Белорецкий заводоуправляющий закупил село это (уголь выжигали, руду копали для этого завода). И вот после этого в Белорецке установлен Арский камень. Кукарка, улица, называется так потому, что здесь когда-то был Кукарский уезд. Конная улица называется так из-за того, что на этом месте раньше были кузни. У Верхнем Авзяне были и французы, но они только командовали, а выполняли всю работу русские. Французский один управляющий дал команду снести кладбище и построить церковь. Ее, нашу-то церкву, строили девять лет, а ту, старую церкву, перенесли у Нижний Авзян. Кладбище же было раньше огорожено

деревянным заборчиком, а потом сделали каменную ограду. Поэтому местные жители называют кладбище «наш городок»: «Все мы скоро в городок на гору поедем». (Горбатова Екатерина Поликарповна, 1918 г. р., ЭК № 10, Л. 9-10, 1997, Верхний Авзян).

64. Жители завезены на завод: рабочие, крепостные. Кукарка – район возле аптеки. «Калужовка» - завезены из Калужской губернии. И сейчас там есть г. Кукарка. Из Уфимской губернии есть [переселенцы], Из Оренбурга, Тулы, есть и Вятка. (Копытов Леонид Платонович, 1920 г. р., ЭК № 10, Л. 11, 1997, Верхний Авзян).

65. От грозы яйца с Пасхи ложат на божницу. Одна принесла яйцо, лежало от Пасхи на божнице три года, обошла пожар - и огня не стало, дальше не пошло. (Юрочкина Анна Андреевна, 1935 г. р., ЭК № 10, Л. 12, 1997, Верхний Авзян).

66. *Кащались на кащели* на Красную горку и Пасху. Поставят рога и веревки. Катались все. И старые катались. *Девицат* парни катали – *щем* выше, тем быстрее. *Криицат* девкам-то: «Скажи жениха!». «Красная» – *девицъя знацить*, вот и горка-то красная. (Сальникова Мария Варфоломеевна, 1922 г. р., ЭК № 10, Л. 13, 1997, Верхний Авзян).

67. Красную горку раньше *отмечали*. На Красную горку свадьбы. Лето определяют по Красной горке. Варвара Ивановна, она умерла теперь уже, бывало скажешь: «От придет Красная горка – смотрите, какое лето будет». В этом году неважная Красная горка была, такое и лето – неважное. *Кащели* были, я знаю. Вроде детвора строили. *Иде привяжут*, там и *кащались*. С гармонями, с песнями *кащаться* ходили. Свекрови приходили на *кащели* невест себе выбирать для сынов. Настасью Платонову выбрали на *кащеле*. Он, парень ее, бегал к другой. А родители парня на *кащелях* ее. Настя, выбрали и *усе* тут. Так и жили вместе. (Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г. р., ЭК № 10, Л. 15, 1997, Нижний Авзян).

68. Не в одно время Красная горка. Она всю неделю, Пасха. Первое воскресенье после Пасхи – Красная горка. А на всю Пасху на *кащели* ходють. На Красную горку свадьбу играли. *Обыщно сосватают* заранее, до Красной горки, а на неё – свадьбу *делают*. Собираются всем можно, но в

основном молодые. На *кащелях* все *кащались*, даже старые. *Раскациваютъ* ребяты *унахлестку* с одного и с другого краю. Они назад ее *раскациваютъ*, а *уперед* она сама. *Спрашиваютъ* жениха у девушки, *быть* ее. Если она сознается, *назоветъ имя – отпустить*. А если не *назоветъ* или *совреть* – не *отпустить*. *Хлыщутъ в нахлестку*. (Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г. р., ЭК № 10, Л. 15, 1997, Нижний Авзян).

69. Сипенька бывает девичья и бабья. Это от Троицы три дня: первый день – Троица, второй – девичьи сипеньки, третий – бабы сипеньки. В Михайлов день престол в Узяне. У нас, у Нижнем Авзяне, на Вознесение - *у колодицка ходють Богу молиться*. В Верхнем Авзяне – на Девятую пятницу. В Каге – на Обещаный. (Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г. р., Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г. р., ЭК № 10, Л. 15 об., 1997, Нижний Авзян).

70. Красная горка – *значить* радостная, оттого и красная. Красная горка от Пасхи в первое воскресенье *бываетъ*. В этот день бывали свадьбы. У! Раньше *едак* справляли! Такия были *кащели!* Карусель под горой такая была! Круглые *кащели с люльками* были. *Кащели врущную кащали мужуки*, а им платили крашенными куриными яицками. *Кащели* все больше на горе были. И вот, *бувало, кащаются* молодые, у жениха невесту *спрашиваютъ*, а у невесты – жениха. А если не *говорять*, то *хрясь по коленкам!* На Красную горку не работали, *бувало скажутъ*: «Ну! Теперь свадьбы *пойдутъ!*» (Копытова Надежда Андреевна, 1920 г. р., ЭК № 10, Л. 16, 1997, Нижний Авзян).

1998 год

71. Самые первые ставили крест в ноги. Старинные отлитые памятники у всех *стоять* в ногах. Тятя всегда говорил, что крест только в ноги надо ставить. Он, как спать ложился, молился все. И перед тем, как умирать, походил *на двору*, а домой пришел помирать. На колени *повалилси, помолилси* и умер. Пальцы вот так складывали раньше [показывает два пальца вместе], а вот так нельзя [показывает три пальца] – щепотка соли. Тятя веровал *дюже*. И *молилси, молилси* и *ущил* нас слушаться. Никогда нас не ругал, разве что *скажеть* – у, жидовки! Он *ругалси*, когда крошки или

соль на пол роняли. «Крошку, - говорил, - еще птицка подбереть, а соль нельзя ронять, на пол бросать». Иногда и выпивал. Он говорил: «Если уморился, Бог разрешает выпить одну стопку перед обедом». А крест у старообрядцев не металлический, а деревянный. А молитвы, можно сказать, одни и те же: «Богородице Пресвятой», «Верую» и другие еще. А на кладбище ставят обыкновенный крест. Отец был с бородой, а мать сначала была мирской и ее староверы возили в староверскую свою веру обращать – купали где-то под Шиханом в речке. Я сама-то в церковь не хожу, меня крестили бабушки. А вообще староверы отделялись как-то от всех остальных: покойника своего они в церкви не отпевали и, когда поминать ходили, он [отец] сам помолиться и все за ним. Еще книжки у него были по-славянски, он все говорил: «Приезжай, пощттай». А насчет абортов, это у староверов было строго – самый страшный грех! Праздники были одинаковые. Если в числах, то крестики стоять, если не в *и*числах, то прощерк. Это в тягиной книге я видела. Бывало. Папа как начнеть рассказывать, аж жить не хочется. Посты все тятя тоже соблюдал, даже семечки в Великий Пост не грыз – говорить, будешь на том свете на гвоздях плясать. И плевать везде запрещал. (Кочеткова Ефросинья Константиновна, 1928 г. р., ЭК № 7, Л. 21-23, 1998, Нижний Авзян).

72. Мать моя была мирская, потом вышла замуж. А на кухне был у нас кувет вот в том угле, где кут – они на восток молились. И вот на том месте, где божница, были деревянные нарисованные кресты за стеклом. И у нас молятся на божницу, в ногах валятся и по несколько раз молятся. А бабка была *и*чистая староверка. Она, бывало, один раз помолиться, встанет с колен и уходит. У староверов был и батюшка свой, и свои книги. Но они говорили, что Бог-то один, а пальцы складывали так [показывает два пальца вместе]. И молятся староверы спокойно, а пальцем после знамения к пупку прикасаются, потом опускаются и на коленях молятся. А бабка-то до 90 лет моя прожила. Она и в лес одна *пойдет*, молится, никого не боялась. Сама-то бабка выпивала хорошо. Она все ходила по-женски лечить, вот и поэтому-то

привыкла. Посты и мать и бабка соблюдали и нам тоже не давали безобразничать. В церкву они не ходили. Вот туда, где лесничество *щас*, туда они ходили молиться, ведь их вера другая совсем. А по их старообрядческой вере крест положено у ноги ставить. (Горьков Афанасий Анатольевич, 1922 г. р., ЭК № 7, Л. 24-25, 1998, Верхний Авзян).

73. Все из церкви *разбалебили* [растасчили], а икона одна осталась и сохранилась у попихи. Попиха жила у знакомых, так и примерла у них, а икона осталась, за ней ухаживали. Из Белорецка приехали купить икону, хозяин и продал ее за 30 рублей. Тут вся семья и пошла на развал: хозяин заболел, уже и *мучилси*, умер; Полю, жену его, промуровало. Остались сироты дети – сын и дочь. У дочери мужа перерезало поездом, а среднюю дочку сбили мотоциклом, умерла она. А Ивана-то, хозяина самого, ух и корежило-то ще всего! Подарил бы уж тогда, но не продавал. (Копытова Мария Сергеевна, 1935 г. р., ЭК № 13, Л. 26, 1998, Верхний Авзян).

74. Авзянские – это все переселенцы. Завод начали строить – многих прислали. Французов много было, они здесь жили и умирали от холода. Каждую Девятую пятницу раньше ходили молиться на Табынскую, потом уже стали ходить на Малиновую гору. А икона Божьей Матери большущая была, люди ее *снарядютъ*, бывало, кто *щем можетъ*. Было время – разгоняли дружинники людей с Малиновой горы, бывало *до штрафу* дело доходило. (Копытова Мария Сергеевна, 1935 г. р., ЭК № 13, Л. 27, 1998, Верхний Авзян).

75. Жителей Верхнего Авзяна называют «долгополые», жителей Нижнего Авзяна – «киргизы», жителей Каги – «кулажники» (от «кулаги» - тесто из черной муки). Край с Верхнего Авзяна – Раsterяха – все дома на ней разбросаны. Горы в деревне, при въезде – Копытова гора, Мелешина гора, Малиновая гора – на ней растет много малины, Синегорово - на ней растет *щерника*. (Бочкарева Римма Ивановна, 1930 г. р., ЭК № 13, Л. 28, 1998, Верхний Авзян).

76. Говорят, что сюда выселяли. Калужовка – из Калуги народ. Мыза – француз жил. Раньше дом стоял двухэтажный, начальник здесь жил из Франции. Клетка золотая с белкой была. Лет шесть или больше назад здесь

были французы, говорили, что родственники. Ходили, смотрели. (Елисеева Анисья Григорьевна, 1915 г. р., ЭК № 13, Л. 29, 1998, Верхний Авзян).

77. Раsterяха, потому что все теряется. Шатак – здесь ветра сильные, как заносит [занепогодит], так невыносимо. Красная улица, так как сгорела. Ведь и в Москве Красную площадь назвали потому что Наполеон сжег ее в 1812 году. Кукарка – это ручеек такой. Мыза – от французского, так как здесь француз жил. (Перевезенцев Иван Егорович, 1933 г. р., ЭК № 13, Л. 30, 1998, Верхний Авзян).

78. В 1665 году на Уфу напала башкирская орда. Башкиры хотели разгромить Уфу. И у подножия Табынской горы орде явилась Божья Мать, *в ручью*. Сначала они [башкиры] испугались и прекратили бой, а потом образумились и начали снова. И им опять явилась Божья Мать. Они стали рубить ее, колоть, топтать ногами и в наказание Божья Мать их ослепила – они всю *жисть страдают слепотой*. Они долго мучились и стали просить у Божьей Матери прощения. Просили они много лет и она сжалась и вернула им зрение. А они поклялись, что каждый год у всех ручьев и родников Башкирии будут отмечать день Табынской Божьей Матери. (Елисеева Ольга Федоровна, 1925 г. р., ЭК № 13, Л. 31, 1998, Верхний Авзян).

1999 год

79. Мы из-под Москвы все. Дедушкины праотцы привезены, Феклины вот. У нас дед говорил, отцов дед: «Мы из-под Москвы все, из деревни Березовка». Повираевы, Руновы, Феклины, Медведковы. Под Москвой завод был прокатный. Немцы у нас в Тирляне завод поставили раньше 14-го года. И их сюда как рабочих привезли, которых в Белорецк, которых в Тирлян привезли. Так вот мой дед из Первухи был. А где это, не знаю. Его раскулачили, когда он в Николаевке жил, и сюда привезли. У нас в Николаевке кузница и мельница была, и их *раскулачили*. Родителей в одну сторону, детей в другую. (Антонова Александра Ивановна, 1927 г. р., ЭК № 17а, Л. 14, 1999, Тирлян).

80. Марюткин камень. Кулак там жил, Лахмостов фамилия, а его Марюткин звали *по-улииному*. По-моему его назвали, он был Афонька Марюткин. Белы

придут, он им подъефериваить, а красны – им. Пришли красны и белых как поперли и понесли их с Марюткиного [камня] стрелять. И семьи стреляли. Их до Верхнеуральского [тракта] пороли, гнали. Мы вообще-то не здешны, мы все из-под Москвы, из деревни Березовка. (Феклина Валентина Васильевна, 1928 г. р., ЭК № 17а, Л. 15, 1999, Тирлян).

81. Было у нас раньше две веры: *кулугуры* и *сталоверы*. Я у свата своего спросила: «*Пощему* две веры-то было?» Он ответил: «*Наши-то хрещеные, а их нехрещеные*». У *сталоверов* иконы были деревянные, а у нас медные. Больше икон хрестами. *Сталоверы* молются *сидемии*, в землю кланяются врастяг, грудью *припадают* к полу. У их не *венчаются*, колокола у их не звонят. У их своя молебня – барский дом, барская молебня. У их не *хрестили*. Когда мама помирала, я ей говорю: «Мам, *хто* ж тебе будет *щитать*? Хоть Лельку позвать?» А она *говорить*: «Ее сперва надо *самое охрестить*». Как Грише помирать, я ему говорю: «Если помрешь, я Нюрку позову *щитать*». А он *мене* руками-то *показывать*: «Не надо». Согласился только попа привезти. Да *щас* у нас *сталоверов* полно. Их раньше скупали, им все давали, чтобы они шли в *сталоверы*. Их купали в кадушке – посвящали. Я сама *видала*, как подругу купали. У нас их много, как я знаю. *Ницем не отлизаются* от других людей. Свадьбу они *делают*, но у них тихомолом было. У нас девки *сидять*, ребята *заходют*. В субботу девки *идут* за мылом, хрестные *откупают* невесту. А их не *слыхать*, черт их знает, когда у них свадьба. Я спросила, *говорять*, у пятницу. Посмотреть не пускали, вечерок у них нет, по улице не катаются. На похоронах никого нету, они по-своему *хоронют*. Померла у них старушка, думаю, унести пирог на похороны. Думаю, когда *будут* хоронить? А у их тихо, ни *пеш* не *загребают*, ни разговор не *ведут*. *Идеть шаберка*, тук-тук. Ворота закрыты. Она *спрашивает*: «Что к покойнице ворота закрыты?» А их и *не видать* и *не слыхать*. Никто не видел, как увезли, как закопали. Никаких у их поминок, ничего. У их и покойника не *отпевают*, молодых не *венчают*.

Их могильник отдельно, все больше туда *хоронють*. (Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., ЭК № 14, Л. 19-22, 1999, Нижний Авзян).

82. Масленица *щетыре* дня *идеть*: воскресенье, понедельник, вторник, среда. Первый день, второй и третий катались на лошади, с горы. Молодожены ходили на третий день к теще, *несуть* ей подарок. Тут пели песню «Стряпала теща пирог», и на свадьбу ее пели. На салазках с горы катались на Масленицу. Ребятишки на льду катали колеса от телеги. У нас вон на улице блины пекли. Прялки собирали – и в кошеву и катали. На Масленицу катались старухи на санях, чтобы лен был хороший. На салазках с горы обязательно. Согнутся, подпояшутся и катаются, говорять: «Теперь лен будет хороший». И мама моя собирается кататься. Валенки писаные были у нее. *Придеть* назад. Я говорю: «Накаталась уже?». А она: «Хватит, раз скатилась». Как проталинка появится, мама мне пирожок *испещётъ*, и я пойду на полянку с пирогом. Это на лён, говорили. (Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., ЭК № 14, Л. 22, 1999, Нижний Авзян).

83а. Красная горка после Пасхи *у воскрысенье*. Вот *воскрысенье* – первый день Пасхи, и вторая *воскрысенья придеть* – вот это Красная горка. Бывало, мама нам пирожки собирала, и мы *девицатами* ходили на Красную горку-та опять на *ету же* поляшку, *которая* на горке была. Плясали там с *гармонями*. *Ребяты*, девки, молодые *мужсуки* и бабы молодые *идуть*, там полно. Там и огонек *разведуть*, там и *щай кипятить*. *Кащели* были на Пасху *усю* неделю до Красной горки. На *кащели* *усе* ходили. Вот были у нас, повыше нашего магазина, там были карусели круглые. *Туды дык* все ходили: и пожилые, и молодые. Мы *такжса соберемси*: «Куда пойдем?». «*Айдатя* пойдем *нонице* у лог, *туды на кащели!*». Пошли *туды*. Пришли *туды* на *кащели*. Вот одна девушка... А жарко, Пасха поздняя была, вот так как *щас* жарко. Вот она пришла у пуховой *шале*. А я стою да говорю: «*Госпыди, ще ж она еши* тулуп не одела?» А *мине* их *девки-та*, логиновские, говорять: «*Дык тута* ее мать и отец, и вон *ети* Платоновы-то невесту *вубыраютъ*. А вот *щас* глядять, вот Максимова у *его* была ухажерка, у *щем* она подвязана. Энта у *полушалоцке*,

а ета у пуховой шале – Настька Армизонова. Во! А их *толька ущерась* приехали с Баймаку, привезли ей шаль пуховую. А *нонще* она подвязала. Ах, ты, *ище* же они ей не дали *у покос ешо*, чтоб косить *у ей*. Ну, *смеемси!* Ну вот и выбрал. Ему то ее не надо, то не надо, он знакомился с Максимовой с Анююшкой, а они *выбрали у пуховой шале и узяли*. Вот *ета* на Красную горку на *кацелях-та* невест себе и приглядывали. (Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., ЭК № 14, Л. 22 об., 1999, Нижний Авзян).

83б. Я лет в 8-9 уже вовсю пряла. Рано *ущили* этому. (Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., ЭК № 14, Л. 22 об., 1999, Нижний Авзян).

84. С пирожками ходили на Егория. *Встрещали* весну. С гармонями, с плясками. На поляшку ходили. Эта у нас поляшка *завсегда щастливая*. Весной уже кукушка *нацинаеть куковать*, она еще до Егория дня за 3-4 *закукуить*. Вот мы *тода* и ходили *встрещать* весну; ходили только что парни и *девицаты*, школьники за нами *можа*. Ну молодые-та, которые только поженились. Тогда и ходили. Вот это мы на весну ходили. На Егория, *кода выгоняют скотину*, обязательно с вербой. А вербу приносили на *вербную воскресенья*. Вот с этой вербой и *яицкая*, чтобы вот как *яицку* эту полна была, так и скотинушка наша полна была; как эта верба стояла на «Божей матери», так и нашу скотинушку, чтобы хоронила Божия мать. Вот гоняешь и *прищитываешь*. Это на Егория угоняешь и до Егория, и *кода толька нацинаешь* угонять, это уж обязательно. А потом эту *яицку* приносишь и на божницу кладешь. А после этого *яицкая*, ну, этот уж *кода* на другую Паску, раскроишь и курам отдашь. На второй день Троицы собирались девушки и парни. Играли на гармонях, плясали, пели. На третий день собирались мужчины и женщины. Мужчины в этот день поздравляли женщин с сипенькой. (Беляева Ольга Ивановна, 1913 г. р., ЭК № 14, Л. 22 об., 1999, Нижний Авзян).

85а. У нас покойник *стоить* ногами к двери, а у староверов – к *божнице*. «*Куржаки*» их называли. *Щитали* они Богу как-то по-другому и *щитальщица* у них одна была – ее по всему Тирляну возили. А что у нас все

по-разному читаютъ, так это не куржаки повлияли. У нас все сами щитать учатся и на каждой улице по три читальщицы. (Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г. р., ЭК № 17, Л. 23, 1999, Тирлян).

85б. Как Пасха пройдет – яйца катали. Колышек вобъем и яйца к ним положим. Мячиком в яйца кидали. Мячик из тряпок шьёшь или из коровьей шерсти катаешь. Кто сшибет колышек, тот и яйцо забирает. Так и играли, кто больше яиц наберет. (Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г. р., ЭК № 17, Л. 23, 1999, Тирлян).

86. Приютский ключ. В 1821 году голод был там. Бараки там стояли, приют это был. Сироты там жили, а летом он пересыхал всегда. Марюткин камень. Марютка жила там, своего любимого ждала. Его на 25 лет в армию забрали. Вот он пришел, а она умерла. Березовая гора. Березник там один. За Марюткиным камнем кельи были, избушки это стояли. Мы туда за ягодами ходили, но монахини умерли уже. (Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г. р., ЭК № 17, Л. 24, 1999, Тирлян).

87. Староверы может и сейчас есть. Вот какой случай расскажу. Помер маленький ребеночек, я пошла, а он лежить ногами к Богу. Домой пришла и спрашиваю у мамы, *пощему так*. А она говорить: «Это староверы, они не нашей веры». У них и молитвы другие, и Богу наверно другому молются. Наши молются на восход и кланяются на восход. Сейчас все по-новому. (Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г. р., ЭК № 17, Л. 25, 1999, Тирлян).

88. Молебный родник. Вот бывает весной Девятая пятница, если долго дождя нет, идут старухи на этот родник. Раньше там стояла *щасовенка*, на ней была икона – распятье. Срубец был. Сейчас икону оторвали, крестика нет. Старушки собираются там на Девятую пятницу, *просить* дождя у Бога. (Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г. р., ЭК № 17, Л. 26, 1999, Тирлян).

89. Но *токо* вот был, когда ломали купол, *хрест*, там один мужчина. И он упал, *разбилси*. Все *тада* говорили, что *дескатъ* Бог наказал его. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1918 г. р. ЭК № 17, Л. 27, 1999, Тирлян).

90. «Шанхай» - там раньше дрова разгружали. Тако население было в Шанхае, а тут стало наводнение. В «Громиловке» жил Громилов, я не

интересовался. Когда-то назывался поселок, а там у нас деревня, не поселок. Здесь строили завод, Демидов строил. Деревня называлась Тирлянка. Австрийцы жили в 1909 году, а *щас* ни кола ни двора. Демидов не дружил с немцами, это после войны. Были у нас Пашковы. Здесь австрийские кладбища, их не найдешь. Австрийцы воевали с нами, с немцами. Здесь и латыши, они попали с войны с финнами. Война без плена не бывает. «Шанхай» - башкирское название, это самый заселенный участок. Есть «Долгановка», «Низовка». Кладбища городские, деревенска, мусульманска, городские православные – в деревне все были. Старообрядцы вымерли. Они назывались «казаки», они тут обряд не принимали, раньше постовали. В деревне есть молебный родник. *Щас* не ходят. Есть церковный ключ. Ходили молиться, это раньше так молились. (Королев Федор Федорович, 1912 г. р. ЭК № 17, Л. 30-31, 1999, Тирлян).

91. Ко мне ездила женщина из Белорецка. Она была христианской веры. Вот у нас молитвы поп *щитаить*, а у *их* проповедник. Хоть вот пожар, они не побегут, пока молитву не закончут. Вина не *пьють*, не *гулять*, песен разных не поют. (Кочетова Анна Васильевна, 1921 г. р., ЭК № 17, Л. 32, 1999, Тирлян).

92. В деревне маслобойка была, мельница была, а на Поповой горе и церковь была. Самое старое место в поселке – «Деревня», «Низы» и вот Попова гора – поп жил здесь, вот и Попова. У нас есть здесь Марюткин камень – она, Марютка-то с дедом жила там. Мужа ждала 25 лет из армии, ее хотели отдать за кого-то замуж – вот она туда и ушла жить. Белы ее наверно и убили. Вот это место и назвали – Марюткин камень. Вот место-то под церковь эту нынешнюю было освящено, там икона закопана. Когда крест *срубляли* с церкви, то тот человек умер – у него живот лопнул. (Кочетова Анна Васильевна, 1921 г. р., ЭК № 17, Л. 33, 1999, Тирлян).

93. В пример прокатку привозили. Сюда болванки везли, отсюда лист везли. Раньше руду на лошадях возили. Каменного угля не было, так жгли уголь на Рудном, за Шушпой. Папа и куренным был в лесу. Раньше километров 15 отсюда насыелялись и там готовили лес. Всю зиму готовили, а вот в мае

месяце, вот как раз всегда люди на демонстрацию *идутъ*, а лес *плыветь*, как раз у них сплав. По реке Белой вот сгоняли лес, он до Белорецка доходил. Люди мокли, прямо в воде стояли, потому что затор был на грунте, а им обязательно надо было столкнуть, чтобы плыли эти деревья. И простивали, и *калецились* – все было, даром не проходило. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1918 г. р., ЭК № 17, Л. 34, 1999, Тирлян).

94. Были тут купцы. Вот я помню маленькой была, всегда говорили, *дескатъ*. Ты иди вот в этот магазин «Золотой зуб». У него золотой зуб был и этого купца вот так называли «золотой зуб». Тут на базаре вот маленькие домики стояли. И торговали. И по Советской улице, и по Калининской улице есть каменные пристройки к дому. Там были магазины и торговали. Чтоб не сгорело все это, весь товар какой, сделали все каменное. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1918 г. р., ЭК № 17, Л. 35, 1999, Тирлян).

95. Это давно было уже. В начале еще. Тирлян маленький еще был. Здесь вот у нас сплошной лес был. Только вот была деревня там и завод. И вот через эту [дорогу] ходили на завод работать и вот называют «длинный путь». И вот поэтому-то называют Долгановкой этот район. И вот одна Марютка, она познакомилась с молодым человеком, а ей запрещали с ним видеться. И вот они бегали туда, вот в гору эту. И это там у них свиданье было. Но потом все-таки узнали конечно, попало ему за это. Запрещали вообще ему видеться с ней, но несмотря на это они все равно бегали туда на свидание и виделись. А чем это кончилось, не знаю, наверно поженились они. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1918 г. р., ЭК № 17, Л. 36, 1999, Тирлян).

96. Раньше по 25 лет служили. Здесь жил Ершов, забрали его в армию, осталась у него невеста Марютка и ходила она на гребешки на горе. Ершов вскоре погиб и кинулась она со скал. Есть тут у нас и Ершов ключ по фамилии этого солдата. Попова гора находится в Низовке, связано это название с тем, что жили там попы и была церковь. Есть Церковный ключ, ходили туда на моление. Есть Лиственный ключ на Лиственной горе, где росли лиственницы. Тирлян делится на две *щасти*: деревня в Низовке – она

возникла в 1747 году и называлась Березовка, а затем поселок, который назывался Тирлянский. В 1752 году построили завод. Были кричневые (доменные) печи. Построен был на реке Тирлянке. «Тирлян» переводится как «страна зверей». В 18-ом веке была засуха и воды не хватало – завод перенесли в Белорецк, перевезли только кричневые печи, оставили только прокатный цех, который возник в 1785 году. Поселок основали Мясников и Твердышев. На заводе работали шведские специалисты. Я знаю такие концы поселка: «Шанхай» - там жили китайские купцы, заказывали они прокатку на заводе, отсюда и название; «Моховище» - мох, болото. «Мокрое поле» находилось рядом с журавлиным болотом. Называется это поле «Лабаз» - добывали торф. «Чертовы ворота» находятся на стыке двух гор – Бахты и Кунардак и якобы сам Черт надавил на эти горы и образовался проход между реками Юрюзань и Арша. Там сейчас стоит избушка егерей. «Черный ключ» - там вода темная, потому что это заболоченная местность. Иремель – Святая гора. Когда засуха – со всех сторон люди собирались на богослужение, приходили молиться, а затем дождь шел. Гора Иремель и еще две горы, не помню какие, составляют силу космическую, насколько правда. Не знаю. «Иванушкин бугор» - жил Иван, пас коров, умер там. И родник находится здесь, тоже «Иванушкин». Поселенцев, крепостников для работы на заводе завозили из Московской, Владимирской, Тульской губерний. В 1914 году привезли пленных австрийцев. Они здесь и похоронены. Были тут и немцы. Строили железную дорогу. «Судовая гора» - делали на ней баржи и грузили прокат. Горы у нас называют «столбы», потому что похожи на столбы. В горах были монашеские кельи. Жили там женщины, которые служили Богу, сейчас там только крест остался. Староверы были, знаю, что только не разрешали они пить чай из своих кружек. Фамилии распространенные у нас такие: Лохмастов. Медведков, Щербаков, Потапов. (Волков Леонид Николаевич, 1932 г. р., ЭК № 17, Л. 38-40, 1999, Тирлян).

97. От пожарки до Первомайской (Шибаевка) – «Завод», потом «Громиловка», налево – «Шибаевка», от Советской улицы – «Яма», от

пожарки до магазина – «Деревня», дальше – «Низовка», к лесу – «Моховище», «Бузулук», «Рахимовка» (новый района под прудом, президент Башкирии Рахимов построил здесь дома), «Черемушки» (казенные дома у кладбища). Есть три кладбища: заводское, старое; деревенское, башкирское. (Платонов Дмитрий Леонтьевич, 1925 г. р., ЭК № 17, Л. 41, 1999, Тирлян).

98. Главная церковь была в Низовке, на Поповой горе. На горе этой жил поп. *Щерез* поселок проходил крестный ход, несли Богородицу. *Знацить* один мужчина стяжка лежал. Так вот эта икона, она очень целебная – Табынская Богородица. Встречали ее с хлебом, с солью и когда люди встретили ее, то *передають* просьбу от этого мужчины, что мол он хочет, чтобы Божья Матерь его все же посетила. Короче говоря, они здесь побывали. За ними *идутъ* еще подводы и не хотели ехать к мужчине. И вот Богородица встала, ну как встала. Вот *знацить* они хотели ее поднять и понести, а она не поднимается, *знацить* решили ее на повозку, а она не дается никак. Ну че, подошли здесь старшие и говорят: «Уж он просил, давайте». Решили мужика вынести к воротам и тогда Богородица и далась. Вышли на двор, *знацить*, он поцеловал лежа прям эту икону и сказал: «Спасибо, люди добрые, все же увидел Божью Мать, *мож* она мне *дасть* исцеление какое-то». Повернулась, *знацить* опять, легко понеслась [икона]. А этот мужчина *знацить щерез неделю и исцелился, выходить.* (Балдуева Екатерина Васильевна, 1927 г. р., ЭК № 17, Л. 43, 1999, Тирлян).

99. «Иванушкин бугор» - там жил Иванушка и пас скот и типа он веровал *ощень* и поэтому это место и назвали «Иванушкин бугор». «Приютский ключ» - он раньше назывался не Приютский, ой не помню как. Туда привезли ребят из приюта, они там и садили [в огороде], у них там и загорожено было, вобщем кормились они своим хозяйством. «*Щерный ключ*» потому что вода там темная, очень холодная вода. И был он *ключ*, я знаю, вот сколько я уже живу и здесь наверное умру, никогда не высыхал. «Марюткин камень» - там жила Марютка. К ней *часто* наведывались. Она сначала хозяйство свое вела, а потом когда уже немощная совсем стала, ходили к ней из поселка и

кормили ее. Вот отсюда и «Марюткин». (Балдуева Екатерина Васильевна, 1927 г. р., ЭК № 17, Л. 45, 1999, Тирлян).

100. Я была в кельях, в Александровке. Сначала там жили 11 женщин, а затем 7. Красивый у них был дом, вокруг дома лесенка выше и выше. Во всем черном одеты. Затем их переселили в Тирлян. Значит, они были староверы, дом у них красивый, нигде не крашено, ни белено, натуральное дерево. Значит старая вера *отличается* верностью. У них индивидуальная посуда, обязательно молились и утром и вечером. У нас усопшего *ложутся* лицом ведь к образам, а у них наоборот. А крест они ставят как мы в ноги. Дело не *нацинали* они без благословения, сначала *помолются*. (Балдуева Екатерина Васильевна, 1927 г. р., ЭК № 17, Л. 47, 1999, Тирлян).

101. Где мы сейчас с вами – «Завод». Через речку – «Шибаевка». Через железнодорожную линию – «Громиловка». По левую сторону – «Шанхай». После наводнения новый район появился – «Рахимовский» зовем. «Низовка» - деревня к самому кладбищу. «Долгановка» - по улице Советской и магазин там был «Долгановский». Долганов - купец такой был. (Шердюкова Александра Петровна, 1924 г. р.; Зайцева Нина Семеновна, 1926 г. р., ЭК № 17, Л. 48, 1999, Тирлян).

102. «Иванушкин бугор» за Громиловкой. «Шердюково поле» - по фамилии назвали, «Мокрое поле», «Приютский ключ», «Черный ключ». Оба ключа на прогон, в сторону – Николаевка. Там хлеба сеяли, покос был, клубника и брусника там – ух! «Березовая поляна» или гора – спорят об этом. Там черника, брусника, малина. «Тирлян» - поселок зверей. (Бережная Елизавета Кирилловна, 1923 г. р.; Брюханова Елизавета Григорьевна. 1929 г. р., ЭК № 17, Л. 49, 1999, Тирлян).

103. «Деревня» - здесь как бы старики жили. «Громиловка» - это был такой человек, жил там, вот так и назвали место по фамилии. Вот меня-то по фамилии-то и не знают, а вот скажи Фролов, так все знают, это по отцу. Здесь вот живет, Клишин его зовут, а фамилия-то у него Патрикеев. У нас есть молебный родник, на линии там крышку уже сломали. Раньше ходили туда молиться на *Хрещение*, а летом – на Пасху. Батюшка ходил с кадилом, с

иконой по каждой избе. (Благов Федор Яковлевич, 1934 г. р., ЭК № 17, Л. 50, 1999, Тирлян).

104. Была мельница, мужики хорошо там работали, водяная мельница была на реке Белой. Две церкви было – *авсрицка* и русска, дом был, где русска церковь была, ну как, дом молебный. У них (австрийцев) кажись все так же, как и у нас было, не помним их уж. Вот только мы покойника головой к иконе кладем, а у них – к иконе ногами. (Патриеева Пелагея Максимовна, 1910 г. р.; Благова Антонина Андреевна, 1915 г. р., ЭК № 17, Л. 51, 1999, Тирлян).

105. Масленицуправляли, у некоторых старушек для этого даже специальный календарь был. Справляли неделю. Пекли блины. Молодожёнов, т.е. тех, которые женаты один год, приглашают в гости, кормят блинами. Тёща специально для зятя готовила блины. Зять же должен был принести тёще любой подарок. И я была молодая, и ко мне зять приходил. Масленица – это только поговорка. Масленицу начинали сжигать только в последнее время. (Благова Антонина Андреевна, 1915 г. р., ЭК № 17, Л. 52, 1999, Тирлян).

106. Первыми тут поселились охотники Медведевы из Стерлитамака, построили церковь из дерева в виде молельного дома. Впоследствии церковь сгорела, затем стали строить настоящую церковь. Там течет церковный ключ. Церковь находится на Поповой горе, там жили служители церкви. Значит концы деревни: Березовка – были там березы; Долгановка – жил там купец Долганов и по его фамилии назвали; Шибаевка, Громиловка – люди, которые занимали места, они защищали свои территории методом драк; Моховище – рос мох; Саляковка – люди там жили мусульмане и вот вместо «здрасти» они говорили «салям», отсюда Саляковка; Шанхай – перед войной 1941 г. было указание выселить китайцев из нашей страны. И вот они, эти китайцы ехали в Шанхай и так как они не владели русской речью и вон они говорили «Шанхай». Первые поселенцы приезжали из Стерлитамака, из Подмосковья. (Оглоблин Борис Анатольевич, 1948 г. р., ЭК № 17, Л. 53, 1999, Тирлян).

107. Марюткин камень. Значит к Марютке *сватался* приказчик, а у Марютки был свой парень Ершов и вот значит приказчику ничего не светило. И вот

путем подкупа Ершова отправили в армию. И после этого Марютка ушла в лес, построила там избушку и когда прибыл этот самый Ершов и крикнул ее, она ответила разочек. Затем она стукнула палкой по сосне и вот он на этот стук шел. Ершов вышел на тропу и когда она его увидела, у *ней* разорвалось сердце и так она погибла. Там еще протекает Ершов ключ. Гора Моисеева. Был там некий Моисеев и жег он там уголь и по его фамилии назвали гору. Репная гора. В 20-30 годах XX в. сюда привозили беспризорников, там было несколько домов, садили они репу. Есть кладбище. Мосоля там захоронены, староверы. (Оглоблин Борис Анатольевич, 1948 г. р., ЭК № 17, Л. 54, 1999, Тирлян).

108. Тирлян-то постарше Белорецка будет, делится он на поселок Демидовский-та, да на деревню в Низовке, уже название было Березовка. Помню де, основан был не то в 1763, не то в 1764 гг. Был здесь Пугачев, Блюхер, а где-то *давича* Салават Юлаев значит, *ан* где-то в 1773-1774 гг. Помню, *клищек* у нас, вот у меня, к примеру, Банза, а значит это «владелец завода». Мне кличка от отца перешла, но заводу у нас не было, это смелый у Блюхера был. Есть *таки клищки* – Бужлан - знать «у него сахару много». Была здесь *австрийска* церковь. Не сохранилася она. Была и православная, нет ее *щас*. А вот на поповой горе молится ходили, *щас не ходют*. Марюткин камень есть, была Марютка и любовник у нее был. И че-то скинулась она с камнем этого. (Медведков Николай Павлович, 1925 г. р., ЭК № 17, Л. 55, 1999, Тирлян).

2000 год

109. Инзер – это чисто производственный поселок. Основателем считается Сергей Павлович фон Дервиз, который получил от отца-дворянина, австрийского немца, в наследство дачу. На базе этой наследственной дачи и сформировалось. Два завода было – завод в Хасаново, основанный в 1880-ом году, и Инзерский чугуноплавильный завод, начальником которого был немец Диц. Был объявлен набор из Пермской, Пензенской губерний. Сельского хозяйства не было. В 90-е годы была построена Инзерская церковь (Троицкая), священник – Миролюбов. И место, где находилась церковь, и

дом директора завода назывались Господской горой. В 36-ом году церковь была сломана. В 24-ом году завод прекратил свою работу. В 30-е гг. церковь стала Домом обороны. Осокина гора – назвали в честь Осокина, который на ней жил раньше и первым построил дом. Инзер – название финноугорского происхождения, «быстротечная река». Гора Белягуш – «медвежий зад». (Черепанов Петр Николаевич, 1962 г. р., ЭК № 19, Л. 14, 2000, Инзер).

110. Я в Авзяне урожденная. У нас, в Авзяне-то в основном много из Калуги [переселенцев]. Отсюда и название «Калуга». А Инзер-то - весь сброд, то есть с разных мест. Узян, Авзян, Кага – одна кулага. Кулага – это каша такая, мы ели, вкусная, с ржаной мукой, сахаром, медом и калиной. Старая-то церковь в Авзяне красивая была. (Плотникова Надежда Алексеевна, 1937 г. р., ЭК № 19, Л. 15, 2000, Инзер).

111. Родилась я в Митязях, *щас* уже никого там нет. Родители жили в Верхнем Авзяне, а бабушка с дедушкой уж я не знаю откуда. Я их и не помню. В Инзер замуж выходила в 1937-ом году, вот только и приехала сюда. Мы уж сильно *поцтати* Девятую пятницу, у церкви ходили. (Ионова Наталья Евдокимовна, 1918 г. р., ЭК № 19, Л. 16, 2000, Инзер).

112. Раньше тут французы жили, завод строили, это давно было. *Рабочие* тут были, Хромцов дом, богатый дом, тут стоял. Кирсанов, Федоров, Гольцов были. Француз то ли урядным, то ли *ущетицком* был. Дома в один [ряд] были, дорогу строили *вруцнью*. Они и умерли тут, французы-то, могилы их есть, а некоторые уехали отсюда. Мамазов был француз, красный был. Любое поселение в районе – поселенцы то. *Тоцно, тоцно* знаю. Многие сюда приехали с Волги, а мы *усе тумошниe*, здешние. Многие сюда приехали с Волги, а мы *усе тумошниe*, здешние. Наши деды тут коноплю сажали и меняли портняки на муку, рожь и масло с тирлянцами – у них завод был, масло выжимали. (Слепова Анастасия Фоминична, 1928 г. р., Слепов Дмитрий Алексеевич, 1926 г. р., ЭК № 20, Л. 17, 2000, Верхний Авзян).

113. Жителей Верхнего Авзяна называют «долгополые», жителей Нижнего Авзяна – «киргизы», Каги – «кулажники». В Тирляне колдунов много, хмурные они там. Ломовка – богомольные *усе*. *Отлищались* от нас. (Слепова

Анастасия Фоминична, 1928 г. р., Слепов Дмитрий Алексеевич, 1926 г. р., ЭК № 20, Л. 18, 2000, Верхний Авзян).

114. Родители – отец и мать – умерли в 1984-ом году. Присланные, пришлые были. Не рассказывали, откуда предки-то наши. Это заселенные люди. Авзян образовался от таких людей. (Полетавкина Екатерина Андреевна. 1935 г. р., ЭК № 20, Л. 19, 2000, Верхний Авзян).

115. Красная горка была во второе воскресенье после Пасхи. Я и сама маленькая была, *одену* платье с *убороцкими*, отец меня *кащает на кащели*. А уж колокола *трезвонять!* Мне тогда 12 лет было. А свадьбу на Красную горку у нас не всегда играли. На Красную горку, *бувало*, только еще знакомятся, договариваются о свадьбе-то. *У етот* день не работали, а песни пели... Мне мама говорила: «*Нещего* тебе *уциться* – тебе в *армии* не идти, писем не писать. Тебе только ткать да прясть». Оттого я и не *уцилась*. С 8-и лет работать стала. (Серегина Анна Васильевна, 1921 г. р., ЭК № 20, Л. 19 об., Верхний Авзян).

116. Когда *девицонка* первую нитку *спрядеть* - она у нее толстая *полущается* - *ету* нитку *сжигают*, а пепел *заставляют* съесть, чтобы потом хорошо пряла. (Силаева Анна Егоровна, 1923 г. р., Соколов Иван Федорович, 1924 г. р., ЭК № 20. Л. 20, Нижний Авзян).

117. Была и Масленица. Раньше молодые сойдутся в мясоеде. И с четверга до воскресенья в Масленицу живут у тещи, будут масловаться, у меня будут жить. А в воскресенье – прощальный день. Будем в ноги кланяться, будем целоваться. Всех на лошадях катали. Молодых обязательно сажали, где кони с ленточками, нарядные. И женщин возили. Мяльницу возьмут, в короб поставят. Она едет с песнями. Это Масленицу провожали. Ильин день 2 августа. Работать нельзя, упаси Бог! Раз косили мы еще с папашкой накануне Ильина дня, а грести на Ильин день папашка не разрешил - нельзя же. А соседи на Ильин день гребли. Нагребли. А вечером поднялся ветер. Они ни одного лепестка сена не нашли. Все кверху унесло. Хозяин упал на землю и плакал, и сказал: «Другу-недругу закажу, чтоб в этот день никто не работал». Этим днем только убыток себе сделаешь. Как придет Фролов день, на него

пригонят табун к роднику. Батюшка выходит с какой-то водой и брызжет с молитвой этих лошадей. Прокропит он, чтобы скотина была вся целой. Вроде Господь спасет. (Чертихина Александра Федоровна, 1911 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 20 об., 2000, Тирлян).

118. Река Кирлянка была. Это мы сейчас так называем, Кирлянь назвали. Немцы здесь жили. Директором завода цыган был, Голынский его фамилия. А немцы-то работали мастерами, они присланы были сюда как специалисты. Жили они по сторонам заводов. Станки в основном немецкие же. Они были с *переводщиками*. Это вот все слова дедушки. В 1921 году люди от голода *мерли*. Голодный год был, люди падали и умирали. Церковь была, а там - яма, где этих отхаживали, кого молнией, громом убьет. Церковь на площади была, где школа, рядом. Потом ее сломали «волки-то». Церковь продали в деревню Мишкино за Уралом в 1923 или 1924 году. Там у ней клуб сделали. А когда колокола *сымали*, то все никто лезть не хотел – высоко! Один из Николаевки приехал и полез. Он уже все отстегнул и тут его задело, он и упал и умер. Народ говорил: «Господь есть. Это ведь его Господь задел. Ведь он и не делал ее церковь, а *защем* ломать полез!?». (Чертихина Александра Федоровна, 1911 г. р., Балбекова Клавдия Федоровна, 1915 г. р., Пудинов Владимир Дмитриевич, 1948 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 20-21, 2000, Тирлян).

119. Тут ведь в Низовке церковь была. Стали громить церковь и, когда снимали колокол, один мужчина полез. Ему кричали: «Бог *накажетъ!*» и он слетел, упал, *разбился*. Бог наказал. Церковь для всех была. Когда убрали, сделали клуб. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1917 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 22, 2000, Тирлян).

120. Назвали от реки Тирлянки, вроде как с башкирского «сердится». Она по горе протекает, значит бурная, быстрая, сердится. Сначала Низовка была, деревня, до завода еще. А здесь Долгановка была, тут леса раньше были. Как завод стали *строить*, Долгановки не было. Люди от Низовки до Заводского через лес ходили. А теперь здесь Долгановка, дорога потому что долгая была. А строительство не государства было, а богатого какого-то. Районы тут: Громиловка – так назвали потому, что дорога ли лес там, где богатых купцов

все грабили; Рахимовка – Сейчас, после наводнения по президенту нашему назвали. Сухая гора – сухостой там, мало травы. (Севастьянова Нина Гавриловна, 1917 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 23, 2000, Тирлян).

121. Сначала вроде как называли Кирлян, тут же речка была Кирлянка, сейчас ее кто как называет, Рыжая, например. По-моему, из-за речки и назвали село. Мои предки и предки мужа – некоренные. Мои – из Костромы, а мужа – из Верхнеуральска, с тех хуторов. Они жили в рабочих, а сюда приехали на завод. Завод построили в 16-ом *годе* и первым там был механический цех, это я уже точно вам скажу. А прокатный цех построили вроде немцы. Здесь и на кладбище похоронены Винтер, Вагнер и Рукер. Вот тут была старая деревня, в этом районе и ниже называлась Березняки. Это до того, как завод построили. (Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 24, 2000, Тирлян).

122. С поколением мы росли, мало было верующих. До нас была еще церковь для староверов, при нас одна уже была церковь. Только вот когда я первый год замужем была, там рядом *куржаки* жили. У них умерла бабка, ее положили наоборот. У них *кладуть* покойников у стены на лавке и ногами к стене, к иконе, *значить*. Вообще, куржаки были, наверно, где-то в 40-х годах, я ведь замуж в 43-м выходила. А потом была война и будто бы уже умерли они все. (Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 25, 2000, Тирлян).

123. Ну, раньше образовалась Низовка, село Березовка – это где-то в 1748 году. А потом стали строить завод. А затем, когда построили завод, воды не хватало здесь, засушливый год был, пришлось оборудование перевезти в Белорецк. Основное население сюда не съезжалось – его привозили. Крепостных привозили из Тульска, Липецка, там это Владимирская губерния. Вот из тех губерний свозили сюда крепостных, а руководителей, инженеров выписывали из Швеции. Адамсоны, Ларсон – это же шведские фамилии. А затем немцы здесь работали, начали с 1910 года, когда проектировали, строили вот эту узкоколейную «Тирлян – Запрудовка» и пустили ее в 1912 году. А «Тирлян-Белорецк» построили в 1916 году. Немцы

были инженеры, их выписывали. И, по словам старожилов, они проектировали, а работали наши мужики. Тирлян так назвали по двум *причинам*. Тут одни говорят, по названию речки Тирлянка, вторые говорят, что здесь тайга была непроходимая, много зверя было. Вроде как с башкирского «сердится». Она по горе протекает, значит бурная, быстрая, сердитая. Ну «тир» - это злой зверь, «лянд» - страна, тоже немецкое слово. От обилия леса и зверей это было. Страна зверей, *значить*. Ни на одной карте я не находил Кирлян, это местное название. (Волков Леонид Николаевич, 1932 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 26-27, 2000, Тирлян).

124. Громиловка – громили белых около мельницы. Был камень крутой. Водили на него красных и убивали прямо в Белую. (Косякова Александра Игнатьевна. 1939 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 28, 2000, Тирлян).

125. Сталоверы были. А у меня свекровь сталоверка была. От башкиров они иконы закрывали, даже в избу заходить не разрешали башкирам. Нерусским. Знакомые башкиры были, так бабушка у порога табуретку *поставить*, отдельно *щаику*, ложку. Она уже его за стол не *посадить!* Она *куржашка* была, вера такая *куржашкая*. Ну уж они Богу молиться *будутъ*, вот приди, она не повернется, она *будеть* Богу молиться и все в *щерных* полушалках. Молится, не повернется – они не вертятся, они Богу молятся. Молились-то они одинаково. Они никогда не ругались. Они, становеры, *не любять* болтать. Три снохи с ней жили вместе. Она хромая была, *выгонить* корову (2-3 коровы было), *выгонить*, *подоить*, а снохи *спять*. А бабы ей и говорят: «Ты что ж теперь снох жалеешь, а сама-то гонишь?» А она: «Пускай, *покуда* я жива, пускай *поспять*. Пускай позабавятся, пускай с Богом *спять*». Иконы были такие одинаковые у всех, иконы-то. Свекровь не любила фотографироваться. Без платков не ходила, нет, всегда платок на голове. Отец бороду носил» (Кожевникова Анна Кузьминична, 1913 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 29-30, 2000, Тирлян).

126. Кельи-то были. Малашихины кельи у нас назывались. Когда мы ее [икону] оттудова привезли, когда народ *нащал* там озоровать. Иконы вот со

стол были. И мы потом: «Куда, куда эти иконы?» Брат их в церкву отдал. В кельи девушки уходили, *разны* девушки уходили-то. Уходили, которых родители сами отдавали, не слушались они которых. Вдовы тоже уходили. Одевались во все *щерное*, вот *енты*, платки у них были *щерные*, потом платье – все было *щерное*. Во всем *щерном* и сама матушка их. С мужчинами они не разговаривали, а вот с женщинами – иногда. Сами все делали – и огород и все. Сами с нами садились кушать, но посуда у них своя, своя посуда. Она уж из своей *щаинки* не дастъ [покушать], а сидить за одним столом. Хоронили по-своему, если у них там *щеловек* умер, они его там и хоронили, молитву *щитали*. Молются они по-своему, Бог-то один, а вера разная. Жениться им запрещено было. Если какая монахиня с монахом сойдется. То их выгоняли. В деревню-то они ходили, *тока* по *нощам*. Покойника ставили ногами вперед. Они [староверы] не исчезли, они и сейчас есть. *Щитали* по тетрадям, псалтыри у них свои были. Это у меня пррабушка была староверкой. Она в кельях жила, в горах там. Эдакая же она была старушка, как мы. Они вот в *щерном* платке, подвязаны всегда вот так. Спереди, концы они никогда не завязывали, а скрепляли булавкой. Жили 3-4 старушки в одной келье. Ну *щем* келья будеть *отлищаться* – изба избой. Они не красили, а раньше все скоблили: и потолки, и полы. И не смывали, *помоютъ*, *выскоблють*, *веницкомъ* *выметутъ* – и *щистота*. А что у них внутри? *Коещка* *стоить* да иконы кругом, они же молились, у них их много было. Иконы все одинаковые всегда, они и сейчас такие. А пррабушкины иконы мы отдали в церкву, они даже со стол были, тоже все деревянные, но без стекла, на *крюющощке* застегнута. Когда как у них замуж выходили, которым разрешали, которым нет. Раньше ведь слушались родителей. Раньше не то, чтоб отца с матерью *пощитать*, бабку с дедом и то слушались! Если девушка *родить* без брака – это считалось большим позором, ее *возьмутъ* – и в келью *отправлють* в монахи. А в монастыре, там и девушки, и парни, хотя все, конечно, отдельно жили. Вот эдак нам пррабушка рассказывала. Мужики вот такие длинные волосы у них носили. У староверок всегда по две косы, а

как замуж вышли, закручивали волосы и на шпильки. Даже без старого щеловека за стол не садились - снацала молились, первой мать, а потом уже дети. Ели все деревянными ложками из одной тарелки. Если к ним пришел щеловек, встретять его, как положено, не отпустить никогда. Крест ставили в голову. Это всегда в голову ставят. Только у них покойника не ногами вперед. Мы-то ведь ногами к двери, головой к иконе. А про камень-то нам говорили, что плиту им ложили, камень белый – напишут – такая-то такая-то и молитву напишут. А где они возьмут крестов-то, они ведь не ходили, не озоровали. Раньше они не курили, если отец не разрешил – не будешь курить. Детей крестили в церкви, а те, кто в кельях, приходят погружать, их зовут. У них только щитают по-другому, она вот щитала и мы нищего не поняли, а нас было 4 щеловека. Она вот стоит и говорит: «Бу-бу-бу». И она нас вынудила, я одной даже говорю: «Ну, долго будем сидеть слушать, как она мышить?!» Они в церковь не ходят, и щитальщицы у них свои, они и не позвут никогда щужую – у них же молитвы свои, они и не поют, которые у нас молитвы. (Баженова Анна Ивановна, 1915 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 31-33, 2000, Тирлян).

127. Весну у них встречали с жаворонками. Дети залазят с ними на повети и кричат: «Жаворонки, жаворонки! Красну весну принесите, зиму холодну унесите!» Это вот как снег начинает уж таять. (Баженова Анна Ивановна, 1915 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 33 об., 2000, Тирлян).

128. У нас мама щитала бескорыстно и не для показа. Дедка был верующий и маменька, отец сильно усердно Псалтырь щитал и, когда я в школе работала, мне все время попадало, что у учителя в доме иконы стояли. Не перещить родителям не могла. (Кочеткова Анастасия Ивановна, 1923 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 35, 2000, Тирлян).

129. Церковь у нас была в местечке, оно еще называется Попова гора. Это была самая старая церковь, которую разбросили. И я ее уже застала, когда сбросили колокола. Осталась она сама одна, сама она была деревянная, у нее было заложено каменное. Видела только развалины и как фундамент

разбирали. У меня родичи – староверы, но я сама – православная, потому что крестили без матери – крестный и крестная. И когда мама пришла *щерез* неделю-то в церковь за молитвой, а батюшка ей говорит: «А я тебе не могу молитву дать, потому что ты веры другой». А она ему: «А как быть?» А он *говорить*: «Вы вот как сделайте. Если ты примешь православную веру, то и тебе молитву дам». И ей пришлось, как говориться, заново. Но они ее не крестили, конечно, а что-то там *процитали* над ней. И раз уж, говорит она, у меня дети православные пошли, я же не могу староверческой быть. Эта вера мало чем отделялась, там только строже законы старой веры. Первое, *значит*, это индивидуальность в посуде – не *дадуть* и не только православным, а и вообще человеку не *дадуть*. У нас ведь и католическая была здесь церковь, у нас католики здесь были и мы много веры приняли от католиков, так как жили австрийцы, строили здесь завод. И вот у старообрядцев обряд похорон другой. У православных усопший *лежит* головой к иконе, то есть к переднему углу, а у старообрядцев наоборот. Теперь нам пришлось. Вот умерла двоюродная сестра. Стали они свое над ней делать, ведь у них, как говорится, батюшки *нету*, а есть наставник, который определен как батюшкой. И вот они это все исполнили. *Процитали* молитвы и нам *говорять*: «Ну, давайте прощайтесь и вы». Разрешили они там. И вот когда мы подошли прощаться, они нам *говорять*: «Только не целуйтесь», то есть мы не должны. А проститься все же нам разрешили. Вот этим вот и отличается старообрядческая жизнь. У них вся деревня была - их община. Вот у меня мама-то оттуда. Во-первых, три родника там, и люди были очень *щистые*, настолько *щистые*, что старались за веру держаться. Законы у них конечно были очень строже. А кельи были, а как же! Мы туда с сестренкой даже ходили. Подошли мы, видим, стоят дома некрашены, Боже упаси покрасить у них! У них все естественно, скоблено, вырублено, обстругано, даже выдолбленные гробы были. В келье той все просто: скамьи стоят, столы простые, дубовые, на них столешницы, рушники на *божнице*. А сами-то матушки в длинных темных юбках, черных *кофтоицках* и в черных

платочках повязаны. Целоваться у них – грех. В девках родить у них – *шибко* грешно считалось, не зря ведь у них во всем порядок и вера такая строгая. Не фотографировались они. У меня все тетушка говорила: «Это на фотографиях-то Сатана!». У тетки и ее мужа так и не было фотографий, только вот когда эта вся паспортная система началась, пришлось им сфотографироваться. А на кладбищах кресты ставят ровно такие же, только уж больно они какие-то узорчатые, с закругленными концами. Хорошо запомнила, что хоронили их в лаптях, а молились двумя пальцами. Вот мы сейчас как крестимся – тремя пальцами – это Святая Троица, а там двумя. Иисус Христос, Бог и Человек. (Балдуева Екатерина Ивановна. 1927 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 37-39, 2000, Тирлян).

130. Они, баптисты, у нас всегда были. Я с ними, баптистами, была знакома. Они только Иисуса Христа признавали. У них все молитвы какие-то. Так их стихи не споешь. У меня их здесь в тетрадке очень много. Я православной веры, я хожу в православную церковь. Поэтому вот эти вот стихи [духовные] – это обычай не наш. Батюшка нас за это ругает, надо петь молитвы, а не стихи. Много пели духовных стихов. Они какие-то непонятные стихи их, тяжелые. (Балдуева Екатерина Ивановна. 1927 г. р., Синицына Варвара Павловна, 1927 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 40, 2000, Тирлян).

131. Жили староверы и живут сейчас, только они уже, как говорится, притерлись. Тут у пруда, даже напротив завода, как-то дальняя родственница жила, староверка. К ним придешь, они из посуды из своей не *дадут* кушать, нет, не *дадут*! Они *дадут* другую посуду, но уже не *будут* есть потом из ней. Были староверы, есть. Разговаривал с вашим батюшкой, на Дмитриевском поселке, ну вот он больше обвинил наш край нерелигиозным: «Все ваши нравы, обычаи – к языческой вере, сказочные» (Волков Леонид Николаевич, 1932 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 41, 2000, Тирлян).

132. Эта вера-то сталоверческая не *оценена* от нашей православной. Только вот что, покойника у них кладут ногами к иконе и говорят, что иха вера - она вроде лучше. Они лежат и на Бога смотрят. А у нас вот головой к нему лежат. Теперь все перемешалось, я теперь не знаю

даже как. На наших православных кладбищах эти становеры схоронены. (Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 43, 2000, Тирлян).

133. Становеры-то были здесь. У них церковь другая была, было другое моление. Вот я маленькой была, была у меня подружка – ее родители были становеры. Так мы *детями* придем к им воды попить, так они и не пускают. У нас и сноха была становерка. Как она померла, так ее миром мазали – мы ее это в свою веру переводили и ноги миром мазали. Становеров подучали в церкви, им там сказывали, как это делать надо. У нас-то вера *русская*, а у них – своя. Были и кельи. Я уж большой была, да и сейчас они есть. За Мисялей, река такая, километров 14 от деревни, а рядом с ней келья недалеко. Мне ее показывали, когда за ягодами ходила. Там развалено все: и печка развалена, и камни валяются. Туда *старые* становеры уходили молиться, а потом снова в деревню шли. Веровали-то они лучше нашего: если пост, то они ни грамма лишнего не ели, да и у нас все строго было, но у них строже. Они все праздники знали *божественны*. Та келья-то – нашей нации, у Мисялей-то, это уж лет 15 прошло. (Белоглазова Матрена Васильевна, 1911 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 45, 2000, Тирлян).

134. Становеры были. Я по-другому верю, не как они. Хоронили иначе. Я умру, меня положат головой к иконе, а у них, у становеров, ногами к иконе *ложат*. Это я еще годов 40-х назад заметила. Другой веры они. Хоронили людей в лаптях. Только стариков хоронили, при мне не было. Все говорят, на Сивонскую гору идти легче – они же не скользкие, из лыка. (Локацкова Ольга Ивановна, 1920 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 46, 2000, Тирлян).

135. Мама пекла жаворонков. Их пекли из пресного теста. Мы ребятишки загадывали. Нас пятеро было, жили скотиной да огородом. В эти жаворонки мама *запекет*, денежку положит, *загадает* то ягненка, то теленка. Попадется – и деньги мне, и теленок мне – счастливая! Запекали в них пятаки, загадывали телёнка или другую животину. Кому достанется пятак, тому и телёнок. (Локацкова Ольга Ивановна, 1920 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 46 об., 2000, Тирлян).

136. В Кирябинке-то становеры живут. Тетка моя там жила. Вот хоронили ее мы там лет 19 назад, а брата двоюродника еще раньше хоронили. Гроб у них

делают из досок, но без единого гвоздя, с шипами. Покойника ставили к иконе ногами. Родные дома прощаются с покойником, так вот кругом гроба и проходили. А на кладбище когда заходили, у них там *щасовенка*, а там иконы, - туда покойника заносили, а уж потом на кладбище и сразу в гроб опускали. Там народ верующий, в Кирябинке-то. Тетка моя работать поехала в Кирябинку к своей родне и там замуж-то и вышла за двоюродника. Она примала их веру. А вот хоронили ее в чулках, носках, юбке, *кохте*. Мужикам на помин – 100 грамм подают, а женщинам вина не дают, подарки *каки* дают. Вот тетку хоронили, жене моей отрез метра 2 дали. Вот и бабонька-то у меня, *кажись*, из Кирябинки. Там все как-то на «о» говорят. (Необутов Виктор Максимович, 1933 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 47, 2000, Тирлян).

137. Мама моя староверка была. Фотографироваться она не любила. Кельито? Одна где-то на задах, одна – за Бельским мостом, Барский лес пройдешь, где-то там. Это там маленькая избенка была, как баня. Спали там на скамейке, стол в углу прибит маленький, да иконы. Потолок был, а полу не было. Юбка у маме широкая, темная кофта. Неколи наряжаться, 11 душ нас было. Крест у покойника в ноги ставили, а мама головой к иконе лежала, на ногах лапти были, *подвенецный* сарафан, чулки. И женщин, и мужчин в лаптях клали. (Сенюшкина Мария Михайловна, 1922 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 48, 2000, Тирлян).

138. Жили староверы, была и церковь *эдака*. Вот сейчас где клуб есть, церковь стояла. Их называли – становеры. Они не поймешь какие. Они вот если вино *пьют* вместе, *али* вот обедать, они, чтобы ложкой не залез ей в тарелку – она *куржачкой* зовется. У нас *несут* ногами на кладбище, а они – головой. И *ложили* они головой к двери, чтоб он смотрел на иконы, а ногами – к иконам. Мама у меня умирала, она как *швырнет* подушку из перьев и старается на пол слезть. (Королева Матрена Федоровна, 1916 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 50, 2000, Тирлян).

139. *Куржаки*-то? Кто они, не знаю. Богу молятся вроде не как мы. Они щепоткой крестятся, *трюми* пальцами, а мы не так. Они не молются с нами

вместе на обедах. Их много, все старики умерли. Вера у них хорошая: все посты, все праздники соблюдают. (Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 51, 2000, Тирлян).

140. До Масленицы с горы катались: *карты* были, *какашками подморозишь* и катались. Тут гора была Плясовая. Кто на санках, кто на корытах. Не только *маленьки*, но и *взрослые* катались. На Масленицу *вещером* собираются, как свахи, и едут. Я пряду *в коробу* с прялкой. Брюки, шапку *мужичью* надевали, лицо тряпками закрывали да запевали. И всяко, всяко. Повесишь на гребень кудельку и прядешь. Поёшь, да кричишь, как ненормальная: «Что ты, Масленица, не 7 недель? Прогуляла бы не 7 рублей! Чучелу возили *в коробу*. Едут на лошадях, а мы семечки грызем, черно все от них. А к вечеру выезжали эти прядки. Мяльница *в коробу*. Коноплю на дугу вешали. Много женщин в короб насядут. Одна прядет, другая вяжет. Масляничную бабу жгли. (Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 51, 2000, Тирлян).

141. Сегодня Иван-травник, 7 июля. Сегодня ходят за богородской травкой, а потом ей покойника окуривали, и от болезней лечились. 21 июля – Казанская Богоматерь, луга делят для покоса. На Ильин день, 2 августа, никто не работает. Кто в этот день работает, тому несчастье. Метала соседка стог, а к концу дня от него один *шиши* остался. (Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 51 об., 2000, Тирлян).

142. *Куржаков* знаем, но мы не ходим *к им*. Там – башкирска вера. А мы ходили раньше на Шушпу, там старик жил. Пешком туда и сюда ходили, ночевали, стихи *щитали*. А он нам рыбу, ухи! У них, значит, ногами к Богу, у нас – наоборот. Русские с *куржаками* не дружили. (Патрикеева Пелагея Максимовна, 1910 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 52, 2000, Тирлян).

143. Жаворонков кричали, но только не мы. Мама рассказывала. «Жаворонки, прилетите, принесите лето красное, весну теплую, хлеборобную, добро в дом принесите!». Кричали их на дворе, мама и пекла жаворонков. (Урцева Валентина Михайловна, 1930 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 53, 2000, Тирлян).

144. Жаворонками весну звали. Говорили: «Весна красная, пташка чтоб пела, а нам чтоб было здоровье хорошее!» (Белова Раиса Григорьевна, 1925 г. р., ЭК № 21/21а, Л. 54, 2000, Тирлян).

2001-2002 гг.

145. Отец мой с 1895 года – Василий Дмитриевич Ермаков *по-вулонному* [по-уличному]. Дед мой и прадед на месте строились, тута. Лес тут раньше был, вырубали его да строились. Я помню, старики говорили: «Усть-Кага – Латвия. Из Латвии привезенный народ» (Артемьева Анна Васильевна, 1920 г. р., ЭК № 23, Л. 2, 2001, Кага).

146. Кагинские мы *усе*: и родители, и деды, и прадеды. Мать и отец говорили: «Мы – из Латвии». Мало же тогда народу было. Вот лес стали рубить на месте и сюда работников сгоняли. *Щас где Серегин живеть*, тут раньше кладбище было. *Усяких* сюда ссылали, говорили, что и германцы были. Немец завод строил, а как же. Мне мамка рассказывала. Драп был, немец, *нацальник* завода. *Выйдеть* Драп на гору, на Елани, и *смотреть* оттуда у бинокль на завод. А мы тогда не *шибко большия* были, нам не сколько работать, а поиграть охота было. Вот он *смотреть*, *смотреть*, потом *приходить и говорить*: «*Идите домой! Наиграетесь, потом дня щерез три придетя*». Мы и расходились по домам, а дня *щерез* два-три опять на работу. Потому и *называют* на Елани дорогу – Драпкина. (Артемьева Вера Петровна, 1923 г. р., ЭК № 23, Л. 3, 2001, Кага).

147. Весну *усё* время *встрещали*. Унизу у центре запрягали пару лошадей. *Снацала* зиму провожают и тут же *снаряжают* девку и *катают* её. Это вот на Масленицу было. На Масленицу зиму провожали, потом весну *встрещали*. На Ильин день купаться уже нельзя. Страшно, лучше не надо. Потом Борис день. Я помню, *девионка ешо* была, с отцом вдвоем на покосе были. А дальше от нас колхозная бригада была. А отец болел, стариком уже был. Отец большой вол нагреб. Ну и решили мы пообедать с ним сходить. Пообедали, идем обратно. А нам люди *криицать*: «А есть что копнить-то?» Борис *усе* унес. И копнить оказалось *нещего*. *Усе* по кустам разнесло. Отец

тогда матерился: «*Итит твою масленица!*». Борис день усе унес! (Артемьева Вера Петровна, 1923 г. р., ЭК № 23, Л. 3, 2001, Кага).

148. Мы – кагинския. Местные. Как родились, так и живем. Дед отца был кагинский, отец у Каге прожил и умер и мы также умрем тут. Мама говорила, что съезжались со всех сторон. Тут же лес был, лес рубили и строили дома. Приезжали откуда *хто* какой. На задах у нас управляющий заводом Драпе жил. Ох и строгий был он! Поглядить, бывало, с горы у бинокль на завод. Потом приходил и выгонял с работы. Он же у бинокль видел, *хто* как работал. Это мама моя рассказывала. Отсюда и теперь называется у нас дорога на задах – Драпкина дорога. А как завод сгорел, так после 11-го года его и не восстанавливали. Этот завод «706-й» теперь у Белорецке. (Абакумова Екатерина Петровна, 1926 г. р., ЭК № 23, Л. 4, 2001, Кага).

149. Сама я кагинская. Бабушка моя – ломовская. Война тогда была, вот она и перебралась сюда. И мама тоже с Ломовки, она еще *девицонкой* сюда приехала. (Абакумова Анна Николаевна, 1925 г. р., ЭК № 23, Л. 5, 2001, Кага).

150. Когда я *ущенник* был, жил у нас *нащальник* Стерлитамакского завода Илья Иванович Здоров и рассказывал он нам, книга у него была «История Каги», откуда мы все. Люди у нас из пяти губерний: Московской, Рязанской, не помню больше. Рассказывал, Екатерина ссылала сюда, люди на этапе карантин пройдут, потом строили. (Сухов Николай Петрович, 1929 г. р., ЭК № 23, Л. 6, 2001, Кага).

151. Благовещение 25 марта по-старому, а по-новому – 7 апреля, *щижсолый* день. Нельзя работать, а самое главное, новое дело не *нацинать*. Мать рассказывала: телят угнали в этот день в отгон, и их волки поели. Петров день 12 июля. Праздновали именинники. После Петрова – на покос. Ивана Травника *отмецали* в Узяне. После Петрова дня, когда косить *начинаютъ*, первый пучок травы срывают рукой, наклонившись к земле, и *кладутъ* за пояс. (Сухов Николай Петрович, 1929 г. р., ЭК № 23, Л. 6 об., 2001, Кага).

152. От деда Кузнецова, маминого отца я слышал, Семен Иммануилович его звали. Лет 20 его нет. Он рассказывал, что ссыльные из Иваново сюда

переселялись. По 150 метров леса вырубали. Рыбы столько было, что колеса останавливались. Месяц целый прорубали леса от Кагарманово, первый тракт тогда строили. Я его расспрашивал: «Расскажи, дед, как заселяли?» Вот и рассказал он мне. Политические ссыльные здесь строили. По этапу гнали в сторону Верхнего Авзяна ссыльных по проторенной дорожке. *Щерез* 20 лет Авзян появился. А деду его дедушка Кузнецов (1894 года рождения) рассказывал, что выселены были мы *щуть* не из-под Москвы. Дед Иммануила – из-под Москвы, приехал в Баймак и на работу сюда послали батраков. Середняками предки были, держали по пять голов коров, лошадей. Жили на хуторах, говорили: «Нас никто не трогал, мы никого не трогали». (Осипов Владимир Дмитриевич, 1954 г. р., ЭК № 23, Л. 7-8, 2001, Кага).

153. Дед мой – Иммануил, бабка – Евлампия. Все говорили, что они – немцы с Поволжья, да и говорили, что я нерусская, хотя другая бабка у меня – Лукерья. Раньше до войны жили у Нижнем Авзяне, где-то в 43-ем переехали сюда. Отец – Осипов, брат – тоже, Осиповых много, сейчас везде есть Осиповы. Вот так и мы – кагинские, а откуда деды, не помню. Авзяно-Петровский завод – это вместе с Авзянским, после пожара, когда многое сгорело, его перенесли в Белорецк и нас забыли. Раньше население-то какое было – жили везде на горах, за горой. Елань, еще называли «Еланий этап», другое название – Усть-Кага, Замост [части села]. И в Нижнем Авзяне есть Елань, *суща не живутъ*, а было три улицы – одна называлась Усатова, там много жило народу. (Андрянова Александра Семеновна, 1930 г. р., Осипова Мария Владимировна, 1928 г. р., ЭК № 23, Л. 9, 2001, Кага).

154. В 29-ом г. церковь уже закрыта была. Кто колокола снимал, или на войне убивало, или примерли. Одному на войне ногу оторвало, другая подогнула. (Рассказова Екатерина Николаевна, 1931 г. р., Габова Евгения Ивановна, 1809 г. р., ЭК № 23а, Л. 10, 2001, Узян).

155. Я – местная, родители и дети узянские. Народ у нас сбродный, совсюду. Дед умер в 1941-м году, он говорил: «С реки Яны приехали». Уж не дед. Прадед он. Здесь же лес был, лес вырубили. Вот мой прадед со своим отцом

сюды и приехали, прям лес рубили и избы себе ставили. Вот, с реки Яны, это где-то далеко, а где, не знаю. (Савельева Анна Петровна, 1930 г. р., ЭК № 23а, Л. 11. 2001, Узян).

156. *Встрециали* весну – это Масленица была, на неё зиму провожали. *Щущелу* делали и жгли. На Масленицу старые люди тройку запрягали. Листовушку бабы, *пецкую*, на сани ставили и ехали. Блины пекли. Дня три блины пекли у первые дни Масленицы. Зять *ходить* на блины, прощаются. С *подарошками ходють*. (Савельева Анна Петровна, 1930 г. р., ЭК № 23а, Л. 11. 2001, Узян).

157. Узянская я, и родители. Могилы отца *нету*, перекопали ее. Тогда и крест *согнил, от* и перекопали. (Осокина Александра Павловна, 1924 г. р., ЭК № 23а, Л. 12, 2001, Узян).

158. На Пасху *кащели* устраивались. Козлы ставили. Три козлины с одной стороны и с другой три. Жердь на козлины клали и верёвку тянули. Парни *кащают девицат, верёвкой луплють и спрашивают* жениха. На Пасху ходили матери на *кащели*, присматривали своим сыновьям невест. Петров день 12 июля, и там сразу покос *пойдетъ*. Как Петров день *приходитъ*, мы, бывало, с дедом пообедаем, помолимся – и на покос: «Ну, *Петровиц, айда пойдем, нащнем покос*». И с копешку накосим. Ильин день в августе. Ездили за ягодами. Раз, помню, столько копей на поляне было, *усе* унесло, не знай куда. Сердитый день. Дома на Ильин день горели. Раз четыре дома сгорели. На Ильин день ни один мужик не работал. (Осокина Александра Павловна, 1924 г. р., ЭК № 23а, Л. 12 об., 2001, Узян).

159. Мама говорила, люди были сосланные сюда. Часть [села] называется «Литва» - с Латвии пришли, «Завод» - местные люди. Это вот я у матери интересовался. Она с 1906 года была, умерла. Чисто узянские мы – и родители, и деды, и бабки. Церковь была раньше вон на горе, где щас дом культуры. Там танцплощадка есть. Помню, мать все время говорила: «Не строй ты эту танцплощадку», а я и значения особого не придавал. Два раза ее строил и два раза она горела. Я все говорил: «Мам, совпадение все это». Церковь деревянная была. Это в Авзяне и в Каге кирпичные церкви, а у нас

деревянная стояла. (Филиппов Николай Степанович, 1948 г. р., ЭК № 23а, Л. 13, 2001, Узян).

160. Раньше говорили, я *слыхала*, Калуга какая-то была. Из Калуги мы, у нас калугинских много, *Слыхала* от деда, сюды выселили людей мало, потом *разросси* Авзян. Из Калуги выселяли тоже, строились в горах и вот такое население. (Калашникова Александра Андреевна, 1910 г. р., ЭК № 23б, Л. 14, 2001, Верхний Авзян).

161. У детстве, когда *девицонкой* была, жаворонков пекли. Кажется, 9 марта. Я *каждый* год их пеку. *Туды* кладешь деньги, уголек. Деньги – к богатству, кто вынет уголек – к смерти. У жаворонков, бывало, глазки наложу *щеремухой*. Ребятишки *кричали*: «Жаворонки, прилетите, лето принесите, зиму унесите!» Обещаный день у нас – Девятая пятница. Раньше часовенка была на горе. Раньше в этот день на Табынскую ходили обещать. Моя бабушка 25 раз ходила обещать, потому что дети умерли молодые. Вот ради детей 25 раз ходила обещать. (Калашникова Александра Андреевна, 1910 г. р., ЭК № 23б, Л. 14 об., 2001, Верхний Авзян).

162. Здесь проходил Пугачев с войсками. Есть гора Шатак, там находили табакерки, мешочки, люльки. Малиновка была лысая, он [Пугачев] шел отсюда. Не доезжая Каги был завод. Авзянцы первые отлили пушки для Пугачева. В Авзяне были очень красивые дома, «буржуины» их называли, в Ерзовке. А на Большой улице, Коммунистической, были лавки. Передвойной жили хорошо, были прииски золотые, даже находили самородки, отца брат, например. Ходили пешком, в лаптях с Нижнего Авязна в забой 25 км. И сама думаю, почему же кругом башкиры, сама интересуюсь. Сюда Демидов гнал. Наши предки из Калуги, Тулы, где-то *цитала* про людей, они здесь заселялись. Мама, 1885 года рождения, рассказывала, на Мызе жил управляющий Пенто, француз. Сколько у него было цветов! Ямы для медведей, там содержался медведь. Красная, Большая, Банновка – этих улиц нет. Мы у третьей жили, нет их. (Храмцова Антонина Ивановна, 1925 г. р., ЭК № 23б, Л. 16, 2001, Верхний Авзян).

2003-2006 гг.

163. У нас, говорят, народ сосланный: и австрийцы, и поляки, немцы и евреи. У нас фамилия была Дахтины, говорят, австрийская. Чехи, белорусы, говорят, нерусский у нас народ. (Козлова Ольга Гавриловна, 1938 г. р., ЭК № 28, Л. 9, 2003, Ломовка).

164. Мы с семьей приехали у Кагу в 43-м году, когда завод сгорел уже. Рядом с заводом церковь старая деревянная была – она тоже сгорела. *Ети* были, колокольни-то, красивые, большия, красивая была церковь, лучше всех! Разорили ее *усю*. Золовка моя *кирпичи* опускала по деревянным лоткам. Советская власть разорила. На папу старого говорили все, что он виноват. Помню, как ломали. Раньше ведь на Пасху колокола звонили. Мы когда у Нижнем Авзяне жили, сюда ходили у церковь – я у лапотках, бывало, ходила. А приехали сюда в 43-м году. Красивая церковь была и школа старая была, помню я. Батюшка был тут свой. Вот у Витушкином доме он жил, по улице Чапаева. До сих пор у *ихнем* огороде *гримить ще-то*. Там, говорили, раньше *колодицк* был, кладбище старое. Говорили, вода поэтому у *етом колодицке* плохая была, его и завалили. По нашей улице раньше *рецка* текла, потом со временем перешла туда, к горе-то. Завод был возле старой церкви; где *щас* Сажилка – улица была, дом стоял. Ну вот рассказывали, старик масло варил и пожар *слущилси* от этого. По *рецке* сундуки плыли, спасались – в 12-ом году это было. И *щас* слитки гвоздей попадаются, ведь на заводе гвозди делали. И у Нижнем, и у Верхнем Авзяне был завод. Потом после пожара *ще* осталось, перевезли у Белорецк, у Магнитку. Заводом управлял Драпкин, до сих пор возле Сажилки есть гора Драпкина. Там порох раньше делали, ямы пороховые есть. (Андриянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 7-8, 2004, Кага).

165. Слышала я, говорили, что мы – немцы с Поволжья привезенные. Бабка Евлампия была, дед Имманулий – настоящие немцы! *Мене усегда* за апайку признаютъ. В 43-м году сюда, у Кагу, приехали, я у 5-ом классе была, война уже *нацдалась*. На фронт еще с Нижнего провожали папу старого, ему потом бронь дали, ну а после направили председателем у Кагу. После Нижнего мы

один год у Верхнем прожили. Женились, замуж шли тут же, ну, так и остались у Каге. На Елани тогда были 3 улицы, там, у Нижнем, а *щас* ни одной нету. Он, Нижний Авзян, большой был: двухэтажный магазин был, больница, правление, сельсовет, мельница. У Каге *дли* плотины тоже мельница была, она сгорела, *говорять*, что или поджег кто-то или камень терси, да *загорелси*. Это после 49-го года было, я уже тут жила. Масло, коноплю жали, жмых конопляный вкусный был. Раньше тут *усякие* жили, не только русские. Говорю, и немцы, и все были. (Андрянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 7-8, 2004, Кага).

166. Насчет креста у Нижнем Авзяне до сих пор *спорють*, куда ставить - у ноги или у голову. Там, *говорять*, кто как *кладуть* [покойника], кто как *сумеить*. Ет как, *пощему* у Нижнем у голову крест *ставрють*, сколько узнавали, никто не знает. До сих пор до драки. Мы ведь украшаем крест на кладбище спиной, *значить*, к покойнику, а ведь он же, *полущается*, не видить. *Башкыр* вовсе без гроба, на доске *хоронють*, у белом материале. (Андрянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 9, 2004, Кага).

167. Елань и у Нижнем была, и тут тоже есть. Гора, *Куканичик* – там наших беляки ресстреливали. Мамина мать говорила, что брата у ей тут расстреляли. Вот идет она, *пляшеть*. «Лукерья, уйди, успокойси!» - ей говорили. А она: «Пусть *стреляютъ*, гады!» Зыкова гора тут, в Авзяне есть, *мостощик* под горой, как из Нижнего идти, Клубная гора была. У нас и *щас* Этап, Карантин есть. Сколько там улиц было, теперь ни одной. По всей горе улица тянулась, *колодщик* был. Календарь – наша гора, кагинская. У Верхнем Авзяне названия: Малинова гора, Ерзовка, Кукарка – как на кладбище идти, Мыза, Кожевня. У Нижнем Авзяне тюрьма была, я помню. Туда на работу *заключенных* гнали, конвоир у них был, он *ругалси* сильно, если люди подавали им еду или *ишио ѹе-то*. Сажилка – святой *истощник* у Каге. Он всю жизнь *поить* и *кормить* усех. Ее, воду-то, мы и пьем, и *моимси* ей. У *мене* и *щас* полкубышки воды *етой* стоить, пью ее. *Обещианый* день – 21 августа, он один такой, только у Каге такой праздник есть. Ну, говорили, что была

холера, валились, умирали усе. Была общая яма, до сих пор на кладбище крест, по-моему, *щугунный стоить*. Яма была сразу тут, при входе. Ну, *усех* туда и кидали, не хоронили в гробах, так прям кидали. Ну люди и сказали: «Господь, останови смерти, мы будем *усю* жизнь помнить это, молиться будем». Ну вот обещали и до сих пор так и ходим на кладбище. Раньше у церкву ходили, теперь к Сажилке ходим молиться. Троицкие Родители у субботу. На них у Авзяне обязательно *ходють* на кладбище, а вот у Каге это не обязательно. У нас тут тоже есть Родители – они *бывають* после Пасхи спустя неделю – *поминают* умерших родителей. (Андриянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 10-11, 2004, Кага).

168. Как разные селы жили? И дружили, и дрались. Раньше и жители одного села дрались между собой – вот Этап и Сафон дрались, чтобы на завод не ходили. Теперь драки *другия*. Нас, кагинских, «мякинники» звали, верхнеавзянских – «киргизы, долгополые». У Верхнем Авзяне *говорять* так: КолькЯ, ВанькЯ, МанькЯ и *тянуть* они, а у Каге по-другому, не так. (Андриянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 12, 2004, Кага).

169. Лес сплавляли по Каге баграми и у нас тут сплавляли, я *иша* помню. Мясо, молоко, шерсть сдавали. Свинью не опаливали, как *щас*, снимали с нее кожу и – на кожзавод. Он на Устье-Каге стоял – там кожу, хром выделявали, сапоги, куртки шили. Директором был Артемьев Петр Васильевич. У тети Маши Мельниковой ухажер там работал, так у ней вроде до сих пор и *щас* эти вещи есть. (Андриянова Александра Семеновна, 1930 г. р., СЗ, Л. 13, 2004, Кага).

170. Тут ведь раньше лес был по самый тракт. Ну а после декабря ухнул снег, страсть прямо. Тогда коней стали гусем запрягать (один-два-три). А я стала лес возить на Карантин, где тракт *зavorащивается*, там же дом раньше стоял. На пруд лес возили, правую сторону рубили. У 5 *щасов* *уставали*, придем, и *ишио* темно совсем. Там на берегу сразу бирку давали железную, конечно, если ты норму выполнил. Тогда только и хлеба *дадуть*. Мать, помню, *разрежеть плитоцкую ету* на всех, ну а чего там – так. *Мене* побольше, *мене* ведь рано на работу, утром поесть чтобы. С 43-го по 44-ый год работали на

Маердаке, куренки возили – дрова по 1.2 метра, которые у *песци* насаживали. *Ощиски* одни ели. Там работали двое Луняевых, Логуткин Петя, Наташка Кузнецова, Нюрка *Шициха*, Верка Кудряшова, Петька Исакин, Порфишка Артемьев, Федя Кадыло. Там нас разделяли – половина на Егоровы *песци*, от Белорецка 5 км., а половина тут оставалась. Дело было к весне. Нам тут дядька говорить: «Девки, вас *хощут* оставить на сплав – *текайтая!*» Коней, мол, *заберуть*, а вас – на сплав. 8 кубометров норма была, *иначе* и лошади сена не давали, а тебе и куска хлеба не *дадуть*. А домой охота было. (Сухова Татьяна Васильевна, 1925 г. р., СЗ, Л. 14-15, 2004, Кага).

171. Назвали Кагу по *рецке* и Авзян также. Ссыльный народ тут, из разных поселений. Тут завод строить *нащали*. А у 11-м году народ *разъехалси*, потому что сгорел наш завод, работать стало негде. Она Кага была большущая! Демидов завод был. Управлял им Драпка, он и был немцем. Церкву тоже немец строил, до 11-го года деревянная церква была, дли завода стояла, а новую, нынешнюю, строил тоже немец, *ишио* бабка моя девкой была. Татаринов строил ее, хозяином он был. Средства тут собирали, *кирпищи* выжигали. Сверху потом их кидали, разламывали когда – и то они не рассыпались. *Ет* я маленькая была, помню. На Карантин уголь возили мужику, сетками закрывали и возили. Дрова сплавляли по Каге. Плотина раньше была, вырубали лес. Уся Кага – завезенная. Народ высыпали. А потом отсюда высыпали, *раскулачивали*. *Ношью* погружали и увозили, тружеников и выселяли, а сами все по себе грабили. А потом грабители эти которые подошли, которые у петлю залезли. В 33-м году Горюнов ломал церковь, колокола сверху скидывали. Я тогда в школе *уццилась*, нас, школьников, собрали у Центре, а там, на горе, церковь ломали. Тут был свой батюшка Марсов, он жил у Андрея Щипкова в доме. Я все помню. Я с бабкой у *церкву* ходила, она всегда была *напереду* – мы *уместе* Богу молились. Дед умер в 27-м году, его звали Кириллом Ивановичем Суховым. *Мене* было 2 года. Он очень любил меня, да и называли-то *мене* по его матери. Я родилась на

Татьянин день. (Сухова Татьяна Васильевна, 1925 г. р., Исакин Федор Алексеевич, 1931 г. р., СЗ, Л. 16-17, 2004, Кага).

172. Обещаный праздник – 21 августа. Он только у Каге есть. Ну, говорили, что холера была, ходили Богу молиться, ну просили, чтобы холера прекратилась. Была общая яма. Люди пообещали до смерти этот день отмечать, вот и до сих пор помним. Ходим на кладбище, у церкву, у Сажилку. (Сухова Татьяна Васильевна, 1925 г. р., СЗ, Л. 18-19, 2004, Кага).

173. Нас «кулажниками» называли по Каге, авзянских – «мякинники». Кулагу и в Авзяне варили – аржаная мука и калина. Елань есть у Каге – называется так, потому что на возвышенности лежит. Раньше русские в основном тут жили. Были, правда, немцы, но они только строили завод, церковь и уезжали. Приезжали, Олимбек Брюхов, работали и уезжали. После войны национальностей других много стало. Щицас башкыр тут больше стало. (Сухова Татьяна Васильевна, 1925 г. р., СЗ, Л. 20-21, 2004, Кага).

174а. Раньше ведь как говорили, будто посыльные были тут, приезжали сюда и так со временем село выросло. Приехали как будто бы поселенцы самые и будто бы гуси летели и закричали «га-га-га», так и порешили назвать это место Кагой. А я слышал, будто поселенцы из Пензы приехали сюда. Мне прабабка рассказывала, вот только слушала я тогда плохо, невнимательно, не думала ведь, что пригодиться когда. Звали ее Тарасова Марья. Завод тут был раньше, рядом церковь деревянная, самая первая – это усе возле плотины. Эта прабабка работала на заводе вроде уборщицей. Драпе на заводе был, так и называют дом его на Елани – Драпкин. И гора Драпкина. Немец он был. Бабка говорила, что щеловек он был хороший, этот самый Драппе – заводом правил, строгий. На пять минут опоздаешь на работу – выгонял сразу. Ну это наверно кому как, может и не оценить он хорош был, ну вот, что бабка говорила мне, то я тебе и скаживаю. Это Демидов завод был. А я слыхал, будто Драпе башкыр топил у озере на Кыштыме, если они не подчинялись ему. У него ведь кругом заводы были, по всему Уралу. Щас идет Маша, наша дощ, живеть, там вот церквушка тогда вроде была. Там уж больно хорошо

мелоиц растеть на огороде. Вот я Машке-то смеюсь, мол, потому и *растеть*, что церква тут стояла раньше. Родители, деды *трудилися* в лесу, жили там постоянно. Мой дед, Кузнецов Петр Иванович, так и умер в лесу, в ссылке. Я его даже и не видела ни разу в лицо, не знаю, слышала только потом. Что помер он. Ну, а умирали *отицего* – кормились плохо, хоть и скотину держали, из-за нее и в ссылку отправляли. Большую скотину держали – коров, лошадей, потом *овещек*. Посыльных гнали *щерез* этот Этап, он до сих пор так и называется. Так и говорили: «Пора вас отправлять в этап, в ссылку». Кожзавод был, иде *щас* Еремеевы *живутъ*. Там амбар старый оставался от завода. *Нацальником* был Трифонов, его завод был. Ну а потом сгорел он. На том заводе уже наше поколение работали. Про церковь помню только, ломали как, у 37-м году это было. Разбирали *кирпищи*, *сымали* колокола, разбирали ограду и увозили в Авзян на завод вроде бы. Многие женщины проклинали тех, кто ломал *церкву*. *Сказывали*, что красавицей она была, даже колокольня была. Монахов много было раньше, в ограде церкви похоронены были. Раз, помню, когда клуб *ишио* был там, могилку одного из них открывали. Ну я возьми и заглянула туда из любопытства – там пластинка железная была, ну и все. *Нище* я там не увидела. Зато после во сне мне *присниси* стариk в длинной *щерной* рясе и ловил он меня. Потом я бабам етот сон рассказывала, они сказали – подать надо кому-то [милостыню]. Сажилка называется так потому, что лес был рядом саженый. Яма там была, уголь был, ну и яма пороховая. Там иконы вешали и ходили молиться на Девятую пятницу, на Обещаный день. Святая вода вроде тут. А на Елань «Оторванка» говорили – оторвана, порознь, *значить*. Иконы из дома приносили у Сажилку и какие были, их вешали. (Андреянова Татьяна Степановна, 1937 г. р., Андреянов Петр Николаевич, 1935 г. р., СЗ, Л. 22-25, 2004, Кага).

174 б. Обещаный праздник – 21 августа, он только у нас у Каге. Ну вроде раньше *щума* была, умирали *усе*, их в общую яму и складывали. Ну а люди сделали обещание, что *будуть* молиться, помнить этот день, *иили* на кладбище. Ну и вроде перестала *щума-то*. До сих пор ходим на кладбище в

этот день. Это только у нас такое. А в Авзяне – Троица большой праздник, ходють на кладбище, поминают родителей. Нижний Авзян. Жителей, звали «киргизами», нас – «кулажниками» звали, кагинских. Мы из Каги у Авзян ходили, там рынок был, мы ходили туда яйца продавали, пшеницу. И говор у нас разный - там говорять: «От, змея, ушел куды-то» и тянуть они, а у нас – «Язва-а». Молодежь ведь так теперь не говорять, теперь другой разговор. Нижний Авзян больше с Верхним Авзяном был – больница сближала, да и ближе, щем до Каги. Свадьба, например, отлищается у Авзяне и у нас, и щас по-разному усе. У нас приезжают за постелью, а у их надо постель везти туды, к жениху. (Андрянова Татьяна Степановна, 1937 г. р., Андрянов Петр Николаевич, 1935 г. р., СЗ, Л. 22-25, 2004, Кага).

175. Раньше башкир ощень много было, они на Елани жили, только потом переехали на Бельский и подальше. А относились к русским и мы к ним ощень хорошо, не как теперь, не разбрали, кто какой. Отлично относились. Учились вместе, когда их много было. Жили и все. Раз как-то у школе уши [вши] обнаружили у кого-то и всех стали стричь, всех подряд. Помню, мы ощень просили, чтобы не стрыгли Фаю Сагунбаеву, потому что волосы у нее красивые были. Просили мы, заступались за нее – все равно обстрягли. Тогда ведь не понимали, не разбирали, кто какой, жили и все. Уж если обозлятся, «собакой» башкир обзовут, не больше. А пощему так их обзывали, не знаю. И с Хаметовой к нам они приезжали, серу продавали, они ведь картошку не сажали – у нас покупали. А потом и сами, глядя на нас, сажать стали. (Андрянова Татьяна Степановна, 1937 г. р., Андрянов Петр Николаевич, 1935 г. р., СЗ, Л. 26, 2006, Кага).

176а. Церковь ломали, когда я девоцкой была ишио. Мама мене водила за руку Центр, иде раздорожье. Ну, что, смотрели мы усе стояли, как сломали ее, народ усе плакали. Сломали церковь, спилили крест, помню, как он падал униз, кирпичи скидывали. Там окна были, сверху-то, ну доску положили и по разные края людей поставили – один по одну сторону доски, другой – по другую сторону. Такой шум пошел, а все ревели стояли. Ох ревели! Колокол

хорошай был, *добрай*. Завидовали *усе*. А потом *усе* увезли то ли у Белорецк, то ли у Магнитку. Я как-то по *телевизеру* видела такой же колокол у Москве, такой и у нас раньше был, больше нигде таких не было! Маму мою звали Лаврухина Домна Григорьевна, не помню, с какого году она была. Первая церковь была на Еланской горе, деревянная была. Ну а завод возле реки был, *иде щас* молоко *принимают*. Эта церковь сгорела, когда завод сгорел. Там дом стоял, масло там один варил, чтобы полы красить, ну и *устыхнуло усе*. (Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., СЗ, Л. 26-28, 2004, Кага).

176 б. *От* мать *мене* рассказывала. Дед наш Ситнов был *шибко* дружен с батюшкой нашим кагинским. Ну мать моя ходила помогать им. Лесик тут был, мать тоже рассказывала, молоденькая она *ишио* была. *Иде* сын мой, Колька, *живеть*, там могильник раньше был. Они гробы *раскапывают*, *пашут* *када* огород, а ниже домом косу женскую толстую у *колодщике* нашли. От как! Потом только люди на *етих* местах строиться *нащали*. Кто *откеда* приехал сюда, отовсюду. Бабка из Ломовки приехала моя. У *мене* и мама ломовская была, Горелова писалась, потом замуж вышла за Лаврухина. А моя улошная фамилия – Абашкина. У нас тут жуть – 33 *фамилиев*, а у городе этого нет. Кагинские авзянских звали «соколы», вроде это не *оценень* хорошо как то, кагинских ишио «кулажники» звали, потому что у голодный год кулагу варили и ели из *аржаной* муки. Авзянских мы «мякинниками» звали, наверно потому, что они мякину ели, ну вроде из отрубей. А нижнеавзянских звали «киргизы», «долгополые». Ну а говор у каждого свой – это врожденное. (Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., СЗ, Л. 26-28, 2004, Кага).

177. А про Сажилку матерна мать *ще* рассказывала. Была *щума*, умирали люди, по 7 гробов за день и *усех* у общую могилу валили. *Ета* могила и теперь есть у входа на могильник. Ну и обещал народ молиться и у церкву ходить, и на кладбище. Вот *иде* старый сельсовет раньше был, там газовики жили недавно, там батюшка был. Собирался народ, скотину приводили туда. Батюшка молитву *щитал*, лампадкой освещал, скотину вокруг за ним несколько раз люди обводили. Рассказывали, скотина ревела-то, прям

мурашки *мене*. И люди ревели, а скотина *ишио пущише*. Потом остановилась *щума-то*, не стали помирать. До сих пор на Обещаный молиться ходють на родник и на кладбище. (Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., СЗ, Л. 28, 2004, Кага).

178. Раньше усякий народ тут был, усякие были национальности. Башкыры у нас были и есть. Я *девицонкой* была, помню, *мене* рассказывали. Дед Ситнов, бывало, за хлебом *щерез* Хаметькино ездил, *щуть* голову они ему не прорубили. Ну наш дед приехал, *ждеть* товарища Ромашкина. Лошадь выпряг, *кормить*. А *ентот* брат дедов знал *башкырский* язык-то. «Ну, слышишь, о *щем* они *говорять, башкыры-то?*» Они же с хлебом, с возами, ну и решили, давай, дескать, убьем и хлеб у них отберем. Он и *говорить* деду: «*Айда отседа текать, мол, они, башкыры, вон щего замыслили, убить нас хотять*». Убили бы, *кабы* не знал мужик *башкырского* языка. Их, *башкыр*, и раньше собаками звали. Это дед мне рассказывал, *Григорий*, но я его тятькой звала. (Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., СЗ, Л. 29, 2004, Кага).

179. Драпкина гора называется так потому, что Драп раньше жил тут. Он был *нацальник усему* заводу. Мать говорила, самостоятельный был *щеловек, хороший*. А потом завод сожгли и он уехал, наверно. *Нерусской* он был, *щас нету едаких фамилиев*. У голову у нас крест не ставили сроду. Он головой Богу молится вроде, потому крест ставили у ноги покойнику. (Абакумова Анна Никитична, 1925 г. р., СЗ, Л. 30, 2004, Кага).

180. Отец мой, Петр Ефимович Артемьев, 1892 года рождения, говорил, откуда приехали сюда наши предки, ну я вот уже не помню. И вот Карантин, Этап звали так потому, что там остановка была, проверка, медицина была ведь во все годы. Ехали с той стороны, знать, ну вот на Карантине проверяли их. Там и *ссыльные* были, всякие. Много отец рассказывал об этом, а ему в свой срок его отец рассказывал, дед мой, но я деда-то не помню совсем. Но мы, родня вся наша, *щисто* русские. Русские старались раньше за русских *идти*, а теперь смешанные браки – не удивление. Башкиры ведь пришли сюда после, откуда только – не знаю. Вражда была и раньше, их ведь так и звали – «*башкЫры*». Убивали и башкиры русских и русские башкир.

Пришельцы они. Мне лет 5 было, помню, жили мы за горой, за Сафоном. Там ведь люди раньше жили, *щас* в Каге меньше людей, все разъехались, кто ведь куда уехал. *Кабы* не разъехались, теперь бы больше Белорецка город был. А церковь деревянная была самая первая, где производство стояло, завод был. Драп был, немец, *нащальник* завода. На горе жил, на Еланской. Мне Алексей Егорович рассказывал, муж мой. Справедливый он был, все видел, что происходило на заводе. Если увидит, *ще* не так делается, наказывал штрафом ли *щем* ли. Следил с горы, раньше ведь и бинокли тоже были, вот он и наблюдал. В 1911-м году Кага горела. Тут везде были дома, все сгорело, завод тоже. Сколько гвоздей потом было, находили, ну а остатки отвезли в Белорецк. Если бы не сгорела Кага, больше Белорецка бы теперь была. Рассказывали, один мужик варил масло, а вокруг стружки на полу были. Ну и вот то ли искра упала на пол, то ли закурил кто – и *усыхнул* дом, а потом все село. Отец тогда поехал в сторону Верхнего Авзяна, ему встречный *говорить*, оглянись, мол, *горить* все. И правда, дым позади него стоял. Пруд ведь раньше огромный был, вот ускажние ловили сундуки и все другое добро. Ну а другая церковь наша, Никольская, нет ей равных. Есть такая подобная в Москве. Я сама ездила, искала, не нашла. Их один мастер строил. Это давно совсем было. Купола были, 4 купола блестели как под золотом. Красавица была, хоть теперь и камолая. Я с бабушкой в церковь с малых лет *нащала* ходить и ведь народу-то было не только много – ужас как много, не как *щас* 8-10 *щеловек*. Полон зал был и с боков стояли. Алтарь был *позолощенный*, люстры со *свещами*, ой! Мужиков очень много ходило, очень много. Певчие так хорошо пели, *заслушаешься*. Папаша всегда на Вербную в церковь ходил. Вербохлест, бей до слез! Колокол какой был большой, даже в Хаметьево слышно было. На Пасху идешь аж под пляску, вот какой звук был! А колокольня, идешь, идешь к ней – огромная! Теперь такого не найдешь нигде. Дьякон был, подпевал. Звонарь, Звон Гаврилыч был, он отдельно жил, согнутый такой, в сторожке жил. И руками, и ногами звонил, ведь колокола были *большия и маленькия*. Батюшка здесь жил Марсов, я

помню еще дочь у него. В этом доме возле церкви они жили, он на церковные деньги был у них выстроен. Хороший был батюшка, православный. Зачем этот дом продали? Из старинного леса он, амбары такие были, *усе щас* распродали. Веровали раньше в Бога крепко! А сейчас пожилые женщины и то не ходят – стыд! Первый камень [о церкви] закладывал Татаринов и то *спокою* не дали ему. Он захоронен в ограде церкви. Лоскутов и Желнин откапывали могилу, думали, что крест золотой у него *сохранился*. До чего дошли, вот что творили! Разрушили церковь коммунисты и большевики. В те годы батюшеч живыми закапывали, ссылали, вот власть-то была! Колокольню ломали в 64-ом году. Я помню, председателем сельсовета был Зотов, председателем колхоза, первым, был Пойлов, потом Осипов – они ломали, а зря, - грех. Все потом продали. Крест спиливали – он упал и сейчас вмятина на крыльце есть. Тогда в церкви у нас крестили, *веницами*, отпевали. Да уж, икон сколько там было – полно! Везде снаружи кресты и святые были. Усе захламили, скот загоняли туда, *усячина* было. Закрыли бы, запечатали, все от начальства зависело. Ни один ведь не построил, только разрушать мастера! А Бог ведь есть. По горе плакали люди, стояли вокруг, когда ломали церковь, - Богу молились. А потом всех Бог и наказал – погибли *усе*. Так и говорили – околели *усе*! (Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г. р., СЗ, Л. 31-35, 2004, Кага).

181. Сажилка – святое место, вода там святая идет, хоть как говори. На Девятую пятницу туда ходили и теперь ходим. Раньше там батюшка служил и очень, очень много нарому ходило. А про Обещаный день вот как отец рассказывал. Холера была, эпидемия, ну, это еще до пожара, до 11-го года было. Ну что, каждый день по 5-6 гробов сразу было. И тут при входе на кладбище бугрина была, могила общая. Не успевали хоронить людей и всех в общую яму клали. Ну потом, *дескатъ*, колдун прошел, его на Белой поймали и убили, а в голову воткнули осиновый кол. Люди дали обещание не работать в этот день, молиться, так как после смерти колдуна никто больше не умер. Этот день, 21 августа, есть только в Каге. Раньше вера была, меньше было

убийств, а теперь ничего никто не боится. (Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г. р., СЗ, Л. 36, 2004, Кага).

182. Наши дома в Каге раньше тьму сплавляли, это теперь *продают*. Кага ведь большая была, наши дома и сплавляли на продажу. Эти дома в Авзяне, Стерлитамаке есть, это наши, кагинские дома. (Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г. р., СЗ, Л. 37, 2004, Кага).

183. От старых людей слышала, что Кага – московские люди, из Москвы привезенные. Авзян – тоже говорили, *откеда* народ, но я не помню. Про Драпа че я знаю. Он жил у Белорецке, а наш Фома из Каги возил его из Белорецка на завод. Потом они жили *на гребню против* пруда. Он, бывало, *выйдеть* на гребень-то и *смотриТЬ* на завод, *наблюдаить*. Ну это вот потому и гора зовется – Драпкина. От отца я слышала, что *строгай* он был. В 1911-ом году завод сгорел, тогда *поищти уся* Кага выгорела. Вот где *щас* Оглоблищева Танька *живеть*, повыше ее тут раньше жил хозяин один, варил масло - у избенке пол красить. Ну так и пожар произошел. Ураган был, моментом *усе* сгорело. В Остикайку даже головешки летели, вот как рассказывали. *Шарабры-то* у Кагу летели, ну *усе* плыло. Ну а *ще осталось*, *усе* увезли на завод у Белорецке. Потом и станки увезли, остатки-то. Как строили церковь, я не помню, а вот как ломали, расскажу тебе. Я маленькая была, мы с бабкой Тарасовой выходили на бугор, смотрели. Пилили хрест. За него привязывали веревки и двое доску просовывали. Хрест хотели свалить, но он как пошел на свое место, так и упал туда, перетянул. Так страшно падал, жуть прям, так и *вопилси*. Бабушка со мной стояла, ой как она переживала, ну так потом заболела и померла. Да все тогда переживали страшно, такое дело. Моей золовки свекр и брат у нее был – вот он *хрест* и ломал, а потом *повесилси* он так. Яшещкин тоже ломал церковь – он на войне погиб. Раньше ведь как было. Я ходила в церковь с бабушкой, бывало, не *шевелюси* там, замру и стою. А Татаринов, что у церкви захоронен, вот его откапывали – Лаврик (Толя Лаврухин) и Архипыц Желнин, правда много не окопали, не достали. Вот ведь что творили! Про Сажилку говорили, что

святой источник на том месте выходил. Это я от деда Щернаткина Ивана Васильевича слыхала. И *щас*, и раньше там иконы стояли, люди приносили *навроде*. А Обещаный день *празднують* 21 августа. Это раньше говорили, ходила холера, носили по 20 гробов. Ну люди обещали праздновать этот день, помнить беду *ету*, молиться. С тех пор и помним, празднуем, вспоминем умерших. А вот у Авзяне *празднують* Девятую пятницу, она вот бывает, когда капусту *сажают*. Там на *клюци*, на колодец *ходют*. Мы тоже один раз ходили туда на Малиновую гору, молились. Щас там *щасовню* постали, раньше ее не было. (Логинова Наталья Михайловна, 1924 г. р., СЗ, Л. 38-39, 2004, Кага).

184. Раньше тут вроде одни только русские жили. Тут *ишио* лес был, здесь рубили его и ставили избушки. У нас и *щас* до сих пор под двором корни от деревьев *вылазют* то и дело. Правда, они обопрели уже, а все равно *видать* их. Лес был тут. Авзянских как зовут? Так и *называют* – «а там не слыхали, когда *абзянцы* *приедут?*». А Нижний Авзян больше к Каге *примыкает*. Жили раньше дружно, не как теперь. (Логинова Наталья Михайловна, 1924 г. р., СЗ, Л. 40, 2004, Кага).

185. Обещаный праздник есть и в Каге, и в Авзяне, только в разные времена. В Каге его *празднують* 21 августа, а в Авзяне – 31 августа. Про Кагу я знаю. В тот год много людей здесь умерло, эпидемия какая-то была. В день по несколько гробов носили, умирали и взрослые, и дети. И вот наступил день, в который никто не умер. Вот люди и обещали помнить и праздновать этот день, стали молиться. Ну и вроде прекратилась эпидемия. Я не помню, когда, в какой год это было. В Авзяне тоже вроде эпидемия была. Общая могила в Каге есть. В Авзяне общая могила большая, за ней до сего дня ухаживают. В этом году ее огородили, поставили большой крест на ней. К могиле люди идут все время – никогда мимо не проходят. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 41, 2004, Кага).

186. Тут, в Каге, был железоделательный завод, выпускали проволоку, гвозди. Начальником был немец Драпе. А в Авзяне были две домны, там

выплавляли чугун, работали. Руководил заводом в Авзяне Пенто, француз. Тетя Соня Чернаткина мне рассказывала, как она жила у Драпе в прислугах. Вот на горе старая школа раньше была больницей. Эту больницу строил Драпе для своих рабочих. Говорила, что справедливым он был, честным. Ну вот она ему белье стирала, гладила. Говорила, что было у него очень много носовых платков, каждый помечен был. Ну а кухарка их один раз взяла и стала сдавать кастелянше. Ну вот он, Драпе-то, потом заметил недостачу платков и говорит ей: «Выдержу у тебя из зарплаты». Она заревела и говорит: «Я, барин, не брала». Правда, говорит, *разобрался* он потом, нашел платки. Ту, вторую. Выгнал, а перед теткой извинился. Ну а Драпкина гора называется так, потому что он жил тут, в доме. Дом Драпе большой был, *хорошай*. Его потом, наверно, сожгли, а Драпе сам уехал. В 11-ом году пожар тут был, сгорела было почти вся Кага, он и уехал. Завод ведь тоже сгорел. В Авзяне Пенто до революции так и жил, по-моему. Вот щас где плотина, там он жил. Знаю, что церкви строило неместное население и в Авзяне, и в Каге. В Авзяне и *ицас* она работает, ее восстановили, когда батюшка приехал, а ему вроде леспромхоз помог. Как и в Каге, в Авзяне тоже был купол, их сломали. Я помню, как снимали в Авзяне колокол и крест, машина подходила, увозили все. Крест стоял большой, золотой он был. Я хорошо запомнила, мы тогда шли из леса с ягодами. Солнце уже пошло на закат и уж сильно горел крест на солнце, сильно горел, слепил. Здесь в Каге сельсовет разрешил кирпичи продавать, когда церковь ломали, ее уже позже ломали. Был в Авзяне свой батюшка – Федоров, дед Веры Александровны. В 35-ом году и здесь, и в Авзяне около церкви были построены церковные школы. Потом их забрали, увезли, отправили в неизвестном направлении и так они и погибли где-то. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 42-43, 2004, Кага).

187а. Ну а про староверов вот что скажу. В Верхнем Авзяне их было меньше, в Нижнем Авзяне – больше. Там в основном староверы жили. Родители наши постоянно говорили, спрашивали, почему мол в Верхнем Авзяне батюшка постоянно живет, а в Нижнем Авзяне приход очень бедный, да и батюшки

своего нету. А эти староверы не ходили в общую церковь, не молились на иконы, потому и приход был бедный. Насчет креста у Авзяне до сих пор спорють, куда ставить – в ноги или в голову. Там, говорят, кто как кладут, кто как сумееть. До сих пор ведь до драки. Вот когда мой отец умер (Агеев Аким Артемьевич), теща все на своем стояла, мол, надо ставить крест в голову, потому что крест носят на шее, а не на ногах. Так и поставили отцу крест в голову. В Нижнем Авзяне до сих пор есть свое кладбище, там они и хоронют. А в Верхнем Авзяне огромное кладбище. Отец мой рассказывал, как они делали каменную ограду: таскали камни, помогали сажать деревья. Он еще говорил, что если человек сам себе смерть нашел (самоубийца), - их хоронили отдельно. Специально таким был отведен задний угол на кладбище, их не отпевали, не разрешали, - родные, родители должны были молиться за умершего, замаливать грехи. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 44-45, 2004, Кага).

1876. Верхнеавзянских «мякинниками» звали, кагинских – «кулажниками». В Авзяне в речи окончания мягкие, а в Каге этого не было, а если и было, то реже. Тут говорили грамотнее, чем в Авзяне. Авзян, Кага, Узян – из разных областей привезенные люди. В один населенный пункт из одной области привозили, в другой – из другой области, потому и говор у нас *отличается*. Я где-то *цитала*, что привозили сюда людей в основном из центральных областей – Новгородская, Курская области. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 44-45, 2004, Кага).

188. В Авзяне есть Малиновая гора, на ней много родничков. Около одного из них раньше была часовенка, там отмечали Девятую пятницу. Ее потом разобрали, а *щас* построили заново. На девятой неделе после Пасхи там собирались люди, было очень много приезжих со всех концов – с Каги, Белорецка, Узяна, сами авзянские. Там служба была. А здесь часовню строил один купец Ларищев, мне отец говорил. Вода в Сажилке святая, она из-под земли выходит. Здесь вода прозрачная, жесткая, а вот в Авзяне она как будто

голубая, подсиненная вроде и мягкая. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 46, 2004, Кага).

189. Моя прабабушка, мать моего деда, была кагинская. Еще тогда считали, что за нерусского идти [замуж] – редкость. Лучше не надо. Одна женщина в Авзяне вышла за нерусского, на Бритяке они жили. Вот ее осуждали все, не одобряли вроде. Башкиры с нами тут раньше не жили. Жили рядом, в соседних деревнях, например, в Хаметово. Они постоянно ездили в Авзян. По понедельникам в Авзяне был базар, потом его перенесли на воскресенье. Много их ездило. Везли и мясо, и шерсть, и живую скотину. У нас тогда было два знакомых башкира – старый и молодой. Старый никаких компаний не любил и не видил с собой. Бывало, заходить в дом, много не разговаривает, сам заварить себе чай и начинает пить, пока самовар не осушить – из-за стола не вылезить. А другой, тот целые компании за собой приводил к нам в дом, всю ночь пили, гуляли. Он из деревни Тамбаево вроде был. (Юлина Анна Акимовна, 1927 г. р., СЗ, Л. 47, 2005, Кага).

190. Отца моего звали Дронов Дмитрий Варнеич, 1891 года рождения, мать – Дронова Нина Кузьмовна, 1893 года рождения. Мамка рассказывала, что приехали в эти места выселенные откуда-то и Кага так оказалась. *От* какая *оказия*. А откуда эти люди были выселенные, я не помню уже. *От* где *щас* колодец у нас на огороде, тут раньше *рецка* текла. Завод тут был, *нацальником* главным *на ем* Драпка был вроде. А потом после пожара *усе* на завод 706 у Белорецк отвезли. В 11-ом году *получили* пожар. *Ет* вот на Елани дед варил масло полы красить и упустил его. Так и загорелся *усе*. А тогда ведь лес у пруду был. Было так, что смотришь – у воде лес стоймя *стоить*, а макушки огнем *горять*, вот какой пожар был *тута*. Плотина сгорела *уся*. На Усть-Кагу возили добро *усякое*, а оно *усе* и утекло так. Раньше, когда тут люди *шио* не жили, лес рубили эти *выселенныя-то*, дед наш был плотник, дрова рубил. Мельница была *дли* Седова Петра Иваныча, там кожу выделывали. Герасимов ее держал. Потом их *раскулачили* и они уехали, Герасимовы-то. *Мене* мама рассказывала, как подъехали к ним гусем,

а уж ревели-то *усе*, кто рядом стоял. Они с мужуком вышли под руку из второй избы и она запела: «Был бы *милай* по душе, проживем и в шалаше». Посадили их и увезли, а ведь потом они оказались у Магнитке, *богащами* стали. Про Татаринова слыхала, что он вроде *церкву* строил нашу. Потом мамка рассказывала, что Хрол *хрест* спилил. Да, *говорить, хрест* у землю метра на 3 ушел, вот как *хряснулся!* А ведь какая она красивая была, *ужасть* прямо! (Королева Татьяна Дмитриевна, 1930 г. р., СЗ, Л. 48-49, 2004, Кага).

191. Сажилка – святой *истощник*, он *усе* время был и есть. Вроде говорили, что там какой-то святой *появился* или *показался*, а потом вроде и вода пошла. Или вроде икона какая-то там показалась, нарисованная что ли она была. Не знаю. А про Обещаный так слыхала. Мама говорила, что приехал один *щеловек*, вот у нашей улице он жил. Вроде, ездил у гости, ну и захворал холерой. Так и *заразился*; валились *усе*. Сперва гробы делали, а уж потом на лошадь, у *дерюги* завертывали покойников и у общую яму кидали. Мой дед богащ был, работников держал. Поехал он на рудник, а бабка ему *говорить*: «Варней, гоняй быстрей, а то судорога!» Намазала его *щистым дегтям*, поехал он. И *щас* ведь тут смеются над *етими* словами, а ведь тогда не до смеха было. Он не доехал до покоса, захворал *ентой* холерой – отхаживали, натирали дрожжами, только *етим* и *спасалися*. Говорили, что судорогой стягивало *усе* тело. До Пашки Колесниковой [граница между концами села – Центром и Устье Кагой] болезнь дошла и дали обещание, если мол *этого* *щисла* (21 августа) прекратится болезнь, - *будуть* люди праздновать, поминать *огурсами* и костеникою. Ну и успокоилася холера. Бабку Анисиху, говорили, отходили льдом. Она просила, мол, *дайтЯ* лед, ну вот и давали ей лед, отошла от судороги. Он, *ентот* праздник, нигде не празднуется, только у нас, у Каге. (Королева Татьяна Дмитриевна, 1930 г. р., СЗ, Л. 50-51, 2004, Кага).

192. Кагинских так давно звали – «кулажники», а авзянских – «мякинники», потому что кагинские сильно кулагу до смерти любили, а варили *ету* кулагу из *аржаной* муки и калины. *Ще* говорить про соседние села, *езли* сами *кагинския* *дралися* между собой кольями. Тогда граница была между

Центром и Устье Кагой – дом Пашки Колесниковой. *Езли*, например, замостние, али центровские *перейдутъ* дом Пашкин, то есть к уськажним – то мялка была. Вот как было. Село наше *щисто* русское, *башкыры* вот только появились тут. Мать так и говорила: «Прогневиши башкыр, пиздец, *убьють* сразу, не успеешь *оцухаться*». Отец мой так и ездил везде с заряженным ружьем, мало ли... Раз поехал он на Узян молоть воз ржи. Вот *встрецаются* два знакомых *башкыра*, он их сразу узнал, а они видно его не признали. *Сумероцки* уже. Один из них хотел было за повод схватить, да отец ружье схватил и *нацал уверх* палил. Так и *узад* палил, была убил, пока они от него убегали. Ведь он их сразу признал – они друзьями ему были. А раз за хлебом отец ездил у Стерлитамак. Пустили на квартиру его *башкыры перенощевать*. Ну *нощью* он *услыхал* их разговор, мол, *давайтъ* убьем их, а сани на повети склоним. Тятька втихомолку разбудил своих и они были и нет – утекли. *Кабы не* знал отец *башкырского языка* – убили бы они их и ваших нету. Наша семья на хуторах тогда жила, дружно жила, помню, мать *башкыр* даже кормила. Бывало, *нальеть* ведро воды у самовар, так и не успевала его кипятить – *усе* выпивали. Так мы и *науцились по-ихнему щай* пить. Дружили с *ими*. (Королева Татьяна Дмитриевна, 1930 г. р., СЗ, Л. 52-53, 2006, Кага).

193. Тятьку звали Александр *Александрыш*, 1906 года рождения, его проводили на войну, там и убили. Он рассказывал, что завод тут *щугунный* был, на *ем щугуны* плавили, гвозди, железо. Ну а потом пожар был, даром что река тут, головешки летели – сила! Усть-Кага маленько *соцелела*. Плыли на бревенках в *ету* сторону, а посмотришь назад – *уся* спина у *его горить*. Тут Драп жил, он был главным на заводе. Немец он был и вроде, мать говорила, что его пригласили сюда. А церкву тоже какой-то немец строил своими руками, никакой техники тогда не было. Его тоже вроде пригласили к нам. *Кирпичи* лили, их и *щас трепуть* и никак не могут растрепать. Колокола были не то ли! Колька мой, муж, *маленькой* был, тогда колокола целы были – он лазил на них, смотрел, *кабы* пожар где. Если что заметить, звонили в колокола сразу же. Мама говорила, ломали нашу церкву здорово: кресты

летели, *усе* падало. А кто ломал-то, его кляли. Ну раз приказ пришел – ломать, знать так надо. *Усе* похрястали, *киртици* выбили. Изо всех она красавицей была! Там, *иде* сирень, *унизу*, вроде кто-то скончен, а кто, не знаю, врать не буду. (Гнедкова Евдокия Александровна, 1934 г. р., СЗ, Л. 54, 2004, Кага).

194. Сажилка, давно ли она, не знает никто. И *щас-то* народушку *ездютъ* полно! Говорять, за святой водой *приезжаютъ*, она и руки не ломить, хоть и ледяная, и ноги, ей умываются и не болеить никто. Мы с Колькой 9 лет на Елани жили и *усе* время к Сажилке ходили за водою. А про Обещаный я слыхала, вроде болезнь была, падали и умирали. Холера ли, *щума* ли. По 9-10 *щеловек* умирало. Ну, потом люди *собралися*, дали слово, что *будутъ* молиться и поминать. Ну и *быдто* помолились и стали меньше умирать. Это 21 августа, *ощень хорошай* праздник. *Ездютъ* сюда даже из городу. *Загадаютъ*, например, мол пусть *будеть* так и так то и всегда *ездютъ* сюда. Наши *матеря* рассказывали, что были две общие ямы, куда *валиси* народ-то. Зима – не зима, ветер – не ветер, шли у Сажилку. Как Девятая пятница, так ходили в Авзян на Малиновую гору, к *колодицику*, Богу молились. Бывало *скажутъ*: «*Айдатя помолимси*». На столе Божья Мать икона стояла, я *иио* помню. Поляна там была, даже траву рвали для скотины – она освященная была, воду набирали. Я с мамкой туда ходила, маленькая была. Нельзя было ни есть утром, ни пить, пока молебен полный *не пройдетъ*. *Усе* пешком, бывало, *скажутъ*: «Туда только пешком, не ехать!» Только потом от Авзяна *подымиси* у гору и там *у клюще* закусываешь. Это вот весной было. А ведь икона вся как зеркало была, на нее *усе* вешали: товар, полотенца. (Гнедкова Евдокия Александровна, 1934 г. р., СЗ, Л. 55-56, 2004, Кага).

195. Мы, *кагинския*, «кулажники» были, а *авзянския* – «мякинники». Вражда между нами и *ими* была. И между нами тоже: Усть Кага – Замост – Елань. А с авзянскими вообще драки были *несусветные*. Нижнеавзянских вроде «киргизами» звали, «мулюками». С узянскими как-то *не зналися*. А в Авзяне была тогда золотая лавка, туда мы сдавали золото, постоянно к ним ходили.

Говор у нас один, но *разлиция* есть. *Авзянская* на «я» - «ВанькЯ», «МанькЯ», а у нас *етого* нет. Говор *ще* – над нами и теперь смеются! (Гнедкова Евдокия Александровна, 1934 г. р., СЗ, Л. 57, 2006, Кага).

196. *Щас башкыр* стало больше. Они у войну ходили Христа ради собирали, кому дрова нанимались попилить, кому *ще*. Помогали у войну друг другу. Мамка говорила, что *башкыры* большое место занимали раньше, даже больше русских. Они продавали покосы, закупали земли. Бай они были, обширное место занимали. Мать, бывало, *скажеть*: «Купили у них земли - будем покос убирать, а нет, так нет». Спокон веков они узяли у руки *усе*, а *щас* и вовсе. А замуж за *башкыр* не шли – сроду нельзя, на что они нужны! Лучше уж одной жить. И они как-то русских не брали. Из соседних деревень мало девок брали замуж. Это *щас* куда *хош* – у Авзян, Узян, а то и дальше. (Гнедкова Евдокия Александровна, 1934 г. р., СЗ, Л. 58, 2004, Кага).

197а. Мама говорила, что предки наши – какие-то сосланные были. Они и строили Кагу. На пруду, на его месте, лес был. Кагу назвали по *рецке* и Авзян также. А вот церкву строил вроде Татаринов. Завод тута был, даже говорили, гвозди вроде делали. В 11-ом году он сгорел. Старики говорили, что бревны горели и летели у пруд и у нем горели, даром что у воде. Драп, говорили, был – на заводе *главнай* был. Церкву ломали крепко, знаю, что Хрол крест тянул, страшно было. Обещаный праздник, да и про него старики говорили. Это народ умирал когда, *щума* какая-то ходила. Валились люди, была специальная яма. Ну народ и обещали, что 21 августа *будуть* ходить на кладбище, так и *празднують* до сих пор его. *Хорошай* праздник. А Сажилки не было раньше. *Снацала* был *люч*, потом построили *щасовенку*. Тут, где она *щас* *стоить*, были дома. Гора называется «Оторванкой», тут целые улицы были, дома повсюду. Сколь я жила на Елани, вот там было домов! На Девятую пятницу ходили Богу молиться у Авзян, а после уже стали ходить к Сажилке. А еще раньше наши родители ходили у Табынскую богу молиться. Моя бабка, как мать (Андреева Мария Васильевна, 1909 года рождения) рассказывала, ходила туда молиться. Пришла оттуда, а Кага сгорела – ни

дома, ни ребятишек (в 11-ом году). Так и померла сразу, сердце разорвалось. А ребятишки на горе сидели, спаслися. Так и отсталися одни *каплюшечки*. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., Желнин Василий Александрович, 1934 г. р., СЗ, Л. 59-60, 2004, Кага).

197 б. Драки были жуткие, парни одной части Каги шли на парней другой части, из-за чего-нибудь такие драки были, аж жуть! Да и девки Усть-Каги выходили замуж только за парней Усть-Каги, так было раньше. Попробуй выйти за авзянского или за парня из Замоста, нельзя было. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., СЗ, Л. 59-60, 2004, Кага).

198. «*Девицаты* постарше на посиделки ходили, пряли лен. Мялка была, потом – ступа деревянная. Намнешь – *мякинькая* становится, *натолицешь*, потом прясть. Делали платья, кофты суконные, онучки толстые из сукна, как *навроде* сейчас портняки. Трещь в горячей бане длинную [нитку], чтоб мягкая была, потом сколько надо, отрезаешь. Пряли когда, углей на тарелку [накладешь], свету-то не было, ни ламп керосиновых. Давали ребенку держать. А спать охота. *Говорять*: «Не спи, давай свети, спать успеешь». Ни штор, ни занавесок не было» (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., СЗ, Л. 61, 2004, Кага).

2007 год

199. *Башкыр* ведь раньше не было. Русское наше село. Строили Кагу *ненашенская*. Ведь раньше жили дружно, не ругались. Но позором было идти замуж за *башкыров*, *стыдилися* как-то. Это *щас не разбирают* – татар ли он, *башкыр* ли, немец ли. Бусурманы стали теперь – никто никого не стал слушаться. Да мы и в больницу-то не ходим уже. Боятся все. Бабы *говорять*, мол, не знай *лечуть* там, не знай *калечуть*. Врач – *нерусской*, сказали, вырезать всех русских *хощеть*. Вот что творится-то у нас. Вот иди после этого у больницу-то. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., СЗ, Л. 9, 2007, Кага).

200. На самых первых порах шерсть били руками. Деревянная штука такая была, ее рукой крутили и били шерсть. Это позже уже крутить перестали, машина появилась, вот как у нас на шерстобитке на пруду. Она и *щас* там

есть, я лет пять назад била там шерстенку. А теперь вроде и не *открывают* ее даже. Бывало, бегаешь *туда-сюда*, а отец недоволен - стираются лапти. Так лапти через плечо и – пошла. Раньше жили бедно, но весело. Скот пасешь, померяешь лаптями время – ага, *значить*, скоро уже домой. Лаптями меряли, часов-то не было. По лаптям жили. А *щас* пьянство, дискотеки, курять да *пьютъ*. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., СЗ, Л. 10, 2007, Кага).

201. Раньше работал сам, усю жизнь у избенке ремонтировал обувь, валенки, сапоги – все, что приносили, никому не отказывал. Никто не мешал: приносили заказ, делал – забирали в *назначенное* время. Потом внуки пошли, теперь вот уже они сами *подшивають*, они *командуютъ*, а *у мене* уже руки не те, одна и вовсе не *подымается*. Не забыл, конечно, ремесло свое, а здоровье не *даетъ*. Крышу крыли с ними вместе, железо загинали для *этого*, заслонки делал. И *щас* который раз Королиха [соседка] *придетъ*: «Айда, *Карицк*, труба повалилась». А я куда теперь, только командовать *езли*, то схожу, не бросишь ведь, свои усе. Так теперь вот у мою избенку все и ходятъ, кому ще надо, то цепь *помощить*, то валенок зашить, то за *инструментом* каким. *Усе* время *идуть*, а я сам уже не как раньше, здоровье не то. (Желнин Василий Александрович, 1934 г. р., СЗ, Л. 11, 2007, Кага).

202. Были раньше дерзкие, заядлые охотники. Ну *ет* как я, к примеру, *об* рыбе всегда переживал, ни дня без *рецки* не мог. Теперь таких не стало, все больше балуются, приезжие *усякие*. А раньше, бывало, с ума сходили: охотники - *об лесе*, рыбаки - *об* рыбе. (Желнин Василий Александрович, 1934 г. р., СЗ, Л. 12, 2007, Кага).

203. Раньше хоть расколись ты, не брали [замуж] националы русских и наоборот. Из другого села не брали невесту, жениха. А *щас* некоторые с башкирами, татарами *живутъ* лучше русских. Раньше где завод стоял, были две улицы: Большая и *Больницная*. Местное население, где завод, – пригнанный народ, где плотина завод стоял. «Литва» - дед сказывал, что мы из Литвы (это город за Свердловском, вроде), вот *оттэда* пригнаны они были. По той стороне Емельян шел. Екатерина приезжала сюда, *эт* мы в

школе изучали. Отец мой, Ерастов Павел Григорьевич, умер в 1972-ом году в 86 лет (1886 года рождения). «Золотой Авзян» - раньше его так называли, это башкирская деревня была. Тут по носкам можно определить, кто *идеть*. «Литва» - с красными крестиками носки, «Николаевка» - в полоску, «Завод» - черно-белые или однотонные. И *щас* если *стануть* вязать, обязательно полоски *делают*. Раньше грозой Узяна была «Литва» - со Пскова вроде переселенцы. А потом завод построили – смешалось население. Где *щас* церковь, там я 3 класса *уциси*, а один класс на бугре, как *подымиси*. Был тут кержак у нас один, и тот помер. Он Богу *молилси* у *щуланицке*, а мы – на святые иконы, на божницу, на святой угол. Жена была у него, девка замуж вышла. По той улице они жили, на углу, на пруду. (Серпков Федор Михайлович, 1951 г. р., ЭК № 37, Л. 1, 2007, Узян).

204. Я узянская, мы все узянские: и бабонька, и прабабушка. Это надо у старых людей спрашивать. У нас даже делятся: «Литовская» сторона – переселенцы, «Завод» - местные. Я с той стороны, с «Литвы». Моя бабушка тоже Богу молилась ходила, и я с малолетства молилась бегала. Вначале была здесь деревянная церковь – сгорела. Потом молельный дом был – вот и я с ней ходила. Свекровка, Наталья Антоновна, 1923 года рождения, тоже Серпкова, узянская, местная. А так я по обычай, по-маминому разговору делаю. Мамин почерк, да, я берегу тетрадку-то. Это осталось от маминой тетрадки, от Латохиной Анны. Из рук в руки тетрадка передается, старенькая она ведь. Она давнишняя очень. Бабынька была, умерла в 96 лет в 1980-ом году, с 1894 года она была. Тетрадка эта от бабоньки. Она передала ее маме. Она *вначале не щитала* – против были. Папа был коммунист, а она начала читать, как отец умер. Ходила читала, и я теперь хожу *щитаю*. Стихи здесь в тетради. Старинный у нас, старый *обыщай*, в книге *пишууть* по-другому. И про староверов было известно – это по-старинному так говорили. Раньше-то пели ой как хорошо! *Щас* же меньше *поють*, вот Сереевна *щас* маленько *поетъ*. Престольные праздники? На Рождество, на Крещение, на Вознесение на ключи ходили в Галкин колодец. А потом *щаепитие*. Колодец и *щас* в

чистоте содержать. Перед Вознесением чистоту его, постоянно туда ходить. Ходили поход – Казанскую [икону] несли. А старая сгорела церковь, не знаю только когда. (Габова Ольга Варламовна, 1925 г. р., Серпкова Анастасия Петровна, 1952 г. р., ЭК № 37, Л. 3, 2007, Узян).

205. Завод – потому что завод раньше был. Николаевка – это мы живем. Литва - там весь народ кто откуда. Малиновые рубашки носили у Литве, много-много пуговиц. Они носки, бывало, малиновые связывать и идти. И говорили везде по-разному. Литва говорить: «Коромыслу-то взял?» Николаевские: «Коромысел взял?». Литвинская сторона меньше грамотная. Парни раньше враждовали, молотили всех. Я раньше лапти сама плела. Крючок, которым лапти плетут, называется свайка или кочеток. Я много плела лаптей. Первая церковь у нас сгорела, в школе потом организовывали церковь. Которая сгорела, была Свято-Троицкая церковь. Мы отыскивали ее в Челябинске, нас не пускали. *Щас* называется Свято-Вениаминовская. Мы собирали все по крошкам». (Лотохина Валентина Сергеевна, 1930 г. р., ЭК № 37, Л. 7, 2007, Узян).

206. У Авзяне говорять не так, как мы тут [в Каге]. Хоронить они как-то не знай, бабы у больнице там мене рассказывали, кода я лежала у прошлом лете. У них и песни другия поють, громко они поють, так и говорять про их: «У, авзянская горластыя! Наши спокойней!». И свадьбу не столько дней играют, как мы, и баню молодым не топить. А у Каге свекровь топить баню сразу после свадьбы. От как бывает-то. Не знаю, защем так, а что есть, я так и говорю тебе. (Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., Андриянова Татьяна Степановна, 1937 г. р., СЗ, Л. 18 , 2007, Кага).

207. У каждой бабушки у нас смертный узел. Каждая бабушка, хоть моя, хоть Иванова [мужа] – был уже узелок завязанный. Все, что там было, все на нее одели... Вот мою бабушку, которая умерла в 1984 г., у нее специально сшиты были как в виде тапочек, расшиты. Раньше расшивали, сами шили. Так их [тапочки] и одели в гроб. Вот эти тапочки были, знаете, какое-то сукно такое, тоже оно самодельное сукно. Так они сшиты красиво были, вышиты были,

подошва была сшита в несколько слоев из этой ткани, прошита, простегана [подошва]. Красивые такие, наподобие как тапочек, но только что они самодельные, сделаны они были хорошо. И у бабушки был сшит вот как кокошник, вот шапочка, а по краю оборочки такие. Нет, не кокошник, а кaporок, да, кapor шили, чтоб волосы прятать. Нижнюю юбку готовили, по низу кружавчики были, а потом уже такая выходная или праздничная юбка, поясок самотканый обязательно. Все это было в узелке. (Серпкова Анастасия Петровна, 1952 г. р., ЭК № 37, Л. 8, 2007, Узян).

Материалы архивных фондов

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

1. От 20 октября 1897 г. от обер-прокурора святейшего Синода по донесению священника... в Инзерском заводе Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, управляющий сим заводом г. Дицъ (лютеранин) – враждебно относится к православию. Враждебное отношение г. Дица к православию было уже и раньше доказано негласным дознанием, произведенным благочинным XV округа Верхнеуральского уезда священником Алексеем Красновым по поводу обрезанных им, Дицем с механиком Немченко, вересах у колоколов для прекращения перезвона на 4 день Св. Пасхи 1895 г. Подобное же прекращение перезвона сделано было при прежнем священнике Полякове... Диц перевел учеников местной церковно-приходской школы в министерскую, помещающуюся в самом заводе. Далее, в состав Инзерского завода входит Александровский поселок; он состоит из переселенных графом Косяковым в крепостное право жителей, которые, очутившись в непроходимых лесах, среди Башкирцев, на расстоянии от русского населения в 100 верстах, оказались лишены всякой возможности иметь общение с православной церковью и через это впали почти в дикое состояние. Молодое же поколение их не имело и понятия о церкви, не говоря уже о догматах веры

и молитвах. Г. Дицъ по происхождению немец-лютеранин нередко кощунствует над религиозными обрядами православной церкви. «Церковь, - говорит Дицъ, - наша, и мы, если пожелаем, разберем ее по бревну без разрешения Епархиального начальства» (ГАОО. Ф. 10. Оп 3. Д. 291 «Дело по отношению обер-прокурора Святейшего Синода о доставлении сведений о враждебных отношениях Управляющего Инзерским заводом г. Дица к православной церкви», Л. 1-1 об., 8 об.).

2. Просьба о переселении крестьян Кагинского завода на казенные земли. Кагинский завод окружен башкирскими землями, где не может быть никаких работ для крестьян. Узянский завод, по своему географическому положению удаленный от Белорецкого завода на 50 верст, а от Авзяно-Петровского на 55 верст, представляет еще большее затруднение для крестьян в отыскании работы: удаленность местностей друг от друга, оставление семьи на долгое время, отсутствие лошадей и т. д. (ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10 «Жалобы рабочих Узянского завода (от 1862 г.)», Л. 37, 38-38 об.)

3. Указом Правительствующего Сената (по 4 Департаменту) Оренбургской Гражданской Палаты, от 20 марта 1870 г, постановлено: 1) из числа занятых Кагинским и Узянским горными заводами земель Башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей продать заводам в собственность то количество десятин (22.545), которое необходимо для наделения состоящих при тех заводах казенных, непременных работников и крестьян, полагая каждую десятину в 2 руб. 20 коп. серебром; 2) для обеспечения заводовладельцев в платеж причитающейся за означенную землю суммы разсрочить уплату капитала с процентами на 37 лет по банковским правилам; 3) сверх земли, отведенной в собственность заводам, предоставить им нужное для их количество леса (39.240 дес.) из тех же ашкирских земель в кротомное содержание с платежом по 10 коп. в год за десятину; 4) срок кротомного содержания определяется в 60 лет с переоценкою оброка каждые 20 лет. (ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 239 «Дело губернского по крестьянским делам присутствия. О доставлении особенной канцелярии по кредитной части сведений о количестве платежей,

произведенных владельцами Кагинского и Узянского горных заводов Башкирцами за купленную у них землю», Л. 1-1 об.).

4. Жители с Ломовки, входящей в состав Белорецкой волости, возымели намерение образовать в селе Ломовка вместо Ломовского Сельского Правления свое волостное правление (от 24 января 1893 г.). От Белорецкого волостного правления приговор представлен в Верхнеуральское Уездное по крестьянским делам Присутствие, которое нашло, что сельское общество с. Ломовка находится на расстоянии от Белорецкой волости всего в 5 верстах, расстояние настолько незначительное, что неможество вести за собою никаких особых неудобств. Селения Оренбургской губернии, которые отстоят от своего волостного Правления не менее 50 верст... и это может весьма вредно отразиться на неуспешном поступлении казенных сборов. Поэтому Уездное Присутствие по крестьянским делам определило: неусматривая достаточность оснований к удовлетворению ходатайства жителей Ломовского общества, оставить оные без последствий. (ГАОО. Ф. 13, Оп. 1. Д. 504 «Дело губернского по крестьянским делам присутствия. Прошение от жителей с. Ломовки – крестьян Михея Алексеева Сухова и Василия Кирилова Косарева», Л. 2-2 об.).

5. 1893 год. Жители Ломовского сельского общества собраны на сельский сход, на который явилось 245 человек (более 2\3 домохозяйств)... постановили приговор: имеем суждение, что наше Ломовское сельское общество, входящее в состав Белорецкой волости, составляет жителей по X народной переписи мужского пола 802 души, а теперь наличных 1403 души, а всего мужского и женского пола 2927 душ. С самого начала выхода крестьян из крепостного права все казенные и мирские сборы предоставляются в Белорецкого Волостное Правление и с того времени мы имели намерение сооружения в Ломовке Богоугодного храма, который ныне средствами местных жителей и с помощью других лиц уже сооружен благодаря умственным способностям бывшего управляющего АО Белорецкими заводами гг. Пашковых Алексеем Ивановичем Гассельблат, который состоит на постройке церкви попечителем. (ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 504

«Дело губернского по крестьянским делам присутствия. Прошение от жителей с. Ломовки – крестьян Михея Алексеева Сухова и Василия Кирилова Косарева», Л. 5-5 об.).

6. Его Преосвященству Антонию Епископу Оренбургскому и Уфимскому та Благочинного Протоиерея Алексея Розанова. Покорнейший рапорт. По Предписанию Вашего Преосвященства от 12 мая 1857 г. за № 1318 я сносился с Оренбургским Градским Главою о времени поднятия Иконы Казанской Божьей Матери из села Табынска в город Оренбург и о том, чтобы в передний путь к городу Оренбургу было удовлетворено усердие всех жителей тех селений, через которые она будет несена с возможным отступлением в селения в недальнем расстоянии в сторону от тракта расположенного, с тем при том условием, чтобы Икона непременно внесена была в город Оренбург 7 сентября. (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2283 «Оренбургское духовноеправление. Дело по рапорту... о поднятии из с. Табынского Иконы Матери Божьей в г. Оренбург в августе месяце», Л. 1).

7. Из Уфимского духовногоправления в Оренбургское духовноеправление. Сообщение. И о сим ея Императорского величества указа духовному сему правлению предписанного и сказанного духовной конторой по прошению дворянина и заводов содержателя Ивана Демидова, посланному к его высокопресвященству Амвросию Архиепископу Казанскому и Самарскому освящение в Кагинском его заводе в применовании святых апостолов Петра и Павла церкви велено по резолюции его высокопреосвященства оную на присланном в 1786 году... освятить здешнюю богословскую Собору протопопом Василим (от 31 дня 1794 года). (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 6567 «Оренбургское духовноеправление. Дело об освящении церкви в Кагинском заводе», Л. 1-2).

8. II. Указы Святейшего Правительственного Синода. Новое расписание церквей, причтов и приходов в Оренбургской Епархии. В расписании значится следующее: в уезде Верхнеуральском: 78) Белорецкий [завод], церковь Николаевская: настоятель 1, его помощников 2, псаломщиков 3; 79) Тирлянский [завод], церковь Михайло-Архангельская: настоятель 1, псаломщиков 2; 80) Узянский [завод], церковь Троицкая: настоятель 1,

псаломщиков 2; 81) Кагинский [завод], церковь Николаевская: настоятель 1, псаломщиков 2; 82) Авзяно-Петровский [завод], церковь Богородицкая: настоятель 1, его помощников 1; псаломщиков 2. (ГАОО. Ф. газет. ОЕВ. 1 июля 1873 г. № 13. Отд. офиц. С. 476-488).

9. Маршрут на следование Св. Чудотворной Иконы Табынского Божьей Матери из с. Табынска в г. Оренбург в 1800 г. (Благочинный и Настоятель Табынской церкви священник Иоанн Зыков). С. Табынск – завод Богоявленский – д. Зигановка – д. Кулгулина – завод Авзяно-Петровский – Кагинский завод – Узянский завод – Белорецкий завод – г. Верхнеуральск – поселки Краснинск – Кидышск – Бирюковский – Новокумляц – Михайловск – Кочкарский с приисками – Полянский – Нижнеувальск – Карс – станица Клястицкая – г. Троицк – отряды Самарский – Осиповский – Кособородский с приисками – Подгорный – Чесменский – Бородинский – станица Великопетровская, Аннинский – поселки Полтавский – Варшавский, Могутов – Рымниковский – Брединский – станица Наследниковская – пос. Адрианопольский – Аланский – Бриенский и станица Кваркинская – Екатериниский и Елизаветинский – Ново Орск – Кумак, Банный – г. Орск – поселки Хабарный – Губерлинский – Подгорный – станица Ильинская – пос. Донской – станица Верхнеозерная – пос. Гирьяльский – Красногорский – Островной и Вязовский – станица Каменно-Озерная – отряд Неженский – г. Оренбург. (ГАОО. Ф. газет. ОЕВ. 1 июня 1880 г. № 11. Отд. офиц. С. 401-402).

Центральный государственный исторический архив Республики

Башкортостан

10. Из следования о вырубке Узянским заводом в башкирских дачах 200 судовых бревен... самовольно в дачах вотчинников Тамьянской волости Хотя было предъявлено Саунову [заводскому приказчику] сделанное... воспрещение отдавать заводу лес, но он не слушал ничего, приказывал заводским крестьянам бить Башкирцев, если бы кто из них стал не допускать к взятию леса. (ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4342 «Дело по рапорту Верхнеуральского

исправника о самовольной порубке леса крестьянами Узянского завода в башкирских дачах (от 13 марта 1838 г.)», Л. 8-8 об.).

11. Рапорт о самовольном захвате крестьянами Авзяно-Петровских, Кагинского и Узянского заводов, принадлежащих башкирцам Тамьянской и Тангаурской волостей, хлебопахатных и сенокосных мест, увоз накошенного башкирцами сена, истребление леса и заведение в башкирских дачах хуторов, а также о стеснительных для башкир действиях. Просят установить: 1) сделать распоряжение о немедленном возвращении башкирам отобранных у них угодий; 2) удержать крестьян от самовольного захвата башкирских угодий, приказав им уничтожить устроенные на земле башкирской хутора. (ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6074. Т. 1 «Переписка о стеснении вотчинников башкир Тамьянской и Тангаурской волостей деревень Магадеевой, Кагармановой, Аскаровой и Исмакаевой во владении поземельными угодьями заводами Узянским, Кагинским и Авзяно-Петровским (от 30 мая 1848 г., от 26 сентября 1858 г.)», Л. 40).

12. Однодворцы Курской губернии Кароченского уезда, села Михайловки, Федор Екименко, Федор и Захар Горбенковы и др. с ним казенные крестьяне, в числе 48 душ, допущены в 1832 г. к поселениям с семействами их Верхнеуральского уезда около крепости Магнитной... Донесть. Что означенные однодворцы и крестьяне поселились не на тех местах, которые им назначены, а в дачах Башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей... Означенные крестьяне принимали к себе еще на строительство из разных мест людей, и тем стесняют Башкирцев в пользовании поземельными угодьями. (ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп 1. Д. 176 «Переписка с командующим башкирским и мещерякским войском о стеснении башкир Тамьянской и Тангаурской волостей во владении землей крестьянами переселенцами из Курской губернии (от ноября, 1841 г. за № 3653», 12 Л.).

13. Заводовладельцы, входя в положение мастеровых, состоящих на крепостном праве. Предоставляют им в пользование усадебную осадлость безвозмездно. Земледелие в Уральских горнопромышленных районах не может иметь значения самостоятельного источника экономической жизни населения... Большинство горнозаводских имений Оренбургской губернии

лежит в местностях, по бесплодию почвы и суровости климата неудобных для земледелия.... Многие заводовладельцы... дарят им [местным жителям] усадьбы..., но заводские люди отказываются и просят о выселении их в другие плодородные местности на казенные земли. После осмотра выяснилось. Что почва на этих заводах бесплодна..., для посевов заводские люди нанимают землю у Башкирцев и казаков. Эти исторические сведения... определяют условия, при которых зарождается мысль об обеспечении населения землей. Кагинская дача, по своим природным данным, за исключением мест, включенных в проект надела, является собой именно тот род почв, которые ни при каких условиях не могут быть обращены в удобный вид угодий. Узянская дача по своим орографическим и почвенным условиям совершенно однородна с Кагинской. (ЦГИА РБ. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19 «Материалы... Кагинского и Узянского заводов торгового дома «Вогау и К», приобретенных АО Белорецких железоделательных заводов (1950-1917 гг.)», Л. 13, 28 об.-30 об.).

14. О спорной земле башкир Верхнеуральского уезда, Тамьянской и Тангарской волостей с владельцами Кагинского и Узянского заводов. Из сего дела видно: Кагинский и Узянский заводы устроены графом Шуваловым в 1756 г. на землях башкирских (разрешение правительства от 1755 г.). Земли эти окортомлены у Башкирцев в 1757 г. на 30 лет в количестве 90 т. дес., с оплатою по 20 руб. в год., с условием не отдавать их в кортому никому, кроме графа Шувалова и его наследников. Заводы эти от Шувалова уступлены Коллежскому Ассессору Матвееву, а от него в 1760 г проданы дворянину Евдокиму Демидову, который на тех же землях построил еще два завода, названные Авзяно-Петровскими. Кагинский и Узянский заводы переходят по наследству в род Демидовых, и только часть их одним из наследников Демидова в 1830 г. проданы Генерал-майору Пашкову, а Авзяно-Петровские заводы – Именитому Гражданину Губину. Постановили: Отвод земель в собственность заводам произвести под наблюдением Оренбургского Военного Губернатора и Главного Начальника Горных

заводов Уральского хребта с согласием обоюдных выгод. В случае уклонения заводовладельцев от взноса кормомной платы... подвергнуть заводы опекунскому Управлению, а при безуспешности продать с публичного торга. (ЦГИА РБ. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 19 «Материалы... Кагинского и Узянского заводов торгового дома «Вогау и К», приобретенных АО Белорецких железоделательных заводов (1950-1917 гг.)», Л. 66-67).

15. Постановление Президиума Башкирского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов о волостном районировании Аргаяшского, Тамьян-Катайского и Месягутовского кантонов и о г. Каргалы (от 24 января 1923., г. Уфа)... б) Тамъяно-Катайский кантон – восемь волостей: 1) Тунгаторовская волость с центром в дер. Тунгаторова, образуется из волостей Мулдакаевской, Тунгаторовской, Поляковской, Вознесенской, Байсакальской; 2) Тептяро-Учалинская волость – с центров в дер. Учалы, образуется из волостей Ахуновской и Тептяро-Учалинской; 3) Белорецкая волость – с центром в г. Белорецк, образуется из волостей Белорецкой, Ломовской и Тирлянской; 4) Кубеляк-Телевская волость – с центром в дер. Казаккулова, образуется из Кубелякской волости; 5) Тамъяно-Тангаурская волость – с центром в дер. Абзелилова, образуется из 50 селений Тангаурской волости; 6) Узянская волость – с центром завода Узянский, образуется из волостей Авзяно-Петровской, Кагинской, Узянской и 30 селений Тамъяно-Тангауровской волости; 7) Катайская волость – с центров в дер. Серменево, образуется из Катайской волости; 8) Усман-Галинская волость – с центром Усмангалина, образуется из волостей Инзерской и Усмангалинской. (Баш. край. 18 февраля 1923 г. № 1 // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51а. Л. 36).

16. О съезде горнопромышленников. Уральских мастеровых и крестьян в 1861 г. правительство освободило, поручив заводовладельцам наделить их только усадьбами и покосами. Надел же полевыми угодьями всецело был предоставлен барской милости, хотят – дадут, хотят – нет. Конечно, бареzemлевладельцы нигде этого не захотели. И с тех пор началась великая тяжба

уральского населения с владельцами заводов из-за земли. Борьба на этой почве чем дальше, тем больше обострялась, так как все увеличивающееся население не могло найти себе заработка при заводах. (Урал. раб. 4 февраля 1908 г. № 3 // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51а. Л. 1).

17. Епархиальное сообщение. Сведения о праздниках, особо чтимых народом в Уфимской Епархии (продолжение). В с. Табынском ежегодно совершается празднество в пяток Девятой недели по Пасхе в честь явления местной чудотворной Иконы Божьей Матери. Три престола Табынской церкви посвящены: Вознесению Господню, Казанской Божьей Матери, Святителю Николаю. Церковь это особо замечается и славна тем, что в ней находится помянутая явленная икона Чудотворной Казанской Божьей Матери, а по месту нахождения – Табынской. Со времени явления этой иконы (ок. 1676 г.) по ныне совершается каждогодно в Девятую пятницу по Пасхе крестный ход с Чудотворною Иконою Богоматери на место явления ея, в 12-ти верстах от Табынска, в дачах Богоявленского завода – известное под названием «Соляных ключей». Сюда и к церкви Табынской стекаются на поклонение святыне каждогодно тысячи Богомольцев. Чудотворня Икона Божьей Матери Табынской искренне и глубоко чествуется народом не только на месте многочисленными Богомольцами, но и по многим местностям Оренбургской и Уфимской Епархии. (УГВ. 22 апреля 1878 г. № 16. Ч. неофиц. // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 4. Л. 35).

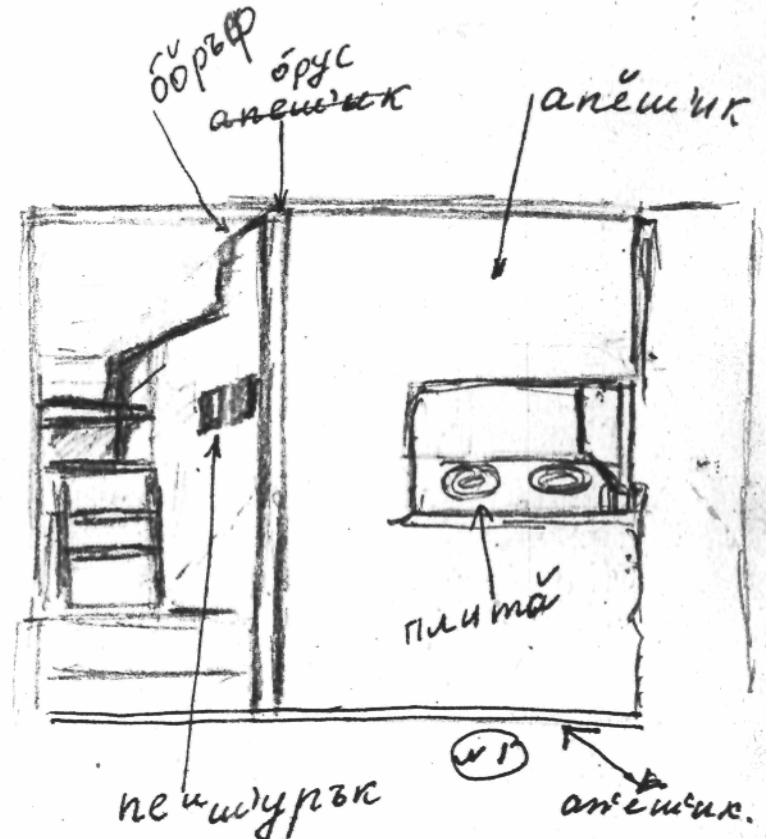
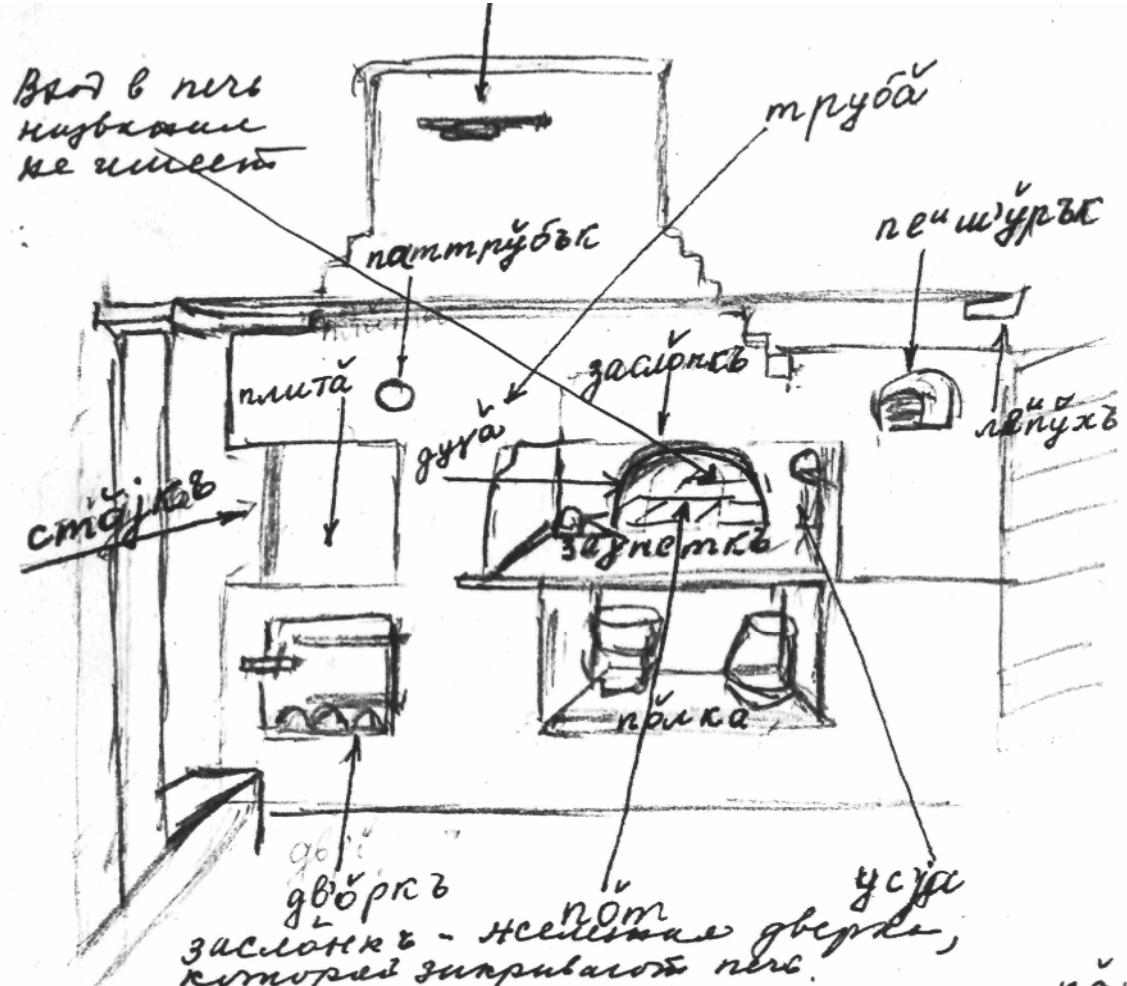
18. Некоторые статистические данные об отхожих промыслах в Уфимской губернии. Отхожия промыслы существуют уже с давних времен. Главная их интенсивность обнаруживается с того времени, как крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. Необходимость таких промыслов заключается прежде всего в отсутствии достаточного заработка, который удовлетворял бы потребностям отхожан в месте их жительства. Сюда относится главным образом малая сельскохозяйственная производительность благодаря отсутствию понятия о рациональных способах обработки земли. Затем, с течением времени отхожия промыслы вошли, так сказать, в

привычку. Недостатки: потеря времени, болезни, большие расстояния, пьянство, разврат и т. д. Наблюдения за отхожими промыслами свидетельствуют одно, что они дают возможность некоторого существования самим отхожникам, но ничуть не влияют на общий его материальный прибыток... Тем не менее отхожие промыслы существуют в значительных размерах и в настоящее время. (УГВ. 21 сентября 1905 г. № 201. Ч. неофиц. // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 18. Л. 182 об.).

19. Статистически данные по сбору в Уфимской губернии в 1904-1905 гг. трав и хлебов. Население Уфимской губернии, за исключением некоторой (наименьшей) части, падающей на районы горнозаводской деятельности, по преимуществу земледельческое. Поэтому быть и условия жизни его естественно определяются степенью урожайности хлебов: если урожай хороший, то и население более-менее обеспечено. И наоборот – отсутствие урожая может поставить население в безвыходное положение. В этих неблагоприятных условиях население без посторонней поддержки обойтись не может. Поэтому вопрос об урожайности в нашей губернии – вопрос первостепенной важности. (УГВ. 23 сентября 1905 г. № 203 Л. 196 об. // ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп 1. Д. 18. Л. 196 об.).

Приложение 3

Иллюстрации

раньше бортов не было||
питья не было а было шучущее
и стёбывущее||

н. пешурок дровят апеник
удобнее/ апеник строится/
намёт пёсся наладит

Рис. 1 Русская печь с. Н. Авзян. Зарисовки В.А. Сенкевича (ГАМагЧО. Ф.463. Оп.1. Д.46. Л.2 об.)

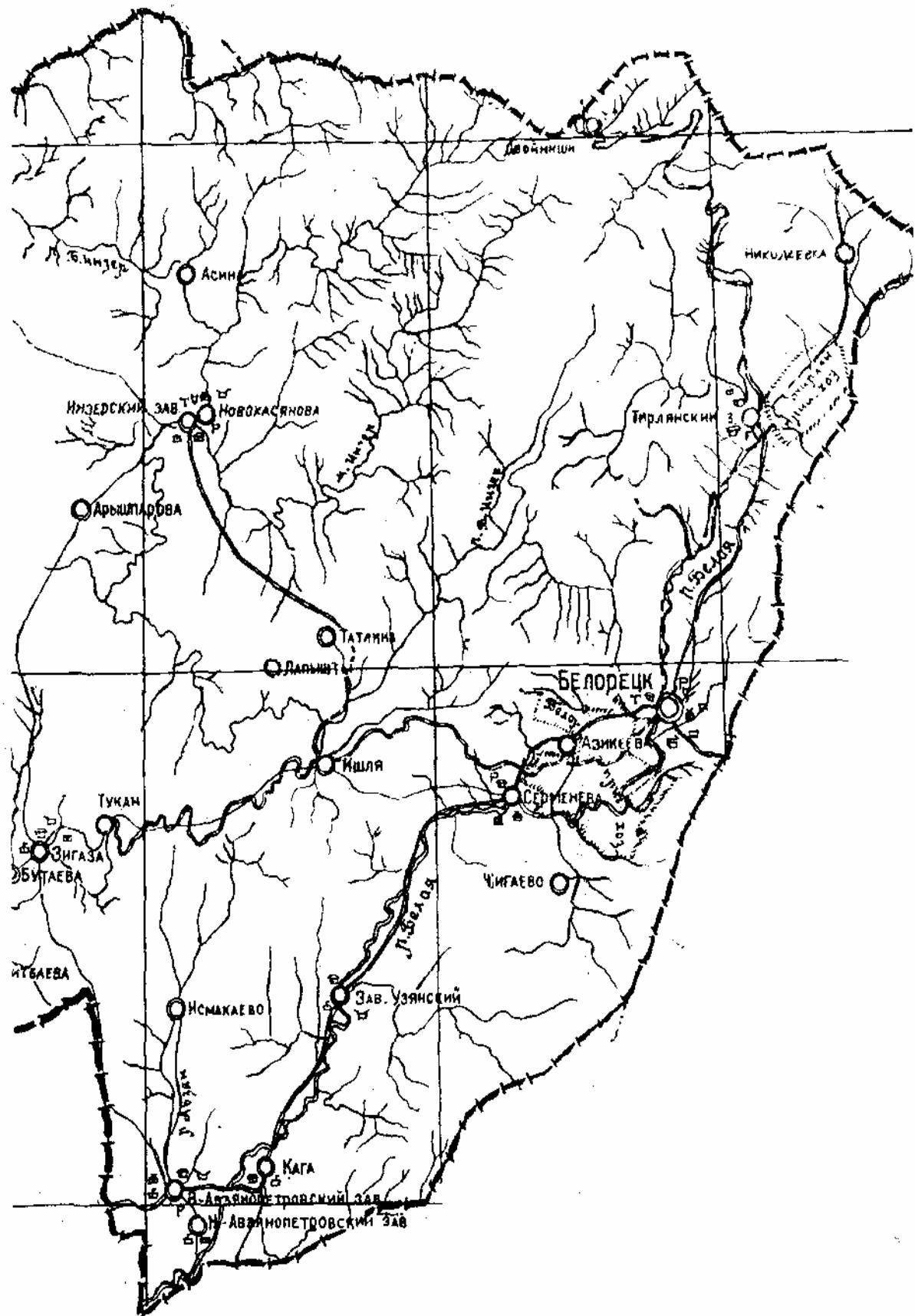

Рис. 2 Карта Белорецкого района середины XX в.

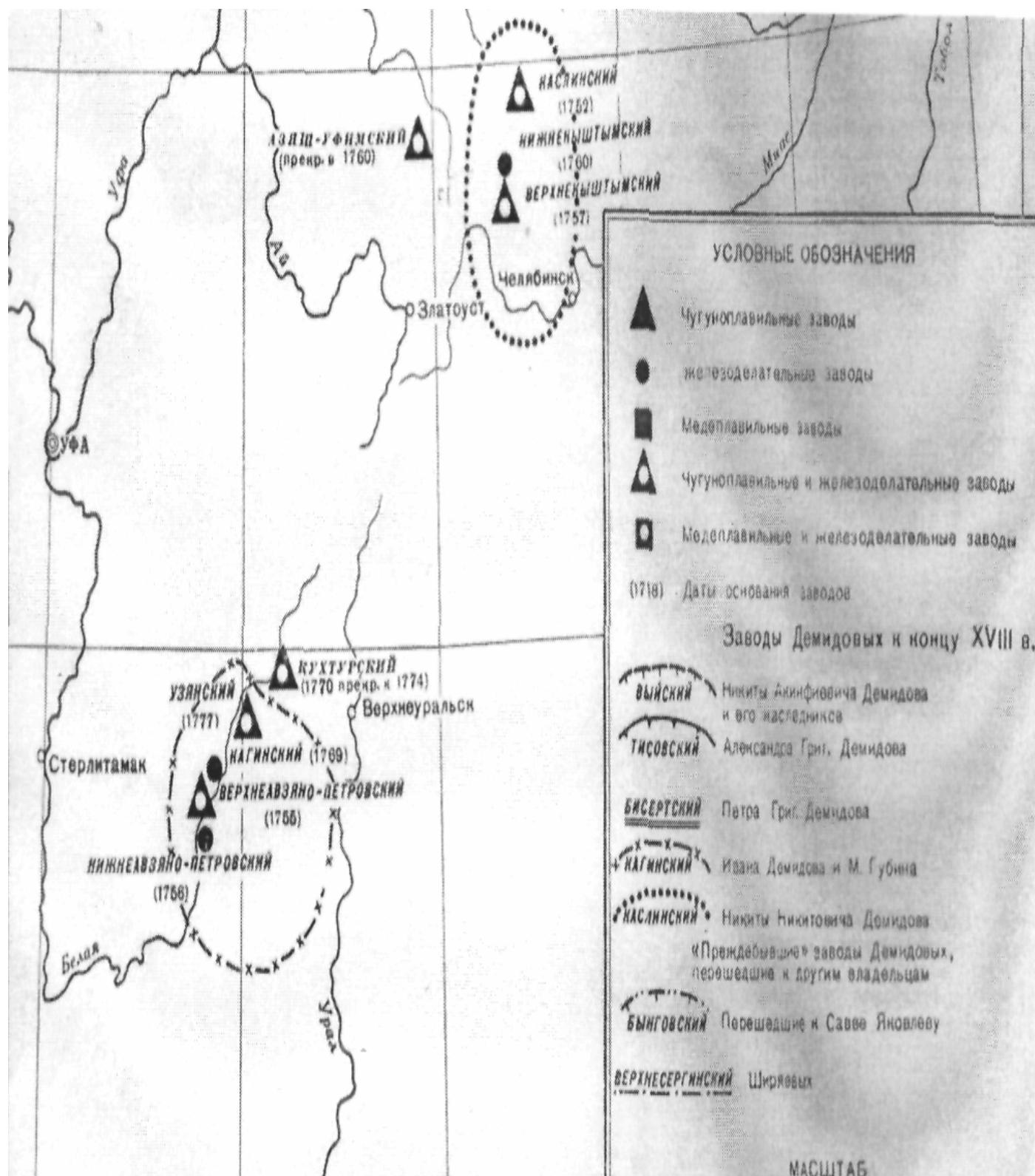

Рис. 3 Сеть заводов Авзяно-Петровского округа

Карта

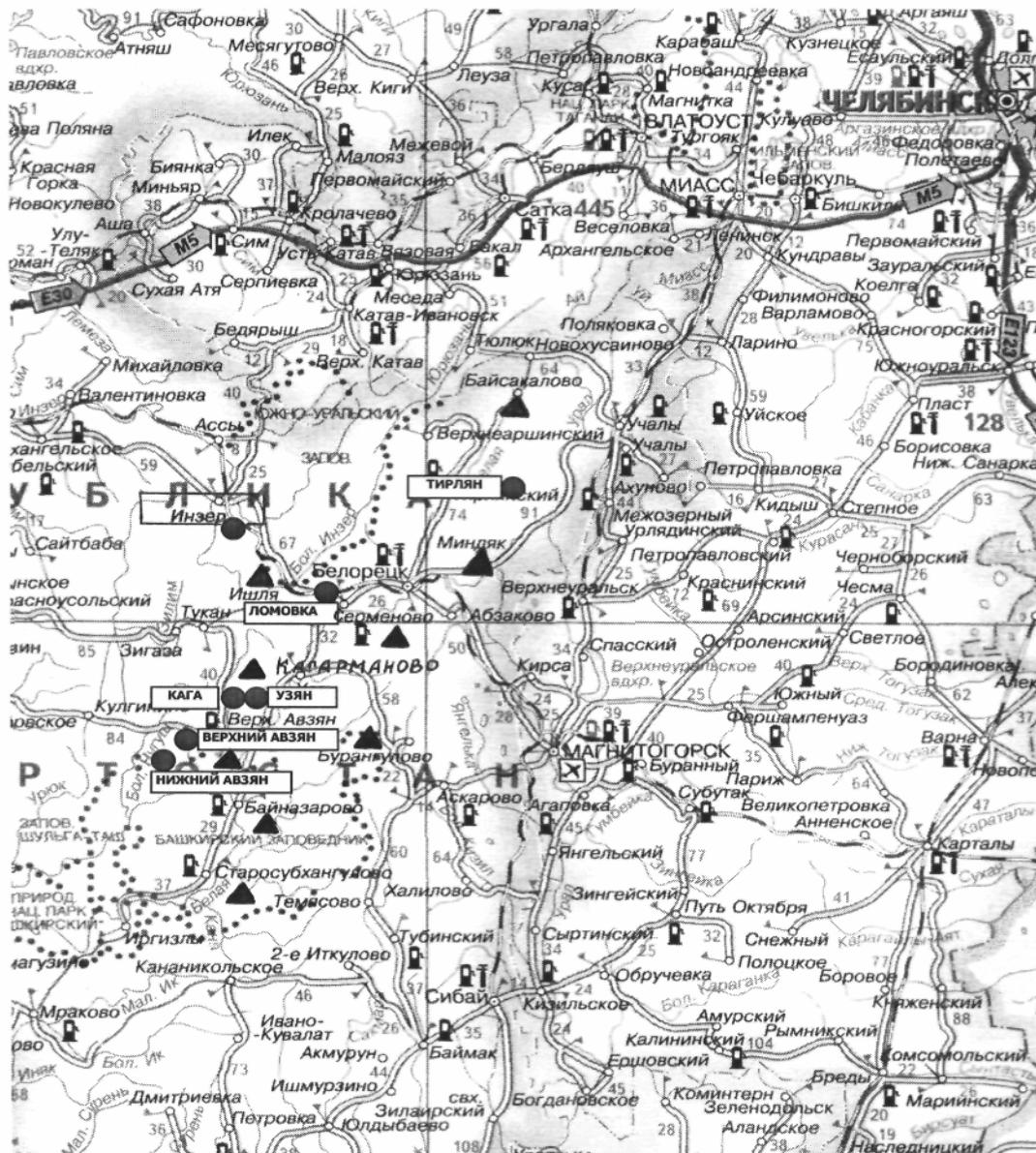

Рис. 4 Чересполосное расположение русских и башкирских поселений в Белорецком районе

Русские селения –
Башкирские селения –

Фото 1. Дмитрий Иванович Татаринов

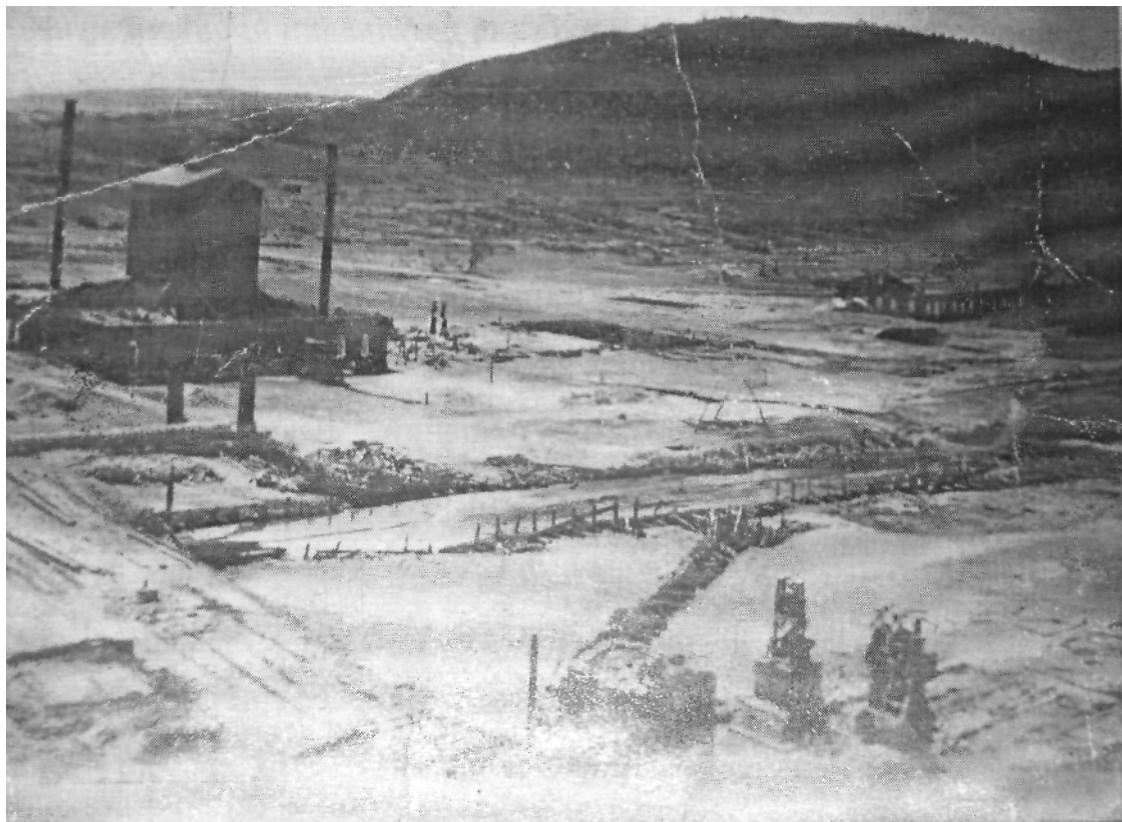

Фото 2. Домна Кагинского завода начала XIX в.

Фото 3. Панорама Кагинского завода конца XIX в.
(фотографии из личного архива историка Кагинской средней школы
Н.С. Макаровой)

Фото 4. Кагинский завод в 1910 г.

Фото 5. Кагинский завод после пожара 1911 г.
(из фотофонда Н.С. Макаровой, с. Кара)

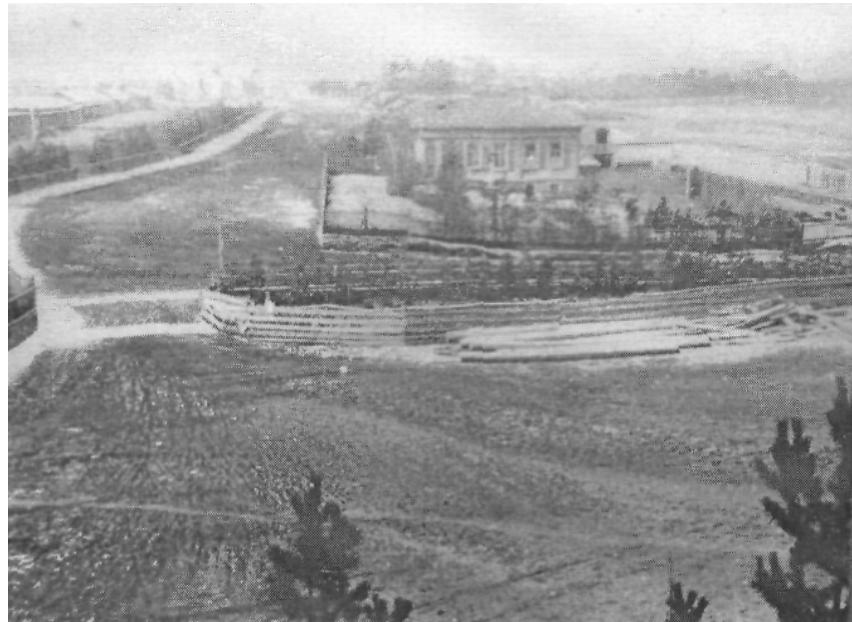

Фото 6. Окрестности Белорецка начала XX в.

Фото 7. Горнозаводское население Южного Урала XIX в.
(из фонда Н.С. Макаровой, с. Кага)

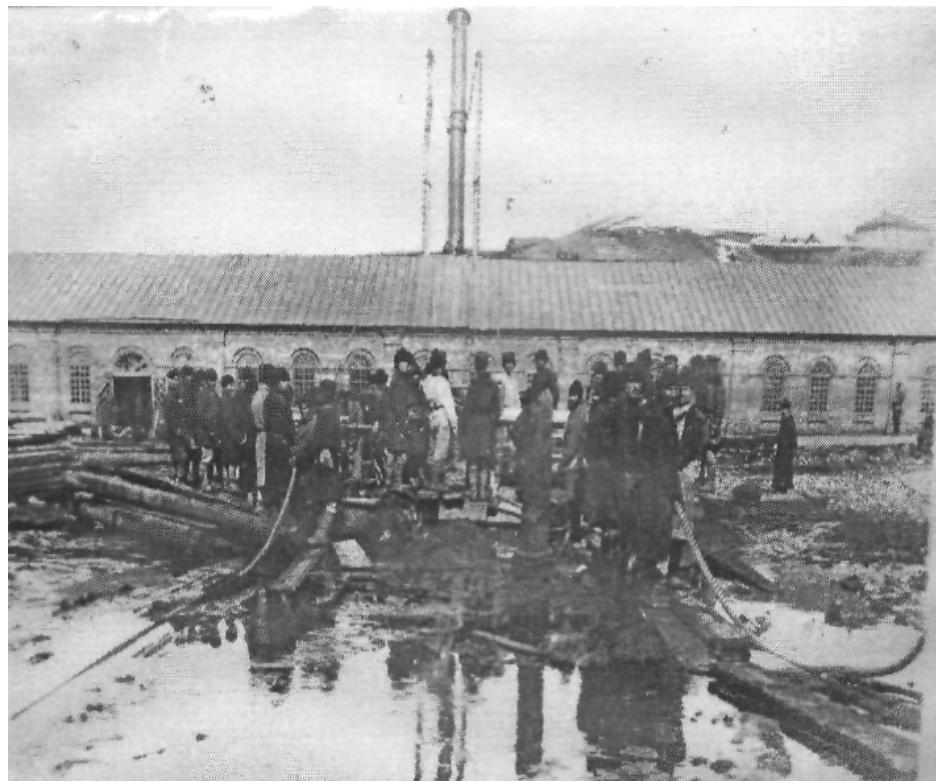

Фото 8. Подъем заводской трубы. Кагинский завод начала XIX в.

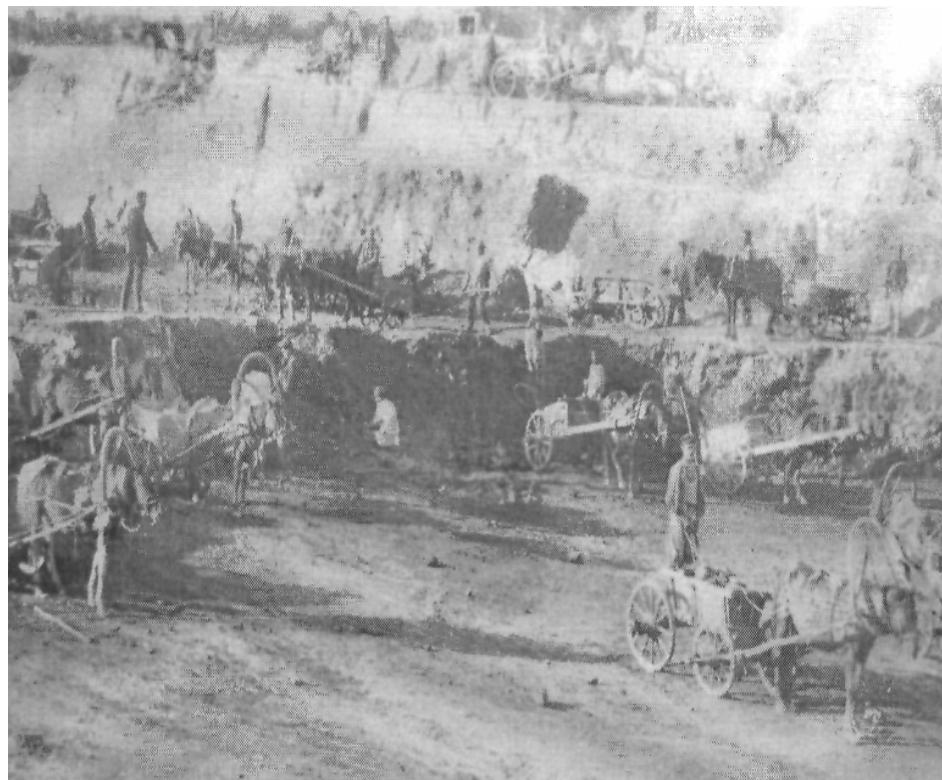

Фото 9. Бельский рудник при Кагинском заводе
(из фотофонда Н.С. Макаровой)

Фото 10. На Кагинской угледжовой даче
(конец XVIII – начало XIX вв.)

Фото 11. Спуск барки на Кагинской пристани (XIX в.)
(из фонда Н.С. Макаровой)

Фото 12. Сплав дров по реке Узян
(вторая половина XIX в.)

Фото 13. Иван Асафьевич Татаринов
(вторая половина XIX в.)

Фото 14. Освящение лечебницы в Кагинском заводе
(первая половина XIX в.)

Фото 15. На сенокосе
(из личного фонда Н.С. Макаровой, с. Кага)

Фото 16,17. Приспособление для ловли рыбы – морда
Рыбак Желнин Василий Александрович (с. Кага, 2008 г.)

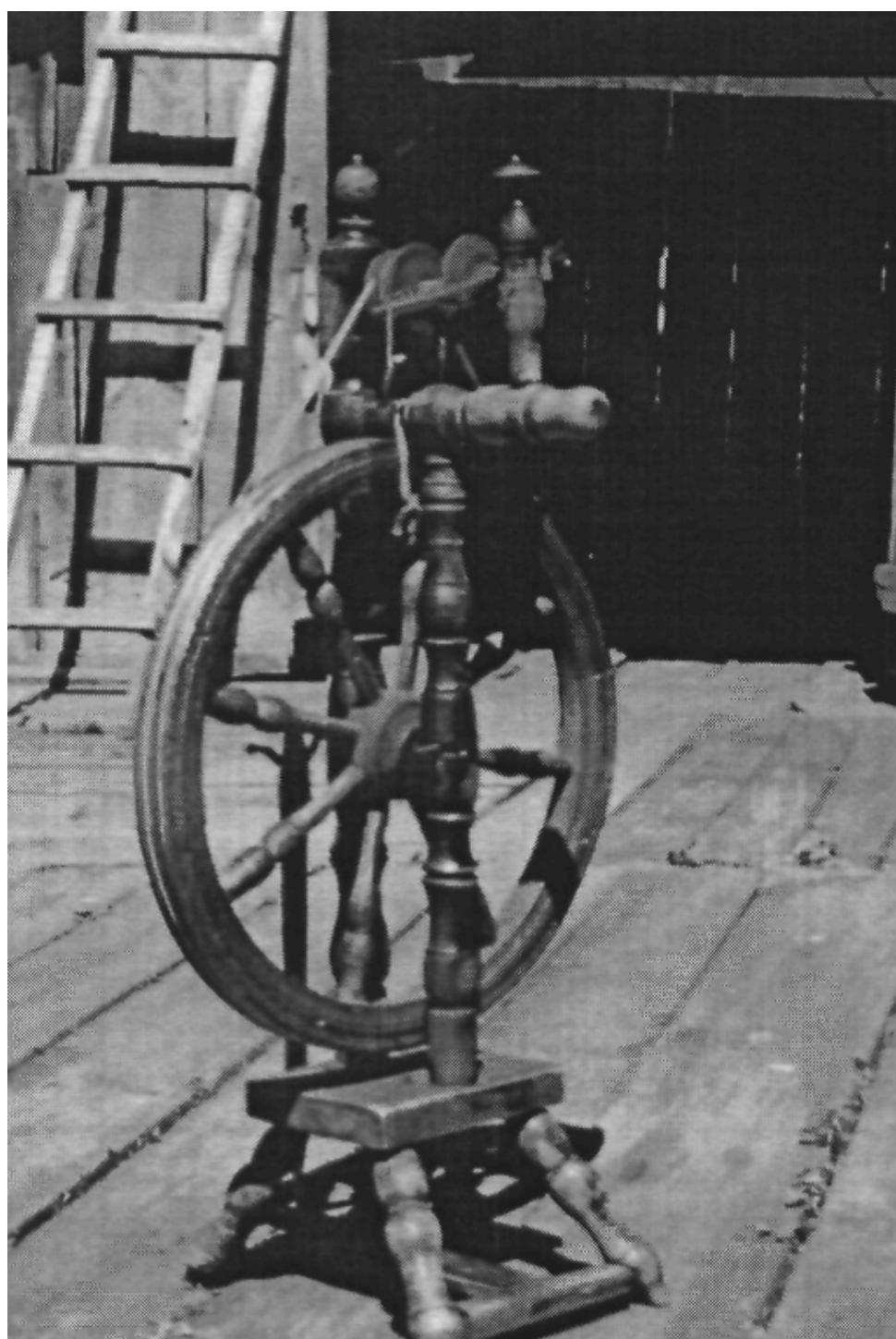

Фото 18. Прялка Желниной Любови Ивановны
(с. Кага, 2006 г.)

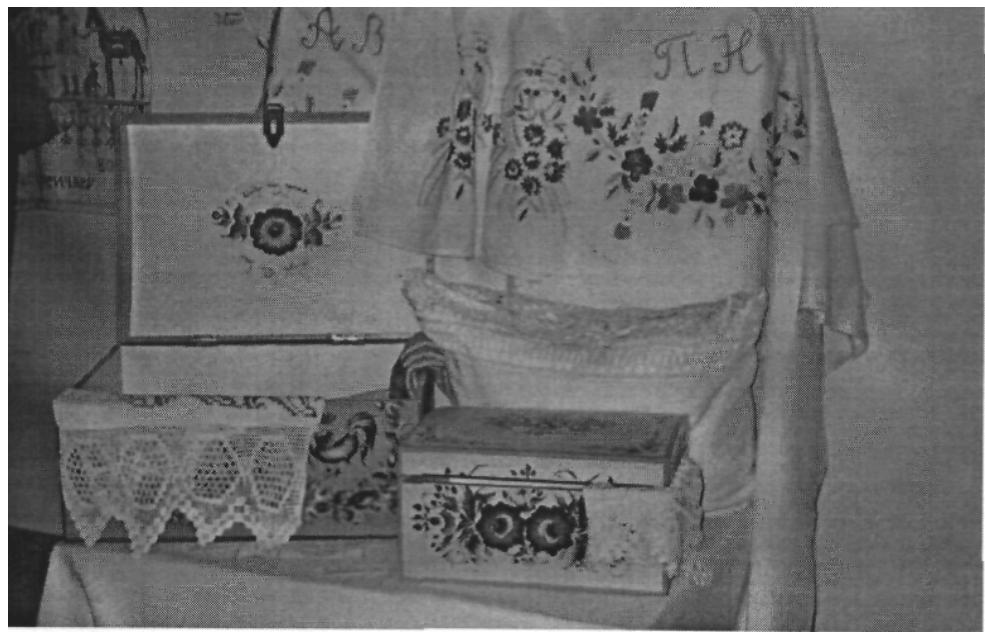

Фото 19. Полотенца из приданого (вторая половина XIX в.). Этнографическая выставка региональных экспонатов ЛНК МагУ, 2006

Фото 20. Скатерть, занавески на окна и божничку (конец XIX в.). Ручная вышивка Желниной Любови Ивановны.
(с. Кага, 2005 г.)

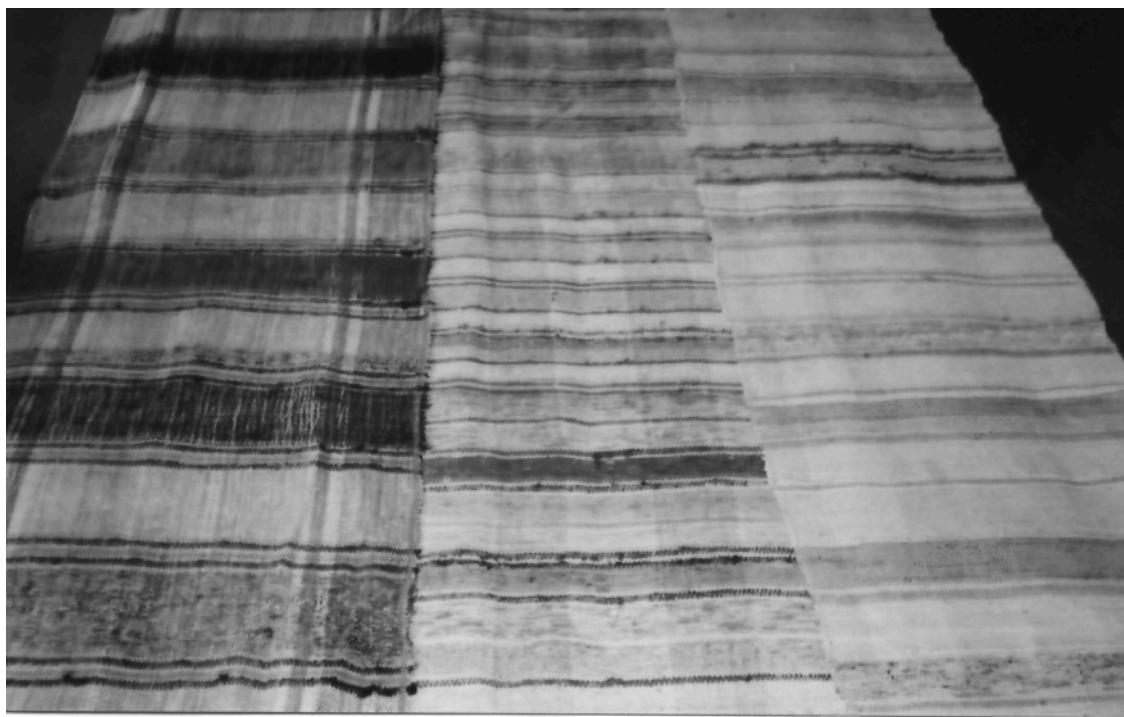

Фото 21. Самотканые половики (вторая половина XX в.).
Работа Желниной Любови Ивановны (с. Кага, 2006 г.)

Фото 22. Самодельный ткацкий станок
(п. Тирлян, конец XIX в.)

Фото 23. Ткацкий станок (п. Ломовка, конец XIX в.)
(из фондов ЛНК МаГУ)

Фото 24. «Смертный узел» (лапти, чепец (капорок), полотенце).
Выставка экспонатов ЛНК МаГУ, 2006 г.

Фото 25. Деревянное приспособление с закругленными концами для битья шерсти (слева). Середина XX в.

Фото 26. Стол-верстак. Бывшая пимокатная мастерская Ивана Сергеевича Сорокина (с. Кага, 2008 г.)

Фото 27. Набор колодок и задников для изготовления валенок.
Пимокатная мастерская И.С. Сорокина (с. Кага, 2008 г.)

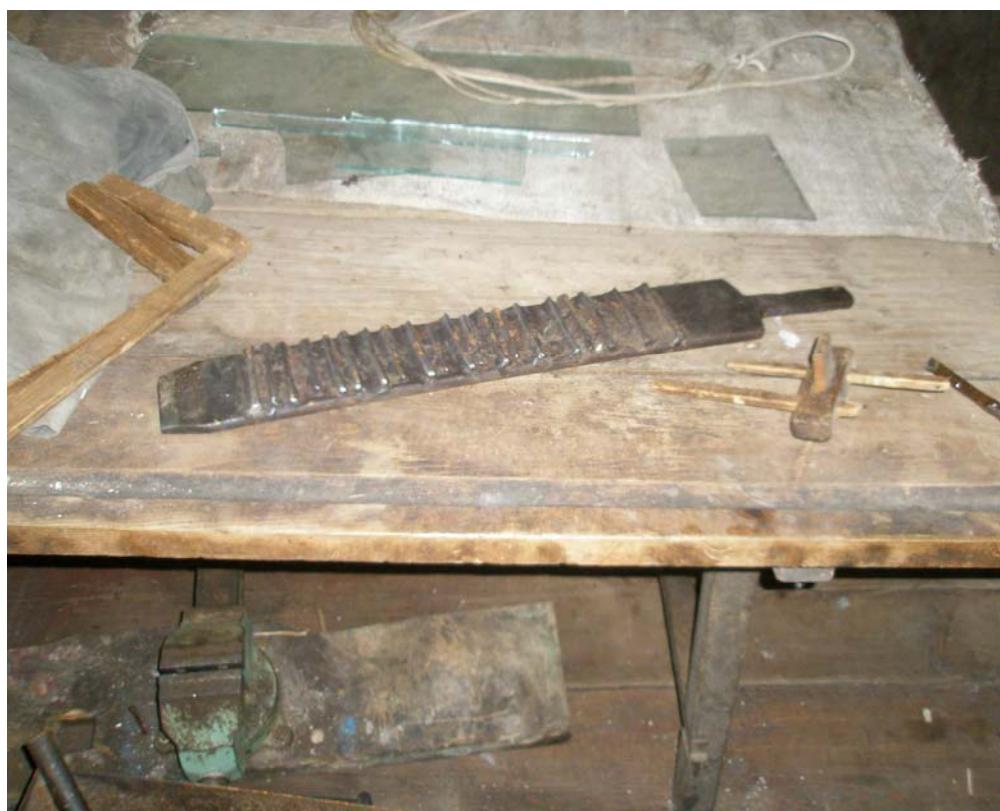

Фото 28. Приспособление для обтачивания валенок – рубельник
(справа на столе). Пимокатная И.С. Сорокина (с. Кага, 2008 г.)

Фото 29, 30. Бывшая сапожная мастерская
Василия Александровича Желнина (с. Кага, 2007 г.)

Фото 31. Мастер сапожных дел Василий Александрович Желнин
(с. Кага, 2007 г.)

Фото 32. Колодки, используемые для поддержания формы обуви во время ремонта (сапожная мастерская В.А. Желнина)

Фото 33. Маслобойка (слева), бочонок для хранения кваса (справа).
Начало XX в.

Фото 34. Глиняная посуда (кувшин, кринки).
Конец XIX – начало XX вв.

Фото 35. Плетеный из лыка пестерь. Начало XX в.

Фото 36. Ухват, кочерга, чапельник (передний план). Котел и металлический лист для выпечки (задний план)
(с. Кага, 2006)

Фото 37. Плетеная коробушка, деревянная лопата, сани, метла.
(с. Кага, 90-е гг. XX в.)

Фото 38. Свято-Вениаминовская церковь в с. Узян
(основана в 2007 г.)

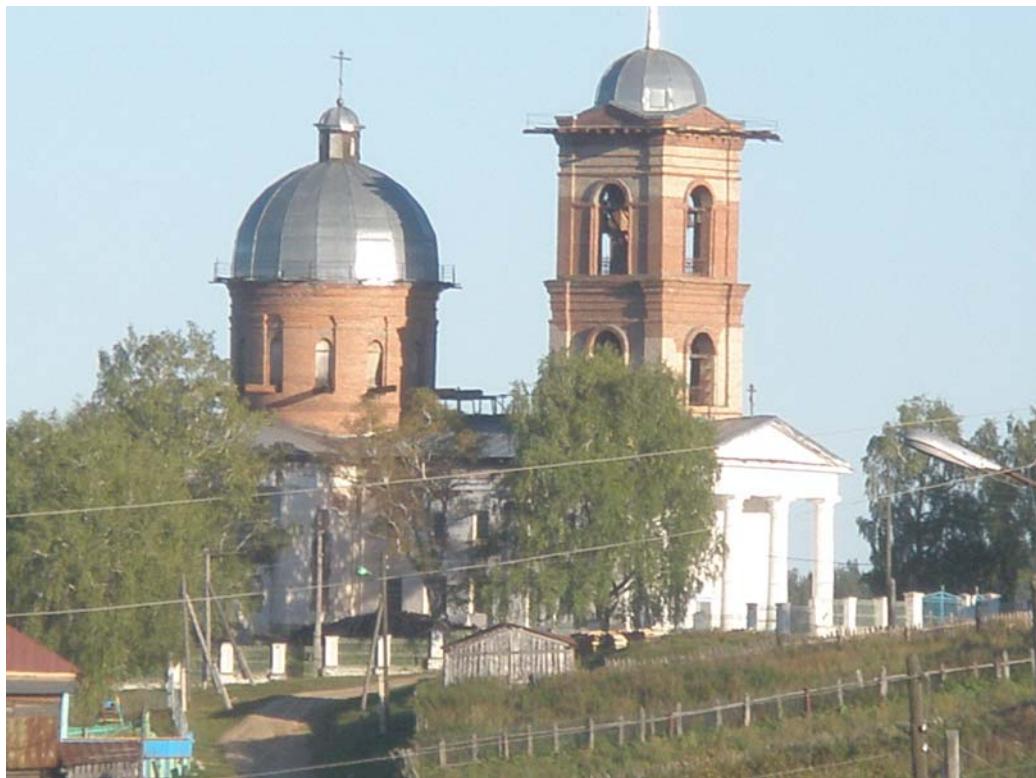

Фото 39. Казано-Богородская церковь в п. Верхний Авзян
(образована в 1877 г.)

Фото 40. Колокольня Казано-Богородской церкви в п. В. Авзян

Фото 41. Никольская церковь в с. Кага
(основана в 1903 г.)

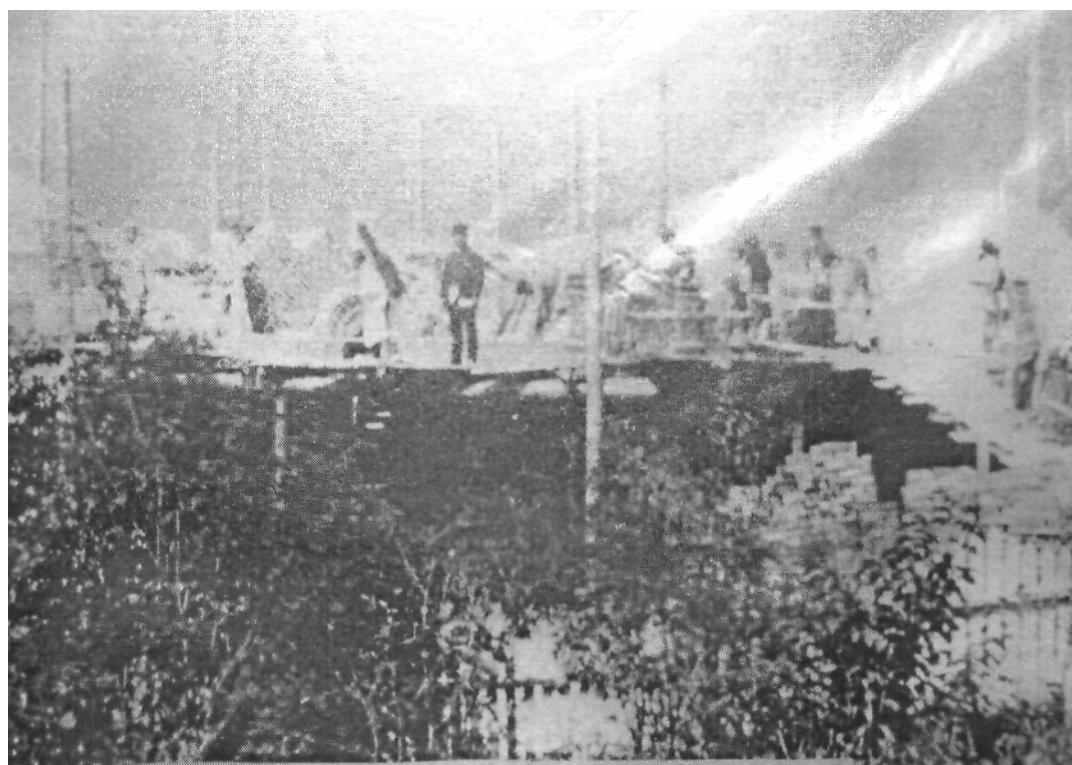

Фото 42. Строительство Кагинской церкви (70-е гг. XVIII в.).
(из фотофонда Н.С. Макаровой, с. Кага)

Фото 43. Бывшее здание господского дома при Никольской церкви в с. Кага
(2005 г.)

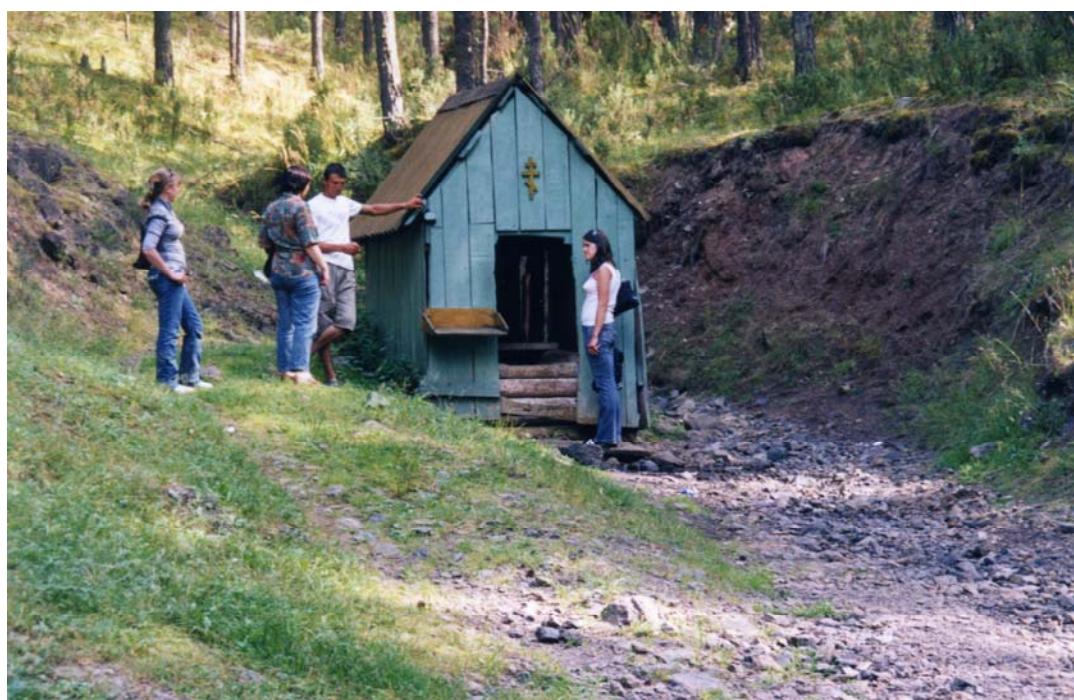

Фото 44. Галкин колодец в с. Узян.
ФЭЭ 2007 г.

Фото 45. Святой источник Сажилка близ с. Кага (2007 г.)

Фото 46. Обещаный день в Каге. Сажилка. (2007 г.)

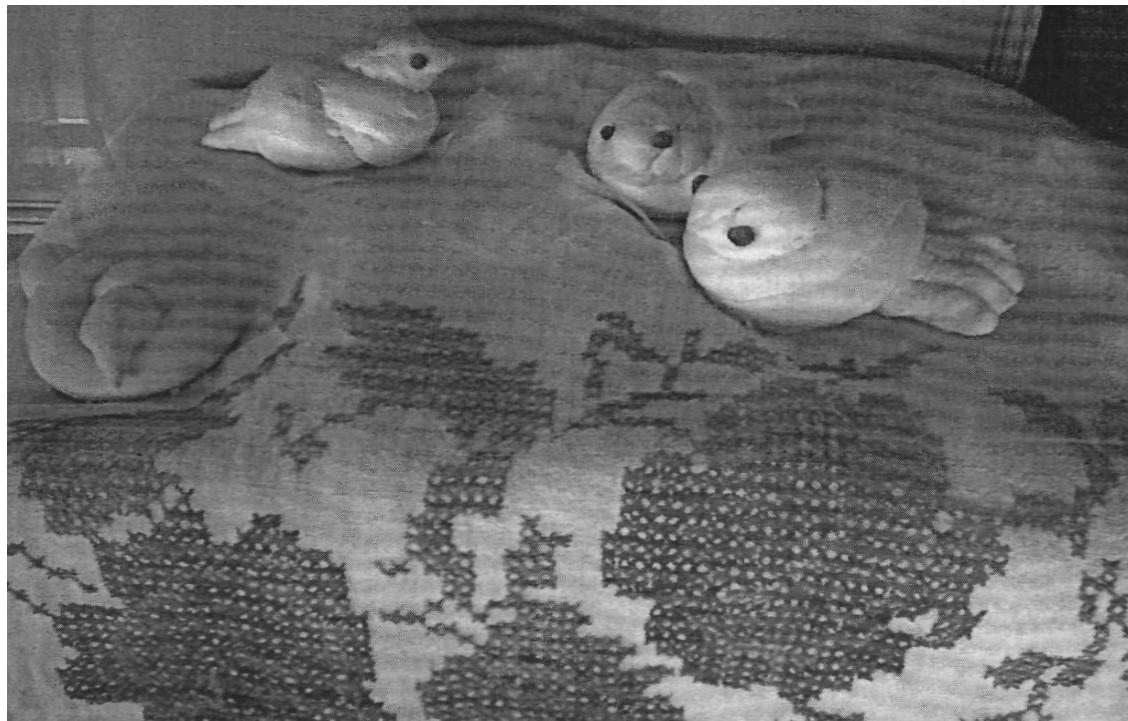

Фото 47, 48. Жаворонки.
Фонд Лаборатории народной культуры МаГУ

Фото 49. Крещение в Сажилке (Кага, 2006 г.)

Фото 50. Сбор святой воды жителями с. Кага
в источнике Сажилка (2008 г.)

Фото 51. Освящение воды крестом в Сажилке на Крещение
(с. Кага, 2008 г.)

Фото 52. Крестный ход в с. Кага. Обещанный день (август, 2008 г.)

Фото 53. Шествие с иконами в Сажилку.
Обещаный день (Кага, 2008 г.)

Фото 54. Прохождение под иконами во время крестного хода.
Обещаный день (Кага, 2008 г.)

Фото 55. Умывание святой водой после крестного хода.
Сажилка, 2008 г.

Фото 56. Крестный ход на Обещанный день в Каге (2008 г.)

Фото 57, 58. Порядок расположения крестов на кладбище
п. В. Авзян (2008 г.)

Фото 59. Захоронение родственников с установлением креста в ноги и в голову (п. В. Авзян, 2008)

Фото 60. Принцип уличной планировки в с. Кага

Фото 61. Башкиры на летней кочевке (начало XIX в.)
(из фонда Н.С. Макаровой)